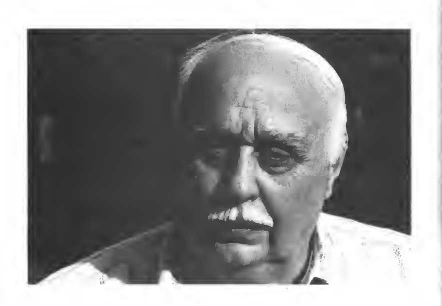

МОЙ ОТЕЦ – ЛАВРЕНТИЙ БЕРИЯ

Серго БЕРИЯ

...Сын должен ясно представлять себе, в чем отец его был прав и в чем ошибался, где он добро принимал за зло, а зло за добро, что помогало ему и что мешало...

Поэтому книга моя не самоцель, не навязчивая идея плыть против течения и во что бы то ни стало представить неправедное праведным, грешное безгрешным. Такое занятие — дело неблагодарное и бесполезное. Но вникнуть в суть вопроса, отделить истину от навета я считаю своим сыновним долгом. Ведь «Дело Берия» — моего отца — совсем не частное дело. В нем загадка и разгадка многих кремлевских тайн.

Знать правду — естественное состояние человека, и я хочу только одного — дать возможность читателю взглянуть на минувшую эпоху с другой точки зрения.

Серго Берия

ОСМЫСЛЕНИЕ ВЕКА:
ДЕТИ ОБ ОТЦАХ

МОЙ ОТЕЦ — ЛАВРЕНТИЙ **БЕРИЯ**

Серго БЕРИЯ

МОСКВА
«СОВРЕМЕННИК»
1994

ББК 84Р7
Б48

Автор выражает глубокую признательность за помощь в работе над этой книгой *Михаилу Сергеевичу Конюке* и *Виталию Евгеньевичу Вежину*

Берия С.

Б48 Мой отец — Лаврентий Берия. — М.: Современник, 1994. — 431 с.: фотоил. — (Осмысление века: дети об отцах).

ISBN 5-270-01848-9

Автор этой книги Серго Лаврентьевич Берия родился в 1924 году. И хотя нет человека, который бы не знал о Л. П. Берия, сына его с 1954 года как бы не существовало, ибо по воле судьбы и властей он получил другое имя, под которым жил и, несмотря ни на что, плодотворно работал все последующее время в области ракетно-космических систем.

«Мой отец — Лаврентий Берия» — книга об отце, но не только: ведь автор ее с малых лет знает и помнит самых известных людей той удивительной и страшной эпохи. Это и Сталин, и все кремлевские вожди, и их дети; это и выдающиеся ученые, конструкторы — Капица, Курчатов, Сахаров, Туполев, Королев и многие другие. А так как Л. П. Берия при многочисленных своих высоких должностях долгие годы возглавлял стратегическую разведслужбу страны, то читатель здесь впервые узнает много доселе неизвестного о тех, чьи имена, по понятным причинам, были тайной за семью печатями, как, например, талантливая актриса Ольга Чехова, водившая дружбу с Евой Браун и Марикой Рокк, входивших в домашнее окружение Гитлера.

Книга снабжена большим количеством фотографий из личного архива автора. Она увлекательнее любого детектива и, может быть, глубже по своему содержанию любого исследования на тему нашей недавней истории.

Б $\frac{4702010204-033}{М106(03)-94}$ Без объявл.

ББК 84Р7

ISBN 5-270-01848-9

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Книгу, открывающую новую серию «Осмысление века: дети об отцах», можно отнести к разряду необычных. Хотя кое-кто, увидев в ее названии имя человека, который вот уже четыре десятилетия числится хрестоматийным злодеем, скопищем всех мыслимых и немыслимых пороков, может усомниться в подобном определении, сказав: «Что из ряда вон выходящего можно найти в очередных воспоминаниях? И так уже все ясно и подробно описано в вузовских и школьных учебниках...»

И все же смеем утверждать, что эта художественно-публицистическая книга, приоткрывающая многие неизвестные страницы отечественной и мировой истории, необычна, и прежде всего тем, что написал ее человек необычной и нелегкой судьбы, о котором в стране и за рубежом до недавнего времени было известно только крайне узкому кругу лиц.

Единственный сын одного из ближайших соратников Сталина Лаврентия Берия — Серго, по воле обстоятельств отсидевший полтора года в одиночных камерах Лефортова и Бутырки, долгие годы носил имя Сергея Алексеевича Гегечкори. Серго Берия — личность действительно необычная: семнадцатилетний, с первых дней войны он радист разведгруппы за пределами СССР, в двадцать восемь — руководитель сверхсекретного КБ, доктор наук, Главный конструктор ракетно-космических систем, принимавший участие в испытаниях первой атомной и разработках водородной бомбы, много сделавший для обороны страны, и сегодня занят своим делом.

Казалось бы, что может он, сын Берия, добавить к тем известным всему миру фактам истории нашего недавнего прошлого?.. Мемуаров на тему «кремлевских тайн» ныне на книжных полках предостаточно. Взять хотя бы воспоминания Светланы Аллилуевой (Сталиной), Сергея Хрущева, Андрея Маленкова. Все они, рассказывая о своих отцах, дают им свои оценки, по-своему трактуют их деяния.

В чем они правы, в чем нет, судить не беремся. Свой вердикт их мемуарам вынесет История, «дама» она, как известно, капризная. Со временем она все расставит по своим

местам, всем воздаст по справедливости. Не наша задача оценивать степень объективности и точность фактов в этих книгах. Безусловно одно, все они могут рассматриваться как попытки докопаться до правды, приблизить нас к истине. Именно в этом ряду видится нам и книга Серго Берия, который показывает своего отца таким, каким он его знал.

Конечно, не все однозначно воспримут оценки и выводы Серго Берия. Это естественно. Но читатель должен согласиться, что каждый человек имеет право высказать свою точку зрения, по-своему осмыслить время и события. Этим правом и воспользовался автор книги «Мой отец — Лаврентий Берия», чтобы рассказать свою правду об отце, о себе и минувшей эпохе. Будет ли она правдой для всех, решит Время.

ГЛАВА 1

НАЧАЛО ПУТИ

Своего деда по отцу Павле я помню смутно. Остались в памяти черная дедова бурка, башлык да еще рассказы о нем самом, человеке чрезвычайно трудолюбивом и деятельном.

В родной Мингрелии жизнь его не сложилась. В Абхазию он вынужден был перебраться из-за преследований жандармов. Насколько я знаю, связано это было с крестьянскими выступлениями. Горное село Мерхеули, хоть и находилось в Абхазии, было мингрельским. Видимо, этим и объяснялся выбор деда.

Достатка большого ни на старом месте, ни здесь, в забытой Богом деревушке, он так и не нажил. А ту малость, что имел, вынужден был оставить в Мингрелии. Здесь все пришлось начинать с нуля.

Бабушка, Марта Джакели, хотя и состояла в каком-то родстве с Дадиани, владельцем Мингрелии, тоже была очень бедной женщиной. Первый муж ее умер, и она, имея сына и дочь, вышла замуж за Павле. Тем и закончилась его холостяцкая жизнь. Знаю по рассказам самой бабушки Марты, что покорил ее крестьянин Павле храбростью и красотой. Сама она прекрасно шила и всю жизнь подрабатывала портняжным ремеслом, внося какой-то достаток в дом. И Павле такой же с юности был — ни минуты свободной. Так и сошлись.

У Павле и Марты было трое детей, но судьба всех троих сложилась трагично. Один мальчик прожил всего два года и, заболев оспой, умер. Осталась глухонемой после перенесенного заболевания Анна. Вся надежда оставалась на Лаврентия. Павле и Марта очень хотели, чтобы их сын получил образование. Моему отцу исполнилось семь лет, когда дед решил отправить его на учебу в Сухумское высшее начальное училище. Существовало в те времена такое учебное заведение с непривычным ныне названием. Такие училища еще называли реальными. В гимназию отца бы не приняли, а в таких учебных заведениях как раз и учился народ победнее. Прав-

да, для осуществления своей заветной мечты дед Павле вынужден был продать полдома — лишних денег в семье ни тогда, ни позднее не было.

Некоторых из учителей отца, а это были люди удивительные, учительствовавшие действительно по призванию, я много лет спустя встречал в Грузии. Много интересного рассказывали они мне о детстве отца, да и сам он всегда с теплотой отзывался о них, прекрасно понимая, чем обязан своим первым педагогам.

В 15 лет, окончив Сухумское училище с отличием, отец решил учиться дальше. Пришлось деду Павле и вторую половину дома продать и перебраться с семьей в хибару из дранки. А отец отправился в Баку, в механико-строительное техническое училище.

Уже став зампредом Грузинской ЧК, отец конечно же помогал родителям, но жили они по-прежнему бедно. Сколько отец ни просил их перебраться в Тбилиси и жить с нами, дедушка Павле был непреклонен: «Нечего мне в вашем городе делать». Он действительно не мыслил своей жизни без тяжелого крестьянского труда, любил простор. Постоянно сокрушался: «Почему Серго на целый год ко мне отпустить не хотите? Я из него человека сделаю!» Мама, естественно, была против.

Когда узнали, что дедушка Павле простудился и слег, мама тут же поехала в Мерхеули, это недалеко от Сухуми. Дед и умер у нее на руках. А вот отец не успел его живым застать...

Мама моя, Нина Теймуразовна, моложе отца на шесть лет — она родилась в 1905 году. Отец ее, Теймураз Гегечкори, выходец из дворянского рода. Мать, моя бабушка Дарико Чиковани, Дарья, княжеского происхождения. И у нее, и у деда это был второй брак. У Теймураза Гегечкори в один день скончались от тифа жена и два сына, у бабушки Дарико после гибели первого мужа остались трое детей. Дед долго не женился после смерти первой жены, с Дарико у него был единственный ребенок — моя мать.

Как и бабушка, дед был очень образованным человеком, участвовал в национальном движении и во время одного из антицарских крестьянских выступлений получил семь пуль. Семидесятилетнему старику перебили обе ноги, через год он умер. Человек, стрелявший в деда, царский жандарм, был из местных, мингрел. В деревне этой он продолжал жить и когда мой отец руководил Грузинской ЧК, Закавказским и Грузинским ГПУ, был

первым секретарем ЦК партии Грузии и умер своей смертью. В какой-то степени, думаю, это характеризует нашу семью. Никто и никогда у нас никому не мстил.

Мама окончила сельскую школу в мингрельской деревне, затем гимназию. Воспитывалась она в семье дяди Саши Гегечкори. Тот был большевиком. На его конспиративную квартиру и приходил мой отец, они и познакомились с мамой благодаря Саше Гегечкори.

Второй ее дядя — Евгений Гегечкори — стал у меньшевиков министром иностранных дел. Такие разные судьбы...

Уже при Советской власти родители уехали в Баку, позднее — в Тбилиси. Мама окончила сельскохозяйственный институт, аспирантуру, защитила кандидатскую диссертацию и после перевода отца в Москву работала в Сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева.

В 1953 году обеих моих бабушек — одной в то время было 84 года, другой — 81 — в одночасье вышвырнули из квартир и отправили в дом престарелых в сотне километров от Тбилиси. Никому из родственников взять старушек к себе власти не разрешили. Когда, оказавшись после тюрьмы в Свердловске, мы с мамой получили относительную свободу, ей все же удалось нелегально съездить в Грузию. К тому времени бабушки Дарико уже не было в живых — она умерла за четыре месяца до приезда мамы.

Бабушка Марта была уже совершенно слепой, но когда мама вошла в комнату, та взяла ее за руку и тут же определила: «Нино...»

Два месяца безуспешно добивались мы разрешения забрать ее в Свердловск, но не успели...

Мне до сих пор трудно понять, какую цель преследовали власти, расправляясь со всеми родственниками Берия. Что дала, скажем, изоляция этих старушек? Неужели власти видели и в них угрозу государству?

Нас с мамой тогда утешало одно: бабушка Марта хотя бы дожила до того дня, когда узнала, что мы живы. До этого она о нас, разумеется, ничего не знала, да и мы о том, как сложились судьбы наших близких, узнали лишь в Свердловске.

И о моем отце, и о нашей семье за последние сорок лет неправды написано много. Прожив 87 лет, мама, любившая отца всю жизнь, умерла с твердым убеждением, что все эти домыслы, откровенные сплетни понадобились партийной верхушке — а это от нее исходила

ложь об отце — лишь для того, чтобы очернить его после трагической гибели.

Кому не знакома, скажем, легенда о похищенной Лаврентием Берия своей красавицы невесты. В одной из «биографических» книг, изданных на Западе, но хорошо известной и у нас, автор утверждает, что в конце 20-х годов мой отец приехал в Абхазию в собственном роскошном поезде с какой-то проверкой хозяйственных дел в республике и повстречал здесь мою будущую мать. Девушка ему понравилась, и он ее похитил. Сегодня эта «байка» кочует из одной публикации в другую, и никто почему-то не задумывается над фактами. А ведь стоит, наверное.

Тогда, в конце 20-х, я уже собирался в первый класс одной из школ моего родного Тбилиси. А познакомились мои родители, как я уже говорил, гораздо раньше. Отец сидел в одной камере Кутаисской тюрьмы вместе с Сашей Гегечкори. Моя мама навещала дядю. Так и познакомились. Достаточно сопоставить некоторые факты, даты, и версия похищения рассыпется, как карточный домик, но этого почему-то не делают. Я уже не говорю о том, что никакого специального поезда молодой чекист Лаврентий Берия и в глаза не видел — не тот уровень.

Я еще вернусь к воспоминаниям о нашей семье, а пока хотел бы немного рассказать об отце. Родился он 17(30) марта 1899 года. Мечтал об архитектуре и сам был хорошим художником. Вспоминаю одну историю, связанную уже с моим детством. Верующим человеком я так и не стал, хотя с глубоким уважением отношусь к религии. А тогда, мальчишкой, я был воинствующим безбожником и однажды разбил икону. Смешно, разумеется, говорить о каких-то убеждениях, скорее всего это стало результатом воспитания, полученного в школе. Словом, бабушка Марта была очень огорчена. Она была верующая и до конца жизни помогала и церкви и прихожанам.

Возвратившись с работы, отец остудил мой атеистический пыл и... нарисовал новую икону. Тот разговор я запомнил надолго. «К чужим убеждениям надо относиться с уважением».

Человеком он был разносторонне одаренным. Рисовал карандашом, акварелью, маслом. Очень любил и понимал музыку. В одном из остросюжетных политических боевиков, изданных на Западе, идет речь о Берия как о

«единственном советском руководителе, позволявшем себе наслаждаться роскошью по западному образцу». Вспоминают «паккард», полученный якобы через советское посольство в Вашингтоне, роскошную подмосковную дачу, принадлежавшую в свое время графу Орлову, мраморную дачу в Сочи, теннисные корты, бильярдные, тир для стрельбы, крытый бассейн, скоростные катера. Утверждают даже, что костюмы для отца шились в Риме и Лондоне, что он обладал одной из лучших в стране коллекций пластинок, пил французский коньяк и читал лишь поэтов-романтиков прошлого...

Что тут можно сказать... Какое-то нагромождение домыслов. Мама часто покупала пластинки Апрелевского завода с записями классической музыки и вместе с отцом с удовольствием их слушала. А вот поэзию, насколько помню, отец не читал. Он любил историческую литературу, постоянно интересовался работами экономистов. Это ему было ближе.

Не курил. Коньяк, водку ненавидел. Когда садились за стол, бутылка вина, правда, стояла. Отец пил только хорошее грузинское вино и только в умеренных, как принято говорить, дозах. Пьяным я его никогда не видел. А эти россказни о беспробудном пьянстве...

Костюмы из Лондона, Рима и еще откуда — это и вовсе смешно. Обратите внимание: на всех снимках отец запечатлен в на редкость мешковатых костюмах. Шил их портной по фамилии Фурман. О других мне слышать не приходилось. По-моему, отец просто не обращал внимания на такие вещи. Характер жизни был совершенно иной, нежели сегодня. Назовите это ханжеством, как хотите, но жить в роскоши у руководителей государства тогда не было принято. В нашей семье, по крайней мере, стремления к роскоши не было никогда.

Дача, во всяком случае, была одна, современной постройки, и к графу Орлову конечно же ни малейшего касательства иметь не могла. Да и не отцу она принадлежала, а государству. Пять небольших комнат, включая столовую, в одной действительно стоял бильярд. Вот и все.

Когда мы переехали из Тбилиси в Москву, отец получил квартиру в правительственном доме, его называли еще Домом политкаторжанина. Жили там наркомы, крупные военные, некоторые члены ЦК. Как-то в нашу квартиру заглянул Сталин: «Нечего в муравейнике жить, переезжайте в Кремль!» Мама не захотела. «Ладно, —

сказал Сталин, — как хотите. Тогда распоряжусь, пусть какой-то особняк подберут».

И дачу мы сменили после его приезда. В районе села Ильинское, что по Рублевскому шоссе, был у нас небольшой домик из трех комнатушек. Сталин приехал, осмотрел и говорит: «Я в ссылке лучше жил». И нас переселили на дачу по соседству с Кагановичем, Орджоникидзе. Кортов и бассейнов ни у кого там не было. Запомнилась лишь дача маршала Конева. Он привез из Германии и развел у себя павлинов.

А «паккард» действительно был, как у всех членов Политбюро. Закупили их тогда, кажется, десятка полтора. Один из них выделили отцу, но в отличие от Сталина, Молотова, Ворошилова и других отец на нем не ездил. Это была бронированная машина. Отец же пользовался обычной.

Говорю это не к тому, что руководители государства не имели каких-то льгот. Мать, как и другие жены членов Политбюро, в магазин могла не ходить. Существовала специальная служба. Например, комендант получал заказ, брал деньги и привозил все, что было необходимо той или иной семье. А излишества просто не позволялись, даже появись у кого-то из сталинского окружения такое желание. Лишь один пример: вторых брюк у меня не было. Первую шубу в своей жизни мама получила в подарок от меня, когда я получил Государственную премию. И дело не в том, разумеется, что отец с матерью были бедные люди. Конечно же нет. Просто в те годы, повторяю, не принято было жить в роскоши. Сталин ведь сам был аскет. Никаких излишеств! Естественно, это сказывалось и на его окружении.

Он никогда не предупреждал о своих приходах. Сам любил простую пищу и смотрел, как живут другие. Пышных застолий ни у нас, ни на дачах Сталина, о которых столько написано, я никогда не видел. Ни коньяка, ни водки. Но всегда хорошее грузинское вино. Это потом уже руководители страны почувствовали вкус к роскоши. А тогда... Вспоминаю довольно типичную историю с наркомом путей сообщения Ковалевым. Однажды он подарил жене в день рождения бриллиантики. Сейчас школьницы такие носят. Тут же донесли Сталину. Бедолагу без всяких объяснений выгнали из партии и с работы. Отец потом помогал ему устроиться... Правильно это или нет, судить не берусь. Может, и не к чему был такой аскетизм, но — было.

Не раз встречал в прессе такие «факты»: якобы при обыске в нашем доме были найдены сотни тысяч рублей, драгоценности, сорок стволов оружия... Все эти абсурдные вещи не стоят комментариев. Скажем, в Тбилиси жил портной Саша, уж и фамилии его не помню. Както он приехал в Москву, и мама заказала у него платье. На следствии ей припомнили и этот случай: «Использование наемного труда!»

Обвинили даже в том, что мама привезла из Нечерноземья ведро краснозема, использовав государственный транспорт — самолет. Мама тогда действительно занималась исследованием почв, работая в сельхозакадемии.

Глупость на глупости. Утверждали, что она разъезжала на лошадях с золотыми колокольчиками. На самом деле мама действительно любила лошадей и ходила в манеж. Золотые колокольчики, естественно, очередная выдумка.

Пройдет время, и все эти «обвинения» будут растиражированы и пойдут гулять по свету, обрастая новыми легендами. Как, скажем, эта: якобы у отца была своя элитная преторианская гвардия из 200 грузин. Если верить тем же западным источникам, «охрана любила Берия, как своего племенного вождя». И это сказки, но подтекст совершенно ясен: два грузина оккупировали Россию и бесчинствовали в ней. Охрана, естественно, тоже из грузин, сотрудники НКВД — тоже грузины... Правда лишь в том, что личная охрана действительно любила отца. И он к ним очень хорошо относился. Было этих ребят человек 10—12, не больше. Да и работали они не в одну смену. Больше трех я никогда не видел. Обычно за его машиной шла еще одна машина сопровождения. Вот и вся охрана. Да еще у ворот дачи дежурный находился, но военным он не был. И еще одна любопытная деталь: в личной охране отца был один грузин и один армянин — Саркисов. Остальные — русские и украинцы.

Как ни странно, но и саму биографию отца умудрились переписать до неузнаваемости. Если верить некоторым публикациям, то он стал одним из руководителей государства едва ли не в начале 30-х. Разумеется, это не так. Он довольно рано пришел в революционное движение, еще в училище организовал нелегальный марксистский кружок.

В июне 1917 года в качестве техника-практиканта армейской гидротехнической школы его направляют на

Румынский фронт. А дальше — революция. Работал в подполье, был арестован, снова подполье, и снова арест...

После революции жизнь его сложилась совершенно иначе, чем он планировал. Не став архитектором, как мечтал, отец увлекся нефтеразведкой. Его даже собирались отправить на учебу в Бельгию, о чем он не раз впоследствии вспоминал. Но и здесь не сложилось. С 1921 года отец работает заместителем начальника секретно-оперативной части АзЧК, затем становится начальником секретно-оперативной части, позднее — заместителем председателя Грузинской ЧК. До этого — непродолжительная работа в ЦК КП(б) Азербайджана, учеба в Бакинском политехническом институте.

Сохранились документы, связанные с работой отца в Азербайджане, датированные 1923 годом.

Из характеристики Л. П. Берия:

«...обладает выдающимися способностями, проявленными в разных аппаратах государственного механизма... Он с присущей ему энергией, настойчивостью выполнял все задания, возложенные партией, дав блестящие результаты своей разносторонней работой... Следует отметить, как лучшего, ценного, неутомимого работника, столь необходимого в настоящий момент в советском строительстве».

Характеристика подписана секретарем ЦК Ахундовым. Столь же высоко ценят молодого энергичного чекиста, направленного в ЧК партией большевиков, его непосредственные руководители. Отец явно с благословения Дзержинского становится кавалером ордена Боевого Красного Знамени, награждается именным оружием — пистолетом «Браунинг», часами с монограммой. В 32 года он уже председатель Закавказского, Грузинского ГПУ, полномочный представитель ОГПУ в Закавказье. Впереди — высокий пост первого секретаря ЦК партии Грузии, руководителя партийной организации Закавказья, перевод в Москву... Блестящая карьера? Безусловно. Но где ее истоки? В благосклонном отношении Сталина, как об этом нередко пишут? Отнюдь, в те годы они просто-напросто не были знакомы. Тогда где?

Как правило, путь был один. Вспомните карьеру Маленкова хотя бы. Как и многие другие, он сделал ее в Орготделе ЦК. Не исключение и Хрущев. В поле зрения Сталина и партийной верхушки он оказался, когда громил троцкистскую оппозицию. Доносы, интриги — все это было абсолютно типично для того времени. Биография отца — имею в виду подлинную его биографию,

основанную на реальных фактах, а не домыслах — резко отличалась от большинства других. Его довольно быстрое, даже по тем временам, продвижение по служебной лестнице связано в первую очередь с его позицией, занятой в 1924 году по отношению к меньшевистскому восстанию в Грузии. Именно тогда на него обратили внимание в Политбюро.

А произошло вот что. В 1924 году отец, заместитель начальника Грузинской ЧК, узнает, причем заблаговременно, о том, что готовится меньшевистское восстание. Учитывая масштаб будущих выступлений, отец предлагает любыми политическими мерами предотвратить кровопролитие. Орджоникидзе, в свою очередь, передает его информацию в Москву. Ситуация тревожная: разведке достоверно известно, что разработан полный план восстания, готовятся отряды, создаются арсеналы. Выступления вспыхнут по всей республике, и пусть они в действительности не будут носить характера всенародного восстания, но выглядеть это будет именно так.

Отец понимал, что эта авантюра изначально обречена на провал, на большие человеческие жертвы. Необходимы были энергичные меры, которые позволили бы предотвратить кровопролитие. И тогда он предложил пойти на такой шаг — допустить утечку полученной информации. Его предложение сводилось к тому, чтобы сами меньшевистские руководители узнали из достоверных источников: Грузинская ЧК располагает полной информацией о готовящемся восстании, а следовательно, надеяться на успех бессмысленно. Орджоникидзе, видимо получив согласие Москвы не возражал: в той непростой обстановке это было единственно верным решением. Но меньшевики этой информации не поверили и расценили ее всего лишь как провокацию. Видимо, пересилила вера в заверения Франции и Англии. Вы, мол, начните, а мы поддержим...

В дальнейшем события развивались так. В Грузию был направлен один из лидеров меньшевистского движения, руководитель национальной гвардии Джугели. О его переброске отец узнал заблаговременно от своих разведчиков и, разумеется, принял меры: Валико Джугели был взят под наблюдение с момента перехода границы. Но всего лишь под наблюдение — арестовывать одного из влиятельных лидеров меньшевиков не спешили. Само пребывание Джугели в Грузии решено было использовать для дела. По своим каналам отец предупредил Джугели, что для Грузинской ЧК его переход границы не секрет

и ему предоставлена возможность самому убедиться, что восстание обречено на провал.

К сожалению, и эта информация была расценена как провокация чекистов. Джугели решил, что ГрузЧК просто боится массовых выступлений в республике и неспособна их предотвратить, поэтому пытается любыми средствами убедить меньшевистское руководство в обратном.

Джугели все же был арестован, но из-за досадной случайности — его опознал на улице кто-то из старых знакомых, и его официально задержали. Уже в тюрьме Джугели ознакомили с материалами, которыми располагала разведка ГрузЧК, и он написал письмо, в котором убеждал соратников отказаться от выступления. Ни за границей, ни в самой Грузии к нему не прислушались. Восстание меньшевики все же организовали, но, как и следовало ожидать, армия его подавила, а народ понес бессмысленные жертвы, которых вполне можно было избежать. Если бы Орджоникидзе вмешался, кровопролития еще можно было не допустить, потому что в первые же часы все руководители восстания были арестованы, склады с оружием захвачены. По сути, армия громила неуправляемых и безоружных людей...

Но как бы там ни было, отца, сделавшего все, чтобы избежать кровопролития, запомнили. К слову, и в дальнейшем он всегда выступал лишь за политические решения любых вопросов, отвергая подход с позиции силы. У читателя еще будет возможность не раз в этом убедиться.

Он по своей натуре был аналитиком и никогда не спешил с выводами, основываясь лишь на собственном эмоциональном восприятии тех или иных событий. Для политика это вещь, считал он, абсолютно недопустимая. Вне всяких сомнений, наложила свой отпечаток на его характер многолетняя работа в разведке. Любой его вывод основывался на глубоко проработанном конкретном материале. Сужу даже по тому, как он формировал меня как личность, как приучал к систематическому труду, работе над материалами, сопоставлению фактов, прогнозированию.

Сказалась, очевидно, и его давняя тяга к технике. Даже если не имеешь непосредственного отношения к каким-то расчетам, само занятие ею требует аналитического склада ума. Я не раз наблюдал, как ответственнейшие решения, связанные, например, с новым оружием, он принимал за каких-то 15 минут. Но это чисто

внешнее восприятие. Я-то прекрасно знал, что за этим стоит. Такому решению предшествовала колоссальная работа. И речь не только о многочасовых совещаниях, консультациях со специалистами, но и о самостоятельной работе над материалами. Так было, помню, когда решалась судьба ядерного проекта, проектов баллистических ракет, систем ПВО и других.

А еще это был очень целеустремленный, настойчивый человек. Если он брался за какую-то работу, то всегда доводил начатое до конца. Не чурался черновой работы, изнуряющих поездок.

Сколько я его помню, никогда не изменял выработанным еще в юности привычкам. Вставал не позднее шести утра. После зарядки минимум три часа работал с материалами. Возвратившись с работы, ужинал и вновь шел в свой кабинет. А это еще два-три часа работы. Исключением становились лишь дни, когда затягивались какие-то важные заседания.

Еще, разумеется, необыкновенное трудолюбие. Вот, пожалуй, слагаемые тех практических результатов, которых он достигал. В отличие от других членов Политбюро, занимавшихся, что скрывать, чистой демагогией да извечными «кадровыми» вопросами, ему ведь всегда поручалось конкретное дело. Допускаю, что и в партийной работе надо было иметь дело с людьми, заниматься какими-то организаторскими вопросами, но, по моему глубокому убеждению, претила она отцу именно тем, что не давала, да и не могла дать конкретного результата, а следовательно, и морального удовлетворения от сделанного. Когда отца в начале тридцатых направили из разведки на партийную работу, своего недовольства он не скрывал. Но и там, как человек деятельный, он нашел себе дело. Строго говоря, в общепринятом смысле партийной работой он и не занимался, отдав ее на откуп аппарату. Сам же в течение тех нескольких лет, используя права главы республики, поднимал народное хозяйство Грузии. Позднее он и сам не раз подчеркивал, что не дело партии подменять хозяйственные органы, но тогда, в тридцатые, видимо, иначе просто было нельзя. Тот же первый секретарь ЦК партии республики, если он, конечно, не был по натуре аппаратчиком, мог немало сделать и в промышленности, и в сельском хозяйстве, и в строительстве. Должность первого секретаря ЦК позволяла отцу активно вмешиваться в хозяйственные проблемы и решать их на самом высоком уровне, чего, ска-

жем, при всем желании не могли сделать сами хозяйственные руководители.

К сожалению, в дальнейшем партийные органы превратились всего лишь в контролирующие органы, далекие от решения практических задач.

Наверное, это странно звучит, но мой отец был очень мягким человеком. Странно, потому что за последние сорок лет столько написано о допросах, которые он якобы проводил в подвалах Лубянки, о его нетерпимости к чужому мнению, о грубости. Все это, заявляю откровенно, беспардонная ложь. Это по его настоянию — в архивах есть его записка в Политбюро и ЦК по этому поводу — был наложен запрет на любое насилие над обвиняемыми. Это он сделал все, чтобы остановить колесо репрессий, очистить органы государственной безопасности от скомпрометировавших себя активным участием в массовых репрессиях работников. Впрочем, это тема отдельного разговора, от которого я ни в коей мере не собираюсь уходить. Пока скажу лишь одно: не был мой отец тем страшным человеком, каким пытались его представить в глазах народа тогдашние вожди. Не был и не мог быть, потому что всегда отвергал любое насилие. Даже когда говорят, что отец, став наркомом внутренних дел, разогнал «органы», повинные в злодеяниях 30-х годов, это не так. Ушли, вынуждены были уйти и понести ответственность лишь те следователи, сотрудники лагерной охраны, кто нарушал закон. Этого отец не прощал ни тогда, ни позднее. А тысячи и тысячи честных работников продолжали бороться с уголовной преступностью, как и прежде, работали в разведке и контрразведке. Насколько известно, приход нового наркома внутренних дел связан и с самой реорганизацией карательных органов, и с массовым освобождением из тюрем и лагерей сотен тысяч ни в чем не повинных людей.

Сегодня мало кто знает, что наркомом внутренних дел отец был назначен в конце ноября 1938 года. Люди старшего поколения хорошо помнят, когда прекратились в СССР массовые репрессии. Достаточно сопоставить факты. После 1942 года — и это известно — он уже не имел никакого отношения к органам государственной безопасности. Тогда, в войну, отца сменил на этой должности Всеволод Меркулов, а после войны органами безопасности руководили Абакумов, Игнатьев. И все же, когда речь заходит о всех послевоенных преступлениях Системы, об этом предпочитают не вспоминать. То и дело встречаешь в раз-

личных источниках: министр внутренних дел Л. П. Берия. А все дело в том, что в марте 1953 года мой отец действительно возглавил МВД СССР. Правда, проработать ему там довелось всего лишь три месяца. Полагаю, читателям этой книги небезынтересно будет узнать и об этой странице жизни моего отца. Пока скажу лишь, что никакого желания идти на эту должность у отца не было. К сожалению, в своих нашумевших мемуарах Никита Сергеевич Хрущев не написал, как в течение нескольких дней просидел у нас на даче, уговаривая отца после смерти Сталина: «Ты должен согласиться и принять МВД. Надо наводить там порядок!» Отец отказывался, мотивируя это тем, что чрезмерно загружен оборонными вопросами. Но Политбюро все же сумело настоять на своем. Аргументы оппонентов отца были не менее вескими: он в свое время немало сделал для восстановления законности в правоохранительных органах, а сейчас ситуация такая же и требует вмешательства компетентного человека. Отец был вынужден согласиться.

Думаю, это все делалось с дальним прицелом — списать в будущем все грехи на нового главу карательного ведомства. Надо ведь было как-то объяснять народу и довоенные репрессии, и последующие преступления Системы. А отец, как признавался впоследствии сам Хрущев, действительно оказался удобной фигурой. Как ни странно, элементарного смещения дат оказалось достаточно для того, чтобы полностью извратить факты. Ну, кто, скажите, помнит сегодня, особенно из людей молодых, кто и когда возглавлял НКВД?

Многие историки, например, недвусмысленно намекают на причастность моего отца к смерти Серго Орджоникидзе, убийству Сергея Мироновича Кирова. Говорит об этом и Светлана Аллилуева: «И лето 1934 года прошло так же — Киров был с нами в Сочи. А в декабре последовал выстрел Николаева. ...Не лучше ли и не логичнее ли связать этот выстрел с именем Берия, а не с именем моего отца, как это теперь делают? В причастность отца к этой гибели я не поверю никогда... Был еще один старый друг нашего дома, которого мы потеряли в 1936 году, — я думаю, не без интриг и подлостей Берия. Я говорю о Георгии Константиновиче (Серго) Орджоникидзе». Уверен, что подобных обвинений читатель встречал немало. Но кто знает, как дороги были всю жизнь и моему отцу, и всей нашей семье эти два человека. Серго Орджоникидзе — мой крестный отец... Меня

ведь и назвали в честь Серго. Когда родители приезжали из Тбилиси в Москву, непременно останавливались в его доме, да и Серго часто бывал у нас, когда приезжал по делам или на отдых в Грузию. Такие были отношения.

А Сергей Миронович Киров дважды вытаскивал отца из меньшевистской тюрьмы. Когда убили Кирова, отец работал в Грузии, но позднее рассказывал, что никакого заговора, как писали газеты, не было. Убийца — одиночка. Уже возглавив НКВД, отец, разумеется, возвратился к этой трагической истории и попытался восстановить детали случившегося, но каких-либо документов, позволяющих трактовать смерть Сергея Мироновича иначе, не нашел. Не было их, естественно, и у тех, кто впоследствии обвинил в организации этого убийства Сталина. Тем не менее и эта версия оказалась живучей. Впрочем, удивляться не стоит. Написала же Светлана Аллилуева, что во время гражданской войны на Кавказе «Берия был арестован красными и Киров приказал расстрелять предателя»... А как отнестись к утверждениям, что Берия был агентом муссаватистской разведки? Это обвинение в адрес отца прозвучало даже на Пленуме ЦК, где отца после его трагической гибели исключили из партии. А ведь то, что отец по заданию партии большевиков работал в контрразведке в Баку, никогда не скрывалось. Именно там начинал он свой путь в разведке. Лучше других знал об этом Анастас Микоян, работавший там же по тому же заданию.

На Пленуме ЦК просто перекрутили общеизвестные факты. Сам Микоян мне впоследствии говорил, что выступал в защиту отца и рассказал все, что знает. К сожалению, и это оказалось неправдой.

У правящей верхушки не было никогда и не могло быть каких-либо доказательств вины отца, а скомпрометировать его в глазах народа было крайне необходимо — разрушалась легенда... Прочитав эту книгу, читатель, надеюсь, сам придет к каким-то выводам. Мой же рассказ об отце — лишь штрихи к портрету человека, который честно делал свое дело, был настоящим гражданином, хорошим сыном и хорошим отцом, любящим мужем и верным другом. Я, как и люди, знавшие его многие годы, никогда не мог смириться с утверждениями официальной пропаганды о моем отце, хотя и понимал, что ждать другого от Системы, в основе которой ложь, — по меньшей мере наивно...

Когда я говорю об отце, всплывают в памяти давно

забытые картины детства. Скажем, я с детства интересовался техникой, и отец это всячески поощрял. Ему очень хотелось, чтобы я поступил в технический вуз и стал инженером. Довольно характерный пример. Понятное дело, ему ничего не стоило даже тогда разрешить мне кататься на машине. Как бы не так... Хочешь кататься — иди в гараж, там есть старенькие машины. Соберешь — тогда гоняй. Старенький «фордик» я, конечно, с помощью опытных механиков собрал, но дело не в этом. Отец с детства приучал меня к работе, за что я ему благодарен и по сей день.

Принесет стопку иностранных журналов и просит сделать перевод каких-то статей или обзор тех или иных материалов. Теперь-то я понимаю: если бы дело было серьезным, неужели не поручил бы такую работу профессиональным переводчикам? Просто заставлял таким «хитрым» образом трудиться. И отец, и мать моему воспитанию уделяли много внимания, хотя свободного времени у обоих было, понятно, маловато. Заставляли серьезно заниматься языками, музыкой, собственным примером приобщали к спорту.

Еще в школе я выучил немецкий, английский, позднее — французский, датский, голландский. Немного читаю по-японски. Стоит ли говорить, как это пригодилось мне в жизни...

Вспоминаю наши лыжные походы в Подмосковье, прогулки по лесу. Отец очень любил активный отдых и умел отдыхать. Помню, недели две вдвоем с ним занимались мы оборудованием спортивной площадки. И каток небольшой нашли, с тем чтобы уплотнить землю, и сетку волейбольную купили. Оба были очень довольны.

Когда уезжали в отпуск на юг — а мы всегда проводили отпуска вместе, позднее они отдыхали с мамой всегда вдвоем, он любил ходить в горы. Хорошо плавал, ходил на байдарке или на веслах. Здесь уже постоянной спутницей была мама.

Вместе с мамой посещал манеж — к верховой езде был приучен с детства и, чувствовалось, в молодости был неплохим наездником.

Ну а о том, как отец любил футбол, ходят легенды. Утверждают даже, что в молодости Берия был чуть ли не профессиональным футболистом. Это преувеличение, конечно, хотя, как и волейбол, футбол он очень любил и, наверное, играл неплохо.

Когда создавалось спортивное общество «Динамо», его

основной задачей было приобщение сотрудников к физической культуре, спорту. Тон здесь должны были задавать руководители. Так что любовь отца к спорту стала носить и показательный характер. Молодым чекистам было неудобно отставать от начальства...

Как и все мы, отец был неприхотлив в еде. Быт высшего эшелона, разумеется, отличался от того, который был присущ миллионам людей. Была охрана, существовали определенные льготы, правда, абсолютно не те, которыми партийная номенклатура облагодетельствовала себя впоследствии... Приходила девушка, помогавшая в уборке квартиры, на кухне. Был повар, очень молодой симпатичный человек, и, если не ошибаюсь, он даже имел соответствующую подготовку — окончил нечто наподобие знаменитого хазановского кулинарного техникума. Но, как выяснилось, опыта работы он не имел, что, впрочем, ничуть не смутило домашних. Мама сама готовила хорошо, так что наш повар быстро перенял все секреты кулинарного мастерства и готовил вполне сносно.

Предпочтение, естественно, отдавалось грузинской кухне: фасоль, ореховые соусы. Если ждали гостей, тут уж подключались все. Особых пиршеств не было никогда, но всегда это было приятно. Собирались ученые, художники, писатели, военные, навещали близкие из Грузии, друзья. Словом, все, как у всех.

На правах члена семьи многие годы, а точнее до самой смерти отца, жила в нашем доме замечательная женщина Элла Эммануиловна Альмедингер. Учительница, немка по национальности. Мы и оказавшись в ссылке не теряли с ней связь.

Когда началась война, всех немцев начали переселять, а наша немка никуда не собирается. Кто-то доложил Сталину, что, мол, в доме Берия проживает немка и тому подобное. Как-то приезжает Сталин (а у нас заведено было обедать всем вместе), и прелюбопытнейшая вышла картина. Сидят за одним столом Иосиф Виссарионович и Элла Эммануиловна. Сталин и спрашивает:

— Так это вы и есть тот самый представитель Гитлера? Странно, никогда не думал, что вы немка.

А Элла Эммануиловна онемела: чем-то обернется для нее этот визит. Обошлось. Сталин рассмеялся, тут же начал вспоминать Австрию, тем дело и закончилось. А к самому факту депортации отец относился крайне негативно, но, как это часто бывало, последнее слово, разумеется, оставалось не за ним.

Я еще расскажу подробно об участии отца, как члена Государственного Комитета Обороны, в организации отпора врагу на Кавказе. Вспомнил об этой странице жизни отца я вот почему. В обороне Кавказа участвовали и местные жители. На горных перевалах насмерть стояли и ингуши, и осетины, и чеченцы. Я это видел своими глазами. Отец тоже с глубоким уважением относился к этим людям, встречался со старейшинами, деятелями духовенства.

К сожалению, решение Политбюро было принято и этих людей выселили. Подлость, безусловно. Но приказ был отдан, и внутренние войска заставили эту подлость сделать.

А началось с того, что группа людей — не народ! — подарила Гитлеру коня и бурку. Да мало ли кто встречал оккупантов хлебом-солью и на Украине, и в Белоруссии, и в России. И кто только не сотрудничал с немцами! Предателей хватало, к сожалению, везде. А Сталину преподнесли это как измену народа. Тот разбираться не стал:

— Сослать всех!

И с крымскими татарами, к сожалению, так получилось. Вспоминаю анекдотический случай. Мой друг, летчик-испытатель Амет-Хан Султан, как дважды Герой Советского Союза, имел на родине собственный бюст. Любопытная штука получилась. Крымские татары из Крыма выселены, а бюст поставлен крымскому татарину. Неудобно, говорит, что единственный татарин в Крыму в таком виде... Давай моего бронзового двойника уберем. Тебе-то, скорей всего, за такое хулиганство ничего не будет. А мы в то время на полигоне под Керчью работали. Всю ночь промучились, но бюст убрали...

Вышло так, что я вынужден был оставить отцовский дом в 16 лет. Война перечеркнула точно так же мои планы, связанные с учебой в университете, как и большинства моих сверстников. Я ушел в разведшколу. Затем фронт, годы учебы в Ленинградской военной электротехнической академии. А когда возвратился в Москву, даже женившись, жил с родителями. Настоял на этом отец. Вся его жизнь проходила на наших глазах. Допускаю, что можно скрыть какой-то отдельный случай, но образ жизни, как ни крути, не скроешь. И не только от близких. Такие люди всегда в центре внимания, хотят они того или нет.

Вот уже несколько десятилетий имя Берия ассоциируется

ется у миллионов людей и с массовыми репрессиями 30—50-х годов, и с сотнями женщин, якобы ставших жертвами любвеобильного члена Политбюро. На первый взгляд, все выглядит довольно правдоподобно. Не секрет ведь, что известные человеческие слабости были присущи большинству советских вождей — от Владимира Ильича до Леонида Ильича. Но почему все-таки ЦК, официальная пропаганда явно культивировали всенародный интерес именно к «постельным утехам» отца, создавая отталкивающий образ этакого сексуального монстра? Люди старшего поколения прекрасно помнят, что при жизни никакие «страшные слухи» о нем по Москве не ходили. Правда, сегодня все чаще утверждают обратное, словно забыв о том, что живы те, кто без труда может это опровергнуть. Что ж, одна ложь неизбежно порождает другую: большая — маленькую, маленькая — большую.

Из стенограммы июльского (1953 года) Пленума ЦК КПСС:

«Нами обнаружены многочисленные письма от женщин интимно-пошлого содержания. Нами также обнаружено большое количество предметов мужчины-развратника (речь идет о результатах обыска в его служебном кабинете в здании Совета Министров СССР в Кремле). Эти вещи ратуют сами за себя, и, как говорится, комментарии излишни... Зачитаю показания некоего Саркисова, на протяжении 18 лет работавшего в охране Берия. Последнее время он был начальником его охраны. Вот что показал этот самый Саркисов: «Мне известны многочисленные связи Берия со всевозможными случайными женщинами. Мне известно, что через некую гражданку С. (разрешите мне фамилии не упоминать) Берия был знаком с подругой С., фамилию которой я не помню. Работала она в Доме моделей... Кроме того, мне известно, что Берия сожительствовал со студенткой Института иностранных языков Майей. Впоследствии она забеременела от Берия и сделала аборт. Сожительствовал Берия также с 18–20-летней девушкой Лялей... Находясь в Тбилиси, Берия познакомился и сожительствовал с гражданкой М. После сожительства с Берия у М. родился ребенок... Мне также известно, что Берия сожительствовал с некой Софьей. По предложению Берия через начальника санчасти МВД Волошина ей был сделан аборт. Повторяю, что подобных связей у Берия было очень много.

По указанию Берия вел список женщин, с которыми он сожительствовал. (Смех в зале.) Впоследствии, по его предложению, я этот список уничтожил. Однако один список я сохранил. В этом списке указаны фамилии... более 25 таких женщин. Список, о котором говорит Саркисов, обнаружен... Год или полтора назад я совер-

шенио точно узнал, что в результате связей с проститутками он заболел сифилисом. Лечил его врач поликлиники МВД Ю. Б., фамилию его я не помню. Саркисов».

Вот, товарищи, истинное лицо этого, так сказать, претендента в вожди советского народа. И эта грязная моська осмелилась соперничать с великаном, с нашей партией, с нашим ЦК... Партия, ЦК справлялись с шавками и покрупнее...»

Стоп! Не излишне ли откровенен секретарь ЦК КПСС Н. Шаталин, обличая моральное падение члена Президиума ЦК? Обратите внимание: «Вот, товарищи, истинное лицо этого, так сказать, претендента в вожди советского народа». «Претендента» уже нет в живых, почему бы не показать его уголовником, а не политическим противником? И звучит довольно правдоподобно: ну, кто, скажите, не без греха? Если и преувеличили, не так страшно...

«Купился» на «амурные» байки даже известный писатель, посвятивший этой теме рассказ, юные героини которого трагически погибают после ночи, проведенной в спальне члена Президиума ЦК, в газовой камере, умерщвленные газом «циклон». Камера, естественно, расположена в подвальном помещении дома Лаврентия Павловича Берия.

Чушь, разумеется. Разве можно говорить об этом серьезно? Какая камера, какой «циклон»... Понимаю, конечно, зачем плели такие вздорные вещи на Пленуме ЦК. Не было фактов, которые подтверждали бы участие отца в так называемом заговоре, его причастность к зарубежным спецслужбам или, как тогда говорили, империалистическим разведкам. Вот и решили показать народу разложившегося типа — пьяницу, развратника, садиста, якобы вознамерившегося стать диктатором и ввергнуть страну в пучину кровавого террора. А сейчас-то зачем все это сочинять? Не понимаю...

Пожалуй, больше других преуспела в описании любовных приключений некая Нина Алексеева, бывшая артистка одного из ансамблей песни и пляски Москвы. Ей уже давно за 70, но неуемной энергии автора можно позавидовать. Вот уже несколько лет старушка охотно выступает перед самой разной аудиторией, охотно дает интервью и даже собирается издать книгу воспоминаний о Лаврентии Павловиче Берия, с которым якобы была близка. Можно только догадываться, на чем именно собирается акцентировать внимание читающей публики но-

воявленная писательница. Во всяком случае никаких сомнений на сей счет после опубликованных на разных языках ее воспоминаний в периодике не появляется. На мой взгляд, Нина Васильевна просто решила заработать на хлеб в столь трудное время. Ну, посудите сами, можно ли без известного скепсиса относиться, скажем, к таким «фактам»:

«И вы знаете, я, конечно, с ним сблизилась, с Лаврентием Павловичем. Никаких, конечно, насилий с его стороны не было. Вначале мы сели за стол. Чего только там не было! ...Если уж говорить откровенно, он был сильный мужчина. Очень сильный, без всяких патологий. Такому мужчине, наверное, было мало одной женщины, надо было очень много женщин... Когда он в первый раз овладел мной, и с такой, вы знаете, страстью, я чувствовала, что, конечно, ему нравлюсь. У моего дома стали часто появляться правительственные машины, этот Саркисов заходил к нам в квартиру... Я видела его отношение ко мне, очень милое. Но у меня к нему не было страсти. Он мне как-то даже сказал: «Ты холодная, ну почему ты такая красивая и такая холодная...» А потом, обстановка его дома на улице Качалова мне не нравилась. Знаете, дом очень красивый с виду, но изнутри, знаете, такое невзрачное впечатление, я не могу сказать, что здесь жил Берия. Двуспальная кровать орехового дерева огромная. Помню, когда Саркисов привез меня вторично или в третий раз, я ждала Лаврентия Павловича очень долго. Вышла ко мне женщина в белом халате, очень милая, любезная, и говорит: «Вы не волнуйтесь, он должен приехать». По левую сторону коридора, отлично помню, была библиотека. Посмотрела там книги — один сплошной Сталин. Думаю, неужели он не интересуется классикой?»

Воздержусь от комментариев. Чего стоит хотя бы описание домашней библиотеки в нашем доме. В таком случае, простите, куда же подевалась приличная библиотека самого Лаврентия Павловича, книги кандидата сельскохозяйственных наук Нины Теймуразовны Берия, доктора физико-математических наук Серго Берия? В подвальном помещении, заполненном мифическим «циклоном»? Разве можно поверить, что хозяин дома, изощряясь в любовных похождениях, устраивал годами ночные оргии в собственной спальне на виду у жены, сына, невестки и остальных домочадцев.

Я бы никогда не коснулся столь пикантной темы, если бы не многочисленные публикации, где по-прежнему главным действующим лицом вновь и вновь оказывается ветеран сцены госпожа Алексеева. Последняя публикация ее «дневниковых» записей, опубликованная одной из ве-

дущих российских газет, просто умиляет. Если раньше Нина Васильевна не могла (?) поведать массовому читателю некоторые детали, то теперь, надо полагать, вполне откровенна. По ее утверждению, отец возил любовницу в Кунцево, на дачу Сталина. Кстати, знакомство с вождем особого впечатления на Алексееву не произвело. Что ж, бывает. Обнадеживает другое. Судя по всему, очередной цикл «любовь вождей» вполне может быть продолжен. Кто знает, какие тайны кроются за стенами Кунцевской дачи. Вероятно, Нина Васильевна в будущем не применет рассказать и об этом...

Любопытна реакция одного из читателей, возмущенных публикацией на страницах популярной газеты интервью с Алексеевой под хлестким заголовком «Раба любви Лаврентия Берия». Что же вызвало неприятие читателя? Сам факт появления в печати очередной сказки о «монстре»? Да ничего подобного! «Зачем показывать молодежи, что зверь Берия был не так уж страшен?» На фоне поднадоевших порядком россказней о высматривающем у своего дома красивых женщин зампреде и вездесущем полковнике Саркисове эта публикация, надо полагать, выглядит бледнее...

Я читал письмо возмущенного читателя и думал: до чего же живучи вбитые в нас когда-то стереотипы. Неужели сами мы не ведаем, что творим. Давно уже нет в живых людей, использовавших эту ложь для оболванивания масс, нет уже и ЦК с его официальными рупорами и глашатаями неправды, а автомобиль легендарного полковника все колесит улицами первопрестольной, распугивая очаровательных москвичек. Ей-богу же смешно! Но и грустно — тоже. Ну, какой еще народ позволил бы в течение сорока лет держать себя за простака, чья наивность поистине беспредельна...

Я еще раз повторяю, вся жизнь отца проходила на глазах семьи. Срывы, наверное, были, у каждого человека есть какие-то слабости, но такие похождения — вздор. Если уж на то пошло, могу рассказать о девушке, которая действительно была любовницей отца, но никогда об этом никому не рассказывала.

Я был уже взрослым человеком, но отношения с отцом оставались у нас на редкость доверительные. Как-то зовет к себе. «Надо, — сказал, — с тобой поговорить. Я хочу, чтобы ты знал: у меня есть дочь. Маленький человечек, который мне не безразличен. Хочу, чтобы ты об этом знал. В жизни, — сказал, — всякое может слу-

читься, и ты всегда помни, что у тебя теперь есть сестра. Давай только не будем говорить об этом маме...»

Мама умерла, так и не узнав о той женщине. Просьбу отца я выполнил.

А женщину ту я видел. Было ей тогда лет 20, может, немного больше. Довольно скромная молодая женщина. Жизнь у нее, правда, не сложилась. Вышла замуж, родился второй ребенок. Муж погиб. Снова вышла замуж... Отец ее был служащим, мать — учительница. А сейчас у моей сводной сестры самой, естественно, дети.

Одно время она была замужем за сыном члена Политбюро Виктора Гришина. Когда Гришин узнал, что его сын собирается жениться на дочери Берия, решил посоветоваться с Брежневым. Насколько знаю, Леонид Ильич отреагировал так:

— Хорошо, а какое это имеет отношение к твоему сыну? И что ты делаешь вид, будто не знаешь, что все это дутое дело...

К слову, мне не раз приходилось встречаться с Брежневым на заседаниях Совета обороны, других совещаниях, где обсуждались вопросы, связанные с моей работой по созданию новых видов вооружения, но никогда о том, что случилось с моим отцом, мы не говорили... Леонид Ильич эту тему просто не затрагивал, делая вид, что Гегечкори это Гегечкори, а об остальном — он не имеет ни малейшего представления.

Сам он к делу отца причастен не был. Да что Брежнев — даже не все члены Президиума ЦК КПСС знали о том, что готовится его убийство. Постфактум уже они вынуждены были избрать для себя оптимальный вариант, исходя из своего многолетнего партийного опыта — примкнуть к более сильным. Правда, дальнейший ход событий показал, что ни о каком единстве в верхах политической власти и после смерти моего отца речь не шла. Вспомните антихрущевское выступление Молотова, Кагановича и других и последовавшую над ними расправу Хрущева, затем вынуждены были уйти Маленков, Булганин, т. е. люди, расправившиеся в свое время вместе с Хрущевым с моим отцом. Позднее уберут и самого Хрущева. Борьба за власть не прекращалась в Кремле никогда, как никогда не прекращалась компрометация новыми вождями вчерашних соратников. По этим законам Старая площадь жила до последнего дня существования КПСС...

Все последующие руководители прекрасно знали цену хрущевским «разоблачениям». Знали, но разрушать легенду не хотели, так как неизбежно пришлось бы рассказать народу куда более серьезные вещи.

Скажу совершенно откровенно: монахом отец не был. Это был нормальный человек, которого не обошли в жизни ни большая любовь, ни вполне понятные, думаю, едва ли не каждому мужчине увлечения. Нечто подобное произошло с отцом в Грузии, когда он увлекся одной красивой женщиной. Здесь дело кончилось семейным скандалом. Мама собиралась уйти, но отец, естественно, попросил прощения, и все обошлось. Можете представить реакцию моей матери, если бы все, что пишут сегодня об отце, было хотя бы частицей правды. Женщина-грузинка! Она могла со Сталиным спорить, что ей стоило хлопнуть дверью и уйти от такого мужа...

А к тем показаниям, которые выбивали у Саркисова и других, отношение у меня совершенно однозначное. И ему, и другим обещали «скостить» срок, если будут говорить то, чего от них ждали. Обманули, конечно. Они нужны были на определенном этапе. Подписал — тюрьма. И что, к примеру, мог сказать в той ситуации начальник охраны? Что охранял агента империалистических разведок и врага народа и партии? Велели говорить, что возил в дом Берия женщин сомнительного поведения, он и повторил. Все это вполне понятно. В те времена, наверное, просто не могло быть иначе.

Возможно, кто-то дал такие показания и из женщин, признавших себя на следствии любовницами отца. Что такое конспиративные квартиры, знает любой оперативник, работающий в органах государственной безопасности, милиции, разведке. Как правило, содержательницами таких квартир были женщины, немало женщин было, что тоже вполне понятно, и среди агентуры, работающей, в частности, с иностранцами. Как руководитель объединенного Министерства внутренних дел, куда вошли незадолго до смерти отца и политическая разведка, и контрразведка, отец наверняка бывал в таких квартирах, где встречался с агентами. Так что при желании, наверное, в тот злополучный список можно занести еще великое множество фамилий, включая иностранные...

Не меньшее распространение получила еще одна легенда об отце — с его именем связывают даже покушение на Сталина, которое якобы произошло в Абхазии. А речь вот о чем. Бытует версия, что в сентябре 1933 года

мой отец якобы инсценировал покушение на Сталина, когда тот отдыхал на одной из южных дач. Цель понятна — заслужить благосклонное отношение вождя. Небылиц на сей счет написано много, а вот что происходило в действительности.

Существовали так называемые особые периоды. Это когда Сталин где-то отдыхал. Так было и в тридцать третьем. Все знали, что Сталин уехал в Москву. И начальник ГПУ Абхазии Микеладзе, очень хороший, кстати, человек, решил отдохнуть. Выехал с друзьями, как говорится, «на природу», слегка расслабиться. Развлекались на берегу. Выпили, закусили, и тут Микеладзе увидел пограничный катер. Здесь, на его беду, и пришла в голову мысль прокатиться всей компанией, а в ней были и женщины.

Кроме того, что Микеладзе руководил органами государственной безопасности Абхазии, ему, как начальнику оперативного сектора, подчинялись и пограничники. Но как остановить пограничный катер? Начал стрелять в воздух, пытаясь привлечь внимание экипажа. Подчеркиваю, в воздух — не по катеру. Кто мог знать, что на борту пограничного корабля находился в это время Сталин...

Факт стрельбы зафиксировали и начали разбираться. Нашлись горячие головы, которые тут же расценили это как террористический акт: мол, Микеладзе покушался на жизнь главы государства. Так пьяная выходка переросла в покушение.

Отцу все же удалось отстоять тогда Микеладзе, тот отделался снятием с работы и переводом на низовую должность в Грузию. Он бывал у нас позднее дома вместе с женой и сокрушался, как несправедливо с ним обошлись. Отец говорил ему:

— Слушай, ну что еще можно было сделать? Ты же сам понимаешь, что происходит. Вот меня даже упрекают, что я укрываю террориста. Считай, что еще легко отделался.

Мама тоже переживала за эту семью. Жена Микеладзе, очень хорошая женщина, была химиком по профессии.

Словом, Микеладзе уехал в Грузию, и об этом досадном недоразумении начали потихоньку забывать, но не все, разумеется.

Когда умер председатель Совнаркома Абхазии Лакоба, его смерть связали с Микеладзе. А там вот какой слу-

чай произошел. Еще при жизни Лакобы на его даче из его же револьвера застрелилась дочь председателя Госбанка Розенгольца. Увязали и с этим фактом. Выстроили версию — специально из Москвы следователь приехал! — будто бы эта девушка подслушала разговоры заговорщиков и ее таким образом «убрали». ГПУ Абхазии к расследованию не допустили. Состоялся суд, и несколько человек были осуждены к расстрелу, в том числе и «террорист» Микеладзе. Правда, я слышал, что московские следователи обещали ему освобождение и выдачу других документов. Якобы его расстрел был фиктивным, а решение по Микеладзе принималось чуть ли не на самом «верху». Исходили из того, что сломить Микеладзе не удалось — он был действительно очень сильным человеком, — и решили взять уговорами. Но утверждать, что бывшему руководителю ГПУ Абхазии удалось в действительности избежать тогда расстрела, я, естественно, не могу.

Смерть Нестора Лакобы тоже нередко приписывают отцу, что тоже не имеет, разумеется, под собой абсолютно никаких оснований. Могу рассказать один случай, о котором историки или не знают, или предпочитают не вспоминать.

Уже после убийства Сергея Мироновича Кирова мы с семьей Лакобы отдыхали на Рице. Дороги к озеру еще не было, и отец с Лакобой поехали посмотреть, где ее проложить. Нас было человек 15: моя мама, жена Лакобы, его сын, года на два старше меня, наши отцы и еще несколько человек.

Разбили палатки и решили заночевать на берегу. Мы, мальчишки, набегавшись за день, уснули, конечно, раньше. Я находился в палатке, когда меня разбудили. Почему-то Лакоба предложил моим родителям, чтобы мы перешли в его палатку. Естественно, это вызвало известное недоумение. Помню, мама не соглашалась. Но Лакоба, ничего не объясняя, настоял на своем. Мы перешли. Я опять уснул, а мои родители и жена Лакобы остались сидеть у костра. Было уже совсем темно, когда палатку, где должна была ночевать наша семья, прошили пулеметные очереди.

Я не нахожу других объяснений случившемуся, кроме того, что Нестор Лакоба знал о готовящемся покушении на отца и предотвратил его. Будь они врагами, Лакобе надо было просто промолчать...

Никакой вражды между ними никогда не существова-

ло, напротив, отношения между Лакобой и моим отцом всегда были дружескими и доверительными.

У Лакобы была совершенно определенная политическая доктрина, которую он не скрывал даже перед Сталиным. Свою сепаратистскую позицию он, скажем, объяснял моему отцу так: даже строительство железной дороги, против которой Лакоба категорически возражал, это не что иное, как проникновение России. А этого Лакоба не хотел.

Отстаивал свою позицию в таких откровенных разговорах и отец. Он, например, считал, что Союз должен быть единым, и в существование автономий не верил. Другое дело, что республики, входящие в тот же Союз, должны обладать неизмеримо большими правами, нежели это тогда было.

— Так или иначе, республики должны примкнуть к какому-то лагерю, — говорил отец. — С точки зрения исторических корней, для Грузии — это союз с Россией, потому что вся тысячелетняя история Грузии — это борьба нашего народа за выживание. Георгиевский трактат был принят задолго, мягко говоря, до советизации Грузии, и эту политику надо продолжать. Нас ведь связывает и единая вера, и единая культура. Надо лишь решительно отказаться от методов, присущих царскому режиму, и не подавлять язык, не заменять национальные кадры чиновниками российского происхождения.

И вообще, был убежден отец, надо учитывать местные условия. Он, например, считал, что Грузия, Украина, другие республики могут иметь национальную гвардию, что отнюдь не подрывает единство Союза. Но экономика и армия должны, безусловно, быть едиными.

По каким-то позициям взгляды отца и Лакобы совпадали, по другим они спорили, но на их дружбе, отношениях между ними это не сказывалось. Отцу, знаю, импонировало, что Лакоба искренне хотел процветания Абхазии. Это был человек дела, пусть и увлекающийся, но последовательный и деятельный. После соответствующих «проработок» на партийных пленумах, уже в конце жизни, а Лакоба, к слову, был очень больным человеком и даже лечился в Германии, он изменил свои взгляды и все больше склонялся к тому, что Союз все-таки должен быть единым и другого пути у республик быть не может.

Можно с позиций сегодняшнего дня принимать или не принимать эти взгляды, но речь в данном случае не

об этом. Когда я читаю, что Берия погубил Лакобу, ничего, кроме вполне понятного возмущения, эта ложь у меня не вызывает.

То покушение на отца, которое предотвратил Лакоба, кстати, отнюдь не единственное. То, что НКВД не считался в тридцатые годы с партийными организациями республик, известно. Центральный аппарат Наркомата внутренних дел опирался на указания ЦК ВКП(б). И это факт давно доказанный, здесь я ничего нового не открываю. Люди из Орготдела ЦК выезжали в республики для координации и руководства массовыми репрессиями. В Белоруссию, например, выезжал с такой целью Маленков, на Украину — Каганович. Разумеется, аресты, расстрелы ни в чем не повинных людей совершались чужими руками, но организаторами этих злодеяний были они, представители ЦК ВКП(б).

Грузия не стала исключением. Каток репрессий прошел и по этой республике. Еще при жизни Серго Орджоникидзе отец направил через него ряд писем Сталину, в которых не скрывал своей позиции: НКВД ведет планомерное уничтожение грузинской интеллигенции, грузинского народа. Орджоникидзе полностью поддерживал отца, так как всегда был противником репрессий.

После смерти Орджоникидзе избиение кадров приняло еще более массовый характер. Несмотря на протесты моего отца, как руководителя республики, органы внутренних дел продолжали аресты людей. Не по собственной инициативе, конечно, а выполняя прямые указания Центра. Так ведь было и в других республиках...

Среди людей, арестованных по настоянию центральных органов, оказалось немало выдающихся ученых, писателей. Мой отец дважды обращался к Сталину, спасая, например, среди других, светоча мировой науки Джавахишвили. Дважды спасал Гамсахурдиа. К сожалению, ответом было лишь усиление массовых репрессий. Погиб Михаил Джавахишвили, погибли многие другие деятели грузинской культуры, науки.

Видимо, поведение отца стало раздражать партийную верхушку, и Ежов, руководивший в то время органами госбезопасности, через своих ставленников в Грузии решил организовать на него покушение. Об этом случае я знаю не с чьих-то слов, потому что волей обстоятельств оказался в тот злополучный день в машине отца.

...Из Москвы возвращались по Военно-грузинской дороге. Вместе с отцом, мамой в этой машине находились

жена одного партийного работника и второй секретарь ЦК, белорус по национальности, Хацкевич. Уже стало темнеть, когда нашу машину попытались остановить, а затем обстреляли спереди и сзади. Огонь явно велся на поражение.

Хацкевич сидел рядом со мной, и я своими глазами видел, как его ранили.

Умирал он на руках у моей матери. Все мы слышали его последние слова: «Ты, Нина, не забудь о моем ребенке...»

Уже через год из Белоруссии поступили какие-то материалы, в которых Хацкевич, уже мертвый, был объявлен врагом народа. В таких случаях репрессировали и семьи, но маме удалось каким-то образом спасти ребенка Хацкевича и устроить его в семью близких нам людей.

Одна существенная деталь: Хацкевич носил пенсне, как и мой отец. Вероятно, это и сбило с толку тех, кто стрелял в отца.

Так что я знаю лишь о двух покушениях на моего отца, сколько же их было всего, сказать не могу. Этих неприятных воспоминаний в семье старались не касаться...

Для партийного аппарата — имею в виду аппарат ЦК ВКП(б) — отец, хотя и был секретарем ЦК республики, оставался периферийным работником, но с собственной позицией. Отношение к таким людям было всегда настороженным. Попытки привлечь отца на свою сторону предпринимали и Ягода, Ежов. Неправда, что это были дегенераты, начисто лишенные мозгов, как это подчас преподносят. Весь ужас и состоит в том, что люди, повинные в злодеяниях против собственного народа, были изворотливыми, а нередко и умными людьми, что отнюдь не мешало им идти на преступления.

Скажем, сделавший карьеру в Орготделе ЦК Николай Ежов, впрочем, как и Ягода и другие, отлично понимал, какую опасность даже в личном плане представляет для них Берия. Первое: колоссальный опыт работы в разведке. Умен, на хорошем счету. Его знает Сталин. Грузин. Прогнозировать его перевод в Москву вполне можно было без труда.

Ни одного секретаря ЦК республики не обхаживали они так, как отца и нашу семью. Встречали в Москве, везли к себе на дачу... А отец к этому внешнему проявлению дружелюбия всегда относился — я это видел — настороженно. Меня это удивляло немного, так как я

хорошо знал своего отца. Человеком он был открытым и подобные встречи с друзьями очень любил.

Помню, зимой это было, Ежов пригласил нас к себе на дачу. Внешне это выглядело, как приглашение друга. Они ведь с моим отцом на «ты» были... Но отец сказал, что нам эта поездка ни к чему.

Повторяю, и Ежов и другие были неглупыми людьми. Они видели и понимали, что отец — один из тех, кто может оказаться в центральном аппарате, а конкурентов всегда стремились убирать заблаговременно. Это тоже, если хотите, железный закон Системы.

Отец никогда на эти темы не говорил, но, думаю, «просчитал» он и Ягоду и Ежова гораздо раньше. Хотя о самих организаторах покушений очень долго ничего не было известно, но то, что нити вели к НКВД, было ясно. Непосредственным руководителем покушения на Военно-грузинской дороге был, безусловно, нарком внутренних дел Грузии. Вполне понятно, кто поручил ему эту акцию.

К слову, после покушений на отца Сталин прислал в Тбилиси бронированный американский автомобиль. Тогда же такие машины получили и другие первые секретари ЦК союзных республик.

Думая обо всем этом, я все больше склоняюсь к мысли, что нити первых заговоров против отца — еще тех, довоенных — вели однозначно в НКВД СССР. Там словно чувствовали, какими кардинальными переменами обернется для всесильного карательного ведомства его перевод в Москву...

Почему партия, вернее ее высшее руководство, расправилось с моим отцом? Потому, что он затронул святая святых советской номенклатуры — основу Системы. Говорю так не для того, чтобы перед кем-то оправдать своего отца. Свои ошибки он знал и вину свою знал — она тоже была, — потому что нет особой разницы, разделяешь ты взгляды тех, с кем находишься в руководстве страной, или нет, голосуешь за что-то из личных убеждений или в силу каких-то обстоятельств. Да, мой отец не подписывал расстрельные списки, как это делал Ворошилов, не проводил массовые репрессии, как Каганович или Маленков, Хрущев или Жданов, но коль он был одним из членов политического руководства, ответственность, безусловно, лежит и на нем, на каждом из них. Он ведь и хотел, настаивая на созыве внеочередного съезда, справедливой оценки деятельности и своей, и своих коллег

То, что мы имели и до войны и позднее, не было режимом личной диктатуры Сталина. Очень удобно сегодняшним защитникам «большевизма» представлять Сталина полусумасшедшим диктатором, а его окружение, членов Политбюро, бессловесными жертвами · обстоятельств. Да и сама большевистская партия подается как такая же жертва террора всесильного НКВД и деспотизма ее Генерального секретаря. Неправда. Вина — на каждом, и на самом Сталине, и на остальных. Это они ответственны за все просчеты, за все ошибки, искривления, допущенные Системой. И за преступления, совершенные с октября 1917 года, — тоже. А уж чья вина больше или меньше, чьи заслуги весомей — судить Истории.

В советском руководстве всегда были люди, в той или иной степени боровшиеся за очищение большевистской партии, коммунистической Системы. Я глубоко убежден, что это был сизифов труд — очищать было нечего. Система была такой изначально. Каменев, Зиновьев, в какой-то период Бухарин... Уходили одни, приходили другие, но основа большевизма, его стержень — диктатура пролетариата не менялась. Со временем она, правда, выродилась в диктатуру партийного аппарата, но принципиальных изменений не последовало. Диктатура всегда остается диктатурой.

После смерти Сталина отец все еще надеялся, что даже в условиях существующей Системы что-то можно изменить. Понимали, что необходима смена курса, и те, кто работал вместе с ним — Хрущев, Маленков и остальные. Но пойти на кардинальные перемены они не могли, потому что, убрав партийное начало в руководстве страной, как того требовал отец, они сами бы оказались в оппозиции к всесильному во все времена партийному аппарату. А это был бы конец партийной верхушки. Достаточно вспомнить, как зашаталось кресло под последним Генеральным секретарем, когда он начал метаться между старыми и новыми друзьями... А как «уходили» Хрущева? Всесилен не Генсек — всесилен аппарат, чьим ставленником Генсек являлся.

Отец не исключал, что на смену тому, еще сталинскому, руководству может прийти новое. По его мнению, в республиках было немало толковых руководителей, способных взять и, что не менее важно, выдержать новый курс. Помню, зашел у него разговор на эту тему с Маленковым и Хрущевым:

— Допустим, что нам все же придется уйти и нам на смену придут молодые. Неужели хуже будут работать, а?

— Да нет, конечно, и мы молодыми были... — соглашались Хрущев и Маленков.

Хорошо помню еще такие слова Маленкова:

— А я всю жизнь мечтал инженером быть...

Тут уж отец не выдержал:

— Брось, Георгий! Знаем мы, о чем ты мечтал. Ты еще учился, а уже в партийные органы рвался. Нам-то хоть сказки не рассказывай.

Такие откровенные разговоры были.

Главный просчет отца был в том, что он верил им всем. Знал ведь, с кем имеет дело, но — верил. Хотя, полагаю, догадывался, конечно, что Президиум ЦК может против него выступить. Но, видимо, рассуждал так: соберется Чрезвычайный съезд, расставит все по своим местам и каждому воздаст то, что заслужил. Сама ситуация после смерти Сталина способствовала прямому честному разговору. Люди вернулись с войны, подняли разрушенную страну и ждут ответа на вопросы, которые волнуют их уже много лет: как и почему все это случилось? Что происходит сегодня? Кто виноват?

Выступи отец на съезде, думаю, его бы поддержали. Есть одно обстоятельство, которое уже много лет мешает объективному восприятию его деятельности на посту одного из высших должностных лиц государства — он возглавлял карательное ведомство. Как правило, этого вполне достаточно... И не столь важно, когда именно и каким был он наркомом. Сама аббревиатура НКВД срабатывает здесь как клеймо.

Я не призываю читателя в этой книге изменить отношение к карательным органам, но, надеюсь, о тайных пружинах, которые толкали эти структуры на самые страшные преступления, читатель, наконец, узнает.

Но история ЧК — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ — МВД — КГБ лишь часть правды о прошлом. В немалой степени эта книга и о самой партии, ее высшем эшелоне, по вине которого оборвалась жизнь моего отца. Но эта книга и о тех людях, которые честно делали то, что считали правильным, — укрепляли экономику и безопасность государства, международные связи, создавали новое оружие, строили новые заводы... Одним из них был и мой отец Лаврентий Берия.

Он прожил недолгую, но, убежден, яркую жизнь. С

кем только не сводила его судьба! К нему всегда тянулись думающие, инициативные, энергичные люди. Среди близких друзей моего отца — первый заместитель министра среднего машиностроения СССР Борис Львович Ванников, академик Курчатов, министр металлургической промышленности Тевосян. Довольно близким к отцу человеком был авиаконструктор Андрей Николаевич Туполев. А еще — академик Минц, партийный работник Кудрявцев, маршал Жуков...

Желанными гостями в доме Берия всегда были художник Тоидзе, философ Нуцибидзе, писатель Константин Гамсахурдия, известные организаторы спортивного движения в Грузии Арчил Бакрадзе и Эгнатошвили, многие другие интересные люди того времени.

Жизнь заставила его стать чекистом, но трогательную любовь к архитектуре, которую изучал в юности, отец сохранил на многие годы. Он по-доброму завидовал своим старым знакомым, друзьям, ставшим известными зодчими. Знаю, что отец и в Грузии, и в Москве встречался с Желтовским, Северовым, Абросимовым, другими видными архитекторами, с удовольствием рассматривал их проекты.

Особое уважение питал отец к военным. Кроме Жукова, могу назвать и фамилии близких ему маршала Василевского, генерала Штеменко.

Очень многие люди в то время сделали карьеру с помощью отца. Среди наиболее известных — Устинов, назначенный по рекомендации моего отца на должность наркома вооружения в очень молодом возрасте, те же Ванников, Тевосян, министр химической промышленности Первухин, зампред Совета Министров Малышев, Председатель Госплана Сабуров. Скажем, Сабуров, экономист по образованию и чрезвычайно способный человек, не пришелся ко двору партийной элите, потому что никогда не работал в партийных органах, а это в глазах номенклатуры было серьезным недостатком. Она ведь не терпела настоящих специалистов ни в одной области. И хотя очень многие были против выдвижения Сабурова, отец на своем настоял. Драться за людей дела отец умел всегда, и не имело значения, какую должность занимает его оппонент

Так было и с назначением на должность наркома Дмитрия Федоровича Устинова. Отец доказывал, что это замечательный организатор и талантливый инженер, а партийные чиновники в ответ:

— Как же так, Лаврентий Павлович? Вы предлагаете на должность наркома вооружения(!) человека, который ни дня не работал секретарем заводского парткома. Он ведь совершенно не знает партийной работы!

— Он знает дело, и этого, считаю, вполне достаточно, — парировал отец.

В таких случаях нередко вмешивался Сталин, и вопросы с назначением тех или иных людей, чьи кандидатуры предлагал отец, так или иначе решались. К сожалению, порочную практику выдвижения не по деловым качествам партийный аппарат культивировал всегда. Кто из нас не сталкивался с подобным на производстве...

Отношения с партийными органами у отца всегда были непростыми. Я для себя решил этот вопрос несколько десятилетий назад, когда еще не считалось доблестью сжигать партийные билеты: категорически отказывался после заключения возвращаться в ряды партии. Отцу было сложнее — его высокие должности предполагали непременное членство в Политбюро...

Но отношения своего к партийному аппарату отец никогда не скрывал. Например, и Хрущеву, и Маленкову он прямо говорил, что партийный аппарат разлагает людей. Все это годилось на первых порах, когда только создавалось Советское государство. А кому, спрашивал их отец, нужны контролеры сегодня?

Такие же откровенные разговоры вел он и с руководителями промышленности, директорами заводов. Те, естественно, бездельников из ЦК на дух не переносили.

Столь же откровенен был отец и со Сталиным. Иосиф Виссарионович соглашался, что партийный аппарат устранился от ответственности за конкретное дело и, кроме говорильни, ничем не занимается. Знаю, что за год до своей смерти, когда Сталин предложил новый состав Президиума ЦК, он произнес речь, суть которой сводилась к тому, что надо искать новые формы руководства страной, что старые не оптимальны. Серьезный разговор шел тогда и о деятельности партии. Полагаю, любопытно сегодня было бы обнародовать эти материалы. Но не тут-то было: официально заявлено, что той стенограммы в партийных архивах нет. Очередная ложь, разумеется...

Вообще с архивами очень любопытная вещь получается. Я знаю людей, которые пытались, причем весьма настойчиво, получить доступ к материалам того времени,

связанным с деятельностью моего отца, высшего руководства страны. Речь, замечу, шла о попытках объективно разобраться в событиях сорокалетней давности. Ни один человек такие материалы не получил. Кто наложил запрет? Политбюро ЦК КПСС.

Знаю и о столь же настойчивых попытках получить доступ к архивам со стороны зарубежных компартий. Тут уже требовалось разрешение Генерального секретаря ЦК КПСС. Но и в этих редких случаях доступа к документам посланцы «братских партий» не получали. Аппарат ЦК, не знакомя с исходными документами, предоставлял лишь справки, подготовленные ЦК по тому или иному вопросу. Так было с материалами, связанными с нашими отношениями с ГДР, Польшей, Венгрией, Чехословакией...

КПСС, ЦК, Политбюро давно нет, но и в посткоммунистической России документы сталинского периода и материалы, датированные пятидесятыми годами, предаются огласке лишь избирательно. Политическая игра, насколько понимаю, еще не окончена. Вся группа так называемых дел, связанных с деятельностью моего отца и его судьбой, засекречена, как и прежде. И это лишь один пример...

Тайны Кремля, пусть простит меня читатель за тавтологию, все десятилетия существования Советского государства оставались для народа тайной за семью печатями. Естественно, «низы» не могли знать, какие страсти бушуют в «верхах». Тем более не могла дойти до «низов» информация о секретном ведомстве Лаврентия Берия.

Отец не «мелькал», как другие, с речами в газетах, не появлялся, за редким исключением, на митингах, партийных активах и прочих массовых мероприятиях. И не в одной «секретности» дело. Вся эта мишура его раздражала. Вся его жизнь была заполнена конкретным и очень ответственным делом. Так было и до войны, и в войну, и после войны. У него просто не было времени на массовые мероприятия, которые обожала партийная верхушка. Опыт советских партийных и государственных деятелей последних десятилетий убеждает, что надо или заниматься делом, или вести многочасовые пустопорожние разговоры «с народом». Третьего, как говорили древние, не дано. А отец ценил каждый час. Самодисциплина у него была — знаю это с детства — высочайшая. Человек дела — это о нем.

К славе отец был равнодушен, как, очевидно, любой другой человек, занимающий столь высокое служебное положение. Хотя, как известно, исключений в советском руководстве всегда хватало...

На XVII съезде он был избран в состав ЦК ВКП(б), позднее стал членом Политбюро. Имел звание Генерального комиссара государственной безопасности. В сорок пятом, как член Государственного Комитета Обороны, получил звание Героя Социалистического Труда. Тогда же наградили Маленкова и других высших руководителей. Когда звания в органах внутренних дел и госбезопасности приравняли к армейским, отец стал Маршалом Советского Союза. За организацию обороны Кавказа в войну получил орден Суворова, до этого, за работу в разведке, орден Красного Знамени. Помню, отец смеялся: «Зачем мне шесть орденов Ленина? Неужели одного было бы мало?» У отца, кстати, были интересные предложения по изменению советской наградной системы, что тоже, как ни странно, умудрились поставить ему в вину. Речь о введении орденов союзных республик.

Из стенограммы июльского (1953 года) Пленума ЦК КПСС:

«БАГИРОВ. Речь идет о создании новых республиканских орденов. Звонит мне Берия и говорит: ты знаешь, я готовлю вопрос об орденах. Говорю ему, как это ты готовишь. Он поправился и говорит: мы хотим установить новые ордена. Я думаю, вопрос об орденах не простой вопрос. Это не организационный вопрос. Он входит в функции Центрального Комитета партии и правительства, это вопрос политики, как же он может готовить этот вопрос...

МАЛЕНКОВ. Какие ордена?

БАГИРОВ. Ордена культуры, союзные и республиканские ордена культуры.

БУЛГАНИН. Для какой категории людей?

БАГИРОВ. Для работников искусства, работников театров.

МАЛЕНКОВ. Например, какие ордена.

...Ордена могут быть чьего-то имени.

ЮСУПОВ. Мне звонил, по его поручению, его помощник Ордынцев, что Берия вносит предложение о том, чтобы установить две группы орденов; первая группа – ордена союзные, вторая группа – республиканские; затем установить ордена великих людей национальных республик. Так, например, у него Низами, у узбеков Алишер Навои и т. д. Я тогда говорю, что надо подумать по этому вопросу. (Смех.) До сих пор по-другому нас воспитывали...»

Сколько стрел выпущено на том пленуме в адрес моего отца, якобы покушавшегося на «ленинскую национальную политику, великую дружбу народов СССР». А отец просто добивался предоставления широких прав союзным республикам, всячески поддерживал национальные кадры. История с орденами — довольно показательный пример. Отец считал, например, что все республики должны иметь свои государственные награды. Высшим орденом Украины, например, предполагалось сделать орден Шевченко, Грузии — орден Шота Руставели. Партийная верхушка не рискнула пойти даже на это.

Не было со стороны моего отца «искажения национальной политики», в чем его неоднократно упрекали на том Пленуме ЦК. Отец, сторонник единого сильного государства, тем не менее был убежден, что политика, которую проводил в отношении республик Центр, как раз и вредит дружбе народов. А ЦК всегда стремился держать республики «в узде», с чем отец примириться не мог.

Он не раз приводил примеры из прошлого, используя архивные материалы, связанные с имперской политикой царской России. И он доказывал, что в структуре современного государства эти же методы, пусть в видоизмененном состоянии, насаждать ни в коем случае нельзя.

Как-то, знаю, они с Жуковым обсуждали, на каком этапе можно создавать национальные армейские соединения и части. Спорили долго и пришли к выводу, что как только начнется формирование первой такой дивизии, то этой республики в составе СССР больше нет. Может, это и звучит сегодня не очень хорошо, но Жуков и отец решили, что национальные формирования должны быть лишь декоративные, для парадов. Как, скажем, республиканские министерства иностранных дел. Помню, Жуков убеждал отца:

— Ты, Лаврентий, пойми, как только такие части появятся, например, на Украине или, скажем, в Грузии, конец и армии и Союзу..

Отец смеялся:

— Ну и правильно, если мы душим друг друга... А если серьезно, мы должны подвести всю структуру государства к тому, чтобы остаться едиными для внешних систем, но не давить на республики.

Жуков соглашался, хотя в душе, возможно, и оставались у него сомнения. Но национальные части так и не позволили создать. Отец шутил:

— А чем Гречко не командующий украинской армией? Почему Рокоссовский может министром обороны Польши быть, а Гречко нет? И белоруса найдем...

Но шутки шутками, а мысли о настоящем, а не навязанном штыками Союзе не оставляли его до дня гибели. Сохранилось множество документов по Украине, Белоруссии, Грузии, прибалтийским республикам, в которых отец излагает свои предложения. Их-то и припомнили ему на Пленуме ЦК. Центр и тогда боялся самостоятельности республик.

И еще одно обвинение в адрес моего отца изложено в постановлении того самого пленума «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия»: «Как установлено фактами, Берия еще при жизни Сталина, и в особенности после его кончины, под разными предлогами всячески тормозил решение важнейших неотложных вопросов по укреплению и развитию сельского хозяйства. Теперь несомненно, что этот подлый враг народа ставил своей целью подрыв колхозов и создание трудностей в продовольственном снабжении населения». Смешно! Отец, насколько известно, никакого отношения к сельскому хозяйству последние лет 15 перед этим пленумом не имел, а ответить на эту ругань было уже некому, вот и обвинили отца и в развале сельского хозяйства, и промышленности, и в прочих грехах. Но частица правды вот в чем. Отношение отца к колхозам было известно, на этом партийная верхушка и сыграла: мол, враг колхозного строя. А он действительно говорил, что колхоз — идеальная система для эксплуатации человека. Не зря ведь немцы организовали их работу в период оккупации... Идеальная для эксплуатации, но не оптимальная, добавлял отец. Он видел два пути подъема сельского хозяйства — фермерский путь и путь крупных агрохозяйств. Отец предложил провести такой эксперимент. Учитывая, что колхозам до крупных агрохозяйств далеко, выделить до сотни совхозов, ввести оплату труда на уровне квалифицированных заводских рабочих, дать технику и посмотреть, что выгоднее. Параллельно с этим вернуться к фермерским хозяйствам, но сделать это не с помощью Указа о роспуске колхозов. По мнению отца, это была бы вторая коллективизация, сопряженная с насилием. Он называл конкретные регионы, где фермерство имеет глубокие корни, и навязывать жителям Западной Украины Литвы, Латвии, Эстонии колхозы просто абсурдно.

Не помню, кто именно кричал на пленуме, что Берия не прочел в жизни ни одной книги... Он постоянно работал с архивными документами, трудами еще тех, царских, историков и достаточно аргументированно доказывал, что не случайно крестьянские восстания были на Украине и на Дону. Там всегда были крепкие хозяйства и люди знали, за что дрались. Колхозы создавались там в прямом смысле кровью. А в Центральной России, скажем, этого не было. К сожалению, переубедить высшее руководство отец так и не смог. Партийная верхушка постаралась любой ценой провести коллективизацию и в Прибалтике, и в Западной Украине, чего конечно же делать не следовало. А предложения отца были положены под сукно. Вспомнили об этом спустя десятилетия, но то, что это были предложения его, от народа опять скрыли.

Знаю, что отец очень интересовался идеями Столыпина сторонника фермерских хозяйств. Оперируя цифрами из архивных источников, отец доказывал, что повторение обильных урожаев начала века вполне возможно, надо лишь не бояться использовать опыт Столыпина и решиться, наконец, на столь же серьезные реформы. Как и следовало ожидать, эти предложения реализованы не были, а после гибели отца о фермерстве никто уже не рисковал говорить вслух.

«О каком коммунизме можно вести речь, если мы не сумели накормить людей», — говорил он. И это не было позой высокопоставленного чиновника, на словах радеющего за народ. Отец искренне хотел улучшить жизнь тех, кто вынес на своих плечах страшную войну. Жизненный уровень в стране он считал главной задачей и немало сделал для осуществления своих замыслов. Кто-то из партийных деятелей заявил, что Берия публично называл профсоюзы бездельниками. Скажу откровенно: если он своего отношения к партийному аппарату никогда не скрывал, вполне допускаю, что мог такое и о профсоюзах сказать. Но ветераны металлургической, нефтяной, угольной промышленности, которые в свое время он курировал, наверняка не забыли, как им тогда работалось и жилось. Смею утверждать, что в данном случае это не было проявлением трогательной заботы со стороны советских профсоюзов. Отец и люди, которые его окружали, были убеждены, что отношение к человеку труда не должно быть иным. Не уверен, что впоследствии социальные вопросы в этих отраслях промышленности

решались с такой же настойчивостью, как это было в трудные послевоенные годы...

Почитайте, с каким раздражением говорили о нем на том пленуме партийные бонзы: «Он засыпал нас бумагами, предложениями... Он искал дешевой популярности...» Неприязнь номенклатуры вполне понятна. Коммунистической партии и ее «ленинскому Центральному Комитету» во все времена нужны были бездумные, безынициативные соглашатели, но не созидатели. А когда ненависть достигла предела, партийная верхушка пошла на политическое убийство, устроив после его смерти судебный фарс.

Не знаю, правы ли те, кто считает, что тогда, в пятьдесят третьем, мой отец проиграл. Если говорить о его гибели, вероятно, такие утверждения близки к истине. Но его идеи, принципы, которые он исповедовал всю свою жизнь, убеждают, что за них все же стоило драться. Само время, как мы убедились, рассудило, за кем была тогда правда.

Политика можно убрать с политической арены, можно убить, скомпрометировать в глазах народа, оболгать, как поступили с моим отцом, но перечеркнуть все то доброе, что он сделал для своей страны, убежден, невозможно.

ГЛАВА 2

СТАЛИН И БЕРИЯ

Сталин и Берия. Кто из советских, а ныне российских историков не пытался добраться до корней взаимоотношений этих двух исторических фигур. Кто-то, как, скажем, один из руководителей одиозного Главпура генерал от ЦК Дмитрий Волкогонов, то и дело прибегая к прямой фальсификации фактов, безуспешно пытался навязать читателю искаженный образ Берия, как бледной тени кремлевского диктатора. Другие, не склонные к столь буйной фантазии, продолжали разыгрывать «грузинскую карту». Увы, и эти домыслы не приблизили нас к истине. Загадка отношений между Сталиным и моим отцом так и осталась загадкой.

Сопоставим, читатель, лишь два неопровержимых факта. Факт первый. Москва, Красная площадь. День похорон Сталина. С трибуны Мавзолея Лаврентий Берия произносит свою знаменитую траурную речь: «Кто не слеп, тот видит...» Факт второй, почему-то до сих пор, в отличие от первого, не заинтересовавший историков и публицистов. Москва. Кремль. Заседание июльского Пленума ЦК КПСС. После той траурной речи прошло всего четыре месяца, но одно из обвинений в адрес отца звучит дословно так: «Берия хотел подорвать культ личности товарища Сталина». В сумбурном выступлении на Пленуме Анастаса Микояна есть и еще одна примечательная фраза: «В первые дни после смерти товарища Сталина он ратовал против культа личности».

Сама стенограмма того Пленума, рассекреченная лишь недавно, на первый взгляд способна пролить свет на взаимоотношения главы советского государства и одного из его ближайших соратников. Тот же Микоян то и дело сокрушается, что «товарищ Сталин излишне доверял Берия», но тут же опровергает самого себя, утверждая, что этого... не было. Столь же сомнительны и аргументы, свидетельствующие о явном недоверии. Мол, во время войны Сталин разделил МВД и государственную безопасность, а Лаврентий Павлович был назначен в Со-

вет Министров и Государственный Комитет Обороны. Если учесть, что 30 июня 1941 года отец вошел в ГКО, сосредоточивший всю власть в государстве, то выступление А. Микояна звучит более чем странно.

Но так или иначе, пусть лишенное элементарной логики, но тем не менее прозвучавшее с высокой трибуны заявление заслуживает внимания и наводит на определенные размышления.

Сколь искренен был мой отец, выступая на траурном митинге в марте пятьдесят третьего? Не противоречит ли это его другим заявлениям?

То, что он мог сказать — и говорил! — на заседаниях Президиума ЦК, непозволительно было произнести с такой трибуны. Думаю, это понятно. Хотя отец действительно выступил первым против культа личности Сталина, что, как абсолютно ясно из материалов Пленума ЦК, это и вызвало переполох в кремлевском руководстве.

Меня нередко спрашивают, кто я, сталинист или антисталинист. Так вот, я не считаю себя ни сталинистом, ни антисталинистом. Я против Системы, породившей Ленина, Сталина, Троцкого, Бухарина, Рыкова... Этот список читатель может продолжить без труда. Вспомните хотя бы репрессии. Ведь не в тридцать седьмом они начались и даже не в тридцать четвертом. Гораздо раньше! А сколько невинных жертв на совести тех, кто пришел уже после Сталина? Да и не в цифрах дело. Виновата Система! А потом уже Сталин, Троцкий, кто-то другой. Но и Сталин — это однозначно — виновен. И те, кто его окружал, виноваты. Но коль Сталин стоял во главе, то и ответственности на нем, разумеется, больше.

Смерть Сталина я воспринял, скажу откровенно, двояко. В основном мне было жаль Светлану, его дочь. Она ведь — я это хорошо знал — и до этого была одиноким человеком, а после смерти Сталина жизнь ее и вовсе не заладилась. Внешне, конечно, и Хрущев, и Ворошилов, к примеру, ее опекали, на самом же деле эти люди прекрасно знали очень слабую психику Светланы и подталкивали ее к тому, что в конце концов и случилось...

О том, что произошло со Сталиным, я узнал от мамы, когда пришел домой пообедать. Обычно в это время приезжал и отец, но в тот день его не было. Мама сидела заплаканная и сразу же сказала мне, что у Иосифа Виссарионовича удар и, по всей вероятности, он не выживет.

— Ну а ты-то чего плачешь? — спросил. — Помнишь ведь, что отец говорил...

Речь шла о том, что готовил нам Сталин.

Мама, разумеется, обо всем знала — отец действительно предупреждал нас о том, что может случиться.

— Знаешь,— ответила, — я все понимаю, но мне его все равно жаль — он ведь очень одинокий человек.

Я сел обедать, а мама поехала к Светлане.

И о смерти Сталина, и о поведении его близких и соратников в те дни написано много, но в основном это пересказы или явные домыслы. Широко известно, скажем, что Светлана у кровати Сталина чуть ли не сутками сидела. Мы же знали, что она находилась дома и была совершенно спокойной. Я не хочу сказать, что она не любила отца, но это была отнюдь не та безумная любовь, о которой столько написано, в основном ею же...

На похоронах Сталина я был, разумеется. Как всегда в подобных случаях, партийные органы дали разнарядку по организациям, а те уже выделяли людей. Но это конечно же не значит, что в противном случае я бы не пошел.

Тогда, в марте пятьдесят третьего, я не был уже тем мальчишкой из тбилисской школы, боготворящим вождя. И многое знал и многое понимал. Сегодня могу сказать совершенно однозначно: проживи Сталин еще несколько лет, и в Президиуме ЦК не осталось бы никого из тех, кто пережил Сталина. Мой отец, разумеется, не исключение. Его уничтожение готовилось еще при жизни Сталина, о чем он и рассказывал нам с матерью.

Помню, уже после смерти Сталина, когда отец рассказывал маме, какие реформы предложил провести Хрущеву, Маленкову и другим, она сказала:

— Какая разница, сделал бы это Иосиф Виссарионович или они... Если бы он — было бы не так обидно.

Мама прекрасно знала сталинское окружение и не верила, что отцу позволят осуществить свои замыслы. Во всяком случае, никаких сомнений, что отца отстранят, у нее не было и тогда...

Вне всяких сомнений, смерть Сталина спасла жизнь его окружению. Он неизбежно заменил бы своих соратников совершенно новыми людьми, которые не знали бы всего того, что знали Молотов, Маленков, Хрущев и другие, включая, повторяю, моего отца. Убрал бы Сталин, вне всяких сомнений, и министра государственной

безопасности Игнатьева. Сталин уже готовился войти в историю как абсолютно, я бы сказал, чистый человек создавший великое государство, выигравший великую войну. Будем объективны: уходя, Сталин оставлял действительно великую страну, вполне обоснованно гордившуюся многими достижениями. Другой вопрос, какой ценой это было достигнуто...

Отец все это отлично понимал, но хотя и имел столкновения со Сталиным, как ни один другой член Политбюро, смерть главы государства его расстроила. Здесь не было, знаю, наигранности, как, скажем, у Хрущева. Думаю, смерть Сталина, несмотря ни на что, он переживал чисто по-человечески. Наверное, это звучит несколько странно в контексте того же «Мингрельского дела», но это так. Не был отец ни жестоким, ни злопамятным человеком. И об этом знали многие.

Из воспоминаний Светланы Аллилуевой:

«Только один человек вел себя почти неприлично — это был Берия. Он был возбужден до крайности, лицо его, и без того отвратительное, то и дело искажалось от распиравших его страстей. А страсти его были — честолюбие, жестокость, хитрость, власть, власть... Он так старался в этот ответственный момент, как бы не перехитрить и как бы не недохитрить! И это было написано на его лбу. Он подходил к постели и подолгу всматривался в лицо больного — отец иногда открывал глаза, но, по-видимому, это было без сознания или в затуманенном сознании. Берия глядел тогда, впиваясь в эти затуманенные глаза; он желал и тут быть «самым верным, самым преданным» — каковым он изо всех сил старался казаться отцу и в чем, к сожалению, слишком долго преуспевал...

В последние минуты, когда все уже кончалось, Берия вдруг заметил меня и распорядился: «Уведите Светлану!» На него посмотрели те, кто стоял вокруг, но никто и не подумал пошевелиться. А когда все было кончено, он первым выскочил в коридор и в тишине зала, где стояли все молча вокруг одра, был слышен его громкий голос, не скрывавший торжества: «Хрусталев! Машину!» Это был великолепный современный тип лукавого царедворца, воплощение восточного коварства, лести, лицемерия, опутавшего даже отца, которого вообще-то трудно было обмануть. Многое из того, что творила эта гидра, пало теперь пятном на имя отца, во многом они повинны вместе...»

В книге «Двадцать писем другу» есть и такие слова: «Страшную роль сыграл Берия в жизни нашей семьи. Как боялась и ненавидела его мама!» А между тем мое-

го отца мать Светланы, Надежда Аллилуева, не могла ни любить, ни ненавидеть. Они просто-напросто не были знакомы. Жена Сталина застрелилась в 1932 году, за шесть лет до переезда нашей семьи в Москву. Светлана была еще ребенком...

Светлану я понимаю, хотя и не могу, естественно, согласиться с тем, что она написала. Ей просто хотелось, чтобы ее отец выглядел не так ужасно... Широко известно имя человека, официально обвиненного во всех преступлениях, так что можно писать о нем что угодно. Мораль здесь, насколько понимаю, отступает на другой план...

Несколько лет назад, переехав в СССР, Светлана пожелала встретиться с нами — мама еще была жива. Мы решили, что не стоит этого делать, и встреча не состоялась. О ее жизни я знаю лишь из сообщений западной прессы.

А когда-то мы были очень хорошо знакомы. Я учился в одной школе с детьми Сталина. Светлана Аллилуева сидела за одной партой с моей будущей женой. Она нас с Марфой и познакомила.

Запомнилась дочь Сталина умной, скромной девочкой. Хорошо знала английский. Очень была привязана к моей матери. Уже во время войны попал я в одну неприятную историю, связанную со Светланой. После возвращения с фронта подарил ей трофейный вальтер. Проходит время, и в академию, где я учился, приезжает генерал Власик, начальник личной охраны Сталина.

— Собирайся, — говорит, — вызывает Иосиф Виссарионович.

Приезжаю. Никогда раньше такого не было, чтобы вызывал.

Поговорили немного о моей учебе, а потом и говорит:

— Это ты Светлане револьвер подарил? А знаешь, что у нас дома с оружием было. Нет? Мать Светланы в дурном настроении с собой покончила...

Я обалдел. Знал, что мать Светланы умерла, но о самоубийстве никто у нас в доме никогда не говорил.

— Ладно, — сказал Сталин, — иди, но за такие вещи вообще-то надо наказывать...

Со Сталиным я, разумеется, встречался не раз в самых разных обстоятельствах и в самое разное время и должен признаться, что отношение к нему у меня и сегодня далеко не однозначное. Когда мы жили в Грузии,

.о просто молились на него. В Москве отношение к нему изменилось. Мне приходилось слышать разговоры родителей о Сталине, да я и сам уже понимал, кто повинен в репрессиях, политических процессах и прочем.

И тем не менее это был человек, который мог очаровать любого. Неправда, что его считали великим человеком лишь заурядные льстецы. Думаю, многие деятели культуры, включая выдающихся советских писателей, художников, были по-своему искренни, воспевая Сталина. Хотя, безусловно, проходимцев, кормившихся, как это часто бывает, на восславлении вождя, тоже хватало...

Я бы не рискнул даже сегодня упрекать в чем-то и некоторых известных писателей Запада, в свое время оказавшихся очарованными Сталиным. Их вполне можно понять. Сталин действительно был человеком, способным очаровать и умудренного житейским опытом старика, и мальчишку. Нечто подобное я испытал на себе, так что, полагаю, имею моральное право утверждать именно так.

Речь не о том, плох был Сталин или хорош, диктатор он или нет. Разумеется, диктатор, и мне абсолютно непонятен спор между «сталинистами» и «антисталинистами». Повторяю: ни к тем, ни к другим я себя не отношу. Не важнее ли увидеть за конкретной исторической фигурой явление? Но, к сожалению, попыток действительно разобраться в «феномене Сталина» знаю немного.

Из воспоминаний видного политического, государственного и военного деятеля Франции Шарля де Голля (1890 – 1970):

«...У меня сложилось впечатление, что передо мной хитрый и непримиримый борец изнуренной от тирании России, пылающий от национального честолюбия. Сталин обладал огромной волей. Утомленный жизнью заговорщика, маскировавший свои мысли и душу, безжалостный, не верящий в искренность, он чувствовал в каждом человеке сопротивление или источник опасности, все у него было ухищрением, недоверием и упрямством. Революция, партия, государство, война являлись для него причинами и средствами, чтобы властвовать. Он возвысился, используя в сущности уловки марксистского толкования, тоталитарную суровость, делая ставку на дерзость и нечеловеческое коварство, подчиняя одних и ликвидируя других.

С тех пор Сталин видел Россию таинственной, ее строй более сильным и прочным, чем все режимы. Он ее любил по-своему. Она также его приняла как царя в ужасный период времени и поддержала большевизм, чтобы служить его орудием. Сплотить славян, уничтожить немцев, распространиться в Азии, получить доступ в сво-

бодные моря – это были мечты Родины, это были цели деспота. Нужно было два условия, чтобы достичь успеха: сделать могущественным, т. е. индустриальным, государство и в настоящее время одержать победу в мировой войне. Первая задача была выполнена ценой неслыханных страданий и·человеческих жизней. Сталин, когда я его видел, завершал выполнение второй задачи – среди могил и руин. Он был удачлив потому, что встретил народ до такой степени живучий и терпеливый, что самое жестокое порабощение его не парализовало, землю, полную таких ресурсов, что самое ужасное расточительство не смогло ее истощить, союзников, без которых нельзя было победить противника, но которые без него также не разгромили бы врага.

За пятнадцать часов моих бесед со Сталиным я изучил его величественную и скрытную политику. Коммунист в маршальской форме, притаившийся коварный диктатор, завоеватель с добродушным видом, он старался всегда вводить в заблуждение. Его страсть была суровой, без какой-либо малопонятной привлекательности».

Оправдать Сталина невозможно, да я к этому, насколько понял читатель, и не стремлюсь. Но это действительно был умный человек, прекрасно понимавший все недостатки большевистского течения. Это не был маньяк, не способный анализировать ситуацию и свои поступки. Когда было необходимо, он умело использовал и то, что позволял большевизм. В первую очередь это централизация власти. Единоличная власть позволяла очень быстро и эффективно решать те вопросы, которые в условиях демократии не решались бы, уверен, десятилетиями. Наверное, это положительный момент, но где та грань, которую нельзя перейти?.. И когда ему было нужно, ту же власть Сталин столь же легко использовал в иных целях. И в этом тоже его вина. Будь он недалеким человеком, параноиком, тем, кем его сегодня пытаются представить, и спрос с него был бы меньше. Но ведь не было этого! На вершине пирамиды большевистской власти стоял человек одаренный, что лишь усугубляет его вину.

Кто-то верно заметил: интеллектуальный потенциал руководителей СССР неуклонно снижался десятилетиями. И это тоже правда. Смешно, наверное, сравнивать сегодня Сталина с Хрущевым, Черненко или Горбачевым... Говорю об этом опять же не в оправдание Сталина. Напротив, даже в рамках большевизма — власти страшной и деспотичной — диктатуры пролетариата он многое мог бы при желании изменить. Не все — этого ему бы не

позволила Система, но — многое. Сталин же не только не шел на смягчение режима, но и многие вещи сознательно обострял, используя большевистские догмы для подавления противников этого течения. Отсюда и массовые репрессии, и политические процессы.

Я не могу согласиться с тем, что Сталин был человеком, не ведавшим жалости и сострадания, но не принимаю утверждения, что этими репрессиями Сталин создал систему круговой поруки, вовлекая в преступления тысячи и тысячи людей. А разве не с этого начал другой большевистский вождь, Владимир Ильич? А разве не Троцкий с легкостью необыкновенной создал концлагеря, в которых большевики погубили миллионы людей, не Троцкий ли, с согласия Ленина, ввел институт заложников? Позволю не согласиться с защитниками Ленина и большевизма. Сталин лишь усовершенствовал то, что начиналось при Ленине. С моей точки зрения, Ленин и Сталин не уступали друг другу ни в уме, ни в коварстве, и я бы не спешил с выводами, кто из двоих вождей «самый человечный человек»... Тут еще надо крепко, очень крепко подумать...

Лукавили все последующие «вожди», когда убеждали нас в том, что Сталин предал своего «великого учителя». Ленинские работы и письма из так называемого секретного фонда — а пока опубликована лишь часть их — вполне позволяют утверждать обратное. «Арестовать...», «Расстрелять...», «Повесить...», «Расстреливать на месте...», «Арестовать несколько сот и без объявления мотивов...». Мы столько писали и говорили о животворном наследии Владимира Ильича. Почему же стыдливо молчим об этом «наследии»? Не было ведь у власти ни Сталина, ни НКВД с Ягодой и Ежовым во главе...

А может, дело даже не в Ленине, по крайней мере не только в нем, а в той структуре власти, которую он представлял, в той страшной и бесчеловечной Системе, порожденной большевизмом? Но и в Ленине, разумеется, тоже.

При жизни моего отца обо всем этом в силу вполне понятных причин нельзя было говорить, но я знаю, что отец был далек от обожествления Ленина и Сталина. Ему вообще претил культ любой личности, а если учесть, что отец был человеком информированным, то нетрудно догадаться, сколь многие грехи и того и другого были ему известны.

Смешно отрицать роль Сталина в судьбе отца. Глава

партии и государства санкционировал и его назначение на пост руководителя Грузии, и последующий перевод в Москву.

Отец был назначен на должность народного комиссара внутренних дел в конце ноября 1938 года, после Ежова. Чем же был обусловлен выбор Сталина?

Когда Сталин утверждал перевод моего отца в Москву, насколько понимаю, рассуждал так. Этот сравнительно молодой человек — отцу не было сорока — имеет опыт работы в разведке. Положительный или нет, но опыт работы в ЧК, приобретенный в двадцатые, у отца действительно был. Возможно, Сталин думал и так: будет беспрекословно выполнять все указания вождя, а проще говоря, тихо под ним ходить. Оказалось, не так... Первый серьезный конфликт между отцом, с одной стороны, и Сталиным и Политбюро, с другой, произошел уже в сороковом, когда решалась судьба тысяч польских офицеров, расстрелянных впоследствии в Катыни. Сталин этого не забыл, но неповиновение — случай редчайший! — не привело даже к снятию с должности моего отца. Скорей всего, считал, что еще не время менять наркома. Система ведь здесь была отработанной до мелочей: из человека выжимают все, что требуется, а когда он уже не нужен, убирают. Причем всегда Сталин соблюдал и другое непременное условие: «проштрафившегося» заменял равноценной фигурой и лишь тогда, когда позволяла обстановка. Любые кадровые изменения не должны были вредить делу...

Сталин объективно оценивал в тот период напряженную обстановку, сложившуюся вокруг партии и лично его, как ее лидера. Недовольство его линией, в особенности массовыми репрессиями, ощущалось даже в ближайшем окружении.

Второе немаловажное обстоятельство. Приближение большой войны. Жданов, когда произошло столкновение отца со Сталиным по поводу Катыни, тут же предложил:

— НКВД готов возглавить я!

Сталин на это не пошел. В любом деле он хотел все же видеть специалистов. Жданов, партийный аппаратчик до мозга костей и активный сторонник массовых репрессий, в такой должности уже был не нужен — репрессии прекратились, а возобновлять их Сталин не собирался. Напротив, в тот момент в должности наркома внутренних дел необходим был человек иного склада. Сталин

был жестоким, но умным человеком и прекрасно понимал, что дальнейшие репрессии могут привести в итоге к краху его личной власти. Наверное, он решил, что все это делается уже специально, чтобы убрать его самого. Необходим был человек, который, под контролем, конечно, но затормозит тот каток, который создала коммунистическая Система. А таким человеком и был мой отец, «забрасывавший» Москву письмами в защиту грузинской интеллигенции. Словом, в тот период он Сталина вполне устраивал. К тому же существовал еще внешний раздражитель — Троцкий, не дававший покоя большевистскому лидеру еще с тридцатых, а добрый десяток попыток убрать его провалились. Пройдет время, и начнется война. И вновь отец окажется на своем месте. Впоследствии, когда на базе спецлабораторий НКВД будет создано атомное управление, ему поручат заниматься и этой проблемой. А еще — ракеты, самолеты, промышленность, проект водородной бомбы... Видимо, исходя из этих соображений, Сталин и не спешил убирать моего отца. Оснований считать именно так у меня предостаточно, и главное из них то, что Сталин всегда учитывал ситуацию. В конце жизни, когда были созданы зенитные ракеты и почти готовы межконтинентальные, когда близились к завершению работы по водородному проекту, Сталин, очевидно, был готов к тому, чтобы заменить и отца, и остальных членов руководства страны, но не успел...

Наивно думать, что кто-то мог в тех условиях что-либо изменить. Конечно, это всего лишь мои предположения, но я абсолютно уверен, что, убрав моего отца, Сталин нашел бы у многих из своего окружения поддержку. В первую очередь был бы удовлетворен партийный аппарат, видевший в отце угрозу собственному благополучию. Он ведь никогда не скрывал, что выступает против диктатуры партийного аппарата над государством. А партийная верхушка, да и вообще партийные структуры, к таким вещам всегда были очень чувствительны...

Вообще партийная верхушка сослужила плохую службу и Сталину. Отец еще при жизни Сталина говорил о вреде культа личности. И, кстати, Сталин сам об этом говорил. Я уверен, что в последние годы жизни Сталина партийная верхушка умышленно пропагандировала этот культ и не только из свойственного ей во все времена подхалимажа. Тут, вне всяких сомнений, был дальний прицел. Что, мол, нам всем оставалось делать. «И Бог,

и царь, и воинский начальник...» Он, мол, во всем виноват. Известно ведь, что эту карту потом партия довольно умело разыграет на XX съезде, все свалив на ушедшего из жизни лидера. Остальные, как всегда, предстали невинными ягнятами. Отца к тому времени уже не было в живых, а никто другой из бывших соратников Сталина не нашел в себе мужества честно сказать о роли сталинского окружения в преступлениях режима.

Примерно так произошло и в Германии. Там ведь тоже все свалили на Гитлера. Удобно, что и говорить. Но диктатура диктатурой, а ведь не одна личность все это проделала...

Помню, отец говорил не раз:

— Сталин допустил вещи, не простительные никому.

По его прямому указанию или с его согласия были действительно совершены страшные преступления, и не следует искать оправдания Сталину, как это порой делали и делают. Не искал их и мой отец, хотя и не был сторонником дискредитации Сталина как личности. Так по крайней мере было весной пятьдесят третьего. Он считал, что надо раскрыть прежде всего линию партии, во главе которой стоял Сталин. Именно партия и, в первую очередь, ее высшее руководство должны ответить перед народом за все, что случилось.

— Я не знаю, — говорил отец Хрущеву, Маленкову и остальным, — останемся ли мы на своих постах. Мы отчитаемся, а там пусть решает съезд. Сочтут нужным заменить нас, пусть так и будет. Тогда вместо нас придут молодые люди и наверняка не повторят тех ошибок, которых не избежало прежнее руководство.

Хрущев и Маленков, знаю, с ним соглашались:

— Да, мы тоже были молодыми и возмущались, что старики нам мешают делать дело. Надо, конечно, собирать съезд и идти на такой разговор...

Были, правда, сомнения, как быть с именем Сталина. Так или иначе, считали члены Президиума ЦК, откровенный разговор на съезде больно ударит по авторитету бывшего Генерального секретаря. Отец возражал:

— Без откровенного разговора нам не обойтись. Задача не в том, чтобы сразу же публично сокрушить культ личности Сталина или дискредитировать его в глазах народа. Начинать надо со всех нас, членов Президиума ЦК. Мы отчитаемся, вскроем ошибочность курса партии и послушаем, что скажет съезд.

И здесь члены Президиума соглашались с отцом. Со-

глашались, зная, что никогда не пойдут на такой рискованный шаг. В глазах тогдашних руководителей страны это конечно же было верхом безрассудства.

Рассказывая о Сталине, невольно вспоминаю наш переезд в Москву. Отец не хотел возвращаться на чекистскую работу и просил перевести его на хозяйственную. Так в его жизни бывало уже не раз. Но даже когда решение о переводе отца в Москву состоялось, мама никак не хотела уезжать из Тбилиси. Сталина это очень рассердило, и в течение суток всю нашу семью привезли в столицу. Второй конфликт возник, когда мама отказалась вступать в партию. Сталин даже сделал ей замечание. Мол, вы не домохозяйка, а советский ученый, к тому же жена наркома и не можете находиться вне рядов партии.

За те пятнадцать лет, которые отец проработал в Москве, случалось в их отношениях со Сталиным всякое, но близкими людьми, как принято почему-то считать, они никогда не были. По-грузински Сталин говорил очень редко, да и тогда непременно извинялся перед остальными. И на «ты», как пишут, они никогда не были. Сталин всегда обращался к отцу по имени-отчеству.

Отец был единственным человеком в Президиуме ЦК, который позволял себе дискутировать со Сталиным. Тот, кстати, позволял это и остальным. Второй вопрос, что ни Хрущев, ни Маленков, ни другие никогда не спорили и не пытались возражать Хозяину, как они его называли. Слепое подчинение, готовность исполнить любую волю Хозяина объяснялись, на мой взгляд, довольно просто: сковывал страх за собственную карьеру.

Сталин же на откровенность вызывал часто, и я не думаю, что ему доставляло особое удовольствие видеть в собеседниках всего лишь послушных исполнителей. Напротив, я знаю, что он очень любил — и умел, надо признать — переубеждать оппонента. Но это случалось конечно же крайне редко: с ним просто-напросто предпочитали не дискутировать. Кроме отца, насколько знаю, иногда мог в чем-то не соглашаться с ним Молотов. Возможно, в более ранний период таких людей было несколько больше. По всей вероятности, таким человеком был Троцкий. В остальных не уверен. Возьмите ранние речи Бухарина, Каменева, Зиновьева и других. Там ведь сплошное восхваление Сталина. Культ личности создавали именно они, причем сразу же после смерти Ленина.

От отца знаю, что из военных без боязни вызвать

недовольство диктатора отстаивал свою точку зрения, причем решительно, лишь один-единственный человек — Георгий Константинович Жуков. Так было и в сорок первом, и в сорок втором, и в последующие годы. Это был человек, которого нельзя было не уважать. Видимо, так считал и Сталин.

На «ты» Сталин был лишь с единственным человеком — Молотовым. Это не значит, что я стремлюсь таким образом дистанцировать своего отца от Сталина. Но так было. Сталин действительно не позволял себе в отношении моего отца и Молотова того, что позволял себе в отношении, например, Микояна и Ворошилова. С последними он просто не считался.

Пожалуй, самой одиозной фигурой в сталинском окружении был Жданов. Он ревновал любого человека, который в тот или иной момент был близок Сталину. Как никто другой, он буквально рвался в наследники диктатора. Серый кардинал в окружении Сталина — так, наверное, будет точно. Именно он идеолог массовых репрессий в стране. Когда будут рассекречены архивы, наверняка обнаружатся телеграммы и письма, подписанные им и Сталиным. Зачастую стоит одна подпись Сталина, но стиль его, Жданова. Он ведь не только продвинулся на репрессиях, но и намерен был идти в буквальном смысле по трупам и дальше. Страшный человек!

Возможно, мечтал о дальнейшей карьере и Ворошилов, здесь судить трудно. Но при жизни Сталина дальнейшее его продвижение было исключено — тот его ни в грош не ставил, а позднее нашлись другие, более прыткие и удачливые претенденты в вожди.

Каганович прекрасно понимал, что претендовать на высшие посты он не может. Пишут, что он конфликтовал в последние годы жизни со Сталиным, кричал на него. Все — выдумка. Как-то мама спросила у него, неужели он искренне верит в то, что говорит о «врагах народа» и прочем. Каганович ответил так: «Это мои убеждения!»

Странный был человек. Пальцем не пошевелил, чтобы спасти своего родного брата Михаила, наркома авиапромышленности. Перед Сталиным бегал на задних лапках.

Отец рассматривал Кагановича как ренегата. Когда по инициативе моего отца были предприняты попытки использовать мировое еврейское движение в интересах Советского Союза, Каганович тут же занял оппортуни-

стическую позицию. Известно уже, как Каганович заставлял деятелей еврейского движения подписывать антиеврейские манифесты.

Известна и его роль в массовых репрессиях. Крови на нем много. Достаточно вспомнить, что он устроил на Украине...

А вот обвинения его в причастности к депортации народов правдивы лишь отчасти. Он, как и большинство членов Политбюро, действительно голосовал «за», но активным проводником русской национальной политики не был. Здесь тон задавали Жданов, Хрущев и другие. Сталин при всех своих диктаторских замашках не считаться с этой политикой не мог и шел на уступки русскому национализму. Он играл на нем, на русофильской имперской политике. Это однозначно. Но к Кагановичу прямого отношения, повторяю, это не имеет.

Все основания претендовать после смерти Сталина на пост главы государства, думаю, были у Молотова. Имею в виду его биографию, а не политические качества. В партию Вячеслав Скрябин (Молотов — его псевдоним) вступил еще в 1906 году, учась в Казанском реальном училище. В 1909 году был арестован как один из руководителей революционной организации. После ссылки учился в Политехническом институте в Петербурге. Весной 1916-го вновь сослан на три года в Сибирь. Бежал.

В 1917-м — член исполкома Петроградского Совета и Петроградского комитета партии, один из редакторов «Правды». Был знаком с Лениным. С середины двадцатых — член Политбюро. Как секретарь ЦК замещал Сталина. С 1939 года по совместительству стал наркомом иностранных дел. Такой биографии никто в окружении Сталина в те годы не имел. Понимая это, Жданов, к примеру, всячески пытался его дискредитировать в глазах Сталина. В 1949 году была арестована жена Молотова, Полина Жемчужина. Люди старшего поколения помнят то время как период борьбы против «безродных космополитов».

Жемчужина была одним из активных организаторов еврейского движения в СССР и ее обвинили в связях с мировым еврейским движением. Арест санкционировал ЦК. Неправда, что лишь сам Молотов воздержался при голосовании на Политбюро, когда шла речь об аресте его жены. На том заседании выступал мой отец, заявивший, что никаких оснований для ареста члена ЦК Жемчужиной нет. Выяснилось, что Жемчужина вела какие-то

разговоры, связанные с решениями ЦК, его линией в отношении Еврейского комитета. Вне ЦК и правительства такие вещи обсуждать не позволялось.

Молотов знал, что Жемчужину хотели арестовать еще до войны и только активное противодействие отца помешало группе членов Политбюро нанести удар по Молотову.

Это был человек, вне всяких сомнений, более умный, чем Жданов, не говоря об остальных, но нет ни одного документа, касающегося бывших лидеров партии, каких-то партийных группировок, где не было бы резолюции Молотова. Имею в виду политические процессы и репрессии. Он делал все, что делали и остальные.

Прямых столкновений с моим отцом у него никогда не было. Напротив, он очень ценил его, что, впрочем, не мешало Вячеславу Михайловичу резко выступить против отца в связи с Катынской трагедией, некоторыми вопросами, связанными с внутренней политикой государства. Крайне не понравилось Молотову и выступление отца в защиту Тито. Сталин тогда назвал отца и некоторых других людей, выступающих против конфронтации с Югославией, титоистами, а Молотов в довольно резкой форме заявил, что Тито — предатель интересов социалистического лагеря.

Отец в таких случаях в долгу никогда не оставался и отвечал столь же резко.

Это не зафиксировано в материалах Пленума, но я знаю, что накануне проходило заседание Президиума ЦК, на котором Молотов говорил совершенно другие вещи. Скажем, на Пленуме он критиковал отца за разрыв отношений с Югославией. Уж кто-кто, а Вячеслав Михайлович прекрасно помнил, как все было в действительности. Но примечательно другое — лгали на том Пленуме кто больше, кто меньше, но — все. Это вполне понятно. Любопытно другое. Накануне в узком кругу тот же Молотов произнес совершенно другие слова:

— Более способного человека, чем Берия, среди нас нет, более энергичного и грамотного в тех проблемах, которыми он занимался, тоже нет. А что он имел свою точку зрения, то он этого, как все мы знаем, никогда не скрывал. Мы можем соглашаться с ним или не соглашаться, но мы ведь сами согласились с его предложениями, а теперь их же будем ставить ему в вину...

У меня нет стенограммы того заседания Президиума ЦК, нет других доказательств, но я склонен верить че-

ловеку, рассказавшему мне о том выступлении Молотова. Думаю, Молотов повел бы себя и на Пленуме совершенно иначе, если бы знал, что отец жив. Очень многие люди, участвовавшие в работе того Пленума, тоже знали, что его нет в живых, а следовательно, бороться уже бессмысленно. Цинизм, который десятилетиями прививала народу партия, напрочь исключал такое понятие, как память...

Я неплохо знал Хрущева. Он бывал у нас довольно часто в гостях. Сегодня его пытаются представить борцом с культом личности, а ведь все было совершенно иначе. Он никогда не возражал Сталину. Правда, за столом, помню, сокрушался, что «Хозяин за младенцев нас держит, шагу ступить не дает, не дает развернуться». При нем обычно помалкивал, изображая шута. Здорово пил.

Знал я и его семью. С зятем Хрущева, Алексеем Аджубеем, познакомился еще до его женитьбы на Раде. Мать Алексея была отличной портнихой. Жаловалась маме, что из-за карьеры сын губит жизнь. Она была категорически против этого брака, потому что семью Хрущева не переносила, называя их Иудушками Головлевыми.

Алексей был парень действительно способный. Учился в актерской студии. После женитьбы на Раде Хрущевой он стал главным редактором «Комсомольской правды», а с конца пятидесятых до дня отстранения Хрущева от власти был главным редактором «Известий», членом ЦК КПСС, депутатом Верховного Совета. За участие в освещении в печати визита тестя в Америку получил Ленинскую премию. По общепринятым меркам, карьера молниеносная и блестящая, но в октябре шестьдесят четвертого по известным причинам она прервалась.

Хотя сам Хрущев, как я говорил, бывал у нас часто, с его семьей мы не общались. Ни я, ни мама в их доме никогда не были, хотя с дочерью Хрущева мы учились в одной школе.

Что-то знали от Нины Матвеевны, матери Аджубея.

— Ну почему ты переживаешь, — успокаивала ее мама. — Хорошая девочка, Серго рассказывает, что учится хорошо...

— А ты ее видела? — спрашивала Нина Матвеевна. — Нет? Не будет он ее любить. Не понимаешь разве, из-за чего он женится? Никогда не думала, что Алексей может так поступить...

Спустя несколько месяцев, когда мы вместе обедали

у нас дома, Нина Матвеевна неожиданно вновь вернулась к больной для себя теме. Видимо, просто хотела с кем-то поделиться:

— Ужасная семья, Нина! Они меня не принимают. Я для них всего лишь портниха.

Мама опешила:

— Да что ты такое говоришь! Ты — мастер, ты — художник! Этого не может быть.

— Еще как может. Вы исходите из своего отношения к людям, а там совершенно другое. Они — элита, а я всего лишь портниха, человек не их круга. И в такую семью попал Алеша...

Признаться, оказавшись невольным свидетелем этого разговора, я тоже был несколько удивлен. Нина Матвеевна была не только замечательным мастером своего дела, очень образованным и интеллигентным человеком, но и настоящим художником. И уж смотреть на нее свысока у Хрущева, мягко говоря, никаких оснований не было. Скорей всего сказывалось отношение этой семьи к людям «не их круга» в целом, а не конкретно к матери зятя. В какой-то степени этот пример довольно точно характеризует нравы, царившие в Кремле и на Старой площади.

В отличие от большинства руководителей государства, отец был человеком прямым и, что на кремлевском олимпе встречалось еще реже, искренним. Сужу об этом не только как сын, но и как свидетель его поведения в самых разных жизненных ситуациях.

Когда страну буквально потрясло недоброй памяти «Ленинградское дело», отец прямо сказал Маленкову:

— Ты ведь, Георгий, проделал то же самое, что и до войны в Белоруссии. Это тебе, поверь, еще аукнется... Нельзя так! Не дело растворять невинных людей в политическом авантюризме!

Отец имел в виду участие Маленкова, как заведующего Орготделом ЦК, в массовых репрессиях тридцатых годов в Белоруссии.

Маленков оправдывался:

— Что я... Это установка Сталина, ты должен понимать.

— Нет, Георгий, спросят с тебя. Подумай, что делаете.

Не знаю, что осталось в архивах, но, думаю, документы об участии Маленкова, Хрущева, других высокопоставленных партийных чиновников в массовых репрес-

сиях должны сохраниться.

И вновь говорю об этом отнюдь не в оправдание Сталина. Каждый, считаю, должен отвечать за собственные поступки, а не делить вину с кем-то. Знаю, что уже после окончания репрессий Хрущева не могли остановить — Украина буквально стонала от беззакония. Сталин даже отправил ему записку: «Уймись, дурак!»

Из воспоминаний Н. С. Хрущева:

«Обвинение и обоснование ареста брались буквально с неба. Смотрели в небо или в зависимости от того, какое ухо почесалось. И такие акции направляли против тысяч людей. Подобное поведение характерно не только для Ворошилова, а, допустим, и для Молотова.

В 1937 г., в пик репрессий, определяли эту политическую линию Сталин, Молотов, Ворошилов, а при них бегал подпевалой на цыпочках и крутил хвостом Каганович. Каганович не был таким, как Молотов, но хотел быть даже злее Молотова. Ближе к Сталину стоял Молотов. Хотя Каганович тоже был очень близкий к нему человек, и Сталин выставлял его за классовое чутье, за классовую непримиримость к врагам как эталон решительного большевика. Мы-то хорошо знали, что это за «решительность». Ведь это тот человек, который даже слова не сказал в защиту своего брата Михаила, и Михаил покончил с собой, когда у него уже не оставалось выхода, а ему предъявили обвинение, что он немецкий агент и что Гитлер метит его в состав российского правительства. Просто бред! Что может быть нелепее: Гитлер намечает еврея Михаила Кагановича в правительство России?.. Лазарь Каганович не возвращался к трагедии своего брата, когда уже выяснилось, что произошла грубая ошибка. Ни Сталин, ни кто-либо другой иной не возвращались к этой истории. Просто был раньше Михаил Каганович наркомом авиационной промышленности, и не стало его, так что вроде бы и не было. Это характерно для Лазаря Кагановича. Как же он лебезил, как подхалимничал перед Сталиным после данного случая, боясь за себя!»

Верхом лицемерия считаю выступления Хрущева и других, осуждавших Сталина и массовые репрессии. Делали они это отнюдь не ради восстановления справедливости, все было гораздо проще — никто из них не хотел и не собирался отвечать за содеянное.

Не думаю, что Маленков был законченным негодяем, получавшим удовольствие от массовых арестов и казней невинных людей. Видимо, другие люди партийному аппарату тогда просто были не нужны, а Маленков, как и многие другие, плоть от плоти этого аппарата. В 18 лет вступил в партию. Службу в Красной Армии начал в

политотделе со скромной должности писаря. Не окончив Московское высшее техническое училище, переходит на техническую работу в ЦК ВКП(б). Протокольный секретарь Политбюро, заведующий сектором кадров в секретариате Генерального секретаря, заведующий Оргортделом Московского комитета партии (Каганович — первый секретарь), заведующий отделом ЦК, секретарь ЦК... Типичная карьера типичного партийного аппаратчика. Наверное, более удачливого, чем остальные, но — такого же. Есть подходящее выражение: «Колебался вместе с линией партии». Когда партия брала курс на репрессии — он тут же рвался в бой, осуждала этот курс — осуждал и он. Точно так же поступали и тысячи партийных работников в республиках, областях, районах. А когда пришло время как-то объяснить стране преступления Системы, вместе с родной партией поспешили уйти от ответственности. Благо, партия никогда и нигде ее на себя не брала. Точно так же, как Ворошилов санкционировал аресты военных, поступал и Хрущев. Без его санкции, как партийного руководителя, ни в Москве, ни на Украине аресты не проводились. А «Ленинградское дело», «Дело врачей» и другие подобные «дела»? Словом, крови на высшем эшелоне партии было предостаточно. Именно ЦК, и в особенности Оргтотдел ЦК, раскручивал колесо репрессий, что, разумеется, не снимает ответственности со Сталина как главы государства и Генерального секретаря ЦК.

Говорят, что Сталин, то ли сознавая, что его руки по локоть в крови, то ли подчиняясь инстинктивному страху перед возмездием, опасался появляться перед народом и вместо себя выставлял на трибуну двойников. Называют даже фамилию одного из них — уроженца Винницы Евсея Лубицкого. Вот уже несколько лет из одной газеты в другую кочуют рассказы об этом двойнике кремлевского диктатора. Ссылаясь на его воспоминания, журналисты утверждают, что органы НКВД уничтожили семью Лубицкого, самого же превратили в «Сталина № 2». Почти до самой смерти главы государства он якобы поднимался в дни всенародных праздников на трибуну Мавзолея, встречался с иностранными делегациями, появлялся на официальных приемах, что крайне раздражало Молотова, Кагановича, Ворошилова, Хрущева и остальных.

Конечно, это еще один миф. Ни у Сталина, ни у моего отца, ни у других членов Политбюро двойников

никогда не было. Технически, так сказать, здесь ничего сложного, разумеется, нет. Была бы необходимость — подобрали бы таких людей, но этого не было. Для безопасности Сталина и его окружения принимались другие достаточно эффективные меры. Я бывал, наверное, на всех сталинских дачах, не раз встречался с ним в самые разные годы, вплоть до его смерти, и заявляю совершенно официально: все это выдумки. Да и насколько знаю, служба безопасности Украины и, в частности, ее управление по Винницкой области так и не подтвердили за эти годы сам факт существования легендарного Евсея Лубицкого.

Выдумок о Сталине с годами все больше. Бытует даже такая версия: Сталин, мол, умер еще осенью 1952 года, но сподвижники растерялись и смерть вождя от мира скрыли. Из Кремля тогда же убрали Власика, Поскребышева, дабы не было утечки государственной тайны... И это ерунда. В пятьдесят втором я видел Сталина раз 15, в том числе и на заседаниях Президиума ЦК, где обсуждались военно-технические вопросы. Да и со Светланой, его дочерью, по нескольку раз в неделю встречались. Видел его и в начале 1953-го.

В конце жизни он бросил курить. Как-то обратился к моей маме с такой просьбой. В Тбилиси жил врач нашей семьи Кипшидзе. Замечательный доктор! Сталин о нем слышал, вот и попросил пригласить того в Москву. Кипшидзе действительно приехал, обследовал Сталина, но стать личным врачом Иосифа Виссарионовича отказался. Годы, мол, уже не те, тяжело... Думаю, просто побаивался, зная судьбу приближенных врачей...

Теперь о покушениях на Сталина. Ни одного покушения — знаю это совершенно точно — не было, вернее, не было допущено. В Тегеране немецкая разведка планировала похищение или убийство Сталина, но чем все закончилось, известно — благодаря усилиям советской разведки заговор против «Большой тройки» был раскрыт и руководители Великобритании, США и СССР не пострадали.

В конце сорок второго года дезертир Савелий Дмитриев произвел на Красной площади несколько выстрелов по машине, выехавшей из Спасских ворот Кремля. Засада была устроена на Лобном месте. Это была машина Микояна. Никто тогда не пострадал, а террориста тут же охрана забросала газовыми гранатами.

Сам Дмитриев показал на следствии, что готовил по-

кушение на Сталина. Отец считал, что бывший красноармеец Дмитриев, возможно, считал себя пострадавшим от Советской власти, но доминировали все же иные мотивы — психические отклонения у дезертира Дмитриева безусловно были.

Допускаю, что планировались и другие покушения, но они пресекались органами безопасности или на стадии подготовки таких акций, или сами террористы отказывались от них, не доводя дело до реализации своих намерений.

Из официальных источников:

Террорист Дмитриев был задержан на Красной площади 6 ноября 1942 года. 25 августа 1950 года по приговору Военной коллегии Верховного суда Союза ССР был расстрелян.

По данным бывшего КГБ, одно из покушений на Сталина готовило и Главное управление имперской безопасности (РСХА). Террористический акт под кодовым названием «Цеппелин» планировался на осень 1944 года.

Большой транспортный самолет приземлился на территории Смоленской области 6 сентября 1944 года. При заходе на посадку его якобы засекли посты ПВО и сообщили органам безопасности. Тут же по тревоге была поднята оперативная группа, перекрыты дороги и в результате непродолжительного поиска задержаны двое немецких агентов, в том числе исполнитель акции 33-летний Петр Иванович Шило, уроженец Черниговской области, сын кулака. При себе террорист имел документы на имя майора военной контрразведки «СМЕРШ» Таврина, к слову, Героя Советского Союза, и само орудие несостоявшегося преступления — «панцеркнакке». В виде стальной трубки оружие крепилось на правой руке, а кнопки и провода на левой приводили реактивный снаряд в действие. Предполагалось, что покушение удастся провести во время движения бронированного автомобиля Сталина по одной из московских улиц.

Вместе с Шило-Тавриным была задержана и его напарница в форме младшего лейтенанта.

В разные годы о том неудавшемся покушении писали и бывшие чекисты, и журналисты, причем многие детали операции «Цеппелин» явно противоречили друг другу. По одной из версий, изложенной бывшим капитаном Назаровым, фамилия человека, представлявшегося майором «СМЕРШ» Тавриным, Политов. При допросе в райотделе

НКГБ (в других источниках — НКВД) диверсант достал немецкие сигареты, чем и выдал себя. Не правда ли, звучит странно? Неужели трофейные сигареты могли разоблачить террориста? А куда же подевалось орудие преступления?

Словом, вся эта история наводит на некоторые размышления.

Мне не приходилось слышать о ней. Думаю, о таком громком деле многие бы знали.

И все же намерения устранить Сталина у гитлеровских спецслужб были.

Из мемуаров шефа политической разведки Германии Вальтера Шелленберга:

«Риббентроп встал и, подойдя ко мне, с очень серьезным видом потянул меня в угол.

— Одну минуточку, Шелленберг. Мне нужно поговорить с вами об одном очень важном деле. Необходима строжайшая секретность. Никто, кроме фюрера, Бормана и Гиммлера, об этом не знает. — Остановив на мне пристальный взгляд, он продолжал: — Нужно убрать Сталина. — Я кивнул головой, не зная, как реагировать на такое заявление. Риббентроп объяснил мне, что весь режим в России держится на способностях и искусстве одного человека и этим человеком является Сталин».

По словам Шелленберга, Сталина должны были убрать на одной из конференций. Вполне понятно, что речь идет о Тегеранской конференции, состоявшейся в 1943 году. Предпринималась, утверждает шеф гитлеровской политической разведки, и еще одна попытка:

«После обсуждений с Гитлером Гиммлер предложил свой план, очень напоминавший план Риббентропа. В соответствии с ним, наши специалисты изготовили мину для убийства Сталина. Мина размером с кулак имела вид кома грязи. Она должна была быть прикреплена к машине Сталина. Мина имела запал, управлявшийся с помощью коротковолнового передатчика, и была настолько мощной, что когда при испытании мы ее взорвали, то от нашей машины почти ничего не осталось. Передатчик был размером не более пачки сигарет и мог подорвать мину на расстоянии до одиннадцати километров.

Двое бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся до войны в течение долгого времени в ссылке в Сибири, взялись выполнить это задание (один из них был знаком с механиком из гаража Сталина). Ночью на большом транспортном самолете они были доставлены к тому месту, где, по сообщению, переданному нашими

агентами, находилась ставка Сталина. Они спрыгнули с парашютами и, насколько мы могли установить, точно приземлились в указанном месте. Однако это было последнее, что мы о них слышали, хотя оба имели коротковолновые передатчики. Я не уверен, что они вообще попытались выполнить задание, более вероятно, что очень скоро после приземления они были схвачены или же сами сдались органам НКВД и рассказали о задании».

Загадка остается?

Бытует мнение, что для сближения со Сталиным мой отец, как пишут, «искал и другие пути». Утверждают, что его двоюродная сестра Александра Накашидзе длительное время работала хозяйкой в доме Сталина... Секрета здесь нет, есть неточность.

Мы жили еще в Тбилиси, когда Сталин обратился к отцу с просьбой подыскать женщину, которая бы согласилась присматривать за Светланой, оставшейся без матери. Светлане было тогда лет десять.

Среди десяти—пятнадцати кандидатур, предложенных Сталину, он остановил свой выбор на Накашидзе. К слову, она не сестра отца, а какая-то дальняя родственница. Но дело даже не в этом. Решал, как вы понимаете, Сталин. Позднее я читал где-то, что она была майором государственной безопасности. Этого я не знаю, не интересовался, честно говоря. Но вполне допускаю. Все сотрудники, обслуживавшие Сталина и его семью, имели воинские звания. Так было и при Хрущеве, и при Брежневе, и при Горбачеве. Объяснение простое — таким образом люди имели право на льготы, доплату за воинское звание и т. д.

Когда Светлане исполнилось 16 лет, Александра Накашидзе решила возвратиться в Грузию. Иосиф Виссарионович с большой благодарностью ее отпустил. Она вернулась на родину, вышла замуж. Вот и вся история о «внедрении» дальней родственницы отца в дом Сталина. Вспомнили о ней в 1953 году, когда искали компромат на моего отца.

Я уже говорил, что вместе с родителями, да и сам бывал в доме Сталина. Знал его детей. Со Светланой даже были приятельские отношения.

Судьба ее, как известно, не сложилась. Потеряла семью, детей. Как личность, считаю, она предала отца, которого любой ценой пыталась обелить. Я считаю, что в таких случаях надо что-то доказывать собственной

жизнью...

Что представлял из себя Василий Сталин? В сорок четвертом Сталин решил послать несколько человек на стажировку в Англию. Старшим группы назначил меня. Я отказался. Дайте, говорю, возможность доучиться в академии. Тогда Сталин впервые в жизни меня обругал:

— Ты такой же упрямый, — сказал, — как и вся ваша семья.

А я, если честно, отказался не только потому, что действительно хотел окончить Военную академию, но и еще по одной причине. В группу входил Василий Сталин. Очень душевный парень, но уже тогда был неуправляемым. Спросили бы с меня...

Его погубило, убежден, окружение. Я находился в ссылке, когда он погиб. На похороны меня не пустили.

(По официальной версии младший сын Сталина скончался от алкоголизма 19 марта 1962 года в Казани, куда был сослан после выхода из Лефортовской тюрьмы. Похоронен на Арском кладбище в Казани под фамилией Джугашвили. Впервые был арестован 28 апреля 1953 года и содержался во Владимирской тюрьме под именем Василия Павловича Васильева.)

В годы войны сын Сталина дорос от выпускника школы летчиков до командира дивизии. В 20 лет — полковник, в 24 года — генерал-майор, в 27 — генерал-лейтенант... Командир авиакорпуса, командующий ВВС Московского военного округа... Думаю, Сталин понимал, чем может обернуться такой феерический взлет? Как-то вышел такой разговор. Сталин упрекал в чем-то Василия, а я рядом стоял.

— Посмотри, — говорит, — на Серго. Академию окончил с отличием, адъюнктуру, аспирантуру. А ты-то почему не учишься?

Василий огрызнулся:

— Ты-то сам академий не кончал, вот и я обойдусь.

О неуправляемости Василия достаточно много написано, в том числе и теми людьми, кто сам этому способствовал. Что-либо добавить к этому трудно.

Смерть отца на него конечно же подействовала. Стал пить еще больше, не очень следил за тем, что говорил. В 1953 году получил первый срок — восемь лет. Официальная версия — превышение власти, злоупотребления. Во второй раз его отправили в тюрьму после автомобильной аварии. Знали ведь, что ему пить нельзя, но напоили, посадили за руль. Снова тюрьма, ссылка.

Моя мама писала Светлане Аллилуевой из Свердловска: «Отправь его к нам». Я бы помог ему с работой и распоясаться бы не дал. Но Светлана ответила, что поздно вести такие разговоры. «Даже я, — писала, — справиться с ним не могу. Он пропащий человек».

На похороны я не попал, но из писем общих друзей узнал, что Василия убили в драке ножом. До сих пор жалею, что не удалось вырвать его на Урал. Возможно, все сложилось бы для него в конечном счете совершенно иначе.

Якова Джугашвили, старшего сына Иосифа Виссарионовича (от первой жены), я знал меньше — он был старше меня. Мы встречались и дома у них, и на даче Сталина. По характеру он резко отличался и от Васи, и от Светланы. Его мать умерла от чахотки, когда Сталин находился в ссылке. Якова воспитали родственники Екатерины Сванидзе.

Родился Яков в Баку в 1908 году. Учился в Институте инженеров транспорта, в должности инженера работал на заводской электростанции, в 1937 году поступил в Артиллерийскую академию РККА. В мае сорок первого попал в войска, а через несколько дней после начала войны уже участвовал в боях. 4 июля сорок первого командир батареи 14-го гаубичного артиллерийского полка 14-й бронетанковой дивизии, попал в окружение и вместе с тысячами других командиров и бойцов оказался в плену. И точно так же, как и миллионы людей, он мужественно перенес все ужасы плена. Не сломили его ни пытками, ни уговорами. Яков Джугашвили отверг все предложения и немцев, и власовцев и чести воина не уронил.

Бельгийский король Леопольд после освобождения — а он содержался в немецком плену вместе с Яковом — написал Сталину, что был свидетелем трагической гибели его старшего сына. Там, где держали Якова, был и Тельман. Как и Тельмана, Якова расстреляли. Расстреляли во дворе тюрьмы незадолго до подхода наших войск.

Мне не приходилось слышать о попытках освобождения Якова из немецкого плена, думаю, они и не планировались из-за бесперспективности подобной операции. Но разведка, знаю, располагала данными о перемещениях сына Сталина — его несколько раз переводили с места на место.

По сравнению с Яковом Джугашвили король Леопольд находился в привилегированных условиях. Немцы

оставили его в живых. Впоследствии Леопольд написал Сталину, что видел Яшу во время прогулок. Что-то он знал о нем и от немецкой охраны.

То, что Сталин отверг предложение об обмене фельдмаршала Паулюса на сына, правда. При этом разговоре присутствовало довольно много людей.

Никаких указаний о посылке спецгрупп в Германию — это я знаю точно — Сталин тоже не давал. Но о поведении Якова в плену Сталину было хорошо известно — разведка, как я уже говорил, такой информацией располагала.

О том, что Яков — сын Сталина, немцы узнали совершенно случайно. Попал он в плен раненым, и его узнал такой же раненый однополчанин. Бросился к нему. Рядом оказался немецкий осведомитель, он-то и сообщил, кто такой старший лейтенант Джугашвили.

Когда Сталину доложили, что семью Якова высылают, он сказал, что высылают десятки тысяч семей военнопленных и никакого исключения для семьи собственного сына он делать не может — существует закон. (Потом его осудили и отменили, как всегда с большим опозданием.)

Из Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 29 июня 1956 года «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей»:

«Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР отмечают, что во время Великой Отечественной войны и в послевоенный период были допущены грубые нарушения советской законности в отношении военнослужащих Советской Армии и Флота, оказавшихся в плену или в окружении противника. Советские воины в Великой Отечественной войне героически сражались с фашистскими захватчиками, честно и самоотверженно выполнили свой долг перед Родиной. Однако в силу тяжелой обстановки, сложившейся в первый период войны, значительное количество советских военнослужащих, находясь в окружении и исчерпав все возможности к сопротивлению, оказалось в плену у противника. Многие военнослужащие попали ранеными, контуженными, сбитыми во время воздушных боев или при выполнении боевых заданий в тылу врага.

Советские воины, оказавшиеся в плену, сохранили верность Родине, вели себя мужественно и стойко переносили тяготы плена и издевательства гитлеровцев... Несмотря на это и в нарушение советских законов по отношению к бывшим военнопленным проявлялось огульное политическое недоверие, широко применялись необоснован-

ные репрессии и незаконно ограничивались их права. Военнослужащие, выходившие из окружения, бежавшие из плена и освобожденные советскими частями, направлялись для проверки в специальные лагеря НКВД, где содержались почти в таких условиях, как и лица, содержавшиеся в исправительно-трудовых лагерях... С 1945 года все освобожденные и репатриированные военнопленные, даже если на них не было никаких компрометирующих данных, сводились в батальоны и в порядке наказания направлялись для постоянной работы на предприятия угольной и лесной промышленности, находящиеся в отдаленных районах. Органы госбезопасности в послевоенный период продолжали необоснованно привлекать к уголовной ответственности бывших военнопленных, причем многие из них были незаконно репрессированы. Широкое распространение получили различные незаконные ограничения в отношении бывших военнопленных и их родственников в области трудового устройства, общественной деятельности, при поступлении на учебу, при перемене местожительства и т. п.

Грубые нарушения советской законности, допущенные по отношению к бывшим военнопленным, имели место прежде всего в результате преступной деятельности Берия, Абакумова и их сообщников, насаждавших массовый произвол и репрессии».

Еще одна ложь. Инициаторами репрессий против семей бойцов и командиров Красной Армии, оказавшихся в плену, были партийные органы. На принятии соответствующего закона настаивали Щербаков, Хрущев, Маленков. Сталин пошел навстречу требованиям партийной верхушки и дал согласие.

Отец, заявляю это совершенно официально, никакого отношения к судьбе военнопленных не имел, так как считал, что наказания заслуживают лишь те, кто совершил какие-то преступления. Даже полицейские, не запятнавшие себя кровью, считал мой отец, заслуживают снисхождения. А карать людей, в силу независящих от них обстоятельств попавших в окружение и плен, нельзя. После его смерти партийная верхушка, включая Хрущева и Маленкова, и в трагедии бывших военнопленных без стеснения обвинила моего отца. Процитированный выше документ — тому подтверждение.

Я не знаю, носило ли поведение Сталина, отказавшегося спасти сына и его семью, показной характер или нет, но факт остается фактом. Сталин поступил так, а не иначе. Знаю от Светланы, что, когда ему доложили о пленении сына, он очень тяжело это переживал. Заметили это и окружающие. Светлана рассказывала, что он

стал забирать ее по ночам к себе и часами вспоминал о детстве Якова. Он даже внешне изменился в те, безусловно, тяжелые для него дни.

Яша был цельный человек, который никогда ни перед кем не двурушничал. Таким я его запомнил. Внешне был очень сдержанный и медлительный. Противоположность Василию. Возможно, это от матери перешло. В Грузии, в горах, живут ратинцы. Считается, что мужчины там — рыцари, но несколько медлительны. Когда Яша медлил с какими-то решениями, Сталин иногда шутя называл его ратинцем.

В партию он вступил очень поздно, незадолго до начала войны. Считал, что не может состоять в партии, которая проводит политику массовых репрессий. Своей принципиальной позиции, насколько знаю, при этом не скрывал. Во всяком случае, и сам Сталин, и его окружение об убеждениях Якова хорошо знали. Кажется, в сороковом году у него состоялся такой разговор со Сталиным.

— Ты не можешь быть единственным из выпускников академии, оказавшимся вне партии, — сказал тогда Сталин. Не знаю, о чем они еще говорили, но после того разговора Яков вступил-таки в партию.

О его личной жизни знаю немного. Слышал, что не все складывалось у него, как хотелось, но жена у него, вопреки досужим домыслам, была порядочной женщиной.

(По сообщениям западной печати, дочь Якова Джугашвили, Галина, живет в России. Ей 52 года, она замужем за алжирским коммунистом и работает переводчиком с французского.

Жена Якова, Юлия Исааковна Мельцер, родилась в Одессе в семье служащего и домохозяйки. По утверждению английской печати, четырежды была замужем, в том числе за заместителем наркома внутренних дел Украины Бессарабом. Все это домыслы, как и то, что Юлия Мельцер, скончавшаяся в 1963 году в Москве, была любовницей начальника личной охраны Сталина генерал-лейтенанта Власика. Не выдерживает критики и описание западной прессой гибели Якова Джугашвили. Ряд источников со ссылкой на военнопленных английских офицеров утверждают, что старший сын Сталина покончил жизнь самоубийством, бросившись на колючую проволоку.)

Я читал, что после отрицательного ответа об обмене Якова на фельдмаршала Фридриха Паулюса, направленного председателю шведского Красного Креста графу Бернадоту, Юлия Мельцер находилась в заключении.

Мне кажется, что это не так — ее просто выслали из Москвы. Точно так же обошлись и с семьями остальных военнопленных.

Известно, что в годы второй мировой войны немецкая пропаганда активно использовала сам факт пребывания сына Сталина в плену. После того как Яков Джугашвили был захвачен 16 июля 1941 года под Витебском четвертой танковой дивизией группы армий «Центр», гитлеровцы выпустили листовку такого содержания: «По приказу Сталина учат вас Тимошенко и ваши политкомы, что большевики в плен не сдаются. Однако красноармейцы все время переходят к нам. Чтобы запугать вас, комиссары вам лгут, что немцы плохо обращаются с пленными. Собственный сын Сталина своим примером доказал, что это ложь. Он сдался в плен. Потому что всякое сопротивление германской армии бесполезно! Следуйте примеру сына Сталина — он жив, здоров и чувствует себя прекрасно. Переходите и вы!» Тогда же немецкая пропаганда распространила еще одну фальшивку, опубликовав фотографию Якова, стоящего рядом с человеком, который якобы являлся сыном Молотова. Листовка должна была убедить сражающуюся Красную Армию в предательстве детей высших руководителей СССР. Сына у Молотова никогда не было, и опровергнуть ложь было нетрудно. То же можно сказать и о другом утверждении гитлеровской пропаганды, будто сестра Лазаря Кагановича Роза была женой Сталина. Судя по материалам допросов в немецком плену, сам Яков Джугашвили это отрицал...

Тут немцы решили сыграть на антисемитизме. Сестра или племянница Кагановича в действительности не была женой Иосифа Виссарионовича, но ребенок от Сталина у нее был.

Сама она была очень красивой и очень умной женщиной и, насколько мне известно, нравилась Сталину Их близость и стала непосредственной причиной самоубийства Надежды Аллилуевой, жены Иосифа Виссарионовича...

Ребенка, росшего в семье Кагановича, я хорошо знал. Звали мальчика Юрой. Помню, спросил у дочери Кагановича:

— Это твой братик?

Она смутилась и не знала, что ответить.

Мальчишка очень походил на грузина. Мать его ку-

да-то уехала, а он остался жить в семье Кагановича. Как сложилась его судьба после 1953 года, я не знаю. Не приходилось больше слышать и о племяннице Кагановича...

* * *

Сложными, очень непростыми были взаимоотношения Сталина и Берия — этих двух исторических фигур.

Думается, что в какой-то мере мои свидетельства приблизят нас к истине. Уверен в том, что время и только время все рассудит и прольет свет на отношения главы государства и одного из его ближайших соратников.

ГЛАВА 3

ЛУБЯНКА: КАРАЮЩИЙ МЕЧ ПАРТИИ?

По данным Министерства безопасности России, с 1917 по 1990 год на территории бывшего СССР по обвинению в государственных преступлениях было осуждено почти 4000000 человек, 827995 из них приговорены к расстрелу На самом же деле число тех, кто попал под «красное колесо», неизмеримо больше. Среди жертв коммунистической тирании — миллионы членов семей «врагов народа», раскулаченные крестьяне, депортированные... Точной цифры сегодня, похоже, не знает никто, но пепел погибших стучит в наши сердца...

Когда уже после войны вновь начались репрессии, отец, помню, с горечью сказал:

— Это уже третий виток... Грязная вещь — политика...

Как-то я спросил у него:

— Но ведь и при тебе честные люди оказывались в тюрьме.

— Понимаешь, — ответил отец, — какие бы люди ни были в репрессивном аппарате, они всегда ищут врагов. Раньше ЧК видело их в купцах, помещиках, дворянах, сейчас ищут среди своих. Мы заменили в НКВД очень многих людей, но попробуй остановить маховик репрессий, если его раскручивали столько лет...

К несчастью, отец стал наркомом внутренних дел в то страшное время. Возглавив НКВД после Ягоды и Ежова — а это был конец 1938 года — он попытался сразу же затормозить колесо репрессий. Наверное, Сталину и нужен был в тот период такой человек. Хотя в самом Политбюро настроения были другие. С изменением курса были не согласны Жданов, Ворошилов, Молотов...

Из воспоминаний сына В. П. Чкалова Игоря:

«После первой сессии Верховного Совета СССР 1938 года Сталин позвонил Чкалову домой около двух часов дня и пригласил приехать в Кремль. Встретил, пожал руку, усадил в кресло рядом с собой и сразу приступил к делу: Политбюро считает, что пора Чкалову переходить на другую — партийную, государственную — работу. Все понимают, что давно пора расчистить ежовщину. Вот партия и считает, что наркомом внутренних дел, а по совместительству и наркомом водного транспорта (как и Ежов в то время) должен стать Валерий Чкалов. Отец резко ответил: водный транспорт для него еще куда ни шло, но вот НКВД! Сталин на это заметил, что любит чкаловскую справедливость, умение хорошо разбираться в людях. Валерий Павлович молод — ему всего тридцать четыре. В НКВД придется поработать года два-три, пока не наведет там порядок, а потом планируется создать единый Наркомат транспорта. В помощники Чкалову назначают Берия и Меркулова.

Отец просил дать возможность испытать поликарповский И-180, который лет на 5–6 вперед обеспечит нашу авиацию грозным оружием. А уж потом любое задание партии. Сталин ставил одно условие: с этого дня без его, Сталина, личного разрешения в воздух не подниматься. Расстались они на том, что вопрос о новом назначении окончательно будет решаться в конце декабря 1938 года.

Действительно ли хотел Сталин этого назначения или это какая-то непонятная игра?»

Далее, нетрудно догадаться, сын легендарного летчика делает прозрачный намек:

«Об обсуждении на Политбюро кандидатуры моего отца Берия и Ежов знали, разумеется. Прекрасно знали они и об отношении Сталина. Берия не мог не понимать, что и в качестве наркома транспорта отец будет для него опасен...»

В декабре того же года Валерий Чкалов погиб. Следовательно, продолжая рассуждения его сына Игоря, не обошлось без козней «конкурентов». Увы, какого-либо подтверждения версия, изложенная И. Чкаловым, не находит. Начнем с того, что Н. Ежов был освобожден от должности наркома внутренних дел лишь в декабре 1938 года. Позднее, до ареста, действительно возглавлял Наркомат водного транспорта. Арестовали его лишь весной 1939 года. Чкалову же предлагается возглавить сразу оба Наркомата — НКВД и НВТ. «Как и Ежов в то время...» Это первая неточность.

Серьезные сомнения вызывают и слова Сталина, что, дескать, пора расчистить ежовщину. Преступником Ежова назовут лишь много времени спустя, пока же массовые репрессии никто не ставит ему в вину. Напротив, Ежов еще на коне. Да, он уже обречен, и Сталин скорее всего принял роковое для наркома решение, но при чем же здесь летчик Чкалов? Ежов еще нарком НКВД, а Чкалову уже предлагают занять пост, на который только собираются назначить... Ежова. Словом, полная несуразица. Скорее всего, речь идет об очередной легенде.

А решение в декабре 1938 года действительно состоялось. Официальное решение. На самом деле Сталин принял его гораздо раньше...

Здесь, видимо, надо сделать отступление, а точнее, небольшой экскурс в историю и рассказать о предшественниках моего отца. Относился он к ним по-разному. Скажем, Берия, грузин по национальности, был убежден, что ставить во главе карательных органов нерусских людей в принципе неверно. А ведь так было с первых дней существования Советского государства.

— Это серьезная политическая ошибка, — говорил отец. — И еще большая ошибка — назначение русских на подобные должности в национальных республиках.

Впоследствии отец не раз доказывал, что неизменно находится на этой позиции.

Дзержинский, Менжинский, Ягода были участниками революции, пользовались доверием тогдашнего руководства партии и страны, но доверяли ведь не только полякам... Почему же во главе ЧК — ГПУ — НКВД оказывались именно эти люди? Объяснение простое: это была политика большевистской власти. Начиная с Ленина, партия, грубо говоря, руками инородцев давила основную массу людей. Давила политически. И это, убежден, не случайно...

Как-то у нас с отцом зашел разговор о Феликсе Дзержинском. Отец высоко отзывался о первом председателе ВЧК, как хорошем организаторе. Уже будучи тяжело больным, Дзержинский — отец этот факт подчеркивал особо — сумел в условиях послевоенной разрухи наладить работу транспорта в такой огромной стране. Другими словами, вне всяких сомнений, это была личность неординарная, сильная. Вместе с тем отец рассказал мне об одном поразившем его факте из биографии Феликса Эдмундовича. Огласке его никогда не предавали и впоследствии.

— Дзержинский, — рассказывал отец, — был человеком порядочным, но иногда такая внутренняя порядочность, любовь к близким толкали его на необдуманные поступки. Его семья жила в эмиграции, и он решил ее разыскать. В нормальных условиях это желание вполне объяснимо, но Дзержинский уехал, когда решалась судьба молодого государства. Белый террор, вооруженные заговоры, а он все бросил и уехал, не сказав ни слова ни Ленину, ни членам ЦК, и отсутствовал два месяца. Случай беспрецедентный! Как объяснить? Два месяца страна жила без председателя Всероссийской ЧК. Попробовал бы сейчас кто-нибудь такой фортель выкинуть...

О Вячеславе Менжинском, возглавлявшем ОГПУ с 1926 по 1934 год, отец рассказывал, что это был очень больной человек, который мало занимался непосредственными делами. Где-то читал, что Менжинский знал до прихода в органы безопасности 12 языков и на новом месте еще несколько выучил. Мне об этом слышать не приходилось, и вообще я сомневаюсь, что в тех условиях это было возможно. Впрочем, дело не в этом. Каким бы образованным ни был человек, сменивший Дзержинского на посту главы карательного ведомства, оправдать это назначение невозможно: вновь во главе органов государственной безопасности был поставлен инородец.

В 1934—1936 годах наркомом внутренних дел был Генрих Ягода.

Из официальных источников:

Генрих Ягода. Народный комиссар внутренних дел СССР с 1934 по 1936 год.

Родился в 1891 году в семье Григория Ягоды, мелкого ремесленника. По некоторым данным, отец будущего палача был не часовым мастером, а аптекарем. Ряд источников свидетельствуют, что настоящее имя отца наркома — Гирш Филиппович Ягуда или Иегуда.

В РСДРП с 1907 года. Арестовывался за революционную деятельность, два года находился в ссылке. В 1915 году был мобилизован в армию, где входил в военную организацию большевиков. Активный участник Октябрьской революции в Петрограде. После октября 1917 года работал в Высшей военной инспекции РККА, участвовал в гражданской войне на Южном и Юго-Восточном фронтах. С 1919 года — член коллегии Наркомата внешней торговли, с 1920 года — член Президиума ВЧК, с 1924 года — заместитель Председателя ОГПУ. Неоднократно встречался с В. И. Лениным. Удостоверения об утверждении Генриха Ягоды членом коллегии Наркомата

внешней торговли и коллегии ВЧК подписаны лично В. Ульяновым-Лениным.

На XVI съезде партии Генрих Ягода избирается кандидатом в члены ЦК ВКП(б), на XVII съезде — членом Центрального Комитета. Был членом ЦИК.

Обвинялся в сотрудничестве с царской охранкой, но Сталин счел представленные материалы неубедительными. Так как в свое время почти все архивы были уничтожены, подтвердить обвинение не удалось, и Сталин приказал «никогда к этому вопросу не возвращаться».

В декабре 1927 года в связи с десятилетием ВЧК — ГПУ — ОГПУ награжден орденом Красного Знамени. Как говорилось в представлении в Президиум ЦИКа, «одним из активных работников и ближайшим помощником т. Дзержинского по созданию органов ВЧК—ОГПУ был т. Ягода Генрих Генрихович, проявивший в самое трудное для страны время редкую энергию, распорядительность и самоотверженность в деле борьбы с контрреволюцией. Одновременно в качестве начальника Особого отдела т. Ягода имеет большие заслуги в деле организации и поднятия боеспособности Красной Армии. Ввиду этого Революционный Военный Совет ходатайствует о награждении т. Ягоды орденом Красного Знамени».

Впоследствии Г. Ягоду награждали не раз, в том числе орденом Ленина за участие в организации строительства Беломорско-Балтийского канала, который строили в основном заключенные.

В ноябре 1935 года стал первым из наркомов внутренних дел, кому было присвоено звание генерального комиссара госбезопасности. Ни Ф. Дзержинский, ни В. Менжинский, ни другие его предшественники специальных званий не имели.

При Г. Ягоде и под его непосредственным руководством проходили крупнейшие политические процессы, начавшиеся сразу же после убийства С. М. Кирова.

25 сентября 1936 года, находясь на отдыхе в Сочи, Сталин телеграфирует Кагановичу, Молотову и другим членам Политбюро: «Считаем абсолютно необходимым и срочным делом (вместе со Сталиным отдыхал Жданов) назначение т. Ежова на пост наркомвнутдел. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздало в этом деле на 4 года. Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей НКВД».

С 27 сентября 1936 года Г. Ягода — народный комиссар почты и телеграфа. 3 апреля 1937 года его освобождают от должности и выводят из состава ЦИКа, его имя снимается с Высшей пограничной школы и других учреждений и организаций. Начинается следствие по его делу.

На следствии и суде Г. Ягода признал, что участвовал в убийствах Кирова, Горького, Менжинского, Куйбышева, М. А. Пешкова (?), покушении на жизнь нового наркома внутренних дел Ежова, руководил правотроцкистским блоком «с целью свержения Советской власти и восстановления в СССР капитализма». Как ни странно, но иностранным шпионом Г. Ягода признать себя отказался. Скорей всего, Сталин и Ежов на этом особенно не настаивали.

15 марта 1938 года все 17 обвиняемых, в том числе первый нарком внутренних дел РСФСР А. И. Рыков и Г. Г. Ягода, были расстреляны.

Все ближайшие родственники бывшего наркома в разные годы были репрессированы. Удалось спастись лишь сыну Генриху, 1929 года рождения. Он был осужден в 1949 году Особым совещанием при МГБ СССР и освобожден по амнистии в 1953 году. Впоследствии получил инженерное образование и под чужим именем вместе с семьей проживал на Украине.

Жена Ягоды — Ида Леонидовна, племянница Якова Свердлова, — была арестована и погибла в заключении.

Думаю, что жена Ягоды племянницей Свердлова все же не была, как принято считать. Во всяком случае, мне об этом слышать не приходилось. Своей карьерой Ягода обязан явно не Свердлову. Дзержинский, Менжинский... Вообще в органах безопасности с самого начала их существования было много инородцев из поляков, так что выдвижение Ягоды понятно в какой-то степени.

Пишут нередко, что он был евреем. Возможно. Ни подтвердить, ни опровергнуть я это не могу. У нас дома на эту тему никогда не говорили.

Ягоду я знал. Как и Ежов, он был очень приветлив с нами, всячески обхаживал моего отца. Когда мы приезжали из Тбилиси в Москву, Ягода был само радушие — предоставлял квартиру, машину. Словом, как и Ежов, очень хотел числиться у отца в больших друзьях. Оба знали, что отец на хорошем счету у Кирова и Орджоникидзе...

На том уровне не было секретом, что отец пользуется

колоссальной поддержкой Кирова и Орджоникидзе. Оба рассматривали моего отца как своего ученика, и, скрывать не буду, это по их инициативе проходили все его назначения в 20—30-е годы. Отец не без основания считался знатоком грузинских проблем, а Орджоникидзе и Кирова связывало с Грузией, Закавказьем многое. Так что ничего удивительного, что они следили за его карьерой, нет.

От отца знаю, что на XVII съезде его ввели в состав ЦК (он не был даже кандидатом в члены ЦК) по инициативе Сергея Мироновича Кирова и при активной поддержке Серго Орджоникидзе. Видимо, они сумели убедить тогда Сталина, потому что последнее слово было за ним...

Ягода был неглупым человеком и в силу должности столь же информированным. Он прекрасно знал, кто поддерживает отца, и вполне мог прогнозировать его дальнейшую карьеру. В таких случаях — а это был общепринятый метод! — всячески подчеркивалось дружеское расположение, на деле же накапливался материал на того или иного политического деятеля. И Ягода не был здесь исключением. Людей специально арестовывали и выбивали материалы на тех, кто мог оказаться конкурентом. При случае «компромат» мог быть положен на стол Сталину или доложен Политбюро. Исход предсказать нетрудно...

Еще задолго до перевода моего отца в Москву арестовывались невинные люди, чьи «признания о Берия» Ягода клал пока под сукно, надеясь при случае с ним расправиться. Причем, как правило, в свидетели и «соучастники» брали руководителей высокого ранга. Отец рассказывал, что именно так расправились со вторым секретарем ЦК Грузии Кудрявцевым, большим другом моего отца. После прихода в НКВД СССР отец затребовал материалы по его делу. Основной лейтмотив допросов был такой: «Дай показания, что Берия — троцкист!» К чести Кудрявцева, никакие пытки его не сломили, и показаний на моего отца он не дал.

Этими же методами — а это были партийные методы! — действовал и предшественник отца на посту наркома внутренних дел Николай Ежов.

Из официальных источников:

Николай Ежов. Народный комиссар внутренних дел СССР с 1936 по 1938 год.

Родился в 1895 году в Петербурге. Рабочий. После февраля 1917 года вступает в большевистскую партию. В годы гражданской

войны — военный комиссар. С 1922 года — секретарь Семипалатинского губкома, Казахского краевого комитета партии. С 1927 года — в ЦК ВКП(б): заведующий Распределительным отделом, Отделом кадров ЦК ВКП(б).

Член ЦК ВКП(б) с 1934 года (избран на XVII съезде, вошедшем в историю как съезд расстрелянных). Тогда же становится заведующим Промышленным отделом ЦК, членом Организационного бюро, заместителем председателя КПК при ЦК ВКП(б). С 1936 года — секретарь ЦК ВКП(б), председатель Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), заместитель председателя Комитета резервов Совета Труда и Обороны СССР. На VII конгрессе Коминтерна избран членом исполкома Коминтерна.

Как секретарь ЦК, непосредственно курировал НКВД, участвовал в подготовке политических процессов.

С 1 октября 1936 года — нарком внутренних дел. С января 1937 года — Генеральный комиссар государственной безопасности. В июле 1937 года награжден орденом Ленина «за выдающиеся успехи в деле руководства органами НКВД по выполнению правительственных заданий». Только в июне 1937 года Н. Ежов представил списки на 3170 политических заключенных к расстрелу. Тогда же Сталин, Молотов и Каганович их утвердили.

Освобожден от должности наркома внутренних дел, как писали тогда газеты, «согласно его просьбе», в декабре 1938 года. Впоследствии — нарком водного транспорта. 10 апреля 1939 года арестован по обвинению в руководстве заговорщической организацией в войсках и органах НКВД, шпионаже в пользу иностранных разведок, подготовке террористических актов против руководителей партии и правительства, вооруженного восстания против Советской власти.

Приговором Военной коллегии Верховного суда СССР 3 февраля 1940 года осужден к исключительной мере наказания. Расстрелян 4 февраля.

Приемная дочь (детей у наркома не было) живет под чужим именем.

Как-то, вспоминаю, Ежов приехал к нам домой вместе с женой. Был уже нетрезв.

— Что же, — сказал за столом. — Я все понимаю, моя очередь пришла...

Ежов успел отравить жену. Может, и не по-человечески это звучит, но в какой-то мере ей повезло — избежала всех тех страшных вещей, которые ее ожидали.

Оправдать людей, повинных в массовых репрессиях, нельзя. Но главный виновник — Система, породившая беззаконие. Я уже говорил о тех отношениях, которые связывали карательные органы с ЦК, о постыдной роли

Орготдела ЦК, направлявшего репрессии. Ни одно действие политического характера без Орготдела ЦК не принималось. Ежов — не лучше и не хуже других. И он — оттуда, из ЦК, и Маленков, курировавший органы безопасности, как член Президиума ЦК, тоже оттуда. Маленкова, кстати, хотели сделать наркомом внутренних дел после Ежова. И это было бы вполне логично. Во все времена — так было и при Ленине, и при Сталине, и при Хрущеве, и при Брежневе, и при Горбачеве — должность главы карательного ведомства считалась политической. Отсюда назначение Ежова, позднее — Игнатьева и других партийных работников. Профессионалы разведки и контрразведки приходили на эту должность редко. Кроме отца, могу назвать совсем немногих. Как правило, будущие руководители этого ведомства делали карьеру в ЦК КПСС. Партийный аппарат управлял органами безопасности всегда и никогда ни на день, ни на час не выпускал их из-под неослабного контроля. Я бы назвал этот контроль без преувеличения тотальным. Разве можно согласиться с тем, что органы когда-либо «ставили себя над партией»? Не было этого и не могло быть. «Карающий меч партии». Более чем откровенно сказано на мой взгляд. Именно партии!

Отец категорически не хотел идти на должность наркома. Политбюро возвращалось к этому вопросу дважды. Но так или иначе отец вынужден был согласиться, предварительно получив согласие на свои условия. Лишь один факт, который не рискуют опровергнуть даже обливающие его грязью недобросовестные историки. Уже 17 ноября 1938 года вышло постановление, осуждающее преступные методы следствия, насажденные задолго до прихода отца в НКВД. Появление этого документа непосредственно связано с его требованиями. И Сталин, и Политбюро с этим согласились.

Пресловутые «тройки» и «двойки» — тоже «детище» большевизма. Утверждены они были секретной партийной директивой от 27 ноября 1936 года. Обычно в них входили секретарь обкома и райкома партии, начальник отдела НКВД, прокурор. Сразу же после прихода моего отца на должность наркома внутренних дел «тройки» были ликвидированы.

Как мог, отец всю жизнь боролся со внесудебными органами, но, подчеркиваю, все они были созданы задолго до перевода моего отца в Москву. Скажем, печально известное Особое совещание при НКВД СССР (позд-

нее — при НКГБ и МГБ СССР) появилось на основе постановления ЦИК и СНК СССР от 5 ноября 1934 года. По некоторым данным оно осудило 442531 человека, в том числе к высшей мере наказания — свыше десяти тысяч. В декабре того же тридцать четвертого ЦИК принимает постановление о рассмотрении в десятидневный срок дел по подготовке террористических актов без участия свидетелей. Рассмотрение дел Особым совещанием проходило не только без свидетелей, но и в отсутствие обвиняемых. Естественно, этим создавалась питательная среда для фальсификации материалов, полученных в ходе предварительного следствия, грубейшего нарушения законов.

А разве неизвестно историкам, что, скажем, на Украине концентрационные лагеря появились даже не в 1934-м или 1937 годах, а еще в 1920-м. Кстати, гораздо позднее, чем в России. Сохранились — и это сегодня известно — даже соответствующие указания Владимира Ильича: «Запереть в концентрационный лагерь!» Распоряжение было подписано главой молодого Советского государства и создателем большевистской партии еще летом 1918-го. После Октябрьского переворота не прошло и года...

Отец сумел убедить тогдашнее руководство страны, что физическое и иное насилие над арестованными ставит признание этих людей под сомнение и нарушает все международные конвенции. Вещи, безусловно, очевидные, но, наверное, добиться отмены подобного ведения следствия внесудебными органами было в тех условиях непросто. Партия, вернее партийная верхушка, от таких нововведений была, прямо скажу, не в восторге. Отцу приходилось доказывать, обосновывать свои предложения. Разумеется, без поддержки Сталина здесь не обошлось, но, видимо, для себя все это он решил еще раньше. Отсюда и сам перевод моего отца в Москву.

Конечно, можно сегодня говорить о негодяях из НКВД, чьи руки по локоть в крови. Это они выбивали показания у арестованных, обрекали на гибель и годы лагерей невинных людей. Так было и при Ягоде, и при Ежове. Многие сотрудники с приходом моего отца в НКВД были уволены, многие разжалованы и осуждены. Но кто позволил, а вернее, толкнул на беззаконие? Конечно, партийная верхушка, на них же списавшая и все преступления.

Наверное, надо сказать и о тех, кто просто оказался

тогда — в тридцать пятом, тридцать шестом, тридцать седьмом, тридцать восьмом — в такой ситуации. Были, безусловно, среди сотрудников НКВД тех лет и негодяи, и карьеристы, и подлецы, но никогда не поверю, что творили те же следователи зло из внутренних побуждений. Главный виновник — Система, они всего лишь исполнители преступных приказов. Говорю это не в оправдание аппарата НКВД. Грехов на нем предостаточно. Но главный виновник так и ушел от ответственности...

Механика взаимоотношений партийных органов и НКВД во все времена была такой: все материалы на ведение следствия поступали из ЦК, без этого, официально по крайней мере, следствие не начиналось. Какие-то оперативные мероприятия органы безопасности могли, конечно, вести и без этого, но без санкции ЦК дальше этого дело не шло. Имею в виду центральный аппарат НКВД. Аналогичный порядок существовал и в республиках, областях, районах. Скажем, санкцию на арест, ведение следствия местным управлениям и отделам НКВД давали секретари обкомов и райкомов партии. Они же непременно входили в так называемые «тройки».

В самих органах государственной безопасности, естественно, существовали, как и в любом другом ведомстве, партийные организации, но в более жесткой форме, я бы сказал. Так ведь было до последнего дня существования КГБ. Коллегия, Председатель Комитета и рядом — партком. Причем «выходили» местные партийные деятели на ЦК, минуя наркома. Своеобразный контроль. Впрочем, как и везде. Отец эту «самодеятельность» пресекал и считал, что НКВД не то ведомство, где можно позволять такие вещи. Здесь, считал он, своя специфика, режим секретности и, кроме того, особый режим ответственности. Ведь как бывало. ЦК вмешивался в какие-то вопросы, но ответственности, как всегда, нести ни за что не собирался. Сотрудники, получавшие указания непосредственно от ЦК, начинали относиться к делу столь же безответственно. Мол, что я, пусть ЦК решает... Отца это возмущало. Он считал, что, как скажем, цековцев не подпускали к делам Генерального штаба, точно так же нельзя им влезать и в дела разведки или контрразведки. Надо отдать должное партийным органам: во все времена своим вмешательством они губили любое дело и создавали новые проблемы. Может, это единственное, где они преуспели...

В чем смысл многолетнего целенаправленного уничтожения собственного народа правящей партией? Начали с

уничтожения дворянства, старой интеллигенции. Позднее это переросло в уничтожение уже новой, советской интеллигенции.

Репрессии всегда были целенаправленными. Уничтожали офицерство, купечество, дворянство, потом — духовенство. Потом дошла очередь до крестьянства, так называемого кулачества. После войны — новые жертвы. Выбиралась цель, а дальше все просто, по отработанной схеме. Но многое, безусловно, зависело от тех людей, кто стоял во главе карательных органов в тот период. Одни, как Ягода, Ежов, не только спешили выполнить новые партийные «установки», но и сами проявляли инициативу, другие, как мой отец, всячески мешали творить беззакония. Пусть не все, но многое удавалось. Как ни сопротивлялся партийный аппарат, а вынужден был порой отменять свои же решения.

Из воспоминаний Н. С. Хрущева:

«Когда Сталин высказал мысль, что надо заменить наркома внутренних дел Ягоду, поскольку тот не справлялся, он назвал взамен Ежова. Ежов был начальником по линии кадров в ЦК партии. Я его хорошо знал. Он производил на меня хорошее впечатление, был внимательным человеком. Я знал, что Ежов – питерский рабочий и с 1917 г. являлся членом партии. Это считалось высокой маркой – питерский рабочий! Когда Ежов был выдвинут в НКВД, я еще не знал глубоких мотивов этой акции и внутренней аргументации Сталина. Я-то лично неплохо относился к Ягоде и не видел, не чувствовал прежде какой-то антипартийности в его действиях. Но был назначен Ежов, и репрессии еще больше усилились. Началось буквальное избиение и военных, и гражданских, и партийных, и хозяйственных работников. Наркомат тяжелой промышленности возглавлял Орджоникидзе. Наркомат путей сообщения – Каганович. Там тоже шли повальные аресты людей. Между прочим, Ежов был в дружеских отношениях с Маленковым и вместе с ним работал. Так что последний не стоял в стороне от «ежовщины».

Здесь Хрущев действительно прав: высокопоставленный партийный чиновник Маленков весьма активно и настойчиво проводил репрессии. Но ведь и сам Хрущев, хотя и не пишет об этом, не только не восставал против творимого партией беззакония, но и был таким же, как Маленков, проводником ее идей, в чем так и не решился признаться до конца жизни. Конечно же и ему, и Маленкову, и остальным проще было «подставить» Ягоду, Ежова, списав на НКВД собственные грехи.

В отличие от большинства членов кремлевского руководства, отец не на словах, а на деле доказал, что не согласен с репрессивной политикой большевистской партии. К сожалению, я не знаю точных цифр, но речь идет о сотнях тысяч освобожденных из лагерей. Писал об этом и Константин Симонов:

«Назначение Берия выглядело так, как будто Сталин призвал к выполнению суровых, связанных с такой должностью обязанностей человека из Грузии, которого он знал, которому он, очевидно, доверял и который должен был там, где не поздно, поправить содеянное Ежовым. Надо ведь помнить, что те, кто был выпущен между концом тридцать восьмого и началом войны, были выпущены при Берия. Таких людей было много, я не знаю, каково процентное отношение в других сферах, но в «Истории Великой Отечественной войны» записано, что именно в эти годы было выпущено более четверти военных, арестованных при Ежове. Так что почва для слухов, что Берия, восстанавливая справедливость, стремился поправить то, что наделано Ежовым, была... Начало деятельности Берия в Москве было связано с многочисленными реабилитациями, прекращением дел и возвращением из лагерей десятков, если не сотен тысяч людей... Часть освобожденных могли образовать питательную среду для поддержки его, Берия... Хотел приобрести дополнительную популярность...»

Никогда не поверю, что Константин Симонов, писатель-фронтовик и вообще порядочный человек, был здесь до конца искренним. Уж он-то отлично знал, что и как тогда произошло. То, что он написал, полуправда, хотя мало кто до него решался даже на это. Именно Берия стал для миллионов узников ГУЛАГа символом освобождения, о чем, кстати, многие помнят и по сей день. И еще. Слова о том, что делал это новый нарком ради собственной популярности в народе, отнюдь не новы. После смерти отца его недавние соратники навязывали народу именно этот образ. Опровергнуть доброе дело при жизни миллионов недавних зэков было невозможно, а посему и пришлось партийной верхушке использовать надуманные мотивы. Из-за чего еще будущий «заговорщик» стремился к освобождению невинных людей. Конечно же готовил почву для переворота. Глупость, конечно, но в значительной степени сработало. Чем страшнее ложь, тем охотнее в нее верят... Так, кажется, учил своих товарищей по нацистской партии Геббельс? Как видим, методы отечественной партократии ничем не отличались от тех, которые использовали гитлеровцы.

Даже если допустить, что отец вынашивал какие-то планы, то и тогда освобождение миллионов, а речь действительно идет о миллионах людей, остается не шагом — рывком к восстановлению попранной справедливости. Но, разумеется, все это домыслы, и нет никаких оснований в чем-либо его обвинять здесь. Тогда, в 1939, 1940, 1941-м, он действительно сделал то, на что, будем честны и здесь, уже мало кто надеялся в истерзанной репрессиями огромной стране. Позднее, в 1942—1943 годах, было дополнительно освобождено и направлено в армию свыше 157 тысяч человек, а всего за три года войны были освобождены и переданы в армию 975 тысяч человек. Разумеется, речь не только о репрессированных по политическим мотивам, но и о тех, кто был осужден вполне обоснованно за уголовные преступления. К слову, именно таким путем попали в войска будущие Герои Советского Союза Матросов, Бреусов, Отставнов, Сержантов, Ефимов и другие...

Есть и другие цифры. В связи с угрозой немецкой оккупации подлежали эвакуации 750 тысяч заключенных. 420 тысяч из них были сразу же направлены в армию, многие освобождены. Но, разумеется, в такой ситуации вряд ли кто был в состоянии добиться в одночасье освобождения всех узников ГУЛАГа, репрессированных незаконно. Точных цифр нет и по сей день, но известно, что на 1 марта 1940 года из 1668 тысяч заключенных, содержащихся в лагерях НКВД за так называемые контрреволюционные преступления, было освобождено 28,7 процента. Если учесть, что освобождение этих людей продолжалось и в дальнейшем, то, по всей вероятности, уже к началу войны эта цифра была значительно меньше.

Вполне можно допустить, а по некоторым источникам так и было, сотни тысяч людей тогда, в 1939-м, спасти уже было невозможно. Лишь спустя десятилетия мир узнал и содрогнулся, что означали слова «десять лет без права переписки». Арестованные при Ягоде и Ежове люди даже не попадали в лагеря, а были почти сразу расстреляны. Позднее, уже во второй половине 50-х, их семьи получат извещения о смерти близких, якобы скончавшихся в лагерях ГУЛАГа в 1941, 1942, 1943-м и других военных годах. На самом деле, прах их покоится в массовых захоронениях тридцатых годов.

Напомню: все эти преступления были совершены еще до того, как мой отец стал наркомом внутренних дел.

Но партийная верхушка умудрилась связать и эти трагические страницы нашей истории с именем человека, которого искренне ненавидела. Между тем ни одного массового захоронения репрессированных советских людей более позднего периода не обнаружено, а те, что широко известны и на Украине, и в Беларуси, и в России, датируются в основном 1937—1938 годами, то есть в период, когда органы внутренних дел возглавлял Николай Ежов.

Как-то, перечитывая мемуары Жукова, нашел там такие строки: «Тем более противоестественными, совершенно не отвечающими ни существу строя, ни конкретной обстановке в стране, сложившейся к 1937 году, явились необоснованные, в нарушение социалистической законности, массовые аресты, имевшие место в армии в тот год. Были арестованы видные военные, что, естественно, не могло не сказаться на развитии наших вооруженных сил и на их боеспособности». При всем уважении к великому полководцу согласиться с ним здесь невозможно: и лагеря, и расстрелы, и миллионы репрессированных, и другие чудовищные преступления органично «вписывались» в тоталитарную систему. Сам советский строй был с самого начала круто замешен на крови...

Так писал Георгий Константинович или нет — судить, естественно, трудно. Но, безусловно, это был порядочный человек и оправдать насилие ни при каких условиях не мог. Кто виновник злодеяний против собственного народа, он знал прекрасно, но кто позволил бы ему обвинить в этом партийную верхушку...

А то, что концлагеря, заложники, массовые расстрелы — порождение Системы, бесспорно. Помните, говорил нам Горбачев о социализме с человеческим лицом? Это как прикажете понимать? А разве жертвы, которые на совести большевистской партии, это не лицо того социализма, который мы пережили? Волосы дыбом становятся, когда читаешь, что принесла диктатура народу. А нас убеждают, что мы свернули с истинного пути при Сталине. Да ничего подобного! Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков были не лучше. Но не надо персонифицировать: тот плохой, этот плохой, но остальные, вся Система ни при чем. Так не бывает. Я не политик и никогда не стремился им быть, но, с моей точки зрения, здесь просматривается цепочка: одни убивают, потом их же убирают руками других... Какое там человеческое лицо у такого социализма...

Некоторые историки, признавая, что постановление ЦК, осуждающее массовые репрессии, все же было (а принято оно по инициативе отца), утверждают, что и при нем продолжались закрытые групповые процессы. Это ложь. Единственное, чего до конца он не смог тогда добиться, это сразу освободить людей, осужденных военными трибуналами, Верховным судом. Пересмотр этих дел требовал времени и более аргументированного обоснования, что эти люди невиновны.

Вполне понятно, что аресты, пусть не в таких масштабах, продолжались и в тридцать девятом, и в сороковом годах, но не по инициативе НКВД, как теперь пишут, а по требованию Орготдела ЦК, личных указаний Сталина, решений Политбюро. Правда и то, что опоздавшие более чем на 20 минут и прогульщики тоже попадали в лагеря. Кто-то на месяцы, кто-то на годы. Согласен, что этого тоже делать не следовало, но давайте посмотрим, почему так произошло. 10 августа 1940 года был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР о нарушителях трудовой дисциплины. Не приказ по НКВД, подписанный наркомом или его замами тому виной, не документ, рожденный в недрах карательного ведомства, а Указ Президиума Верховного Совета. Что мог в такой ситуации изменить нарком? Или что могли предпринять органы НКВД на местах? Впрочем, не секрет, что и сам Президиум Верховного Совета имеет к этому страшному документу весьма косвенное отношение — решала все партийная верхушка...

И все же кое-что, как я говорил, новому наркому удалось. Почему так и не был расстрелян, приговоренный к смерти, авиаконструктор Туполев, например? А Борис Львович Ванников, ожидавший расстрела в тюремной камере после вынесения приговора? Помню, отец рассказывал, как Сталин вспомнил о Ванникове. Жаль, говорит, что в живых его нет, вот кого не хватает... А Ванников вопреки всему остался жив. Отец об этом знал прекрасно — по его прямому указанию исполнение приговора затянули, — но ответил Сталину так: «А вдруг... Все ведь бывает...» Ванников вскоре стал наркомом, а впоследствии — трижды Героем Социалистического Труда...

А сколько тысяч военных, ученых было тогда спасено! Тимошенко и Жуков часами сидели в кабинете моего отца и составляли списки, кого из офицеров и генералов освободить. Сидели ведь в то время сотни тысяч безвинных людей!

Или другой пример. Перед самой войной, в июне, были арестованы командующий авиацией, главный инспектор авиации и начальник войск ПВО — Рычагов, Шмушкевич и Штерн. Но кем? Генеральный штаб и нарком Тимошенко проверяли боеготовность частей ПВО и авиации. О результатах проверки сами же военные доложили в ЦК. Была создана комиссия, которую возглавил, если не ошибаюсь, Жданов. Входил в нее и Ворошилов, в недавнем прошлом — нарком обороны. Не знаю, сколь серьезной была вина генералов, которых обвинили в невыполнении директив Наркомата обороны и ЦК, а затем сместили с должностей и арестовали. Во всяком случае, нарком внутренних дел, вполне понятно, никакого отношения к этому иметь не мог. Позднее, когда стали известны неудачи начального периода войны, этот приговор и вовсе никто не ставил под сомнение — и ПВО, и авиация, как известно, показали себя тогда не лучшим образом, к сожалению. Но, повторяю, судить этих людей я не берусь. Вспомнил я о них лишь в связи с тем, что нередко и аресты военных приписывают Берия. А ведь военных судили только армейские трибуналы и Военная коллегия Верховного суда.

Мне самому довелось работать с людьми, пострадавшими от произвола, и я всегда относился к ним точно так же, как и мой отец. В нашем конструкторском бюро трудилось немало таких, чьи отцы были расстреляны. Скажем, Расплетин. Его отец был купцом в Рыбинске и расстрелян еще в 1918 году. Впоследствии этот крупный ученый стал академиком и возглавил ту организацию, где я в свое время работал.

Среди многих, чьи биографии раздражали партийных чиновников, взял я на работу и талантливого инженера-преподавателя. Его отца раскулачили, выселили с Украины, а потом расстреляли. Правда, это не помешало сыну окончить институт, аспирантуру и преподавать в Военной академии.

В конце концов, терпение партийных органов кончилось, и меня вызвали в Орготдел ЦК, где прямо сказали, что я укрываю сомнительных людей, которым не место в такой секретной организации. А мой отец в то время был уже членом Политбюро и первым заместителем Председателя Совета Министров СССР. Так было и при Абакумове, и при Игнатьеве, который стал главой карательных органов после ареста Абакумова. Но решали-то не они — ЦК.

Тогда я и столкнулся с самой настоящей кадровой проблемой. Нахожу подходящих людей — умных, талантливых, перспективных, но по инструкции их на работу взять нельзя. У большинства биография «не та». А ведь почти все прошли войну, офицеры, выпускники академий. Если бы я, как руководитель коллектива ученых и конструкторов, выполнял партийные инструкции, ни одного из тех, кто нам был необходим, пригласить не смогли бы. Приходилось нарушать. Но так, естественно, поступали не все. Руководитель, боявшийся за свою карьеру, на такие вещи конечно же не шел. Я и сегодня спустя много лет глубоко убежден, что поступал правильно. А тогда я просто делал то, что делал мой отец, точно так же не задумываясь о последствиях.

В связи с этим примечателен разговор, состоявшийся у меня с Маленковым. Он меня вызвал и в присутствии заведующего Орготделом ЦК Сербина и еще каких-то партийных работников сказал:

— Товарищи из нашего аппарата абсолютно правы, когда предупреждают тебя, что ты нарушаешь существующие инструкции, но я считаю, что ты поступаешь правильно.

Это, разумеется, была игра. Кто-кто, а партийный аппаратчик Маленков и был одним из тех, кто сочинял такие инструкции...

Лицемерие партократии никогда не знало пределов. Работал у меня Кошляков. Блестящий ученый-математик и замечательный человек. Скажу лишь, что общение с ним помогло мне впоследствии, не имея конспектов, читать лекции по математической физике в аспирантуре Уральского университета в Свердловске.

Когда возникла реальная угроза захвата Ленинграда немцами, встал вопрос о спасении исторических и культурных ценностей города. Впоследствии, когда Кошляков и другие видные ленинградские ученые были осуждены как пособники врага к длительным срокам лишения свободы, представили дело так, будто ленинградская профессура создала в Ленинграде правительство, которое должно было после прихода немцев войти с оккупантами в контакт. Словом, изменники Родины. На самом же деле все делалось с ведома ЦК. В Белоруссии, знаю, такое же правительство было сформировано для сотрудничества с немцами. Смысл заключался в том, что такие органы немцы непременно создадут, так не лучше ли включить туда тех, кого надо. Так и в Ленинграде было. Тем не

менее Жданов этих людей хотел подвести под расстрел. Спасло академика Кошлякова чудо. У Жданова, как всегда, была своя игра, и жизни людей в ней абсолютно ничего не значили. Когда надо было организовать такое правительство, его создавали, когда хотели показать врагов, «подставляли» тех же людей, которых уговаривали взяться за эту авантюру.

После войны все те же инструкции не позволяли мне привлекать к секретным работам людей, которые находились на оккупированной территории. Позвольте, а кто оставил миллионы и миллионы людей на этой территории? Для партии этот вопрос интереса не представлял. Конечно же, как мог, я нарушал и эту инструкцию.

Вообще стоило бы сейчас поднять те давние документы и предать их гласности. Тогда бы все стало совершенно ясно. Да и не только эти. Скажем, стенограмма июльского (1953 года) Пленума ЦК КПСС опубликована лишь в 1991 году. А почему бы не опубликовать и стенограмму того Пленума, на котором Молотова и Микояна вывели из членов ЦК. Уже после смерти Сталина по предложению Маленкова и моего отца их снова ввели в состав ЦК. Но чем мотивировал их смещение Сталин, так и осталось загадкой. Утверждают, что стенограмма того Пленума ЦК отсутствует. Не странно ли? История КПСС, смею утверждать, еще не написана. Далеко не все сказано и об участии большевистской партии в массовых репрессиях.

После смерти Сталина отца уговорили возглавить объединенное Министерство внутренних дел. В этой должности он проработал, как известно, недолго, но серьезные шаги к восстановлению законности были сделаны. Еще до войны он предлагал передать все тюрьмы и лагеря в ведение Министерства юстиции. Тогда Сталин сказал, что в принципе на это можно пойти, но пока вопрос следует отложить — приближалась война.

В пятьдесят третьем отец вновь ставит этот вопрос перед Президиумом ЦК. Видимо, его доводы показались убедительными, и решение состоялось. Увы, вскоре все вернулось на круги своя, как известно, и сегодня органы исполнения наказаний входят в систему МВД России, Украины, Беларуси и всех остальных бывших республик СССР. Отец считал, что так быть не должно. Задача органов внутренних дел — раскрытие преступлений, но не содержание осужденных.

По его инициативе в 1953 году вскоре после смерти

Сталина была проведена и крупномасштабная амнистия. Сегодня и этот гуманный акт ставят ему же в вину. Начнем с того, что Президиум Верховного Совета СССР принял соответствующий Указ. Отец считал, что следует освободить всех репрессированных и осужденных за малозначительные уголовные преступления. Тем самым, считал он, мы подведем черту — раз и навсегда! — под всеми контрреволюционными течениями, выдуманными и невыдуманными преступлениями и врагами. По мнению отца, надо было не только освободить людей из лагерей, но и восстановить доброе имя миллионов тех, кто не до жил до восстановления справедливости.

Он считал, что необходимо создать специальную комиссию ЦК, которая в течение трех-четырех месяцев решила бы этот вопрос. Предполагалось, что основная нагрузка ляжет на Министерство юстиции, судебные органы и органы прокуратуры на местах. Именно они должны были в сжатые сроки разобраться с судьбой каждого заключенного. Так что никакой необходимости дожидаться XX съезда вовсе не было. Был ведь предложен конкретный механизм реализации этих предложений.

Комиссия была создана и вместе с Министерством юстиции занялась этими вопросами. Ворошилов подписал Указ об амнистии. Позднее стали насаждать мнение, что «Берия выпустил рецидивистов». А речь-то шла о другом, о том, чтобы выпустить не рецидивистов, а невинные жертвы режима. Но Берия тут при чем? МВД, как и предполагалось, освобождало лишь те категории заключенных, которые фигурировали в решениях правительства и Министерства юстиции. Зачем же, спрашивается, было амнистировать тех, кто был осужден за тяжкие преступления?

Вообще, любопытная вещь получается. Когда заходила речь об освобождении узников ГУЛАГа, непременно подчеркивали, что это сделала партия. Если надо было «зацепить» Берия, сокрушались по поводу «бериевской» амнистии. И так, к сожалению, во всем...

Отец считал, что функции МВД вообще следует ограничить. Оперативную работу, охрану колоний они, естественно, должны вести. Следствие — нет. И объяснял почему. Несколько лет назад в СССР развернулась дискуссия на эту тему. Предлагали, помню, даже специальный Следственный комитет создать. Но дело почему-то затормозилось. Насколько понимаю, и после развала Союза это предложение никто реализовывать не собирается.

А жаль. Почему это не устраивало партийные структуры, понятно. Партия понимала, что так распоряжаться судьбами людей легче... Но что мешает теперь пойти по цивилизованному пути?

Интересные предложения в том же пятьдесят третьем отец внес и по перестройке государственного аппарата, в частности, Совета Министров. Скажем, как специалист, он считал, что МВД должно стать в первую очередь аналитическим органом и информировать министерства и ведомства, помогать им в решении тех или иных конкретных вопросов. Не секрет ведь, что НКВД, МГБ, КГБ всегда отличались высокой информированностью...

На Лубянке он в те месяцы почти не бывал, все время находился в своем кабинете в здании Совета Министров. Не скрывал, что доволен реакцией на свои многочисленные предложения членов высшего руководства. Он и предположить не мог, чем это все обернется — кардинальных перемен партийная верхушка, как выяснилось позднее, явно не хотела.

Задерживаться в МВД отец не собирался:

— Я возглавляю МВД только в период принципиальной реорганизации.

— Конечно, — заверяли его Хрущев и Маленков. — Наведешь порядок после Игнатьева и уйдешь.

Семена Игнатьева, возглавлявшего МГБ в 1951—1953 годах, освободили от должности по предложению моего отца. Этот человек был замешан в послевоенных репрессиях, фальсификации «Ленинградского дела», «Дела врачей». Думаю, его бы арестовали, чтобы предотвратить нежелательную для партийной верхушки утечку информации. Но когда убили отца, все спустили на тормозах...

Останься отец жив, уже тогда многое можно было бы изменить. В МВД по крайней мере. Это ведомство, как считал он, не должно носить полицейский характер. Ведь что получалось. Располагая колоссальными возможностями, МВД республик могли стать аналитическими органами и работать в интересах народного хозяйства. Партийный аппарат, который всегда все знал, никогда не давал полной картины происходящего. А МВД такой объективный анализ был по силам.

— Не с пистолетом надо гоняться, а головой думать, — говорил отец.

Это ему припомнили на Пленуме... Упрек был таким: Берия запустил контрразведывательную работу.

Партия, как и прежде, нуждалась во «врагах народа»... А между тем есть документы, свидетельствующие о выводах, к которым пришел отец, когда возглавил МВД: внутренняя политическая разведка раздута, а внешняя полностью дезорганизована. Тогда же он предложил сократить аппарат государственной безопасности, работающий внутри страны, в десять раз. Я эту цифру хорошо запомнил. Кроме того, отец настаивал, чтобы была сокращена до одного-двух человек личная охрана членов высшего руководства страны. По его же мнению, охрану Кремля, Совета Министров, ЦК следовало заменить обычной милицией и разобраться с охраной министерств, ведомств и различных учреждений. Насколько помню, речь тогда шла о 350 тысячах человек. Никакой необходимости в таком использовании военнослужащих, конечно, не было и тогда.

Думаю, целесообразностью было продиктовано и еще одно предложение отца — убрать чекистов из районов. Вполне достаточно, считал он, областных отделов или управлений. Как известно, до последнего времени отделы КГБ были в каждом районе страны.

За счет экономии средств отец предлагал укрепить пограничные войска, оснастить их новой техникой, улучшить условия нелегкой службы этих людей. Обстановка в стране вполне позволяла пойти на серьезное сокращение карательных органов, но ЦК, как и следовало ожидать, это не устраивало.

Отец настаивал в тот период на создании разведывательных управлений ВВС и ВМФ. Такая структура, к слову, неплохо зарекомендовала себя в армии США. Вместе с ГРУ они должны были подчиняться Генеральному штабу и штабам видов Вооруженных Сил. Так же, как и органы военной контрразведки. Так ведь в свое время по предложению моего отца и было сделано. Пройдет время, и все вернется на круги своя: все последние десятилетия безопасность Вооруженных Сил обеспечивала не военная контрразведка, а особые отделы КГБ, против чего всегда возражал мой отец. И таких примеров можно привести немало. Сегодня мне абсолютно ясно, что ему просто помешали довести начатое дело до конца.

Современному читателю почти ни о чем не говорят имена Меркулова, Круглова, Серова, а между тем известно, что именно они были ближайшими помощниками отца и в разное время возглавляли НКГБ, МВД, КГБ...

Меркулова я знал. НКГБ он руководил в 1943—1946 годах. Некоторые источники утверждают, что он занимал эту должность в течение шести месяцев и в сорок первом.

Всеволод Николаевич был интеллигентным, образованным человеком. В театрах страны, даже в знаменитом Малом театре, шли его пьесы. Правда, под псевдонимом — Всеволод Рок. Он вообще тяготел к искусству. Очень хорошо фотографировал, снимал кино.

Меркулова отец знал много лет по совместной работе в Грузии. Когда отца перевели в Москву, он взял его к себе в наркомат первым заместителем. Позднее Меркулов возглавил органы государственной безопасности. В 1946 году его освободили от должности. Формальное обоснование такого решения было такое: слабо использовал технику в разведке. Видимо, ничего другого придумать не смогли. Меркулов не устраивал ЦК, потому что действительно был интеллигентным человеком. И Сталин, и партийная верхушка нуждались в другом руководителе карательных органов... Меркулова сделали министром госконтроля, а МГБ возглавил Абакумов.

Погиб Меркулов, собственно говоря, лишь по одной причине — работал много лет с моим отцом. О Всеволоде Николаевиче у меня остались самые лучшие воспоминания. Очень ценил его и мой отец.

Среди его ближайших помощников в течение ряда лет был и Сергей Никифорович Круглов. После смерти отца он был назначен министром внутренних дел СССР. Напомню: в тот период МВД включало в себя и органы государственной безопасности.

Из официальных источников:

Сергей Круглов. Министр внутренних дел СССР в 1945—1956 годах. Родился в 1907 году. Работал в сельском хозяйстве, служил в армии. Демобилизован в ноябре 1930 года. С 1931 года в Московском индустриальном педагогическом институте им. К. Либкнехта, в 1934—1935 годах — слушатель японского сектора Московского института востоковедения. После окончания направлен на учебу в Институт красной профессуры. В конце 1937 года — ответорганизатор ЦК ВКП(б). В ноябре 1938 года назначен ЦК особоуполномоченным НКВД СССР. В 32 года стал заместителем наркома внутренних дел, кандидатом в члены ЦК ВКП(б). На XIX съезде партии избран членом ЦК КПСС.

С июля 1941 года — член Военного совета Резервного фронта, с октября 1941 года — начальник управления оборонительного стро-

ительства — командующий 4-й саперной армией. В апреле—мае 1945 года был командирован в США для участия в подготовке и проведении конференции в Сан-Франциско по разработке устава ООН. Участвовал в организации охраны правительственных делегаций СССР, США и Великобритании на Крымской и Потсдамской конференциях, за что был награжден Превосходным орденом Британской империи и американским орденом Легион достоинства.

29 декабря 1945 года, после Указа Президиума Верховного Совета СССР об освобождении от обязанностей наркома внутренних дел Л. П. Берия, был назначен на эту должность С. Н. Круглов. Освобожден от должности в феврале 1956 года. Созданная в связи с приемом и сдачей дел министерства (новым министром стал заведующий Отделом строительства ЦК КПСС Николай Дудоров) специальная правительственная комиссия установила тогда, что «Министерство внутренних дел СССР неудовлетворительно выполняет поставленные перед ним партией и правительством задачи. Бывший министр т. Круглов, члены коллегии и др. руководящие работники МВД СССР не сделали должных выводов из постановлений ЦК КПСС 1953 года... В работе МВД СССР преобладает канцелярско-бюрократический стиль руководства местными органами МВД. Критика и самокритика в МВД не развита. ЦК КПСС своими постановлениями от 12 марта и 10 июля 1954 года обязал руководство МВД СССР принять меры к коренному улучшению дела перевоспитания заключенных путем укрепления режима их содержания и приобщения к общественно-полезному труду. Руководство МВД СССР безответственно отнеслось к выполнению этих постановлений, не навело порядка в режиме содержания осужденных в местах заключения, не справилось с задачей правильной организации их трудового воспитания.

Проработавшая несколько дней правительственная комиссия под председательством секретаря ЦК КПСС А. Б. Аристова каких-либо личных серьезных промахов министра не выявила, но вопрос был уже решен. За несколько дней до XX съезда КПСС С. Н. Круглов был переведен на другую работу с понижением в должности, его назначили заместителем министра строительства электростанций.

В августе 1957 года бывшего министра вновь понижают в должности, до заместителя председателя Кировского экономического административного района. В июле 1958 года С. Н. Круглова увольняют с работы и переводят на инвалидность.

Такая странная биография... Добавлю лишь, что в январе 1960 года КПК при ЦК КПСС исключает генерал-полковника в отставке из партии.

Скончался С. Н. Круглов в июне 1977 года.

По поводу его смерти бытуют две версии. По утверждению Роя Медведева, бывший министр внутренних дел застрелился, не дожидаясь окончания расследования преступлений, совершенных частями НКВД при депортации жителей Чечено-Ингушетии в 1944 году.

Якобы тогда был уничтожен один из аулов, жители которого отказались подчиниться приказу о выселении. Ответственность за действия военнослужащих НКВД была возложена на С. Н. Круглова. По другой, официальной версии, генерал-полковник был сбит поездом.

По мнению серьезных историков, так и было на самом деле. Рой Медведев утверждает, что проводилось расследование в тот год, когда погиб С. Н. Круглов. Это в конце семидесятых? Никакого следствия, разумеется, не было, и никто бывшего министра спустя три десятка лет после забытой, а точнее, вычеркнутой из официальной истории трагедии привлекать к ответственности не собирался. Вспомните: один из соучастников преступления, Михаил Андреевич Суслов, благополучно доживал свой век на кремлевском олимпе. Что уж говорить об ответственности какого-то забытого всеми инвалида-отставника. Скорее всего, Рой Медведев, как и в большинстве случаев, просто-напросто погрешил против истины. Кстати, факт расстрела жителей аула, в котором якобы участвовали подчиненные Круглова, до сих пор не подтвердился. Но разве дело в одном лишь частном эпизоде? Сама депортация целых народов уже само по себе страшное преступление Системы. Стоит ли еще что-то выдумывать?

Круглова отец знал еще с Грузии. Тот работал в ЦК ВКП(б) и курировал нашу республику. В Грузии бывал, разумеется, часто. Отец рассматривал Круглова как человека объективного и весьма далекого от шовинизма, чем, не секрет, грешили люди из центрального партийного аппарата. После перевода в Москву, когда надо было заменить ближайших помощников Ежова, отец остановил свой выбор на Круглове. ЦК согласился. Вскоре Круглов был включен в состав комиссии А. А. Андреева, которая проводила ревизию деятельности НКВД при Ежове. Уже тогда было известно, что Круглов станет ближайшим помощником отца. Сам Сергей Никифорович, правда, дал согласие не сразу, ссылаясь на то, что не знает специфики этой работы. Отец сумел его убедить, и назначение состоялось. А когда в феврале 1941 года НКВД СССР разделили на НКВД и НКГБ, отец решил уйти

из органов и предлагал назначить наркомом внутренних дел Круглова. Политбюро не согласилось, и Круглов остался заместителем отца. А за два дня до начала войны НКГБ и НКВД снова объединили в один наркомат.

На Круглове лежало все оперативное руководство объединенным наркоматом. Насколько мне известно, нареканий на его работу не было.

Круглов довольно часто бывал у нас дома. Мы были дружны и с его семьей.

Запомнился очень скромным человеком. Помню и его жену-учительницу.

Вскоре после смерти Сталина мне несколько раз довелось навещать одного товарища в Доме отдыха в Барвихе. Там же лечился и Круглов. При встречах мы говорили часами. Встречались с ним после смерти отца и я, и мама.

— Ты только, Нина, не обращай внимания на то, что говорят теперь о Лаврентии Павловиче, — говорил Круглов. — Все это болтовня.

— Я все прекрасно знаю, — отвечала мама.

Тогда же Круглов рассказал нам, как пытался после так называемого «ареста Берия» встретиться с ним и поговорить. Его, министра внутренних дел СССР, тут же одернули: «Нельзя!»

— Как мы с Серовым ни добивались у Политбюро встречи, ничего не вышло, — рассказывал Сергей Никифорович. — Так я его и не увидел. А что это означает, понятно...

Почему-то историки не обращают внимания на такую деталь. «Заговорщик» Берия разоблачен, а его первый помощник, проработавший с ним много лет, становится министром внутренних дел. Это на ЦК не похоже. Вот и судите, почему с легким сердцем отдала партийная верхушка под начало Круглова органы безопасности. Знали ведь, что никакого заговора и в помине нет...

Очень хорошо знал я и Ивана Александровича Серова, возглавлявшего КГБ СССР в 1954—1958 годах. Понимаю, что сегодня о бывших руководителях этого ведомства говорить добрые слова рискованно, но Серов, убежден, того заслуживает. Это был безупречно честный человек, немало сделавший для укрепления законности.

Кадровым чекистом он не был и в органы безопасности попал по предложению моего отца. Возглавив НКВД, отец начал с замены случайных людей профессионалами. Немало таких людей пришло в НКВД из Академии име-

ни Фрунзе, где армейская разведка имела свой факультет. Именно там готовили кадры для разведывательной работы в Японии, Америке, странах Центральной Европы. Эти люди знали языки и азы своей профессии. На них и намерен был опереться в работе новый нарком внутренних дел. Кстати, когда отец возвратится в МВД в марте 1953 года, картина будет иной, и ему вновь придется подбирать кадры. Если не ошибаюсь, тогда пришлось заменить едва ли не 90 процентов работников, не знавших даже языка страны пребывания. Да и в целом профессиональный уровень советских разведчиков той поры был чрезвычайно низок. Тем не менее доволь но быстро дело удалось поправить.

От самого Серова я знаю, что начинал он военную карьеру в части, которой командовал будущий маршал артиллерии Яковлев. Серов прослужил там в разведподразделении 12 лет и уже подполковником поступил на разведывательный факультет Военной академии имени Фрунзе. Окончил ее блестяще и в числе нескольких десятков таких же офицеров — в основном это были полковники и подполковники — был направлен в распоряжение нового наркома внутренних дел.

Профессионалов отец ценил всегда, и вскоре все эти офицеры были назначены на очень высокие должности, Серов получил генеральское звание и стал руководителем управления.

Отец отзывался о Серове как о способном и принципиальном человеке. Самым лучшим образом зарекомендовал Иван Александрович себя на Украине, куда был направлен по предложению отца наркомом внутренних дел. Первым секретарем ЦК в тот период в Киеве был Хрущев. Сама обстановка в республике была ужасной — массовые репрессии буквально выкосили местную интеллигенцию, пострадали миллионы невинных людей. Задача, поставленная отцом, была однозначной — восстановить законность. Серов, по мнению отца, подходил для этой роли наилучшим образом. Волевой, порядочный человек. Чрезвычайно образованный — владел японским. И главное — он был из тех людей, которые имеют собственное мнение и не боятся его отстаивать.

Их отношения с Хрущевым не сложились — Никита Сергеевич был совершенно иным человеком. Серов рассказывал, что он отказался поддержать Хрущева в его нескончаемой борьбе с оппозицией. Причем оппозиционерами тот считал всех, кто позволял себе иметь собствен-

ное мнение. Видимо, Хрущев хотел видеть на должности главы НКВД Украины послушного человека. А коль Серов не поддержал его политику избиения национальных кадров, начались конфликты. Надо быть очень сильным человеком, чтобы противостоять давлению первого секретаря ЦК, но Серов оказался для Хрущева «крепким орешком».

О столкновении Серова с Хрущевым отец, разумеется, знал и поддерживал молодого наркома. Уговор у отца с Серовым, знаю, был такой. Ты, мол, там ничего и никого не бойся, держи свою линию, как бы местный ЦК во главе с Хрущевым на тебя ни давил. И подбирай себе потихоньку замену, но такого человека вместо себя оставь, который под дудку украинского ЦК плясать не будет. Самого же Серова отец еще тогда решил вернуть в Москву.

Серьезный конфликт возник между Серовым и Хрущевым, когда произошла неприятная история с сыном Никиты Сергеевича от первого брака, Леонидом. Как это, к сожалению, нередко бывает в среде «золотой молодежи» — детей высокопоставленных чиновников, сын первого секретаря ЦК оказался в сомнительной компании. Позднее выяснилось, его друзьями оказались преступники, промышлявшие грабежами и убийствами. Когда Серову доложили о случившемся, он тут же связался с моим отцом.

— Сообщи обо всем Хрущеву, — распорядился отец, — и посмотрим, как он будет реагировать. Это вопиющее нарушение закона, и вытаскивать пусть даже сына первого секретаря ЦК из этого дела, сам понимаешь, нельзя, но как-то смягчить его участь — можно.

Реакция Хрущева Серова поразила:

— Закрой это дело!

— Как же так можно, Никита Сергеевич, — возразил Серов. — Дело получило огласку. Совершены тягчайшие преступления, о которых уже знают тысячи людей. Вывести вашего сына из этого дела просто невозможно.

И хотя Хрущев настаивал на своем, следствие было доведено до конца и состоялся суд. Большинство участников преступной группы, а попросту говоря, банды уголовников, приговорили к высшей мере наказания и расстреляли. Сын Никиты Сергеевича отделался десятью годами лишения свободы.

Когда началась война, Леониду подсказали, чтобы попросился на фронт. Он так и поступил. Просьбу сына

Хрущева удовлетворили, но направили не на фронт рядовым бойцом, а в авиационное училище. Став летчиком, Леонид мужественно сражался с врагом и погиб в бою. Насколько знаю, произошло это весной сорок третьего года.

Из официальных источников:

Летчик 18-го гвардейского истребительного авиационного полка 1-й воздушной армии гвардии старший лейтенант Леонид Хрущев не возвратился с боевого задания 11 марта 1943 года. Как писал члену Военного совета Воронежского фронта генерал-лейтенанту Хрущеву командующий 1-й воздушной армией генерал-лейтенант авиации Худяков, после боя с двумя «Фокке-Вульф-190» самолет старшего лейтенанта Хрущева «пошел к земле... В течение месяца мы не теряли надежды на возвращение Вашего сына, но обстоятельства, при которых он не возвратился, и прошедший с того времени срок заставляют нас сделать скорбный вывод, что Ваш сын — гвардии старший лейтенант Хрущев Леонид Никитович пал смертью храбрых в воздушном бою против немецких захватчиков».

До перехода в истребительную авиацию сын Хрущева служил в 134-м скоростном бомбардировочном авиационном полку, где совершил 33 боевых вылета, был тяжело ранен и награжден орденом Красного Знамени. После переучивания был направлен в 18-й гвардейский истребительный авиационный полк.

Наверное, у Хрущева осталась обида на Серова. Ивана Александровича отец, как и обещал, перевел в Москву, и Серов стал одним из его заместителей — занимался разведывательной работой, курировал пограничные войска. А когда во время войны Жуков попросил отца, чтобы он отпустил Серова к нему на фронт, отец согласился.

В 1954 году Иван Александрович стал Председателем КГБ СССР, но уже через четыре года Хрущев его оттуда убрал. Так Серов стал начальником ГРУ — Главного разведывательного управления Генерального штаба. Потом нашли формальный предлог убрать и из ГРУ. О причинах я еще расскажу. Поводом послужило так называемое дело полковника ГРУ Олега Пеньковского, обвиненного в шпионаже в пользу американской и английской разведок.

Полагаю, смещение преданного своему делу человека нанесло серьезный ущерб советским спецслужбам. Но партийные органы, которые Серов своей принципиальностью постоянно раздражал, это волновало, насколько понимаете, мало. Впоследствии с целью компрометации од-

ного из самых сильных руководителей советских спецслужб были распространены слухи о том, что Серов, злоупотребляя служебным положением, якобы вывез из Германии «большое количество мебели, дорогой посуды, хрусталя, картин, ковров, фамильного баронского столового серебра, ценнейших сервизов и многих других антикварных предметов из особняков немецких аристократов Потсдама и Берлина». Один из известных ныне советских историков вполне серьезно утверждал несколько лет назад в печати, что генерал-полковник Серов «тайно похитил и привез для себя так называемую «шапку Мономаха», бриллиантовую корону и закопал ее в землю около своей собственной дачи в Архангельском». Вполне понятно, что подобный бред, пусть простит меня читатель за резкость, комментировать просто невозможно.

Пытались скомпрометировать генерала Серова и другим образом. Якобы уже в конце пятидесятых годов в архивах специальной тюрьмы в Вологде, где содержались политические заключенные, включая Сталина, работал 12 лет отец Серова, жандармский офицер. В 1917 году он якобы скрылся, а сам Иван Александрович прошлое своего отца от партии скрыл. Позднее, когда и сам Хрущев оказался не у дел, начали писать, что Серов — его родственник и пользовался покровительством бывшего Первого секретаря ЦК КПСС. Ложь, конечно, но слухи есть слухи, и люди, плохо знавшие Серова, наверное, всему этому верили. Те же, кто служил под началом генерал-полковника Серова, запомнили его талантливым руководителем и очень мужественным человеком. Я, скажем, видел его в период обороны Кавказа, после чего никогда не поверю ни одному дурному слову в адрес этого чрезвычайно порядочного человека.

Среди руководителей советских спецслужб были не только такие люди, как Герой Советского Союза генерал-полковник Серов. После войны органами государственной безопасности руководил, скажем, генерал-полковник Абакумов...

Из официальных источников:

Виктор Семенович Абакумов. Генерал-полковник.

Родился в 1908 году в Москве. Член ВКП(б) с 1930 года. Из рабочих. Образование — низшее. В годы войны — начальник ГУКР — Главного управления контрразведки «СМЕРШ» — заместитель наркома обороны. В 1946—1951 годах — министр государственной безопасности СССР.

4 июля 1951 года отстранен от занимаемой должности, а восемь дней спустя арестован. В Прокуратуре СССР был ознакомлен с постановлениями о возбуждении уголовного дела по признакам статьи 58-1 «б» УК РСФСР (измена Родине, совершенная военнослужащим) и об избрании меры пресечения в виде содержания под стражей в Сокольнической тюрьме МВД (печально известная «Матросская тишина»).

Содержался позднее в Лефортовской, Бутырской и во Внутренней тюрьмах МВД СССР. В целях конспирации помещен в одиночной камере как «заключенный № 15».

После ареста Абакумова были арестованы его жена Антонина (вместе с двухмесячным сыном ее поместили в «Матросскую тишину»), а также начальник Следственной части по особо важным делам МГБ СССР генерал-майор А. Леонов, его заместители полковники В. Комаров, М. Лихачев, Л. Шварцман, начальник секретариата МГБ полковник И. Чернов и его заместитель полковник Я. Броверман.

14 декабря 1954 года в здании Дома офицеров Ленинградского военного округа открылось судебное заседание выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР под председательством генерал-лейтенанта юстиции Е. Л. Зейдина. Государственным обвинителем на процессе был Генеральный прокурор СССР, действительный государственный советник юстиции Р. А. Руденко. Вместе с Абакумовым судили Леонова, Чернова, Комарова, Лихачева, Бровермана. Виновным себя генерал-полковник Абакумов не признал и заявил в последнем слове, что он остается честным человеком, преданным Центральному Комитету. «Меня оклеветали».

В 12 часов 15 минут 19 декабря 1954 года в Ленинграде сразу же после оглашения приговора Военной коллегией Верховного суда СССР бывший руководитель советских спецслужб был расстрелян. При исполнении приговора присутствовал Генеральный прокурор СССР Роман Руденко.

Когда отца назначили наркомом внутренних дел СССР, Виктор Семенович работал в управлении НКВД по Ростовской области. В поле зрения руководства он попал в период, когда началась массовая реабилитация людей, арестованных при Ягоде и Ежове. Были созданы в краях и областях специальные группы по реабилитации, куда входили вместе с сотрудниками прокуратуры и работники НКВД. В одну из таких групп включили тогда и Абакумова. Именно там он и выдвинулся. При его непосредственном участии было освобождено до 60 процентов заключенных, арестованных в Ростовской области. Потом пошла гулять версия, что Абакумов «освобождал заключенных огульно», зарабатывая на этом авторитет.

Так это или нет, судить не могу, но доброе дело он сделал. Лучше уж карьеру делать на освобождении невинных людей, чем на арестах, как это делали до него его же коллеги...

Года через два, может, раньше Абакумов уже работал в центральном аппарате НКВД в Москве. И в дальнейшем его служебная карьера складывалась неплохо. Перед войной его назначили начальником Управления особых отделов НКВД, а с 1943 года он возглавлял органы военной контрразведки, входившие уже в состав Наркомата обороны.

В 1946 году, по предложению Сталина, Политбюро освободило от должности министра государственной безопасности Меркулова. Сталин же предложил назначить руководителем МГБ Абакумова. Мой отец никакого отношения к этому назначению не имел. Именно в тот период, с приходом в МГБ Абакумова, началась слежка за нашей семьей. Тогда же у нас в доме была установлена подслушивающая аппаратура. Но, должен заметить, это не было инициативой нового министра государственной безопасности. Абакумов просто выполнял указания ЦК.

В отличие от Меркулова, своего предшественника, оказавшегося, по мнению Сталина, излишне мягким человеком для такой должности, Абакумов у нас в доме никогда не бывал. Причин не знаю, но близким к отцу человеком он никогда не был. Иногда ссылаются на его письма из тюрьмы, адресованные моему отцу и Маленкову. Все объясняется просто. Отец в свое время работал в этих же органах, и Абакумов надеялся, что отец примет участие в его судьбе как профессионал. А с Маленковым, которому, кстати, отец передавал официально все обращения Абакумова, еще проще — Маленков курировал органы государственной безопасности...

Смею утверждать, что история МГБ неразрывно связана с именем высокопоставленного партийного чиновника Маленкова. Куратором органов государственной безопасности он оказался весьма энергичным. И, признаю, настойчивым и последовательным. По некоторым источникам, в конце жизни он официально представил доказательства участия в массовых репрессиях и других преступлениях режима своего коллеги Никиты Хрущева. О собственной роли в тех же злодеяниях Георгий Максимилианович умолчал. Все те же достоверные источники утверждают, что Маленков передал компрометирующие Хрущева материалы Юрию Андропову. Наверняка в архивах даже се-

годня можно обнаружить не меньше компрометирующих материалов и на самого Маленкова. Кстати, если, как считается, своим назначением на пост министра государственной безопасности Абакумов обязан не только Сталину, но и Андрею Жданову, то сменивший Абакумова партийный аппаратчик Игнатьев — ставленник Маленкова.

Из письма Виктора Абакумова от 18 апреля 1952 года:

«Товарищам Берия и Маленкову. Дорогие Л. П. и Г. М.! Два месяца находясь в Лефортовской тюрьме, я все время настоятельно просил следователей и нач. тюрьмы дать мне бумагу написать письма вам и тов. Игнатьеву... Со мной проделали невероятное. Первые восемь дней держали в почти темной, холодной камере. Далее в течение месяца допросы организовывали таким образом, что я спал всего лишь час-полтора в сутки, и кормили отвратительно. На всех допросах стоит сплошной мат, издевательство, оскорбления, насмешки и прочие зверские выходки. Бросали меня со стула на пол. Ночью 16 марта меня схватили и привели в так называемый карцер, а на деле, как потом оказалось, это была холодильная камера с трубопроводной установкой, без окон, совершенно пустая, размером 2 метра. В этом страшилище, без воздуха, без питания (давали кусок хлеба и две кружки воды в день), я провел восемь суток. Установка включалась, холод все время усиливался... Такого зверства я никогда не видел и о наличии в Лефортово таких холодильников не знал... Прошу вас, Л. П. и Г. М.:

1) Закончить все и вернуть меня к работе...

2) Если какое-то время будет продолжаться эта история, то заберите меня из Лефортово и избавьте от Рюмина и его друзей. Может быть, надо вернуть в Матросскую тюрьму и дать допрашивать прокурорам... Может быть, можно вернуть жену и ребенка домой, я вам вечно буду за это благодарен...»

Жена Абакумова была освобождена в марте 1954 года, проведя с ребенком в тюрьме без малого три года. И хотя состава преступления в действиях следователи не обнаружат и дело прекратят, ее на несколько лет вышлют с сыном из Москвы.

Судя по некоторым воспоминаниям, следователи (да что следователи — сам Генеральный прокурор Союза ССР Роман Андреевич Руденко!) настойчиво «выбивали» у арестованного министра государственной безопасности «компромат» на Берия. Абакумов показал, что «отношения у нас были чисто служебные, официальные и ничего другого. На квартире и даче у Берия я никогда не бывал». Впрочем, это не помешало партийной верхушке со-

общить народу, что «расстреляны пособники Берия». Лишь несколько лет назад Главный военный прокурор — заместитель Генерального прокурора СССР генерал-лейтенант юстиции Катусев довольно оригинальным способом «оправдает» Абакумова: «Обвинение Абакумова в том, что он был выдвинут Берия на пост министра государственной безопасности СССР и являлся соучастником преступной заговорщической группы Берия, также опровергается имеющимися в деле доказательствами». Если отбросить измышления о «преступной заговорщической группе», признание немаловажное.

Помню, когда мы заговорили на эту тему с отцом, он прокомментировал арест Абакумова так: мол, он выполнил все, что от него требовалось, и теперь он стал им не нужен. Им — это ЦК и Сталину, чьи указания выполнял Абакумов, будучи министром государственной безопасности.

Отец считал, что Абакумов, да и, к сожалению, Меркулов позволили превратить себя в бездумных исполнителей, за что в конечном счете и поплатились. Партийная верхушка в очередной раз попыталась списать свои грехи на конкретных людей. Меркулова отец в свое время отстоял, а почему не захотел или не смог помочь Абакумову, мне неизвестно. Видимо, решил просто не вмешиваться в эту историю. Отец очень переживал, что после его ухода из органов безопасности они все сильнее превращались в тот карающий меч партии, который, образно говоря, в тридцать девятом он попытался вложить в ножны. Теперь этим мечом размахивали точно так же, как при Ежове. И одним из виновников этого отец считал Абакумова.

Уже оказавшись в Лефортовской тюрьме, я, хотя и находился в полной изоляции, совершенно случайно услышал, как следователи говорили между собой, что Абакумов жив. Я был очень удивлен, потому что таких людей, знающих если не все, то многое, в живых не оставляли. Скорей всего, партийная верхушка выжидала, надеясь, что при любом стечении обстоятельств Абакумов вынужден будет дать те показания, которые будут необходимы партии в тот момент. Когда нужда в нем отпала — расстреляли. Расстреляли, как и многих других свидетелей и соучастников преступлений. Это ведь испытанный прием был: убрать человека — и концы в воду.

Абакумова я не оправдываю. Но расстреляли-то его за мифические преступления, а не за те, которые он по

приказу ЦК и Сталина совершал. Он был обречен уже тогда, когда согласился возглавить органы государственной безопасности. Нисколько не сомневаюсь, что, убрав опасного свидетеля, партийная верхушка лишила историю очень многих признаний, которые мог бы сделать Абакумов. Думаю, о многом мы до сих пор не догадываемся...

«Совершенно секретно.

Совет Министров СССР
21 мая 1947 года

Товарищу Сталину И. В.
Товарищу Молотову В. М.

Докладываю Вам о следующем:

В апреле 1942 года американское посольство в СССР нотой в адрес Министерства иностранных дел СССР сообщило о том, что, по имеющимся у посольства сведениям, американский гражданин Оггинс Исай находится в заключении в лагере в Норильске. Посольство по поручению Государственного департамента просило сообщить причину его ареста, срок, на какой осужден Оггинс, и состояние его здоровья.

В связи с настояниями американского посольства по указанию товарища Молотова 8 декабря 1942 года и 9 января 1943 года состоялось два свидания представителей посольства с осужденным Оггинсом. Во время этих свиданий Оггинс сообщил представителям американского посольства, что он арестован как троцкист, нелегально въехавший в Советский Союз по чужому паспорту для связи с троцкистским подпольем в СССР.

Несмотря на такое заявление, американское посольство в Москве неоднократно возбуждало вопрос перед МИД СССР о пересмотре дела и досрочном освобождении Оггинса. Пересылало письма и телеграммы Оггинса его жене, проживающей в США, а также сообщило МИД СССР, что признает Оггинса американским гражданином и готово репатриировать его на родину.

9 мая 1943 года американскому посольству было сообщено, что «соответствующие советские органы не считают возможным пересматривать дело Оггинса».

20 февраля 1939 года Оггинс был действительно арестован по обвинению в шпионаже и предательстве. В процессе следствия эти подозрения не нашли своего подтверждения, и Оггинс виновным себя не признал. Однако Особое Совещание НКВД СССР приговорило Оггинса к 8 годам ИТЛ, считая срок заключения с 20 февраля 1939 года...

Появление Оггинса в США может быть использовано враждебными Советскому Союзу лицами для активной пропаганды против СССР.

Исходя нз этого, МГБ СССР считает необходимым Оггинса Исая ликвидировать, сообщнв американцам, что Оггинс после свидания с представителями американского посольства в июне 1943 года был возвращен к месту отбытия срока наказания в Норильск н там в 1946 году умер в больнице в результате обострения туберкулеза легких.

В архивах Норильского лагеря нами будет отражен процесс заболевания Оггинса, оказанной ему медицинской н другой помощи. Смерть Оггинса будет оформлена историей болезни, актом вскрытия трупа н актом погребения.

Ввиду того что жена Оггинса находится в Нью-Йорке, неоднократно обращалась в наше консульство за справками о муже, знает, что он арестован, – считаем полезным вызвать ее в консульство, сообщить о смерти мужа.

Прошу ваших указаний.

Абакумов».

Соответствующие указания поступили...

А теперь процитируем еще один, рассекреченный лишь недавно документ, связанный с бывшим министром государственной безопасности Виктором Абакумовым.

«В Президиум ЦК КПСС
тов. Маленкову Г. М.

...В процессе проверки материалов на Михоэлса выяснилось, что в феврале 1948 г. в г. Минске бывшим заместителем МГБ СССР Огольцовым совместно с бывшим министром ГБ Белорусской ССР Цанава по поручению министра госбезопасности Абакумова была проведена незаконная операция по физической ликвидации Михоэлса.

В связи с этим в МВД СССР был допрошен Абакумов и получены объяснения Огольцова н Цанава. Об обстоятельствах проведения этой преступной операции Абакумов показал: «Насколько я помню, в 1948 г. глава советского правительства И. В. Сталин дал мне срочное задание – быстро организовать работниками МГБ СССР ликвидацию Михоэлса, поручив это специальным лицам. Тогда было известно, что Михоэлс, а вместе с ним и его друг, фамилии которого я не помню, прибыли в Минск. Когда об этом было доложено И. В. Сталину, он сразу же дал указание именно в Минске н провести ликвидацию...

Когда Михоэлс был ликвидирован и об этом было доложено И. В. Сталину, он высоко оценил это мероприятие н велел наградить орденами, что и было сделано» (попутно ликвидировали и агента МГБ СССР Голубова В. И., сопровождавшего Михоэлса).

Было несколько вариантов устранения Михоэлса: а) автомобиль-

ная катастрофа, б) путем наезда грузовой машины на малолюдной улице, в) так как оба не давали гарантий, было принято следующее решение — через агентуру пригласить Михоэлса в ночное время в гости к каким-либо знакомым, подать ему машину к гостинице, где он проживал, привезти его на территорию загородной дачи Цанава Л. Ф., где и ликвидировать, а потом труп вывезти на малолюдную (глухую) улицу города, положить на дороге, ведущей к гостинице, и произвести наезд грузовой машины... Так и было сделано. Во имя тайны убрали и Голубова, который поехал с Михоэлсом в гости... (на даче они были раздавлены грузовой машиной).

МВД считает необходимым:

а) арестовать и привлечь к уголовной ответственности зам. МГБ СССР Огольцова С. И. и бывшего министра ГБ Белорусской ССР Цанава Л. Ф.

б) Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении участников убийства Михоэлса и Голубова отменить.

Л. БЕРИЯ.

2. IV. 1953 г.».

Будем надеяться, что процитированный документ несколько охладит пыл историков, успевших приписать гибель великого еврейского артиста С. М. Михоэлса человеку, потребовавшему наказания истинных виновников преступления. Можно только догадываться, какие неожиданные открытия ожидают нас после рассекречивания всей группы дел, связанных с моим отцом.

Мало кто знает, что именно отец предложил привлечь к партийной ответственности С. Д. Игнатьева, возглавлявшего МГБ в последние годы жизни Сталина. Предложение члены Президиума ЦК поддержали, КПК при ЦК КПСС было поручено рассмотреть вопрос о партийной ответственности бывшего главы карательного ведомства. Еще раньше, 5 апреля 1953 года, было принято решение «ввиду допущенных т. Игнатьевым С. Д. серьезных ошибок в руководстве бывшим Министерством государственной безопасности СССР» освободить его от обязанностей секретаря ЦК. Игнатьева вывели из состава ЦК и отправили на работу первым секретарем Башкирского обкома КПСС. «Суровое» наказание. Правда, решилась спустить дело на тормозах партийная верхушка, лишь «убрав» предварительно отца. Факт, как видим, весьма красноречивый.

Нет, не зря все же несколько поколений советских чекистов настойчиво убеждали, что КГБ, как и его предшественники (ЧК, ОГПУ, НКВД, НКГБ, МГБ,

МВД), — вооруженный отряд партии. А когда чекисты сами восставали против произвола и не спешили выполнять явно противозаконные приказы, им умели напомнить, кто есть кто. Одни тут же брали под козырек, другие, их было, к сожалению, куда меньше, сопротивлялись.

Но и «вооруженного отряда партии», тюрем и лагерей ГУЛАГа советской партократии, как выяснилось, уже было мало. И тогда ЦК решил создать еще одну, «партийную» тюрьму. Сам факт ее существования в СССР тщательно скрывался многие десятилетия.

23 июня 1956 года министр внутренних дел СССР Николай Дудоров доложил специальной запиской Президиуму ЦК КПСС, что при аресте Д. Н. Суханова, работавшего длительное время заведующим секретариатом Маленкова (Д. Суханов арестован 14 мая 1956 года), был вскрыт его сейф, в котором обнаружили написанные Маленковым документы по организации в Москве «особой тюрьмы», датированная 4 марта 1950 года рукопись о формировании состава нового Советского правительства, справка о наличии агентурных дел на руководящий состав Советской Армии. 16 июня 1956 года арестованный заведующий секретариатом Маленкова показал, что «особую тюрьму» предполагалось организовать в Москве, и, как впоследствии стало мне известно, по адресу Матросская тишина. (Ирония судьбы: там, где находилась созданная партийной верхушкой «особая тюрьма» для вчерашних товарищей по партии, содержались после неудавшегося путча члены ГКЧП.)

Суханов дал такие показания:

«Мне было сказано Г. М. Маленковым, чтобы я из аппарата ЦК и КПК назвал людей, которым можно было бы доверить ведение следственной работы в «особой тюрьме». В соответствии с этим мною были названы две кандидатуры ответственных контролеров КПК при ЦК КПСС — Захарова и Никифорова. В ходе организации «особой тюрьмы» мне стало известно, что к работе в ней привлечены работавший в то время в Административном отделе ЦК КПСС Шестаков и работник МВД СССР Клейменов. За работу по организации «особой тюрьмы» Клейменов и Шестаков отчитывались перед Г. М. Маленковым».

Нет у меня оснований не доверять и другому источнику. Так, доктор исторических наук, профессор генерал-майор В. Некрасов, ссылаясь на неопубликованную руко-

пись Николая Дудорова, министра внутренних дел СССР в 1956—1960 годах, «50 лет борьбы и побед», еще в 1990 году в журнале «Советская милиция» № 6 утверждал:

«Г. М. Маленков, будучи секретарем Центрального Комитета партии, лично в 1950 году занялся организацией в Москве «особой тюрьмы» для ведения в ней следственных политических дел. К делу организации «особой тюрьмы» были привлечены работники отдела административных органов ЦК КПСС, а для следственной работы были привлечены работники КПК при ЦК КПСС. О ходе организации «особой тюрмы» и ее деятельности докладывали непосредственно Маленкову, в тюрьме был установлен правительственный телефон-вертушка. Тюрьма рассчитана на 30 – 40 человек, с особыми условиями режима, ускоренной оборачиваемостью. В ней было 35 кабинетов для следователей, специальной охраны и специальных следователей во главе с начальником тюрьмы Клейменовым, которого инструктировал лично Маленков. Осуществлял шефство и наблюдение за тюрьмой И. Серов, бывший тогда заместитель министра внутренних дел.

Были случаи, когда по выходе из кабинета Маленкова в здании ЦК КПСС арестовывались руководящие работники. Например, бывший секретарь ЦК КПСС А. А. Кузнецов, бывший Председатель Совета Министров РСФСР М. И. Родионов, бывший секретарь Ленинградского обкома партии П. С. Попков и другие – все они арестованы в приемной Маленкова и отправлены в «особую тюрьму», где подвергались пыткам, истязаниям, а затем физически уничтожались.

Допросы политзаключенных производились не только в тюрьме, но и часто политзаключенных доставляли из «особой тюрьмы» в специальных автомашинах в здание ЦК КПСС, как правило, к 12 часам ночи, где Маленков допрашивал их поодиночке».

Из письма бывшего министра внутренних дел С. Н. Круглова в ЦК КПСС от 19 января 1960 года:

«В 1950 году по указанию Маленкова, который давал их от имени ЦК партии и со ссылкой на тов. Сталина, МВД было предложено освободить отдельное тюремное помещение, назвать начальника этой тюрьмы, укомплектовать тюрьму надзирателями и вахтерами и в дальнейшем этой тюрьмой не заниматься, так как она будет подчинена ЦК и КПК. МВД СССР и я как министр выполнили это указание. В этой тюрьме я ни разу не был, ни одного человека из заключенных не видел, не допрашивал. Эта тюрьма просуществовала очень короткое время. Помню со слов начальника тюрьмы т. Клейменова, что в одно время туда был доставлен из тюрьмы МГБ аре-

стованный в то время Кузиецов А. А. Через некоторое время он снова работниками МГБ переведеи в тюрьму МГБ. Министерству было разрешено использовать тюремиое помещение иа общих основаниях по своему усмотреиию. Все это могут подтвердить бывшие зам. министра тт. Серов, Обручииков, быв. иачальник тюремного управлеиия т. Кузнецов и другие».

Это ли не свидетельство? Десятки источников по-прежнему обвиняют в создании специальной тюрьмы моего отца. В январе 1960 года это же обвинение было предъявлено Сергею Круглову. И кем? Комитетом партийного контроля при ЦК КПСС. Тем самым КПК, которому и была подчинена специальная тюрьма. «Запамятовал», впрочем, как всегда, о своей постыдной роли и ЦК КПСС.

С. Круглов однозначно указал на человека, поручившего МВД от имени ЦК подготовить новую тюрьму, — Маленкова.

Довольно любопытны и другие пункты обвинения, предъявленного при исключении из партии бывшему министру внутренних дел. Например, участие в выселении жителей Чечено-Ингушетии в 1944 году. И здесь КПСС и ее «боевой штаб» вроде бы ни при чем. Приехали злодеи из НКВД и велели собираться невинным людям в дальний путь. А приказ о выселении кто отдал? Впрочем, вопрос риторический...

Трудно сказать, читали или нет письмо С. Круглова секретари ЦК КПСС Л. Брежнев, М. Суслов и Н. Игнатов, к которым он обращался, но в партии отставного генерала не восстановили. «Я готов понести любое наказание от партии», — писал бывший министр внутренних дел, но партии эта жертва была уже ни к чему — на Круглова и ему подобных давно списали все преступления, совершенные Системой.

Речь, разумеется, не идет о том, виновен в чем-то человек, возглавлявший МВД семь лет при Сталине и три года после смерти диктатора, или нет Виновен, конечно, как и абсолютно все руководители ведомств, в чьих стенах творилось беззаконие. И не суть важно, где именно — в центральном аппарате, областном центре или захудалом районе. Но задумаемся вновь над тем, кто поручал организовывать тому же Круглову специальную партийную тюрьму, выселять репрессированные народы и т. п.

В последние годы много говорилось о том, что самую неблаговидную роль в репрессивной политике ВКП(б) сыграл Вышинский.

Из официальных источников:

Андрей (Анджей) Вышинский. С 1935 до 1939 года – Прокурор СССР.

Родился в Одессе в 1883 году. Учился на юридическом факультете Киевского университета. По направлениию Московского комитета партии работал председателем коллегии защитников, но в адвокатах проходил всего несколько месяцев. Дальнейшая карьера: прокурор уголовно-судебной коллегии Верховного суда РСФСР, Председатель Специального Судебного Присутствия на так называемом Шахтинском процессе (государственный обвинитель – Николай Крыленко), член коллегии наркомпроса, с июня 1933 года – заместитель Прокурора СССР, с 1935 года – Прокурор СССР.

Участник всех известных политических процессов 30-х годов. Профессор, ректор Московского университета по совместительству. Автор известного труда «Теория судебных доказательств в уголовном праве».

Из выступлений А. Вышинского на процессах: «Взбесившихся собак я требую расстрелять всех до одной», «Соблюдение процессуальных норм и предварительные санкции на арест не требуются», «Законы надо отложить в сторону». Научная деятельность известного ученого-юриста отмечена Сталинской премией I степени...

С января 1939 года – академик, с июня – заместитель Председателя Совнаркома, впоследствии – заместитель министра иностранных дел СССР.

Награжден шестью орденами Ленина.

Скончался в ноябре 1954 года. Прах захоронен в Кремлевской стене.

Вышинского я видел, конечно, но знакомы мы не были. Как прокурора отец его не признавал. Когда он стал наркомом, Вышинского из Прокуратуры Союза убрали. Сопоставьте даты. Он уже не нужен был Политбюро и Сталину, как Ягода, Ежов... У отца были совершенно иные представления о прокурорском надзоре. При Вышинском органы прокуратуры, по сути, были таким же карающим мечом, как и органы безопасности. Отец же перед назначением на должность предложил усилить прокурорский надзор. Словом, если бы Вышинского оставили в прежней должности, они бы работать не смогли. Это однозначно. Совершенно разные люди! Вышинский ведь выдвинул в свое время страшную теорию: «Призна-

ние — царица доказательств». А как «выбивались» из арестованных эти признания, было хорошо известно...

И дипломатом Вышинского отец никогда не считал. Называл помесью дипломата с прокурором. А чаще — мерзавцем. Так что ни о какой взаимной симпатии, разумеется, речь не идет. Думаю, и Вышинский видел, что отец его просто-напросто игнорирует. Дело в том, что у него к Вышинскому была давняя неприязнь, еще с Грузии. Отец не мог и ему, и Ульриху простить гибель людей, которых он пытался спасти.

Вспоминаю такой случай. Как-то мы с отцом были на даче, а маму «Кремлевка» отправила на лечение в Карловы Вары в Чехословакию. Мама звонит и говорит, что там же семья Вышинского находится.

Отец — таким я его видел крайне редко — в лице изменился и довольно резко сказал:

— Никаких контактов с этими мерзавцами!

Я потом спросил, а в чем дело?

— Ты себе не представляешь, — ответил отец, — сколько этот мерзавец хороших людей погубил.

То, что Вышинский — перевертыш, был меньшевиком, сотрудничал с царской охранкой, было известно. И Сталин об этом, естественно, знал. Но удобно было такого человека под рукой иметь.

А в то, что Вышинский в свое время подписал ордер на арест Ленина, не поверю. Этого ему бы не простили. О нем много выдумок ходит. Утверждают даже, что он имел какое-то влияние на Сталина. На Сталина никто особого влияния не имел... А Вышинский тем более. Был ли он пешкой в руках Сталина? Пешкой — да, но пешкой инициативной, той, что и ферзя может взять. Он не только проводил линию, удобную Сталину, но и активно ее развивал. Когда я смотрел старую кинохронику, запечатлевшую его выступления на политических процессах, был потрясен. Страшный человек!

Мешик, Мильштейн... Имена этих руководителей МВД Украины тоже нередко связывают с моим отцом.

Мешика я никогда не видел, но знал, что он назначен министром внутренних дел Украины по предложению моего отца. Человек он в органах государственной безопасности был неслучайный — многие годы проработал в ЧК, НКВД, МГБ. Генерал-лейтенант. Это был руководитель уровня Круглова. Думаю, в его порядочности и компетентности, деловых качествах отец не сомневался, иначе такое назначение не состоялось бы. В декабре

1953 года его расстреляли вместе с Меркуловым, Деканозовым, Кобуловым и другими.

Мильштейна знал, знал и его жену, сына, он был моим ровесником. Самого Мильштейна я знал по спортивному обществу «Динамо». В свое время он был хорошим спортсменом. Биография его довольно типична: с двадцатых на разных должностях в ЧК, в НКВД работал начальником одного из управлений и был одним из руководителей спортобщества «Динамо». К разведке Мильштейн отношения не имел, но через его брата, который жил в Америке, был выход на широкую агентурную сеть.

С приходом Абакумова в МГБ Мильштейна перевели заместителем министра лесной промышленности. Когда отец возвратился в МВД, порекомендовал его заместителем к Мешику, на Украину. ЦК КПСС и ЦК компартии Украины дали согласие.

Знаю, что его даже не арестовали, хотя министра расстреляли. Объяснение простое: его не смогли взять живым. Когда Мильштейн увидел, что его хотят арестовать, предупредил, что этого не допустит. В перестрелке, как мне рассказывали, он застрелил человек восемь. Такой конец...

Выступая на республиканской партийной конференции органов внутренних дел весной пятьдесят третьего, новый руководитель МВД С. А. Мешик скажет, обращаясь к собравшимся:

«Прежде всего я хочу поздравить вас с тем, что руководство Министерством внутренних дел поручено сейчас товарищу Лаврентию Павловичу Берия, что кончился наконец мрачный период, когда органы государственной безопасности находились в руках авантюристов типа Абакумова, Рюмина и политических банкротов типа Игнатьева. Мне хочется напомнить вам, товарищи, мрачную страницу в истории органов, относящуюся к 1937 – 1938 годам, когда заговорщик Ежов широко развернул свою предательскую деятельность, которая заключалась, в частности, в том, что, следуя своим вражеским целям, Ежов уничтожил огромное количество преданных Родине и партии людей. Вторичный приход товарища Берия к руководству чекистскими органами вновь ознаменовался разоблачением преступников, стоящих у руководства МВД, и исправлением искривлений в работе органов...»

Мешик ошибся. Не пройдет и полугода, как отец будет убит, как будут расстреляны после шитого белыми нитками следствия и сам Мешик, и другие генералы, по-

верившие, что «мрачный период» действительно кончился. Органы безопасности, работающие в рамках закона, правящей партии были не нужны. Карающий меч большевизма не должен думать...

Если верить стенограмме судебного процесса, тот же подсудимый Мешик произнесет в декабре все того же пятьдесят третьего совершенно другие слова:

«Я считаю, что подлым и мерзким преступлением Берия в этой части является то, что он убедил следователей в том, что избиения арестованных дозволеиы и санкционированы инстанцией. Преступлением является и то, что он создал вокруг избиеиий и истязаний атмосферу безиаказанности, иа что суд и прокуратура должным образом ие реагировали. Он растлил следственный аппарат НКВД. Следователи, в том числе и я, применяли избиения и истязания арестованных, считая, что так нужно. Я говорю об этом ие с целью смягчения вииы...»

Когда же был искренен бывший министр внутренних дел Украины? Попробуем, читатель, немного порассуждать с позиций элементарной логики.

Итак, отец вновь возглавил печально известное ведомство. Возглавил, нетрудно догадаться, поддавшись уговорам ближайших соратников — Хрущева, Маленкова и других. Для первого заместителя главы правительства и члена Президиума ЦК кресло министра — отнюдь не логическое продолжение карьеры. Но он на это идет, надеясь, что, как и тогда, до войны, прекратит репрессии, проводившиеся при Абакумове и Игнатьеве.

Обратите внимание: на республиканской конференции в Киеве Мешик говорит об этом перед большой аудиторией совершенно открыто, как о вещах общеизвестных. До разоблачительного XX съезда еще несколько лет, а тут министр называет вещи своими именами. Чего стоят одни фразы о массовых репрессиях тридцатых годов, остановленных при активном участии отца, о «разоблачении преступников, стоящих у руководства МВД» в послевоенные годы. Выходит, не было никакого прорыва к гласности ни на XX съезде, ни много лет спустя на апрельском Пленуме восемьдесят пятого. Правда была сказана гораздо раньше!

А почему Мешик на процессе говорил совершенно противоположное, догадаться нетрудно — костоломов у партии всегда хватало...

Судьба действительно обошлась с моим отцом жестоко. Полгода для реализации интересных замыслов, пре-

вращения карательного ведомства в действительно правоохранительный орган — не срок. Но и этого времени хватило энергичному и последовательному политику, чтобы успеть сделать немало. Уже 17 марта 1953 года он подписывает записку Председателю Совета Министров СССР с проектом постановления Совмина по реорганизации МВД. Предлагает, в частности, оставить в МВД только оперативный аппарат, передав все строительные главки и стройки МВД соответствующим министерствам, а ГУЛАГ передать в министерство юстиции. На следующий день постановлением Совета Министров СССР исправительно-трудовые лагеря и колонии со всеми службами, органами и подразделениями были переданы в Минюст, а стройки МВД — в ведение строительных министерств.

24 марта 1953 года отец направляет записку в Президиум ЦК КПСС Н. С. Хрущеву. Одновременно записка рассылается членам Президиума ЦК Г. М. Маленкову, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Н. А. Булганину, Л. М. Кагановичу, А. И. Микояну, М. З. Сабурову, М. Г. Первухину. Речь идет о том, что, по мнению отца, содержание большого количества заключенных, среди которых имеется значительная часть осужденных за преступления, не представляющие серьезной опасности для общества, не вызывается государственной необходимостью. Смысл документа сводился к тому, что необходима широкая амнистия. Проектом Указа, предложенного новым министром внутренних дел, предлагалось освободить из мест заключения до миллиона людей — едва ли не каждого второго. 27 марта Президиум Верховного Совета такой Указ принял.

Как вспоминают ветераны органов государственной безопасности и внутренних дел, изменилась сама атмосфера, царившая в кабинетах карательных ведомств. Но перемены, как мы уже знаем, были обречены, как и те люди, которые их начинали. И Хрущев, и Маленков уже рвались к безраздельной власти...

Говорят, нельзя войти дважды в одну и ту же реку. Отец попытался. Наверняка ему казалось, что ситуация, сложившаяся к середине марта пятьдесят третьего, близка к той, когда он возглавил это ведомство впервые. Но теперь — проще. Он давно не новичок на кремлевском олимпе, как это было в конце тридцать восьмого, над страной не нависает угроза большой войны, в конце концов нет Сталина, нет Жданова. Да и окружают лю-

ди, искренне разделяющие его взгляды. Коллеги! Так ему по крайней мере казалось.

Тогда, до войны, он начинал с этого же, с восстановления законности. К счастью, документы, подтверждающие самое активное участие отца в борьбе с произволом, сохранились.

Из официальных источников:

В феврале 1939 года была арестована и привлечена к ответственности группа работников Особого отдела Краснознаменного Балтийского флота за массовые необоснованные аресты и применение незаконных методов ведения следствия. Приказ о привлечении виновных к уголовной ответственности подписан наркомом внутренних дел Лаврентием Берия.

9 ноября 1939 года НКВД СССР издает приказ «О недостатках в следственной работе органов НКВД», предписывающий освободить из-под стражи незаконно арестованных по всей стране, установить строгий контроль за соблюдением всех уголовно-процессуальных норм. Ранее, 26 ноября 1938 года, новый нарком Л. П. Берия подписывает приказ о порядке осуществления требований постановления «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». Этот документ осуждал массовые аресты, укоренившийся в органах НКВД упрощенный порядок расследования, при котором следователь ограничивался получением от обвиняемого признания своей вины и нисколько не заботился о подкреплении этого признания показаниями свидетелей, актами экспертизы, вещественными доказательствами.

Было запрещено производство каких-либо массовых операций по арестам и выселению, предписано производить аресты только по постановлению суда или с санкции прокурора, ликвидировались судебные «тройки», повышалась требовательность к лицам, нарушающим законность. Вскоре были преданы суду многие работники НКВД, занимавшиеся фальсификацией следственных документов, подлогами, арестами невиновных.

Но одного из главных виновников того дела новому наркому тронуть не позволят. И Ворошилов, как всегда, уйдет от ответственности. Но ненависть к нему «первый наш маршал» сохранит надолго. Когда партийная верхушка соберет в пятьдесят третьем Пленум ЦК, чтобы заклеймить «заговорщика», Климент Ефремович, на чьей совести десятки тысяч погубленных жизней, цвет Красной Армии, вдохновенно будет поддерживать самые несуразные и лживые утверждения. Столь же рьяно будут лгать Маленков, Хрущев, Каганович, все те, чьи руки обагрены кровью миллионов.

Лгут о бывшем министре внутренних дел и сегодня. В 1993 году сразу несколько украинских газет опубликовали с соответствующими комментариями «секретный приказ, найденный в Государственном архиве общественных организаций». Приведем его с несущественными сокращениями.

«Совершенно секретно
Приказ № 0078/42
22 июня 1944 г.
г. Москва

По народному комиссариату внутренних дел Союза ССР и народному комиссариату обороны Союза ССР.

Содержание: О ликвидации саботажа на Украине и контроле над командирами и красноармейцами, мобилизованными из освобожденных областей Украины.

Агентурной разведкой установлено:

За последнее время на Украине, особенно в Киевской, Полтавской, Винницкой, Ровенской и других областях, наблюдается явно враждебное настроение украинского населения против Красной Армии и местных органов Советской власти. В отдельных районах и областях украинское население враждебно сопротивляется выполнять мероприятия партии и правительства по восстановлению колхозов и сдаче хлеба для нужд Красной Армии... Поэтому в целях ликвидации и контроля над мобилизованными красноармейцами и командирами освобожденных областей Украины

ПРИКАЗЫВАЮ

1. Выслать в отдаленные края Союза ССР всех украинцев, проживавших под властью немецких оккупантов.

Выселение производить:

а) в первую очередь украинцев, которые работали и служили у немцев;

б) во вторую очередь выслать всех остальных украинцев, которые знакомы с жизнью во время немецкой оккупации;

в) выселение начать после того, как будет собран урожай и сдан государству для нужд Красной Армии.

2. Выселение производить только ночью и внезапно, чтобы не дать скрыться другим и не дать знать членам его семьи, которые находятся в Красной Армии.

3. Над красноармейцами и командирами из оккупированных областей установить следующий контроль:

а) завести в особых отделах специальные дела на каждого;

б) все письма проверять не через цензуру, а через особый отдел;

в) прикрепить одного секретного сотрудника на 5 человек командиров и красноармейцев.

4. Для борьбы с антисоветскими бандами перебросить 12-ю и 25-ю карательную дивизии НКВД.

Приказ объявить до командира полка включительно.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР

БЕРИЯ.

Зам. народного комиссара обороны Союза ССР, Маршал Советского Союза

ЖУКОВ.

Верно: начальник 4-го отделения

полковник ФЕДОРОВ».

Напомню: в свое время о том, что всех украинцев предполагалось «загнать в Сибирь», говорил и Хрущев. В детали, правда, не вдавался. Не этот ли секретный приказ имел в виду бывший Первый секретарь ЦК КПСС?

Сенсация, в отличие от многих подобных, лопнула, как мыльный пузырь. Вскоре та же центральная украинская печать и информационные агентства сообщили: фальсификация! Ложь по поручению ветеранов Великой Отечественной войны разоблачили председатель Киевского городского совета ветеранов генерал-лейтенант А. Шарыгин и председатель Украинского комитета Героев Советского Союза, почетный гражданин г. Киева генерал-лейтенант М. Пилипенко:

«Как содержание, так и форма этого «документа» сразу же при прочтении вызвали у нас, ветеранов Великой Отечественной войны (а многие из нас занимали в действующей армии командные должности), серьезные сомнения в его подлинности. И действительно, проведенная проверка по архивам упомянутых ведомств показала, что такого «приказа» в природе не существовало. Под одним из названных номеров приказ НКВД был, но совершенно иного содержания.

И самым поразительным оказалось ознакомление с документами, хранящимися в Государственном архиве общественных организаций Украины. Упомянутый в газете документ там действительно хранится. Но это — немецкая листовка, которую фашисты разбрасывали в 1944 году вдоль линии фронта. Изготовлена эта листовка была ведомством Геббельса, о чем на ней сделана соответствующая отметка. Хранится она вместе с другими подобными листовками лживого провокационного содержания. При проверке также выяснилось, что в 1992 году с этой листовкой действительно знакомился В. Марочкин, научный сотрудник Института археологии Академии наук Украины.

Именно он и дал «новую жизнь» геббельсовской фальшивке и подал ее как подлинный документ. Эту грязную фальшивку затем использовал в своих целях известный лидер «Руха» Иван Драч в одной из своих публикаций, назвав ее «бомбой, взорвавшейся среди читателей». Нам хорошо понятна провокационная цель...»

Цель действительно видна, как говорится, невооруженным глазом: политика... Но сама история, связанная с фальсификацией, показалась нам достаточно типичной. Сколько их, таких же «документальных свидетельств», гуляет еще по свету!

ГЛАВА 4

В ЛАБИРИНТАХ РАЗВЕДКИ

Рихард Зорге, Лев Маневич, Ким Филби, Джордж Блейк, Леопольд Треппер.... Даже спустя десятилетия эти громкие имена почти исчерпывают знания общества о людях, работавших в советской разведке. Впрочем, ничего удивительного в этом, разумеется, нет — разведка умеет хранить свои тайны. До сих пор, к примеру, замалчивается такой факт: на советскую разведку работала подруга Евы Браун, киноактриса Ольга Чехова. Кстати, родственница Антона Павловича.... Дневала и ночевала в семье Гитлера.

Из официальных источников:

Ольга Чехова. Родилась в 1896 году в пригороде Петербурга в семье инженера путей сообщения Константина Леонардовича Книппера. В 1916 году вышла замуж за артиста Московского художественного театра Михаила Чехова, эмигрировавшего в 20-х годах за границу. После развода до 1922 года жила в Москве у своей тетки – актрисы МХАТ, народной артистки СССР Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой. В 1922 году выехала за границу.

Заметим, что имя советской разведчицы мною было названо еще в 1992 году. Год спустя российская печать предала гласности некоторые документы, связанные с таинственной судьбой Ольги Чеховой, подчеркнув, что она никогда не была советской разведчицей. Так, во всяком случае, заявили органы государственной безопасности.

Из справки, подписанной в ноябре 1945 года начальником 4 отдела Главного управления «СМЕРШ» генерал-майором Утехиным:

«В 1922 году Чехова Ольга с целью получения образования в области кинематографии выехала за границу и до последнего времени проживала в Германии – Берлин, Гросс-Глинике в собственном доме. Проживая за границей, получила известность как киноактриса

и снималась в кинофильмах в Германии, Франции, Австрии, Чехословакии, на Балканах и в Голливуде (США). Одновремеиио с этим со дня капитуляции Германии играла в частных театрах Берлиыа. В 1936 году получила звание «государствениой актрисы Германии».

По агентурным материалам, а также по показаниям арестованного Управлением «СМЕРШ» Группы советских оккупационных войск в Германии агента германской разведки Глазунова Б. Ф., знающего Чехову О. К. с детских лет и поддерживающего с ней знакомство до последнего времени, Чехова Ольга как известная актриса неоднократно бывала на официальных приемах, устраиваемых главарями фашистской Германии, и была близка к Гитлеру, Геббельсу и другим крупным нацистам.

После занятия Красной Армией Берлина Чехова О. К. была доставлена в Москву и помещена на конспиративной квартире Главного управления «СМЕРШ». Будучи в Москве, Чехова подробно опрашивалась о ее связях с фашистскими руководителями Германии. В своем объяснении Чехова подтвердила, что неоднократно бывала в качестве гостьи на приемах в министерстве пропаганды Германии и встречалась с Гитлером, Геббельсом, Герингом, Риббентропом и другими. Однако, как указала Чехова, приемы носили только официальный характер, на них бывали дипломаты, ученые, литераторы, актеры. Чехова объяснила, что в Германии многие из зависти к ней как знаменитости или из желания скомпрометировать ее в глазах русских могут сделать заявление о наличии у нее близких отношений с Гитлером или кем-либо другим из его окружения, однако таких связей у нее с этими лицами не было...

Оперативному работнику Главного управления «СМЕРШ», проживавшему вместе с Чеховой в квартире под видом сотрудницы «Интуриста», Чехова также заявила, что в Германии ее будут стараться оклеветать. При этом Чехова в качестве примера рассказала, что в 1945 году радиостанция «Атлантик» однажды передала сообщение, что Чехова вышла замуж за афганского посла в Германии и перешла в магометанскую веру. В другом случае «Атлантик» сообщила, что она вместе с германскими руководителями бежала из Берлина в другой город и занимается политической деятельностью. Будучи в Москве, Чехова вела дневник на немецком языке, который тщательно прятала. Секретным изъятием и просмотром дневника было установлено, что в дневнике

Чехова записывает свои впечатления от пребывания в Москве. По поводу вопросов к ней об ее отношениях с нацистским руководителем Чехова записала следующее:

«Сообщения, которые обо мне распространяются, достойны романа. Видимо, получены сведения, что я была близка с Гитлером. Боже мой, я много над этим смеялась. Каким образом и почему ведутся эти интриги? Невероятная и подлая клевета! Когда совесть чиста, то ничего не трогает. А как прекрасно, что можешь говорить правду. Захотят ли мне верить — покажет время...»

Есть все основания утверждать, что тогда, в Москве, талантливая актриса просто играла и с военной контрразведкой «СМЕРШ», и с органами безопасности. История с дневником и его «секретным изъятием» лишнее тому подтверждение. Все, что писала Ольга Чехова, явно было рассчитано на людей из ведомства Абакумова. Похоже, смершевцы действительно уверовали в наивность женщины, которая в конспиративной квартире военной контрразведки (!) ведет дневник и свято верит в то, что это может остаться тайной... Не была и не могла быть Ольга Константиновна наивным человеком.

На допросах она вела себя молодцом. Во всяком случае, даже Абакумов, начальник Главного управления контрразведки — заместитель наркома обороны, о том, что задержанная в зоне советских оккупационных войск гражданка Германии Ольга Чехова является советской разведчицей, так никогда и не узнал. Что уж говорить об остальных...

Меня нисколько не удивляет, что органы государственной безопасности бывшего Союза, а ныне России не смогли подтвердить причастность Ольги Чеховой к деятельности советской разведки. Наверняка таких документов нет. Объяснение простое: мой отец ни тогда, в сорок пятом, ни позднее решил ее не раскрывать. Случай, должен сказать, довольно типичный. По картотекам органов государственной безопасности не проходили — знаю это совершенно точно — сотни фамилий. Отец считал, что «настоящего нелегала через аппарат пускать нельзя».

Это была общепринятая система советской стратегической разведки, которую в течение 15 лет возглавлял отец. В ГРУ, НКГБ—МГБ—КГБ всегда было иначе: там — «бухгалтерия», что нередко вело к провалам очень ценных агентов. Достаточно было оказаться в одной из зарубежных резидентур предателю — и вся агентурная сеть оказывалась в руках противника. Примеров

подобных в истории советских спецслужб немало, к сожалению...

У англичан, кстати, тоже подобная система существовала: одни агенты проходили через «бухгалтерию», другие — нет. Нетрудно догадаться, кто из разведчиков ближе к провалу...

У отца, знаю, был целый ряд людей, которым он абсолютно доверял. Они-то и поддерживали связь с такими разведчиками, как Ольга Чехова. Утечка информации, даже проникни агентура противника в ГРУ или НКГБ—МГБ, была абсолютно исключена.

Некоторые люди, работавшие на советскую разведку и занимавшие очень высокое положение в Германии, Великобритании и других странах, «выходили» непосредственно на моего отца. Таких тоже было, знаю, немало. Кого-то, думаю, из них Сталин знал, но члены Политбюро однозначно — нет. Исключений тут не было. Да и Сталин, насколько могу судить, особого интереса к источникам информации не проявлял. Детали его обычно не интересовали. Он ставил задачу, а уж каким путем она будет достигнута, его волновало мало. Сталина интересовал, как правило, лишь конечный, а не промежуточный результат. Заключения отца по тем или иным разведданным было для него вполне достаточно.

Хотя беспредельно Сталин никому не доверял. Он получал информацию по каналам стратегической разведки, разведки НКГБ, ГРУ, «СМЕРШа». Хорош или плох такой параллелизм, судить не берусь, но он был. Видимо, руководство страны это вполне устраивало.

Существовал, вполне понятно, и обмен информацией между спецслужбами, но стратегическая разведка благодаря настойчивости моего отца была исключением. Исходил он, насколько я понимаю, из режима особой секретности — «выход» на свою агентуру отец никогда и никому не давал, во всяком случае так было после 1942 года, когда органы государственной безопасности, а вместе с ними и разведка НКВД вышли из его подчинения.

В этой книге я рассказываю и о так называемых «атомных» разведчиках. Успех был колоссальный, но были ведь и провалы, которых, считал отец, вполне можно было бы избежать. Всему виной вмешательство различных служб. Грубо говоря, влезли и «засветили». Пострадало дело. «Социалистическое соревнование» в разведке всегда заканчивалось плачевно. Каждая группа, каждая

резидентура стремится первой дать результат, вот и накладки, приводящие к провалу. Так ведь и с Ольгой Чеховой получилось. «СМЕРШ» просто влез туда, куда не следовало...

Когда отец узнал, что задержана немецкая актриса Ольга Чехова, поинтересовался, что Абакумов собирается с нею делать и какие компрометирующие эту женщину материалы есть у военной контрразведки. «СМЕРШ» какими-либо данными для ареста Чеховой не располагал.

— В таком случае, — сказал отец, — ее следует отпустить, пусть уезжает в Германию...

И Чехова действительно уехала в Германию. Насколько знаю, и она сама, и ее дочь были неплохо обеспечены и в Союз не возвратились.

Ольга Чехова была связана сотрудничеством с моим отцом много лет. Я знаю, кто ее вербовал и на каких основаниях это делалось, но не считаю себя вправе говорить о таких деталях из биографии разведчицы. Могу сказать лишь, что в отношении Ольги Чеховой не было допущено никаких провокаций и работала она на советскую стратегическую разведку отнюдь не из материальных соображений.

Ее вклад в успехи нашей разведки переоценить трудно. Ольга Константиновна была поистине бесценным источником информации, которым не зря так дорожил Берия. Даже в своих мемуарах, изданных в ФРГ, она ни словом не обмолвилась о своей другой (главной) жизни. А ведь еще осенью сорок пятого в западной печати ее называли «русской шпионкой, которая овладела Гитлером», «королевой нацистского рейха» и даже писали, что в Москве ее принимал Сталин и наградил орденом Ленина. Это не совсем так. За работу в разведке Ольгу Чехову действительно отблагодарили, обеспечив ее материальное благополучие, но орденом не награждали. А подозрения, что она работала на Советский Союз, так и остались на Западе всего лишь подозрениями, не больше.

Не так давно судьбой племянницы вдовы классика русской литературы заинтересовался Владимир Книппер. Ольга Чехова — его двоюродная сестра. Именно он обратился в свое время к Леониду Шебаршину, последнему руководителю Первого Главного управления КГБ СССР (внешняя разведка) с просьбой уточнить некоторые детали, связанные с биографией родственницы. Спецслужбы, как уже знает читатель, располагают информацией лишь о приезде Чеховой в победном сорок пятом в Москву и

протоколами допросов, которые велись в конце апреля — осенью того же 1945 года. Куда больший интерес представляет один эпизод, рассказанный двоюродным братом Ольги Чеховой: «Однажды в смутное послевоенное время Ольге Леонардовне позвонил незнакомый военный и сообщил, что привез из Берлина посылку. Книппер попросила доброго друга семьи актрису Софью Станиславовну Пилявскую съездить за посылкой. В ней оказались роскошные туалеты, короче — все необходимое для вечерних приемов. К посылке прилагалось письмо Олечки Чеховой, дочери Ольги Чеховой, с просьбой сообщить, как идут гастроли мамы в Художественном театре, играет ли она в «Трех сестрах»? Ольга Леонардовна была потрясена. Она попросила Качалова узнать подробнее о гастролях в нашей стране Ольги Чеховой. Тот связался по телефону со знакомым генералом в берлинской комендатуре и неожиданно услышал ответ, который поверг всех в еще большее смятение: «Об Ольге Чеховой я ничего не знаю, и больше не звоните, забудьте об этом».

«А может быть, нам и не следует ничего разгадывать, и пусть тайна так и остается тайной?» — задается вопросом брат известной актрисы. Похоже, что завеса над тайной, которая не дает покоя близким Ольги Константиновны уже много лет, все же приоткрылась. Сегодня ясно одно: «королева нацистского рейха» Ольга Чехова была среди тех, кто мужественно боролся с фашизмом на незримом фронте.

Работала на Советский Союз и другая известная актриса, венгерка по национальности, Марика Рокк. Если Ольга Чехова была человеком, близким к семье Гитлера, то Марика Рокк была своим человеком в доме Геббельса, рейхсминистра пропаганды. Магда Геббельс была в быту довольно суровой женщиной, но знаменитой актрисе симпатизировала. С такой же симпатией относился к подруге жены и сам Геббельс. Впрочем, Марика не была особым исключением — рейхсминистр вообще увлекался женщинами. Гитлер долгое время не принимал его, скажем, из-за любовной интрижки с одной чешской кинозвездой. Но как бы там ни было, Марика Рокк имела доступ, без преувеличения, к ценнейшей разведывательной информации, которая и шла по линии советской стратегической разведки в Москву. Когда наши части вошли в Германию, она перебралась в Австрию, где ей помогли создать кинофирму. Позднее, насколько знаю, Марика Рокк уехала в Венгрию.

Когда читаю, что советская разведка не имела серьезных результатов в Германии, меня это, по меньшей мере, удивляет. Скорей всего, такие утверждения идут от незнания реальных фактов. А между тем — уж не знаю, какой смысл скрывать все это почти полвека — советская разведка имела несколько человек в германском генеральном штабе, которые регулярно передавали в Центр ценнейшие документы, вплоть до планов фронтовых операций.

На советскую разведку работали люди, занимавшие очень высокие должности в партийной канцелярии, руководстве гестапо, других государственных структурах Германии, входили в окружение Гитлера и высших должностных лиц фашистского рейха. Я назвал лишь Ольгу Чехову, но таких людей даже в ближайшем окружении Гитлера было немало. Почему я не считаю возможным назвать их имена? А кого обрадует сегодня на Западе, что его дед, отец были ценнейшими агентами советской разведки и лично Лаврентия Берия?

«На протяжении всей войны советская разведка была лучше информирована о союзниках СССР, чем о гитлеровской Германии...» «Победа под Сталинградом была достигнута не благодаря, а вопреки качеству советской разведки...» Эти «откровения» некоторых историков или, по крайней мере, людей, считающих себя таковыми, буквально потрясают. И это при таком количестве ценнейших источников в Берлине? Смешно... Смею утверждать, что на территории Германии и до войны и в течение всей войны действовала, причем очень эффективно, разветвленная разведсеть. Серьезные потери — это широко известно — понесла армейская разведка, но провалы ряда военных разведчиков вызваны не чьим-то предательством, а более прозаическими причинами: немцы стали использовать радиопеленгаторы. Наши же разведчики продолжительное время работали на одной частоте. Несколько радистов было арестовано, но больших перебоев в работе разведки не последовало — тут же была задействована внешняя радиосеть в Голландии, Люксембурге и других странах. Для передачи данных, полученных советской разведкой на территории нацистской Германии, активно использовалась и внешняя резидентура во Франции, Скандинавских странах.

Блестяще работала советская разведка и в других странах. Глава французской разведки, второе лицо в ан-

глийской разведке... А ведь на Советский Союз работали не только они...

То, что мой отец на протяжении многих лет возглавлял советскую стратегическую разведку, в СССР тщательно скрывалось. Зато широко публиковались документы, в которых он требует «стереть в лагерную пыль» разведчиков, докладывавших в Центр о подготовке Германии к войне...

Из документальной повести Овидия Горчакова «Накануне, или Трагедия Кассандры»:

«Из докладной записки Л. П. Берия И. В. Сталину: «21 июня 1941 года... Я вновь настаиваю на отзыве и наказании нашего посла в Берлине Деканозова, который по-прежнему бомбардирует меня «дезой» о якобы готовящемся нападении на СССР. Он сообщил, что это «нападение» начнется завтра... То же радировал и генерал-майор В. И. Тупиков, военный атташе в Берлине. Этот тупой генерал утверждает, что три группы армий вермахта будут наступать на Москву, Ленинград и Киев, ссылаясь на свою берлинскую агентуру. Он нагло требует, чтобы мы снабдили этих врунов рацией... Начальник разведуправления, где еще недавно действовала банда Берзина, генерал-лейтенант Ф. И. Голиков жалуется на Деканозова и на своего подполковника Новобранцева, который тоже врет, будто Гитлер сосредоточил 170 дивизий против нас на нашей западной границе... Но я и мои люди, Иосиф Виссарионович, твердо помним Ваше мудрое предначертание: в 1941 году Гитлер на нас не нападет!»

Утверждаю с полным основанием, что процитированная Горчаковым записка отца Сталину — заурядная фальсификация. Кого собирался «стереть в лагерную пыль» Берия? Ольгу Чехову или десятки других людей, задолго до войны сообщавших о ее начале? Полагаю, Горчаков просто выполнил социальный заказ — в очередной раз оболгать моего отца.

Из документальной повести Овидия Горчакова:

«На старой папке, где хранятся эти донесения, выцветшими фиолетовыми чернилами пронумерован фонд, опись, дело. Когда открываешь папку, в глаза бросается резолюция, написанная с нажимом вечным пером: «В последнее время многие работники поддаются на наглые провокации и сеют панику. Секретных сотрудников «Ястреба», «Кармен», «Алмаза», «Верного» за систематическую дезинформацию стереть в лагерную пыль, как пособников международных провокаторов, желающих поссорить нас с Германией. Остальных строго предупредить». Подпись: «Л. Берия. 21 июня 1941 года».

Впечатляет, верно? «Старая папка» из секретного архива, резолюция, «написанная с нажимом вечным пером», угроза «стереть в лагерную пыль»... А был ли мальчик?.. Опус сей, пусть простит читатель за резкость, официально советскими официальными органами никогда и нигде не публиковался, хотя и цитируется уже не первый год. В чем же дело? Не было, разумеется, никогда ни этой дурацкой записки, ни столь же дурацкой резолюции, которую приписывают человеку, как никто другой знавшему и день и час немецкого вторжения. Лишь по этой банальной причине (не было и этой записки!) не мог Сталин наложить на одной из разведсводок даже красными чернилами, как утверждал Горчаков, резолюцию: «Эта информация является английской провокацией. Разузнайте, кто автор этой провокации, и накажите его». По Горчакову, Сталин не поверил радиограмме советского военного атташе из давно оккупированной немцами Франции... «Документ» якобы датирован 21 июня. И таких «документов» в «документальной» повести хоть пруд пруди...

Проще всего опубликовать все документы, связанные и с отцом, и с деятельностью советской разведки накануне войны. Но документы, а не образчики прямой фальсификации, как это сделал Горчаков. Да и он ли один... Столь же недобросовестных исследователей истории советской разведки хватало во все времена. Именно они насаждали в отечественной историографии ложный тезис о внезапном нападении Гитлера на Советский Союз. Неудачи и трагедия начального периода войны, мол, на совести тех, кто недостаточно информировал военно-политическое руководство СССР. Если бы не Берия, Деканозов (кадровый разведчик!), не было бы ни отступления до Волги, ни колоссальных потерь. Снова, как мы убеждаемся, партия «была не в курсе»...

Старый, избитый прием. Не случайно ведь Горчаков не привел ни единой ссылки на принадлежность цитируемых им «документов» к конкретным фондам. А все подобные публикации, как известно, их содержат.

Подлинной сенсацией и у нас, и на Западе могло бы, скажем, стать рассекречивание материалов, связанных с деятельностью советской стратегической разведки в предвоенные годы, когда мой отец возглавил эту засекреченную структуру. Сколько написано о работе военной разведки, разведки КГБ, о стратегической ни слова. Полагаю, основная причина в том, что вся ее история так или иначе связана с именем моего отца.

Уже не секрет, что Советский Союз располагал планом гитлеровского нападения на СССР еще до войны, причем с полным оперативным развертыванием. И в ходе самой войны особых неожиданностей, насколько я знаю, для нас не было. Заблаговременно узнала советская разведка о перенацеливании вермахта на Украину, о прорыве в направлении Сталинграда, Кавказа. Мы знали о том, что происходит в ставке Гитлера, в Генеральном штабе вермахта, в штабах родов войск.

Самого доброго слова заслуживает деятельность военной разведки, фронтовой разведки. Даже в самые критические периоды нашего хаотичного отступления армейские разведчики мужественно исполняли свой долг, обеспечивая военное руководство необходимой информацией. Проблема была в другом — и Генеральный штаб, к сожалению, и руководители фронтов, армейских группировок не всегда эффективно использовали полученные разведданные. Но это не вина разведки. Считаю, что и у нас, и на Западе роль советской разведки принижалась нередко сознательно. Имею в виду все наши разведслужбы независимо от их ведомственной принадлежности. Не зря ведь все военачальники высоко оценивали деятельность людей, о которых никогда не сообщалось во фронтовых сводках. Лишь один пример, взятый из опубликованной еще почти четверть века назад статьи Георгия Константиновича Жукова «Величие победы СССР и бессилие фальсификаторов истории»:

«Безусловно, благодоря блестящей работе советской разведки весной 1943 года мы располагали рядом важных сведений о группировке немецких войск перед летним наступлением. Проанализировав их и обсудив с командующими Воронежским и Центральным фронтами, с начальником Генерального штаба А. М. Василевским, мы смогли о вероятных планах врага сделать выводы, которые впоследствии оказались верными. В соответствии с этими выводами и был построен наш замысел битвы под Курском, также оказавшийся вполне целесообразным. Вначале советские войска измотали противника в оборонительном сражении, а затем перешли в контрнаступление и разгромили вражеские группировки».

Актуальность статьи маршала Жукова не вызывает сомнений и сегодня, когда фальсифицируется история второй мировой войны с еще большим усердием, нежели это делалось в шестидесятые и семидесятые годы. Читаю как-то в одной из книг, изданных не так давно на Западе, что октябрьское наступление под Москвой в

1941 году явилось полнейшей неожиданностью для Ставки Верховного Главнокомандования. Еще один миф. Разведке были отлично известны планируемые броски Гудериана, а так как там у нас ни танковых, ни противотанковых соединений не было, в этот район тут же были брошены части, имевшие на вооружении противотанковые орудия и противотанковые ружья. Стоит ли говорить, какую высокую оценку получили разведданные у Ставки Верховного Главнокомандования...

Разумеется, нельзя серьезно говорить и о возможном блокировании разведывательной информации накануне войны. Как я уже говорил, план «Барбаросса» был доложен Сталину еще до войны. Вопреки досужим вымыслам, должен заявить, что никаких сомнений о возможном нападении немцев на СССР у Сталина не было. К разведке он всегда относился достаточно серьезно и неоднократно, в том числе и в узком кругу, подчеркивал, что разведка имеет колоссальное значение в борьбе с фашизмом. Знаю, что некоторые очень крупные разведчики получили ордена из рук Верховного Главнокомандующего. Знаю также совершенно точно, что во время войны он дважды принимал разведчиков, находившихся в те дни на территории СССР не для доклада, а просто хотел их поблагодарить. Немногие посвященные знали, что Сталин встречался и с некоторыми семьями разведчиков, работавших за границей. Полагаю, об этих фактах должно быть известно и людям, многие годы находившимся в руководстве разведслужбами и после войны.

При всех своих минусах значение разведки он хорошо понимал. Сталин, который не позволял транжирить деньги даже военным, никогда не отказывал в валюте, средствах для разработки специальной техники разведке. Тоже факт, считаю, довольно показательный. Могу судить даже по личным впечатлениям: когда я участвовал в обеспечении секретных мероприятий на Тегеранской и Ялтинской конференциях в 1943-м и 1945 годах, не раз убеждался, сколь высок уровень технической оснащенности советских спецслужб. Мы ведь прослушивали и в Иране, и позднее в Крыму не только Рузвельта и Черчилля, но и все их ближайшее окружение.

Столь же надежной и современной отечественной аппаратурой были оснащены и наши разведчики, работавшие в глубоком тылу врага. Когда немецкие пеленгаторщики начали засекать наших радистов, работавших на территории Германии, что привело к целой серии прова-

лов советской агентуры, в спецлабораториях НКВД за считанные месяцы была изготовлена аппаратура, позволявшая за полсекунды выпускать в эфир до нескольких тысяч знаков. Это были многочастотные станции, которые автоматически в течение короткого промежутка времени передавали информацию на разных частотах, и запеленговать их ни одна немецкая, английская, да и наша пеленгационная станция до самого конца войны не могла. Аналогов такой радиотехники в мире не было. Радиостанция, предназначенная для разведчиков, была довольно интересно устроена. Сперва вся информация записывалась на металлическую ленту или кодировалась на диске, а затем все это мгновенно прокручивалось и шло в эфир. Считывающие устройства были сделаны таким образом, что превращали эту информацию в высокочастотные колебания. И если раньше радист вынужден был порой работать в эфире часами, что было только на руку пеленгаторщикам, то теперь засечь радиостанцию, работавшую, скажем, в Берлине, немцы не могли. По тем временам техника была уникальная.

Мало того, все эти радиостанции были малогабаритными и, что очень важно, работали от портативных аккумуляторов, не требующих подключения радиостанции в сеть. Дело в том, что немцы, прочесывая район, откуда предположительно могла вестись передача, практиковали отключение электроэнергии по определенной системе и могли довольно точно устанавливать место, где находился радист. С появлением новых советских радиостанций и эти меры утратили эффективность. Нередко наши разведчики вели передачу с ходу, в движении, если под рукой оказывались мотоцикл или автомашина.

Досадные промахи, которые просто невозможно предусмотреть, конечно, случались и в дальнейшем, бывали и провалы, но ни одна новая советская радиостанция радиопеленгаторщиками не была раскрыта. Так было не только в Германии, но и в Дании, Голландии, других странах.

Но какой бы совершенной ни была техника, успех дела в разведке всегда решали люди. Не первый год гуляет по свету байка о том, что накануне войны начальник ГРУ генерал Ф. Голиков приказал зарубежной агентуре отслеживать конъюнктуру цен на шерсть и мясо в странах Западной Европы. Якобы он исходил из того, что для ведения боевых действий на территории СССР — страны с суровым климатом — немцы непременно заготовят не менее шести миллионов тулупов. И

как только начнется массовый забой баранов, следует ожидать немецкого вторжения. Якобы с такими доводами согласился и Сталин... А между тем советское руководство не нуждалось в таком косвенном подтверждении планов вермахта. Источники, повторяю, у нашей разведки были совершенно иные и куда более надежные.

Одним из тех, кто поддерживал связь с моим отцом, был Рихард Зорге, которому много лет спустя было присвоено звание Героя Советского Союза. После войны на территории СССР среди военнопленных оказался родной брат разведчика. По указанию отца его перевели из лагеря военнопленных в одну из специальных лабораторий, где он и работал впоследствии.

Нередко утверждают, что известный разведчик был предан советским правительством, которое не сумело или не захотело спасти Зорге от казни. Но отбросим эмоции и задумаемся вот над чем. Кто назовет хотя бы один случай в истории разведки, когда разведчик-нелегал попадает в тюрьму и признается каким-либо правительством? А Зорге ведь не признал себя советским разведчиком...

Тогда, во время войны с Германией, обмен был невозможен и по другой причине. В таком случае Советскому Союзу пришлось бы признать сам факт существования в Японии широкой разведывательной сети. Как бы любое правительство ни ценило своего разведчика, на такой шаг нигде и никогда оно не шло. Советское правительство не исключение...

Вне всяких сомнений Рихард Зорге — выдающийся разведчик, но он лишь один из сотен, что нисколько, убежден, не умаляет ни его личного мужества, ни высочайшего профессионализма.

Об этом тоже никогда и нигде не писали, но с арестом Зорге и его ближайших помощников советская разведывательная сеть в Японии практически не пострадала. Зорге ведь в основном специализировался по Германии, а в Японии на Советский Союз работали и люди из русской эмиграции, и другие агенты, а главное, с нами активно сотрудничали японские чиновники самого высокого ранга... Назову лишь имя человека, который не был советским агентом, но был, скажем так, человеком нашего влияния. Речь о видном японском государственном деятеле, министре иностранных дел Мацуоки. В личной беседе со Сталиным он заявил, что Германия готовит нападение на СССР, и сообщил точную дату немецкого вторжения, добавив, что одновременного выступления его страны вместе

с германской армией не последует. Разумеется, министр не мог дать гарантии советскому руководству, что, скажем, через год Япония не ввяжется в войну, но и этой информации было вполне достаточно. А если учесть, что на советскую разведку работали высокопоставленные японцы, нетрудно догадаться, что соответствующая информация поступала в Центр из Японии на протяжении всей второй мировой войны.

Столь же сильны были позиции советской разведки и во Франции. Летом 1993 года западная печать сообщила, что рассекреченные в Вашингтоне документы свидетельствуют о том, что Соединенные Штаты следили за частной перепиской французского лидера генерала Шарля де Голля, раскрывали шифры французского союзника, перехватывали секретные дипломатические послания. А на Советский Союз работал, например, полный французский генерал Зиновий Пешков. Сейчас его имя мало кому о чем говорит, но это была фигура!

Из воспоминаний помощника Сталина Бориса Бажанова:

«Я знакомлюсь с семейством Свердловых. Это очень интересное семейство. Старик Свердлов уже умер. Жил в Нижнем Новгороде и был гравером. Он был очень революционно настроен, связан со всякими революционными организациями, и его работа гравера заключалась главным образом в изготовлении фальшивых печатей, при помощи которых революционные подпольщики фабриковали себе подложные документы. Атмосфера в доме была революционная. Но старший сын Зиновий в результате каких-то сложных душевных процессов пришел к глубокому внутреннему кризису, порвал и с революционными кругами, и с семьей, и с иудаизмом. Отец проклял его торжественным еврейским ритуальным проклятием. Его усыновил Максим Горький, и Зиновий стал Зиновием Пешковым. Но, продолжая свой душевный путь, он отошел и от революционного окружения Горького, уехал во Францию и поступил в Иностранный легион для полного разрыва с прошлой жизнью. Когда через некоторое время пришло известие, что он потерял в боях руку, старик Свердлов страшно разволновался: «Какую руку?» — и когда оказалось, что правую, торжеству его не было предела: по формуле еврейского ритуального проклятия, когда отец проклинает сына, тот должен потерять именно правую руку. Зиновий Пешков стал французским гражданином, продолжал служить в армии и дошел до чина полного генерала. От семьи он отрекся полностью. Когда я, приехав во Францию, хотел сообщить ему новости о его двух братьях и сестре, живших в России, он ответил, что это не его семья и что он о них ничего знать не хочет».

Судьба брата Якова Свердлова действительно загадочна. На советскую разведку работали сотни эмигрантов. Знаю, что боевыми орденами СССР отмечена деятельность на этом поприще представителей известнейших княжеских фамилий, крупнейших дворянских гнезд. Сотрудничали они с нами отнюдь не за деньги, принципиально отказываясь от любого вознаграждения. Ими двигали совершенно иные мотивы. Я, например, не знаю ни одной страны, ни одной разведгруппы, где бы не работали бывшие наши соотечественники, волею судьбы оказавшиеся вне пределов Отечества.

Всегда помнил о Родине и Зиновий Пешков. Мне не раз приходилось слышать это имя. И отец, и люди, близкие к нему, отзывались о Пешкове как об очень умном и способном человеке. Тогда же ч и узнал, что Зиновий Пешков, брат Якова Свердлова, глава французской разведки...

В свое время я слышал, что Зиновий участвовал в какой-то степени в революционном движении, был связан с Алексеем Максимовичем Горьким — тот был его крестным отцом в православии. Брат первого Председателя ВЦИК — крещеный еврей.

Я читал его воспоминания, но там, разумеется, даже намека нет на связь Пешкова с советской разведкой. Ни слова и о том, что полный французский генерал руководил когда-либо разведывательной службой. И это тоже понятно. Он и умер, не признав свою связь с советской разведкой. Но для меня нет никаких сомнений по поводу того, как относился генерал к своей Родине. Конечно же с симпатией. Думаю, не совсем безразличен он все же был и к идеям коммунизма.

Вообще, очень много граждан Франции, в том числе русских, грузин, евреев, людей других национальностей, работали на советскую разведку. Так было и до назначения моего отца на должность наркома внутренних дел, и позднее — в военные и послевоенные годы. А сколько было французов, которые не являлись советскими агентами, но сочувствовали Советскому Союзу, идеям социализма и коммунизма. Можно, безусловно, объяснить это обстоятельство в какой-то мере тем, что Запад не имел полной информации о том, что происходит внутри СССР. Пусть так, но факт остается фактом: сторонников Советский Союз имел очень много и во Франции, и в других европейских странах. Я, скажем, абсолютно уверен, что Жолио-Кюри, например, не только не препятст-

вовал передаче совершенно секретной информации, связанной с ядерным проектом, советской разведке, но, скорее всего, и в значительной степени содействовал этому...

Прочные связи с французской интеллигенцией и грузинской эмиграцией во Франции отец имел еще с двадцатых годов. Все началось, насколько знаю, с его прихода в советские спецслужбы, а точнее, в контрразведку 11-й армии. Среди людей, направивших отца на эту работу, были Киров и видные грузинские большевики — братья Стуруа и Джапаридзе. Примерно тогда же стали налаживаться первые контакты с грузинскими меньшевиками, многие из которых оказались во Франции. Так что сильные корни у советской разведки появились во Франции задолго до войны с Германией. А надо учесть, что тамошние резидентуры поставляли в Центр информацию не только о Франции, но и о вероятном противнике — нацистской Германии. Сама французская разведслужба, впрочем, как и английская, полностью была под нашим контролем в течение многих лет.

Непосредственно был связан с моим отцом и один из руководителей английской разведки, легендарный советский разведчик Ким Филби. Родился он в 1912 году в семье чиновника английской колониальной администрации в Индии. После окончания Кембриджского университета сделал карьеру в правительственном аппарате. Выдавая себя за сторонника сближения между Англией и Германией, вступил в англо-германское общество, неоднократно выезжал в Берлин как корреспондент одной из ведущих английских газет. В британскую секретную службу он поступил еще до войны и в 1944 году даже возглавил центральный отдел по борьбе с СССР и международным коммунистическим движением. Позднее работал в Вашингтоне, на Ближнем Востоке. По оценке ряда специалистов, в перспективе вполне мог стать руководителем Интеллидженс Сервис, но, опасаясь провала, вынужден был бежать в Советский Союз. Кстати, именно Филби перед войной информировал Центр о подробностях бесед офицеров английской разведки с Рудольфом Гессом...

Из официальных источников:

Рудольф Гесс. Родился в 1894 году. В годы первой мировой войны – летчик. Был осужден за участие в путче 1923 года в Мюнхене. Тюремное наказание отбывал вместе с Гитлером, помогал ему в написании книги «Майн Кампф». С 1925 года – личный

секретарь Гитлера, обер-группенфюрер СС. В сентябре 1939 года Гитлер назначил его своим преемником (после Геринга).

Член фашистской партии с 1920 года. Активно участвовал в подготовке и развязывании второй мировой войны.

В мае 1941 года Гесс совершил полет в Великобританию с целью заключить соглашение о перемирии и склонить политических деятелей страны к совместной борьбе против СССР, потерпел неудачу в своей миссии и был интернирован как военнопленный. Нюрнбергским трибуналом приговорен к пожизненному заключению. Содержался в тюрьме Шпандау. В августе 1987 года совершил самоубийство. До сих пор не ясен ряд вопросов, связанных с миссией Гесса. Материалы английских архивов, касающиеся Гесса, будут рассекречены лишь в 2002 году.

Из воспоминаний Уинстона Черчилля:

«Я счел, что это фантастика. Однако сообщение оказалось верным. Ночью поступили дополнительные сообщения, подтверждающие это известие. Не подлежало сомнению, что Гесс, заместитель фюрера, рейхсминистр без портфеля, член министерского совета обороны Германской империи, член тайного германского совета кабинета министров и лидер нацистской партии, приземлился один на парашюте близ поместья герцога Гамильтонского на западе Шотландии. Управляя своим самолетом, он, в форме капитана германской авиации, вылетел из Аугсбурга и выбросился с парашютом. Вначале он назвался Хорном, и лишь в военном госпитале около Глазго, куда его доставили по поводу легких ранений, полученных им при приземлении, было установлено, кто он такой. Вскоре его перевезли сначала в Тауэр, а затем в другие места заключения в Англии, где он оставался до 6 октября 1945 года, когда присоединился в Нюрнбергской тюрьме к своим уцелевшим коллегам, представшим перед судом победителей.

Я никогда не придавал сколько-нибудь серьезного значения этой проделке Гесса. Я знал, что она не имеет никакого отношения к ходу событий... Советское правительство было чрезвычайно заинтриговано эпизодом с Гессом, и оно создало вокруг него много неправильных версий. Три года спустя, когда я вторично приехал в Москву, я убедился, насколько Сталин интересовался этим вопросом. За обедом он спросил меня, что скрывалось за миссией Гесса. Я кратко сообщил ему то, что изложил здесь. У меня создалось впечатление, что, по его мнению, здесь имели место какие-то тайные переговоры или заговор о совместных действиях Англии и Германии при вторжении в Россию, которые закончились провалом. Зная, какой он умный человек, я был поражен его неразумностью в этом вопросе. Когда переводчик дал мне понять, что Сталин не верит моим объяснениям, я ответил через своего переводчика: «Когда я излагаю известные мне

факты, то ожидаю, что мне поверят». Сталин ответил на мои резковатые слова добродушной улыбкой: «Даже у нас, в России, случается многое, о чем наша разведка не считает необходимым сообщать мне». Я не стал продолжать этот разговор».

В Советском Союзе благодаря разведке было совершенно точно известно, что Гесс прибыл в Англию с прямыми предложениями о заключении мира на определенных условиях, приемлемых для Англии. Если бы не долговременные интересы, которые все же взяли верх, английская правящая верхушка вполне готова была пойти на союз с Германией. Иными словами, полет этот не был спонтанным, остальное — не больше чем инсценировка, которая призвана была ввести в заблуждение мировое сообщество.

Нисколько не сомневаюсь, что и сама смерть Гесса отнюдь не случайна. Для меня абсолютно ясно, что видного в прошлом нациста просто убрали. Он ведь был в том возрасте, что уже мог не бояться за свое будущее и заговорить о том, что и в наши дни нанесло бы серьезный ущерб Западу...

«Совершенно секретно

СПРАВКА

Вадим сообщил из Лондона, что:

1) по данным «Зенхена», Гесс, прибыв в Англию, заявил, что он намеревался прежде всего обратиться к Гамильтону, знакомому Гесса по совместному участию в авиасоревнованиях 1934 года. Гамильтон принадлежит к так называемой кливденской клике. Гесс сделал свою посадку около имения Гамильтона.

2) Кирк Патрику, первому опознавшему Гесса чиновнику «Закоулка», Гесс заявил, что привез с собой мирные предложения. Сущность мирных предложений нам пока неизвестна (Кирк Патрик — бывший советник английского посольства в Берлине).

14/V-1941 г. № 376».

«Зенхеном» был советский разведчик Ким Филби, непосредственно связанный с моим отцом — главой советской стратегической разведки, «Вадимом» — резидент НКВД в Лондоне в 1941—1943 годах Иван Андреевич Чичаев...

Из сообщения Кима Филби в Центр от 18 мая 1941 года:

«Гесс до вечера 14 мая какой-либо полной информации англичанам не дал.

Во время бесед офицеров английской военной разведки с Гессом он утверждал, что прибыл в Англию для заключения компромиссного мира, который должен приостановить увеличивающееся истощение обеих воюющих стран и предотвратить окончательное уничтожение Британской империи как стабилизирующей силы.

По заявлению Гесса, он продолжает оставаться лояльным Гитлеру.

Бивербрук и Иден посетили Гесса, но официальными сообщениями это опровергнуто.

В беседе с Кирк Патриком Гесс заявил, что война между двумя северными народами является преступлением... «Зенхен» считает, что сейчас время мирных переговоров еще не наступило, но в процессе дальнейшего развития войны Гесс, возможно, станет центром интриг за заключение компромиссного мира и будет полезен для мирной партии в Англии и для Гитлера».

Заметим, что о ходе переговоров Гесса с англичанами советская разведка имела полную информацию не только от Филби. В 1991 году КГБ СССР передал известному американскому историку и публицисту Джону Костелло ряд секретных ранее документов, полученных весной 1941 года от советских резидентур в Берлине и Вашингтоне. Информация, полученная из Германии и Соединенных Штатов, полностью подтвердила сообщения Филби:

«(Из Вашингтона). Гесс прибыл в Британию с полного согласия Гитлера с целью начать переговоры, так как Гитлер не мог открыто предложить мир, не нанеся ущерба немецкому престижу. Поэтому он избрал Гесса в качестве своего секретного эмиссара.

(Из Берлина.) Действия Гесса — это не бегство, а акция с ведома Гитлера с целью предложить мир Британии. Начальник американского отдела в министерстве иностранной пропаганды Эйцендорф сообщил, что Гесс в наилучшем здравии и полетел в Британию с определенным поручением и предложениями от германского правительства».

Конечно же это лишь ничтожно малая часть той колоссальной информации, которая поступила тогда в Центр. И из Англии, и из Германии мы получали материалы о содержании всех бесед, которые английская разведка вела с Гессом. Могу с полным основанием утверждать, что большая их часть в СССР никогда не предавалась гласности, а в самой Великобритании на эту информацию наложен полный запрет. Уверен, что мировой общественности еще предстоит узнать немало

любопытного о людях, непосредственно связанных с историей таинственного перелета высокопоставленного германского чиновника в Англию. Имею в виду в первую очередь сэра Черчилля и постоянного заместителя министра иностранных дел Великобритании Кадогана, возглавлявшего, к слову, всю стратегическую разведку Ее Величества...

Вряд ли мог пойти на самоубийство 93-летний старик. Вольф Рюдигер Гесс, сын человека, перелетевшего в мае сорок первого на «Мессершмитте-110» в Шотландию, не без оснований считает, что его отец был готов нарушить обет молчания и рассказать всю правду об истории полувековой давности. По его утверждению, Рудольф Гесс был убит 17 августа 1987 года по заданию британского министерства внутренних дел двумя военнослужащими 22-го воздушно-десантного полка, подчиненного министерству внутренних дел. Руководство операцией осуществляли люди из британской контрразведки. Не исключено, считают на Западе, что акция была проведена в связи с тем, что советское руководство готово было дать согласие на освобождение Гесса осенью того же 1987 года — охрану тюрьмы Шпандау периодически несла рота Группы советских войск в Германии. Если учесть явную незаинтересованность английской стороны в разглашении государственной тайны, вся эта история весьма похожа на правду. Во всяком случае, убежден, англичанам есть что скрывать. Тогда, в сорок первом, английское руководство этими сепаратными переговорами однозначно подталкивало Германию на войну с Советским Союзом.

Те же западные источники, видимо тоже не без оснований, настаивают на существовании плана № 0274 В, предложенного Гитлером:

«1. Нужно документально доказать английскому правительству, что после краха Франции продолжение войны бесполезно.

2. Обещать Англии, что она сохранит полную независимость и все колонии. Однако она должна отказаться от всякого вмешательства в дела какой-либо страны Европы.

3. Предложить Великобритании заключить на 25 лет соглашение с Германией.

4. Великобритания должна сохранять благожелательный нейтралитет в отношении Германии во время русско-германской войны».

Надо полагать, эти указания Гитлера и были положены в основу переговоров Гесса с англичанами.

А в заключение — лишь один документ, хранящийся в архивах бывшего КГБ СССР:

«Снятие копий без разрешения Секретариата НКВД Союза ССР запрещается. Копия. Совершенно секретно. Экз. № 4, октября 2. Государственный Комитет Обороны Союза ССР.

Товарищу Сталину
Товарищу Молотову

Начальник чешской военной разведки полковник Моравец сообщил резиденту НКВД в Лондоне следующее:

Распространенное мнение о том, что Гесс прилетел в Англию неожиданно, является неверным. Задолго до совершения перелета Гесс имел переписку по этому вопросу с лордом Гамильтоном. В этой переписке подробно обсуждались все вопросы организации перелета. Однако сам Гамильтон в переписке участия не принимал. Все письма Гесса на имя Гамильтона адресату не попадали, а получались Интеллидженс Сервис, где составлялись также ответы Гессу от имени Гамильтона. Таким путем англичанам удалось заманить Гесса в Англию.

Полковник Моравец заявил также, что он лично видел переписку между Гессом и Гамильтоном. По заявлению Моравца, в письмах Гесса достаточно ясно излагались планы германского правительства, связанные с нападением на Советский Союз.

В этих письмах содержались аргументированные предложения о необходимости прекращения войны между Англией и Германией.

В заключение полковник Моравец заявил, что англичане, таким образом, располагают письменными доказательствами виновности Гесса и других нацистских главарей в подготовке нападения на СССР.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР
(Л. Берия)».

Не буду скрывать, что среди выдающихся советских разведчиков, кроме Кима Филби, было немало других подданных ее величества. Достаточно назвать, например, имена Дональда Маклина, Гая Берджеса... На Советский Союз работали даже люди, довольно близкие к королевской семье. Я имею в виду кузена Елизаветы II, крупного британского искусствоведа Энтони Бланта. Говорили, что вместе с Маклином, Берджесом, Кимом Филби и Джоном Кэрнкроссом он входил в знаменитую «кембриджскую пятерку»...

Считаю, что лишь российская разведка вправе делать определенные заявления. Насколько же мне известно, ни Энтони Блант, ни Джон Кэрнкросс советскими разведчи-

ками себя не признали, а многочисленные публикации, действительно широко известные на Западе, не дают и мне основания определенно говорить на эту тему.

«Пятого» из «кембриджской пятерки», Джона Кэрнкросса, служившего в годы второй мировой войны в центре дешифровки, на Западе считают одним из лучших агентов, когда-либо работавшим на советские органы безопасности. С его именем часто связывают доступ нашей разведки к шифрам «Энигмы»... Некоторые источники, видимо, вполне обоснованно считают, что Кэрнкросс передал в Москву тонны совершенно секретных документов. Нередко его сравнивают с не менее работоспособным агентом советской разведки в США Гарри Гопкинсом...

О Гопкинсе могу сказать лишь одно: этот человек относился к тем высокопоставленным государственным чиновникам стран Запада, которые считали, что лучше иметь дело с более прогрессивным, несмотря на все минусы, Советским Союзом, нежели с нацистской Германией. А история с «Энигмой» действительно любопытна. Несколько лет назад, по сообщениям западной прессы, эта немецкая шифровальная машинка была продана на одном из аукционов в Лондоне. А в годы второй мировой войны англичане с ее помощью действительно читали совершенно секретную информацию командования германских вооруженных сил, передаваемую таким же аппаратом. В Англии была создана целая система расшифровки «Ультра», обрабатывавшая всю секретную информацию, поступавшую из Германии, Италии и Японии. Это действительно был колоссальный успех наших союзников. Тем не менее делиться этими секретами с Советским Союзом западные державы не пожелали. Могу сказать, что все эти шифры советская разведка получила, как говорят, неофициальным путем. У англичан не было секретов, которые им удалось бы скрыть от Советского Союза..

Вспоминаю одну историю, связанную с расшифровкой перехваченных немецких сообщений самими же англичанами. Речь шла о массированном налете германской авиации на Ковентри. Черчилль знал, что сотни бомбардировщиков не оставят от города камня на камне, но запретил передавать эту информацию противовоздушной обороне. Ни один полк ПВО, ни одна батарея не были переброшены в район будущей трагедии. Черчилль понимал, что, поступи он иначе, станет ясно, что англичане владеют немецкими шифрами. А премьер-министр считал, что тайну надо сохранить хотя бы до высадки союзников в Европе...

Я не берусь судить, прав был тогда Черчилль или нет, но законы разведки действительно жестоки.

Есть, кстати, прямые доказательства, что именно сэр Уинстон Черчилль долгое время стоял во главе английской разведки.

Об этом сегодня предпочитают не вспоминать, но английская разведка работала на территории СССР и в войну Да и не только английская. Американскую разведку на территории союзника возглавлял Гарриман и этого факта, кстати, не скрывал. Когда была захвачена очень крупная американская разведчица и было принято решение обменять ее на нашего разведчика, Гарриман лично приехал ее забирать.

Во время войны и позднее на разведку Соединенных Штатов работали и советские граждане, но в основном, конечно, иностранцы. Нелегалы были чистокровными американцами, прекрасно владевшими языком и знавшими наши обычаи.

Но, по мнению отца, в тот период и английская, и тем более американская разведки резко уступали разведслужбам Германии. Вместе с тем, говорил отец, основные акции, которые планировали германские спецслужбы, были нам хорошо известны, так как почти во главе их стояли люди, работавшие на Советский Союз. Имелись в виду, насколько знаю, как политическая разведка Германии, так и абвер...

Я, конечно, интересовался работой советских и зарубежных разведслужб. Как объяснял отец, успех советской разведки в значительной степени был обусловлен тем, что с нами активно сотрудничали студенчество, молодежь, техническая интеллигенция Запада, рассматривающие Советский Союз как первенца романтических идей социализма. Но не только они, а даже представители аристократии, которые видели в СССР реальную силу, способную сокрушить фашизм. Это, по сути, была та база, на которой строилась советская разведка.

В США позиции советских разведслужб в этом плане были несколько слабее. Видимо, сказывался известный практицизм американцев. Но и там благодаря усилиям отца и людей, которые с ним трудились, а это были, должен подчеркнуть, профессионалы высочайшего класса, из года в год росло число наших сторонников, которые очень помогли разведке Советского Союза.

Сама американская разведка, по сути, лишь зарождалась. Имею в виду стратегическую разведку. Армейские

же разведслужбы США действовали, знаю, довольно эффективно. Но, безусловно, среди разведок союзников лидировала английская. Отец рассказывал мне о нелегалах на территории СССР. Некоторые из них, говорил он, внедрены в Россию еще до революции, но продолжают работать. Часть из них удалось выявить благодаря архивам российской разведки, но арестовывать, как правило, не спешили...

Когда рассекретят архивы бывшего КГБ, ГРУ, общественность наверняка узнает и об агентах-двойниках — а такие были всегда — и о нашей агентуре, работавшей многие годы в странах Запада. Я, скажем, знаю, что еще до второй мировой войны советская разведка была довольно тесно связана с польской церковью, особенно с католической. Как-то у нас в доме появился новый гость. Накануне отец предупредил, что ждет епископа из Польши. Позднее сказал, что человек, который у нас гостил, «держит в своих руках едва ли не всю европейскую разведку».

Подробностей не знаю, но отец рассказывал, что благодаря клерикальным кругам в Польше мы налаживаем связи с католиками Германии, которые находятся в оппозиции к Гитлеру. Какие-то услуги оказывали польскому костелу и наши спецслужбы. Например, в освобождении каких-то людей...

Так уж вышло, что разведка стала делом всей жизни моего отца. Чем он ни занимался впоследствии — ядерным проектом, баллистическими ракетами и комплексами ПВО, стратегическими отраслями промышленности, — от обязанностей руководителя советской стратегической разведки его никогда не освобождали.

Что представляла из себя стратегическая разведка? В отличие от военной разведки, разведки НКВД—НКГБ—МГБ, это была засекреченная структура. Сразу после революции советское правительство начало создавать самостоятельное направление разведки, связанное с акциями воздействия на противника на территории Германии, Франции, других стран. Когда НКВД разделили и создали НКГБ, за моим отцом оставили стратегическую, техническую разведку и общую координацию работы советских разведслужб. Как правило, непосредственно с отцом были связаны люди, рядом с которыми даже легендарный Ким Филби со своими уникальными возможностями в английской разведке всего лишь второй эшелон... Точно так же и с Рихардом Зорге, и со мно-

гими другими известными разведчиками. Речь шла, в основном, как я говорил, о гражданах других стран, занимавших подчас самые высокие должности в государственном и партийном аппарате.

К сожалению, советское руководство далеко не всегда эффективно использовало разведданные, которые докладывал мой отец. Знаю совершенно точно, что до самой его смерти советскому правительству были известны все действия, планируемые английским и американским руководством. И тем не менее такие колоссальные возможности не использовались в должной мере.

Такой пример. В начале пятидесятых наша разведка в Иране фактически отстранила шаха от власти. Во главе правительства был поставлен просоветски настроенный видный политический деятель Мохаммед Мосаддык. Действия разведки были вызваны огромным значением, которое имело сопредельное государство для Советского Союза. Отнюдь не меньший интерес представлял Иран и для американцев. Отец уже после смерти Сталина на одном из заседаний Президиума ЦК доложил, что имеет подробные сведения о подготовке спецслужбами США государственного переворота с целью возвращения шаха.

С отцом согласились, что информация тревожная и требует оперативного реагирования, но никаких активных мер принято не было. Вскоре после гибели моего отца все произошло именно так, как и предупреждала советская разведка: американские спецслужбы устроили государственный переворот и вернули шаха на престол. Причем ни американское правительство, ни ЦРУ даже не скрывали, чьих это рук дело.

Случай, к сожалению, если и не типичный, то уж, во всяком случае, не редкий в советской истории... Так не раз бывало и во время войны. При всем уважении к нашим полководцам должен признать, что лишь неумение воспользоваться без преувеличения бесценной информацией, добытой разведкой (какой была эта цена, рассказывать, видимо, не стоит), не раз приводило к самым трагическим последствиям — окружению армейских группировок, прорыву немецких соединений и т. п. Но и каждая успешная боевая операция Великой Отечественной непосредственно связана с титаническими усилиями разведки. Свидетельством тому — многие тысячи документов, которые до сих пор хранятся в секретных архивах.

Тем не менее на Западе ряд исследователеи утверждают, что, «несмотря на героизм и мастерство аген-

тов ГРУ, их информация не оказала сколько-нибудь существенного влияния на боевые операции советских войск». Налицо еще одна попытка принизить роль советской разведки в разгроме фашизма, в данном случае разведки Генерального штаба.

ГРУ — Главное разведуправление Генерального штаба — имеет непростую историю. Война с Финляндией со всей очевидностью показала, что необходима перестройка всех обеспечивающих управлений Генерального штаба, в том числе и разведывательного. К тому времени в разведке НКВД многие структурные изменения произошли, а в военной разведке реорганизация была необходима не меньше. Отец, курировавший разведслужбы СССР, между тем считал, что коренным образом ничего в ГРУ ломать не следует. Напротив, все здоровые ветви, дающие результат, говорил он, надо во что бы то ни стало сохранить. Здесь у отца был очень надежный союзник — генерал армии Георгий Константинович Жуков. Вместе с ним, другими военными отец и решал все эти наболевшие вопросы.

Довольно быстро прошло переподчинение разведгрупп, направлений, ГРУ было укомплектовано молодыми энергичными людьми. Впоследствии военная разведка работала довольно эффективно, так что все упреки в ее адрес — заурядная ложь.

Но трудные периоды в истории ГРУ конечно же были. Почитайте, что написано в акте о приеме Наркомата обороны С. К. Тимошенко от маршала Ворошилова в мае 1940 года. Сравнительно недавно этот документ наконец рассекречен:

«Вопросы организации разведки являются наиболее слабым участком в работе Наркомата обороны. Организованной разведки и систематического поступления данных об иностранных армиях не имеется. Отрыв разведработы от Генерального штаба и непосредственное подчинение ее наркому обороны привели к слабому руководству разведывательной службой. Наркомат обороны не имеет в лице Разведывательного управления органа, обеспечивающего Красную Армию данными об организации, состоянии, вооружении, подготовке и развертывании иностранных армий. К моменту приема Наркомат обороны такими разведданными не располагает. Театры военных действий не изучены...»

Это наряду с недостатками, отмеченными в укомплектовании и устройстве войск, мобилизационной подготовке, состоянии кадров, родов войск, боевой подготовке войск, ПВО

Документ подписали Ворошилов, Тимошенко.

До войны оставался год, и если бы не эффективная работа стратегической разведки, разведки НКВД, то ситуация была бы патовой. Едва ли в таком же состоянии принимал отец в тридцать восьмом и разведку Наркомата внутренних дел, но уже к началу второй мировой войны эта разведслужба была серьезным противником стран Запада, включая, естественно, Германию. Когда ГРУ подчинили моему отцу, начались серьезные изменения и здесь. Это, разумеется, мое личное мнение, но в тот период сосредоточение разведслужб в одних руках позволило сделать тот серьезный задел, который обеспечил успешную работу советской разведки и в годы войны, и позднее.

Ян Берзин, Проскуров, Голиков, Кузнецов, Серов, Ивашутин... Все эти люди были начальниками ГРУ в разное время, но, пожалуй, чаще всего вспоминают генерала Голикова. И, как правило, не с лучшей стороны... Одна из разведчиц, подполковник Мария Полякова, начинавшая службу в 4-м Управлении РККА еще в начале тридцатых, так, например, рассказывала о руководителях ГРУ:

«Я по-настоящему поняла, кем был Берзин для нашей военной разведки. Хорошую агентурную сеть быстро создать нельзя, для этого требуются годы. Изобретательность, настойчивость, умение работать с людьми помогали Берзину быть не просто начальником, а настоящим творцом. Он сам подбирал и готовил кадры, способные выполнять его замыслы. Дела резидентур, созданных до 1937 года, как правило, несут следы его пристального внимания к их жизни и работе. Организации под руководством Рихарда Зорге, Шандора Радо, Ильзы Штебе и ряд других являются классическими в истории разведок. Деятельность военной разведки во время войны показала, что стабильно работали ее фундаментальные организации, созданные под руководством Берзина. Некоторые из них продержались всю войну и добывали ценную информацию.

После ареста Берзина долго не было руководителя. Затем был Проскуров — человек еще молодой, прошедший Испанию, не имевший понятия о нашей работе, но умный, способный и серьезно относящийся к делу. Перед войной Проскурова неожиданно убрали и пришел генерал Голиков. Особенностей нашей работы он не знал и не понимал. Он никогда не отстаивал интересы разведки ни у Сталина, ни в Генштабе. Работать с ним было нелегко...»

Тут много правды. Я знал Голикова как доброго, хорошего человека, но как руководителя разведки его не

ценили и в «верхах». Не случайно ведь отправляли его то на какие-то переговоры, то членом Военного совета на фронт. Настоящим профессионалом в разведке он так и не стал.

А судьба Яна Берзина трагична. По национальности он латыш. До революции отбывал тюремное заключение, находился в ссылке, был приговорен военно-полевым судом к смертной казни. Правда, позже этот приговор заменили тюремным заключением.

В Красную Армию он пришел в 1919-м из ВЧК и спустя несколько лет стал руководителем военной разведки. Арестован и расстрелян в бытность Ежова наркомом внутренних дел, в период «ворошиловских чисток» Красной Армии.

Хочу сказать и еще об одном больном для меня вопросе. Ряд источников обвиняют моего отца и советские разведывательные службы в убийстве главы Временного польского правительства в Лондоне Владислава Сикорского и чешского министра иностранных дел Яна Масарика. Якобы люди Берия использовали какой-то новый яд...

Тогда уж логичней обвинить моего отца в том, что он не отравил, а выбросил министра Масарика из окна... Ян Масарик покончил жизнь самоубийством именно таким способом, а не был кем-то отравлен. Да и не было необходимости советской разведке «убирать» сына первого президента Чехословакии хотя бы по одной причине — Ян Масарик работал на Советский Союз... Теперь о Сикорском. «Убрала» его не советская, а английская разведка. Знаю это совершенно точно.

Из официальных источников:

Владислав Сикорский (20.5.1881 – 4.7.1943 гг.) – польский военный и политический деятель, генерал. По образованию инженер. В 1914–1917 гг. полковник легионов польских, противник Ю. Пилсудского. Во время польско-советской войны 1920 г. командующий 5-й, а затем 3-й армией. В 1921–1922 гг. начальник Генерального штаба. В 1939–1943 гг. премьер-министр польского эмигрантского правительства, военный министр и верховный главнокомандующий польскими вооружеиными силами. 30 июля 1941 года подписал договор с СССР о возобиовлеиии дипломатических отношений. Погиб в авиационной катастрофе около Гибралтара.

Причина трагической гибели генерала Сикорского в том, что он шел на сближение с СССР. Самолет, в котором Сикорский летел вместе со своим окружением,

разбился, а экипаж выбросился на парашютах, получив впоследствии 20-летние сроки тюрьмы. И было объявлено о несчастном случае. Но те же западные источники утверждают, что злополучный рейс начался в Гибралтаре, где главным представителем британской военной разведки был Ким Филби, завербованный в свое время отцом... Случайное стечение обстоятельств?

Нет. Когда погиб Сикорский, Филби в Гибралтаре не было, он выполнял задание советской разведки в Британии. А по поводу самой гибели Сикорского есть любопытные воспоминания. Скажем, адъютант генерала Андерса писал уже после войны, что «правительственное сообщение о смерти Сикорского было очень смутным, путаным и неубедительным. Расследования по происшедшему фактически не было. Для видимости создали комиссию по установлению причины катастрофы, но она приняла ту версию, которую ей сообщили... Даже не утруждали себя выяснением, почему не действовали рули управления, как об этом говорилось в официальном извещении. В случайность никто не верил. Не удалось выловить ни одной целой части, ни тел пассажиров, поскольку при разрыве самолета в воздухе они были изуродованы. Почему так спешили с ликвидацией Сикорского? Сильно опасались англичане соглашения Сикорского с властями Советского Союза. Когда Сикорский объявил о своей поездке в Каир для встречи с Вышинским, направлявшимся из Лондона в Москву, англичане, не желая допустить этой встречи и переговоров, вызвали Сикорского телеграммой в Лондон. Вызвали, сначала подготовив все, чтобы этот полет был для него последним». Предположение адъютанта генерала Андерса ротмистра Климковского полностью подтверждается и данными, полученными советской разведкой. Ее выводы однозначны: это была диверсия, организованная английской разведкой.

Среди «белых пятен» истории спецслужб и загадочная судьба Рауля Валленберга. Несколько лет назад один из бывших резидентов КГБ в Индии, а впоследствии заместитель директора Института США и Канады АН СССР, заместитель председателя Советского комитета защиты мира заявил, что Валленберг являлся посредником на тайных переговорах между Лаврентием Берия и главой СС Генрихом Гиммлером в 1944 году. Другие источники, в отличие от бывшего резидента Р. Богданова, утверждают, что советские органы безопасности пытались завербо-

вать Валленберга, а когда это не удалось, расстреляли. Якобы шведский дипломат погиб вскоре после второй мировой войны...

Из официальных источников:

Рауль Валленберг. Шведский дипломат. Единственный человек после Уинстона Черчилля, которому в XX веке присвоен официальный статус почетного гражданина США.

Родился в 1912 году в Стокгольме. Дед — дипломат, работал в Японии, Китае, Турции. Отец, морской офицер, умер до рождения сына. Воспитывался в семье деда. По образованию архитектор. Занимался бизнесом, возглавлял экспортно-импортную контору в Стокгольме. В начале 1944 года с миссией спасения отбыл в Будапешт. Секретарь королевского шведского посольства в Венгрии. Спас от гибели тысячи венгерских евреев.

Арестован органами советской военной контрразведки «СМЕРШ» 17 января 1945 года. Дальнейшая судьба шведского дипломата неизвестна.

Валленберг, знаю, был связан с американцами, и все его действия в Будапеште проводились по указанию и с ведома США. Он действительно очень много сделал для спасения людей. Но никакого отношения к советской разведке он никогда не имел, не говоря уже о том, что никакие переговоры между Гиммлером и моим отцом или кем-либо другим из представителей СССР никогда не велись. Это утверждение абсолютно абсурдно, хотя, знаю, в советской печати о мифических переговорах в последние годы написано много.

Захватил Рауля Валленберга «СМЕРШ», который возглавлял тогда Абакумов. Затем арестованного дипломата передали органам безопасности. Мой отец никакого отношения к судьбе Валленберга никогда не имел, и я, естественно, не знаю, что произошло с этим человеком на территории СССР. Впрочем, вполне допускаю, что он не был расстрелян и в 50, 60, 70-е годы жил в Советском Союзе. Такие примеры, знаю, были...

Это была очень известная фигура и полвека назад. Отец, как и другие члены высшего советского руководства, получал специальные издания с обзорами зарубежной печати, и я не раз читал в те годы и о самом Валленберге, и о том интересе, который вызывают его розыски на Западе. Но о том, что Рауль Валленберг находится в СССР, я узнал гораздо позже.

Чем объясняется необычайный всплеск сегодняшнего интереса к судьбе полковника ГРУ Олега Пеньковского, расстрелянного в мае 1963 года по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР за измену Родине? Одна версия, а нередко их публично выдвигают недавние сотрудники КГБ и ГРУ, сменяет другую, но однозначности в деле Пеньковского, как и прежде, нет. Известно, что полковник работал на скандинавском направлении, в резидентуре ГРУ в Турции, в последние годы перед арестом занимался военно-технической разведкой...

Однозначности здесь ждать не приходится, пока российские спецслужбы не признают, что Пеньковский установил связи с британской и американской разведками гораздо раньше, а не тогда, как принято считать. И сделал он это, знаю из документов, отнюдь не по собственной инициативе, а по заданию своего руководства. Ему изначально была отведена роль агента-двойника. В разведке такие вещи практикуются.

Во время войны Пеньковский работал в Турции. Насколько известно, претензий к нему не было. Недовольство приближенный Главнокомандующего ракетными войсками стратегического назначения маршала Митрофана Ивановича Неделина, погибшего в октябре 1960 года на испытаниях на Байконуре, вызвал тем, что позволял себе давать англичанам и американцам характеристики людей, стоявших тогда у власти. Видимо, они были не очень лестными...

Это запутанное дело послужило для Хрущева и его ближайшего окружения поводом убрать с должности начальника ГРУ генерала Ивана Серова.

Полагаю, интерес к судьбе полковника Пеньковского спустя тридцать лет после его расстрела вызван тем, что обвинения, выдвинутые в адрес разведчика, сегодня не звучат убедительно.

Мне не только в годы войны довелось служить в разведке, участвовать в ряде разведмероприятий за границей, но и впоследствии я не раз сталкивался с результатами работы, скажем, технической разведки как Генеральный, Главный конструктор ракетно-космических систем. Охота советских спецслужб за научно-техническими разработками Запада велась не только в послевоенные годы. Этим советские спецслужбы, впрочем, как и все другие разведки мира, занимались всегда и достаточно результативно. Мне довольно часто приходилось бывать в спецлабораториях МВД. За шесть месяцев на оте-

чественной элементной базе под руководством Павла Николаевича Куксенко по чертежам, полученным разведкой, был изготовлен, например, так называемый прибор ночного видения.

Бортовую радиолокацию мы «позаимствовали» у англичан. Во время обороны Москвы бортовой радиолокацией были оснащены две или три авиаэскадрильи. Так было и с морскими локационными системами. Вообще советская разведка здорово помогла конструкторам военной техники.

Из официальных источников:

По данным зарубежной печати, все сколько-нибудь совершенные системы оружия, созданные в СССР в восьмидесятых годах, включая знаменитые МиГ-29 и Су-27, некоторые ракеты, танки, подводные лодки, появились на свет во многом благодаря компьютерным комплексам, нелегально полученным за границей. Грандиозная операция КГБ и ГРУ, обошедшаяся в сотни миллионов долларов, позволила взломать ограничения, установленные странами – участницами НАТО на продажу такой техники и технологии социалистическим странам. За несколько лет в СССР попали десятки тысяч компьютеров разного класса, сотни тысяч периферийных устройств, программных средств, запасных частей. С их помощью были созданы совершенные образцы оружия. На их базе построены вычислительные комплексы, моделирующие конструкцию будущих самолетов, ракет, танков и другого оружия. Лишь с применением такой электронной техники можно было рассчитать на прочность гигантскую «Мрию», до предела использовав возможности материалов и сегодняшние знания в аэродинамике и аэроупругости.

Российская печать приводит и другие весьма показательные примеры: «Итальянский мотороллер «Веспа» въехал на советский рынок под названием «Вятка». Благодаря спецслужбам, у нас появились новые пылесосы, холодильники, бритвы и прочие товары широкого потребления. Но главная задача разведки – военные разработки.

До сих пор не знаю, был ли завербован советской разведкой американский летчик, посадивший на нашем Дальнем Востоке В-29. А дело было так. Во время второй мировой войны, отбомбившись над Японией, американец не стал возвращаться на базу, а сел на нашей территории. Советский бомбардировщик Ту-4 — точная копия того самого угнанного «Боинга»... Знакомство с оборудованием «американца» позволило тогда заметно поднять уровень нашей авиационной техники.

Подобных случаев в те годы было немало. Когда американцы бомбили Японию и средства ПВО подбивали эти машины, экипажам разрешалось ставить самолеты на автопилот и пускать их в сторону Арктики. Сами летчики старались не попадать на японскую территорию и выбрасывались с парашютами на территории Советского Союза или Китая. Если не ошибаюсь, до пяти процентов подбитых машин ушли таким образом в сторону Арктики. Часть из них, естественно, разбились в ледовых просторах, но некоторые — большинство без экипажей — в более-менее нормальном виде попали на территорию СССР. Помню случай, когда самолет без экипажа приземлился неповрежденным и перегонял его с Дальнего Востока летчик Моргунов. Эти машины попали в ОКБ авиаконструктора Туполева, и в очень сжатые сроки его коллектив с помощью нашей промышленности воспроизвел все агрегаты американского самолета. Это очень помогло нашим специалистам, занимавшимся двигателями, радиоэлектроникой, пилотным хозяйством, электроавтоматикой, приборостроением. Американская технология тут же была внедрена в отечественную промышленность.

Сами чертежи двигателей, приборов американских машин наша разведка добыла несколько раньше. Все больше склоняюсь к мысли, что и экипаж B-29, посадивший свой самолет на дальневосточном аэродроме, сделал это не случайно. Видимо, без разведки не обошлось и здесь...

Вот что, к примеру, пишет майор ВВС США в отставке Г. Роберт Бессет из Калифорнии: 18 апреля 1942 года 16 бомбардировщиков B-25, стартовав с авианосца ВМС США «Хорнет», начали первый бомбовый налет на Японию после атаки на Перл-Харбор. Пятнадцать из этих машин либо затонули у берегов Китая, либо потерпели крушение на суше, после того как их экипажи выбросились с парашютами. Только один самолет приземлился в исправном состоянии близ Владивостока, после того как вынужден был свернуть с боевого курса из-за пережега горючего. Пять членов экипажа были интернированы советскими властями, пока в 1943 году им не удалось совершить побег в Иран. История звучит не совсем убедительно, но Г. Роберт Бессет утверждает, что два члена экипажа до сих пор живы и последний раз видели свой самолет стоявшим на взлетно-посадочной полосе в Приморской.

По мнению американских историков, бомбардировщик «вошел в состав советских ВВС и затерялся в пучине времени». Тайна исчезнувшего B-25 заинтересовала, судя по откликам в печати, многих и в России, и на Украине. Н. Марков из г. Энгельса Саратовской области сообщил, что в июне 1956 года был направлен на учебу по специальности воздушного стрелка в войсковую часть 40971. Школа младших авиаспециалистов дислоцировалась в поселке Мензовка Приморского края. На ее территории, утверждает бывший солдат, в качестве учебного пособия стоял B-25. Ту же роль выполнял и наш Ту-2, стоявший рядом. Самолеты привезли из другой части. Когда школу перевели в Амурскую область, обе машины остались в Мензовке.

Не меньший интерес, как нам кажется, представляет и свидетельство В. Мельникова из Полтавы. Вот что пишет он в «Известия»: «10 послевоенных лет я летал на транспортном самолете в пределах Дальнего Востока, от Уэлена до Пекина. Все приморские аэродромы трех государств (СССР, Корея, Китай) были мне хорошо знакомы. И, принимая во внимание, что нечасто сбивали там «крепости» (авторы писем ошибаются — речь идет о B-29), одна похожая история осталась в памяти. Был ноябрь 1945 года, в Мукдене (Китай) заканчивался карантин в лагере американских военнопленных (которых освободил наш десант). Туда часто летали оборудованные под транспортные самолеты бомбардировщики B-24, B-29. Вылетали они из Японии или Кореи. Маршрут их проходил через Северную Корею, и на их пути лежал город Канко (теперь Хамхын), а у этого города расположилась наша крупная база ВВС. Самолеты перебазировались сюда из Приморья. Часто пролетающие над Канко американские самолеты за два месяца уже примелькались местному люду, но не для приезжих». Если верить читателю, один из высоких военных чинов, увидевший над головой следовавший своим курсом B-29, приказал истребителям посадить «нарушителя». На предупредительную стрельбу из пулеметов и пушек самолет не отреагировал. Дело закончилось тем, что одна из наших «кобр» открыла огонь по мотору «американца». Пройдя береговую черту, самолет внезапно резко развернулся в сторону моря и, отойдя немного от берега, выбросил какой-то предмет, а затем совершил посадку на советском аэродроме. В. Мельников утверждает, что экипаж сбросил в море секретный прицел. Впоследствии B-29 по-

пал в распоряжение большой группы специалистов. Еще одна версия появления отечественного Ту-4? Возможно, и так.

Еще один вариант вынужденного приземления американского самолета на территории СССР излагают бывшие военнослужащие 33-го полка 10-й дивизии ВВС Тихоокеанского флота Ю. Павлов и М. Хенкин из Перми, служившие там в 1941—1947 годах. Как-то весной, рассказывают бывший старший авиамеханик и старший техник по вооружению, звено летчиков 19-го истребительного полка их авиадивизии посадили американскую «летающую крепость». Речь, по их утверждению, идет о В-25, который вот уже много лет пытаются разыскать американцы. Прежде чем солдаты успели добежать до приземлившейся машины, экипаж успел уничтожить новейшие секретные приборы для бомбометания и средства связи. Позднее американский самолет перегнали на один из военных аэродромов центральной России.

В 1993 году в украинской печати промелькнуло сообщение об угоне советскими военнослужащими боевой американской машины с южнокорейского аэродрома. Дело происходило в период корейской войны. Угнанную «кобру» посадили во Владивостоке. Как видим, речь идет, по меньшей мере, о нескольких случаях.

Но угоняли, как известно, не только мы... Широко известен случай предательства старшего лейтенанта Виктора Беленко, приземлившегося 6 сентября 1976 года на аэродроме на острове Хоккайдо. Тогда японцы, а точнее, американцы получили новейший советский истребитель-перехватчик МиГ-25.

Куда менее известна у нас история, связанная с угоном другого советского МиГа. В августе 1966 года иракский летчик, заместитель командира авиаэскадрильи Мунир Редфа приземлился на одном из аэродромов Израиля. И по сей день этот случай воспринимается в Израиле как свидетельство эффективной работы тамошних спецслужб — эта задача была поставлена перед израильской военной разведкой и Моссад вскоре после того, как Советский Союз начал поставлять Египту, Ираку и Сирии новые истребители...

Словом, советская разведка, как видим, не исключение.

Но возвратимся к судьбе человека, многие годы стоявшего во главе лучшей стратегической разведки мира.

По крайней мере, так оценивают ее деятельность в тот, пожалуй, самый сложный в истории Советского государства период сами специалисты спецслужб.

Каким же он был, мой отец, Лаврентий Павлович Берия? В силу известных причин объективной оценки многолетней работы главы советской стратегической разведки сегодня практически невозможно найти ни в одном из официальных источников. А все, что хранится в секретных архивах бывших советских спецслужб и так или иначе связано с именем «английского шпиона», как и прежде, тщательно оберегается частоколом столь же секретных инструкций сорокалетней давности. Причины все те же...

И тем не менее кое-что в печати проскользнуло. В октябре 1992 года, например, бывший начальник 4-го отдела внешней разведки КГБ СССР Виталий Чернявский публично признал:

«Ум у Берия был острый, расчет точный, он хорошо разбирался в искусстве разведки и контршпионаже. После прихода в МВД в 1953-м Берия подверг резкой критике деятельность разведки в послевоенные годы и энергично начал заниматься ее перестройкой. Он обновил состав советнических групп в странах народной демократии, поставил во главе их молодых и энергичных сотрудников. Потребовал, чтобы они свободно владели языком страны пребывания и могли беседовать с руководителями секретных служб и государства без переводчиков. Он считал, что отношения с нашими союзниками должны быть более уважительными и доверительными, чтобы советники не вмешивались во внутренние дела и не давали рекомендаций по «скользким» делам, особенно по тем, которые возникали в результате внутренней борьбы в правящей верхушке, чтобы избежать малейшего повода для ссылки на то, что они заведены и реализованы, мол, по указанию «советских товарищей». Это были вполне разумные указания. Об этом я подробно пишу в мемуарах, над которыми сейчас работаю, «На Балканах и в Центральной Европе. 1944 – 1956».

Сравним эту характеристику с той, которую дали отцу в том же 1953 году организаторы пленума ЦК КПСС. Цитируем стенограмму:

«ХРУЩЕВ. Разведывательная и контрразведывательная работа оказалась второстепенной, заброшенной... Необходимо все поставить на свое место и обязать органы МВД вести работу в полном соответствии с решением ЦК по активной разведке против наших внешних врагов. Настоятельно необходимо, как совершенно правильно говорил товарищ Маленков, укрепить руководство партии во всех звеньях и покончить навсегда с нарушением норм отношения партии

и МВД, повысить идейное воспитание чекистских кадров, поднять ответственность партийных органов за осуществление повседневного и конкретного руководства органами, постоянно добиваясь повышения революционной бдительности.

Товарищи, мне думается, нет никакой нужды преувеличивать личность этого злодея. Партийная масса и народ его не знают, он нигде не был, не знал жизни партийных организаций. Руководящие кадры его знали как человека дерзкого и грубого, а теперь узнали как провокатора и изменника.

КРУГЛОВ. Нет сомнения, что если бы его не остановила тюрьма, то он в своих вражеских целях пошел бы далеко в борьбе против нашей партии и, как теперь стало совершенно ясно, мог попытаться использовать и аппарат МВД. Но этот прохвост просчитался бы и на этот раз. В огромном своем большинстве, за исключением небольшой кучки особоприближенных людей к Берия, коллектив МВД предан нашей партии, ее ленинско-сталинскому ЦК, и никаким Берия не удастся использовать его в своих гнусных целях. (Аплодисменты.) Однако в настоящее время надо критически осмыслить все поведение Берия в течение последних 3-х месяцев в МВД... Многое выступает в ином, истинном смысле, и становится понятным его антипартийное и враждебное лицо. Становится понятным, что он хотел и учитывал в своих гнусных планах использовать систему МВД. С этой целью, под знаком особой конспирации, все вопросы разведки и контрразведки решались им и Кобуловым... Наша задача сейчас — помочь полностью, до конца разоблачить этого проходимца, трижды предателя, жулика, провокатора, нагло и самодовольно стоявшего среди нашего руководства, а наше руководство является гордостью народа и гордостью партии. Этот интриган, клеветник, провокатор по призванию, аморальный подлец до мозга костей соединял в себе величайшую подлость и величайшую наглость. Следствие выявит всю враждебную деятельность Берия, но и сейчас некоторые его меры, по нашему мнению, являются вредительскими и антигосударственными. Особенно по вопросам разведки. Сейчас известно нам, что в апреле и мае месяцах этого года Берия одновременно вызвал в Москву около половины работников резидентур МВД. Большая часть вызванных работников находится в Москве 2–3 месяца.

МОЛОТОВ. Откуда вызваны?

КРУГЛОВ. Вячеслав Михайлович, из-за границы, из капиталистических стран.

МАЛЕНКОВ. Таких работников было вызвано несколько сот человек.

КРУГЛОВ. В настоящее время находится около 200 человек, которые в течение 2–3 месяцев живут в Москве, о которых вопрос не решается. За это время работа резидентур МВД ослабла. По-

теряны связи со многими ценными агентами. Резидентуры советской разведки в капиталистических странах оказались оголенными и были оставлены без руководства в течение длительного времени.

ГОЛОС. Это сознательно делалось.

КРУГЛОВ. Совершенно верно. Далее. В Москве три месяца сидел уполномоченный МВД по Германии и его заместители, и в момент подготовки мятежа в Германии Берия принял решение о сокращении аппарата уполномоченного МВД в ГДР в семь раз. Решили упразднить инструкторский аппарат в Германии, оставив только советнические функции. Таким образом, чекистский аппарат в Германии за это время был также резко ослаблен.

Сомнительным кажется и огульное охаивание Берия всего, что есть в закордонной разведке. Он неоднократно заявлял, что разведки нет, что нет никакой агентуры, никакой ценной информации, нет никаких кадров и все надо начинать на голом месте. В то же время, как сейчас стало известно, Берия и Кобулов ориентировались на отказ от целого ряда агентурных мероприятий и многие материалы по иностранной разведке не были доложены Центральному Комитету партии.

Ряд фактов с назначением руководящих работников МВД наводит на мысль, что Берия преследовал цель иметь на участках верных себе людей, без учета политической преданности их партии. Ряд назначений таких людей, как Райхман, Эйтингон, Судоплатов, Мешик, Мильштейн и других, которые абсолютно не пользуются политическим доверием коллектива и были до его прихода изгнаны из органов МВД, как в настоящее время стало ясно, надо рассматривать как желание иметь у себя до конца преданных ему людей.

Берия подверг резкому сокращению и чистке разведывательное управление. За короткий срок было уволено большое количество людей, взятых в органы по партийной мобилизации.

Особое внимание привлекает создание в последнее время Берия, в обход утвержденной Центральным Комитетом структуры министерства, нового отдела, лично подчиненного ему и неизвестно чем занимающегося. Даже кадры в этот отдел подбирались помимо Управления кадров министерства. В этот отдел берется тот же Эйтингон, только что освобожденный из тюрьмы, некто Василевский, пользующийся сомнительной репутацией, близкий человек к Берия, некто Правдин, по национальности француз, и так далее.

Последнее время вновь назначенный резидентом в Финляндии тов. Котов сообщил, что, в бытность свою на приеме у Берия, последний предложил ему посетить бывшего министра внутренних дел Финляндии ренегата Лейно, которого якобы неправильно оттолкнули финские коммунисты. Берия дал понять товарищу Котову, что с Лейно надо встречаться. Это указание Берия выглядит крайне подозрительно, так как нельзя считать нормальным встречу наших со-

ветских работников за границей с лицами, которые являются ренегатами и предателями рабочего движения.

Товарищи! В системе Министерства внутренних дел, вернее бывшего МГБ, за последнее время сложилось тяжелое положение. В течение последних трех лет там идет непрестанная ломка и реорганизация. Это сильно расшатало аппарат. Но коммунисты, работающие в системе Министерства внутренних дел, куда их партия послала, хорошо знают, что под руководством своей родной коммунистической партии, ее Центрального Комитета, учтя все уроки, примут все меры к укреплению органов с тем, чтобы повернуть их против наших классовых врагов, повысят в своей работе революционную бдительность и приложат все силы к тому, чтобы оправдать великое доверие, которое оказывает нам Родина, которое оказывает нам ленинско-сталинский Центральный Комитет партии. (Аплодисменты.)

Председательствующий тов. ХРУЩЕВ. Товарищи, есть предложение сейчас сделать обеденный перерыв до 8 часов вечера. Нет возражений?

ГОЛОСА. Нет.

Председательствующий тов. ХРУЩЕВ. Объявляется перерыв до 8 часов вечера».

«Есть предложение... Нет возражений...» Любопытно, о чем думал тов. Хрущев, отправляясь с ближайшими соратниками на обед. Восхищался спектаклем, разыгранным только что по его сценарию? Анализировал выступления участников Пленума, бойко читавших весь этот бред, написанный клерками из партийного аппарата? К сожалению, никто и никогда об этом уже не узнает. Впрочем, как и о том, почему ни один из участников Пленума ЦК не рискнул даже поставить под сомнение мифические грехи моего отца. Неужели по-прежнему витал в зале призрак политических процессов тридцатых? Или сковывал страх за карьеру? Это, наверное, ближе к правде.

Но никто еще не рассказал и доли правды о том, какой колоссальный вред нанесла партийная верхушка советской разведке в послевоенный период. В просторечии бытует такое выражение — довели до ручки. В 1946-м году разведка органов государственной безопасности оказалась в руках нового министра Абакумова, после его ареста МГБ возглавил партийный аппаратчик Игнатьев. Отсюда и так называемые партийные наборы, засилье в разведке МГБ непрофессионалов. В марте 1953 года, когда отец пришел в МВД после десятилетнего перерыва, состояние разведки было удручающим.

Массовые провалы, разоблачение агентуры, появление перебежчиков, что раньше не наблюдалось. И полное отсутствие серьезной информации, подобной той, которой располагала стратегическая разведка страны. Все это, конечно, возмутило отца. Между тем аппарат спецслужб давно превысил все разумные пределы.

Разумеется, отец откровенно доложил и на Президиуме ЦК, и на заседании Совета Министров о реальном положении дел. Одной из главных причин случившегося отец назвал низкий профессионализм сотрудников Управления внешней разведки.

— Поймите, — убеждал отец, — нельзя направлять в разведку людей, не имеющих малейшего представления об этой работе, не знающих языков. Это в другом месте можно перебрасывать человека с клуба на баню, а из райкома на стройку. Здесь совершенно определенная специфика, требующая столь же определенных данных. Мне возражают: но они — члены партии. Я не против того, чтобы члены партии работали в разведке, но как можно направлять людей на руководящую работу в разведку, если они не знают азов этой профессии?

Отец начал именно с решения наболевших кадровых вопросов, избавляясь от случайных людей. А на их место сразу же стали подбирать профессионалов. Часть людей перешла в разведуправление МВД из ГРУ. В основном это были люди, которые прошли войну и хорошо проявили себя в армейской разведке. Было немало и таких, кто в совершенстве владел иностранными языками и стремился овладеть азами профессии.

До смешного ведь доходило. Человек не знает ни одного иностранного языка и назначается резидентом, скажем, в Токио... Но — партийный выдвиженец! При Игнатьеве этого было вполне достаточно даже для такой карьеры.

Никакого массового отзыва советских разведчиков из-за рубежа не было и никто никого не «засвечивал», как иногда пишут. Как правило, историки и публицисты повторяют ложь, звучавшую на партийном Пленуме, а нередко и развивая высказанные там выводы... Шла замена дилетантов профессионалами, шла реорганизация, вопрос о необходимости которой сами сотрудники внешней разведки никогда не ставили. Разумеется, все это делалось с согласия ЦК, принявшего предложения моего отца.

Кроме вымыслов, никаких реальных обвинений в адрес нового министра внутренних дел тогда так и не про-

звучало. Сами ведь организаторы Пленума отлично понимали, что отец стремился поправить то, что было развалено другими...

Теперь о людях, чьи назначения ставились отцу в упрек. Эйтингон, кадровый разведчик, действительно был освобожден после смерти Сталина. До этого и Абакумов, и Игнатьев выбивали из него показания на отца. Насколько известно, и по сей день он считается одним из профессионалов в среде разведчиков.

Слышал и о Василевском. До прихода в разведку он был летчиком, воевал в Испании. Довольно долго работал во Франции. Познакомились мы на одном из элингов в Подмосковье незадолго до его отъезда в Испанию — он умел строить отличные яхты. Тоже профессиональный разведчик. С согласия партийных органов — обычная практика в СССР — были назначены на новые должности и Л. Ф. Райхман, ставший начальником контрольной инспекции при МВД СССР, бывший заместитель начальника 2-го Главного управления МГБ П. А. Судоплатов, возглавивший один из отделов МВД, в прошлом начальник бюро МГБ, заместитель начальника 1-го Главного управления МВД. Профессионалами были и все остальные. Никакого анализа перестройки внешней разведки на Пленуме никто не собирался делать. Его устроителям это было ни к чему. Стенограмму этого мероприятия опубликовали лишь сорок лет спустя, а сами участники Пленума быстро разобрались, что произошло на кремлевском олимпе и старались держаться от этой темной истории подальше. А тема разведки была использована с той же целью, как и остальные — скомпрометировать имя моего отца и здесь..

ГЛАВА 5

ВОЙНА

Можно ли было предотвратить вторую мировую войну? Готовил ли Сталин превентивный удар против Германии? Кто и когда вел сепаратные переговоры с Гитлером? Почему враг дошел до Москвы и Сталинграда? Правда ли, что кремлевское руководство не доверяло советской разведке? Почему наши части не помогли в сорок четвертом восставшей Варшаве?

Уже сколько десятилетий прошло после победного мая сорок пятого, а «белых пятен» в истории второй мировой войны предостаточно. А почему? Догадаться несложно. Как-то один известный историк рассказал о встрече с генералом армии Епишевым, тогдашним начальником Главного политуправления армии и флота. Когда речь зашла о правде в исторической науке, старый партийный номенклатурщик, верой и правдой служивший нескольким Генсекам, не стесняясь, изложил свое кредо: «А кому нужна ваша правда, если она мешает нам жить?»

Полная правда о той войне не нужна была ни Сталину, ни Хрущеву, ни Брежневу, ни тем, кто пришел после них. И когда говорят, что история Великой Отечественной войны еще не написана, возразить трудно. Как ни горько признать, даже воспетая всем миром наша перестроечная гласность лишь приблизила нас к Истине, но не распахнула до конца дверцы массивных сейфов секретных архивов.

Ни одна книга о прошлом не способна расставить все точки над «i», дать ответы на все вопросы, тем более когда речь идет о такой «больной» теме. Но многие тайны второй мировой войны эта глава, как мне думается, приоткрывает. Еще один парадокс нашей запутанной истории: правду о войне скрывали от тех, кто в ней победил... Так и пошли гулять две правды о самой страшной войне в истории — одна для народа, другая... Впрочем, второй лишь предстоит вырваться из оков псевдосекретности полувековой давности. Слиш-

ком долго мы ее ждали, чтобы довольствоваться, как и прежде, мифами о внезапном ударе и острой нехватке самолетов и танков.

Отец позвонил в ту ночь из Кремля: «Начинается... Слушайте радио!» Непосвященному эта фраза ни о чем не говорила, мы же с мамой прекрасно знали, что хотел сказать отец. Начиналась война...

О той ночи накануне войны написано много. Оставили свои воспоминания и рядовые фронтовики, участники войны, и наши полководцы. Даже Хрущев, находившийся в то время, как известно, в Киеве, умудрился рассказать о том, что происходило тогда в Кремле. Причем со ссылкой на моего отца. Якобы даже тогда, когда Сталину доложили о начале войны, тот долго не верил, а затем уехал к себе на дачу. Как писал Хрущев, «Сталин выглядел старым, пришибленным, растерянным». Членам Политбюро долго пришлось убеждать его, что еще не все потеряно, что у нас большая страна, мы можем собраться с силами и дать отпор врагу. Так или иначе Сталина уговорили возвратиться в Москву и возглавить оборону страны.

Да что Хрущев... Скажем, даже в мемуарах глубоко уважаемого Георгия Константиновича Жукова далеко не все соответствует исторической правде. Я никогда и ни в чем не ставил под сомнение честность и порядочность этого человека, но факт есть факт. Возможно, на первый взгляд это покажется странным, но я убежден, что здесь нет вины прославленного маршала. Не таким был Георгий Константинович, чтобы лукавить. Все было гораздо сложней. Я убежден, что напиши Жуков тогда всю правду, которую он знал, его воспоминания не были бы опубликованы.

Но возвратимся к известному нам тексту. Георгий Константинович совершенно справедливо рассказал, что после смерти Сталина появились версии, будто в ночь на 22 июня командующие со своими штабами, ничего не подозревая, мирно спали или беззаботно веселились. Но это беспардонная ложь. Все было совершенно иначе. Например, о том, что приказ наркома обороны будет зачитан, известно было за сутки до нападения немцев. Утверждение о том, что поздно, мол, спохватились и директива Генерального штаба до войск не дошла — выдумка чистой воды. Как и положено, последовала команда о вскрытии пакетов, что военные и сделали. Иное дело — удалось ли большинству справиться с поставленной

задачей. Но зачем же возводить напраслину на Генеральный штаб?

Читатель наверняка помнит, как выглядит Сталин в версии Жукова (?). Позволю небольшую цитату из книги:

«В 3 часа 30 минут начальник Западного округа генерал В. Е. Климовских доложил о налете немецкой авиации на города Белоруссии. Минуты через три начальник штаба Киевского округа генерал М. А. Пуркаев доложил о налете авиации на города Украины. В 3 часа 40 минут позвонил командующий Прибалтийским военным округом генерал Ф. И. Кузнецов, который доложил о налетах вражеской авиации на Каунас и другие города.

Нарком приказал мне звонить Сталину. Звоню. К телефону никто не подходит. Звоню непрерывно. Наконец слышу сонный голос дежурного генерала управления охраны.

– Кто говорит?

– Начальник Генштаба Жуков. Прошу срочно соединить меня с товарищем Сталиным.

– Что? Сейчас?! – изумился начальник охраны. – Товарищ Сталин спит.

– Будите немедля: немцы бомбят наши города!

Несколько мгновений длится молчание. Наконец в трубке глухо ответили:

– Подождите.

Минуты через три к аппарату подошел И. В. Сталин.

Я доложил обстановку и просил разрешения начать ответные боевые действия. И. В. Сталин молчит. Слышу лишь его дыхание.

– Вы меня поняли?

Опять молчание.

Наконец И. В. Сталин спросил:

– Где нарком?

– Говорит по ВЧ с Киевским округом.

– Приезжайте в Кремль с Тимошенко. Скажите Поскребышеву, чтобы он вызвал всех членов Политбюро».

В действительности же Жукову не пришлось будить Сталина, а Поскребышеву обзванивать членов Политбюро. Все они, включая моего отца, давно находились в Кремле. Разумеется, не ложился спать в ту роковую ночь и Сталин. Кстати, почему-то нигде не пишут, кто первым сообщил ему о начале войны. А между тем информацию Сталин получал не только от начальника Генерального штаба...

Но дело даже не в этом. Я до сих пор удивляюсь, как Жукову вообще удалось выпустить свои мемуары,

пусть в том виде, как они вышли. А все эти неточности, назовем их так... Георгий Константинович был умный человек и отлично понимал, что читатель без труда разберется, что к чему. Ну, кто, скажите, поверил, что Жуков мог вспомнить никому не известного полковника Брежнева? Но ведь написано... Не могла такая книга увидеть свет без упоминания фамилии Генсека. Кто посмеет упрекнуть маршала в том, что так получилось? Нисколько не сомневаюсь, что, идя на какие-то уступки, Жуков знал, что выигрывает в главном — получает возможность сказать пусть не всю, но правду о войне.

От отца, Жукова, Василевского и многих других людей мне не раз доводилось слышать о поведении Сталина в начальный период войны. В свое время Георгий Константинович не смог написать всего, что было в действительности. А правда такова. Сталин действительно был подавлен, узнав о положении на фронтах. Но когда об этом вспоминают, непременно спешат подчеркнуть: не ожидал, мол, Сталин удара немцев, поверил Гитлеру, а тот обманул... Все это один из мифов, внедренных много лет назад в общественное сознание. А потрясение Сталина было вызвано не мифическим внезапным нападением, в чем убеждают нас до сих пор учебники истории, а тем, что армия не сумела сдержать первый удар. Этого Сталин никак не ожидал. Вполне понятно и его недовольство наркомом обороны Тимошенко и начальником Генерального штаба Жуковым в первые дни и часы войны. И они, и другие высокопоставленные военные не раз заверяли Сталина и Политбюро, что Красная Армия в случае чего первый удар сдержит, а затем, как и планировалось, нанесет ответные удары. И речь, заметь, читатель, шла не о боевом духе войск, что, безусловно, немаловажно, но о вещах более конкретных. Сталин ведь прямо спрашивал у руководителей Наркомата обороны, чего не хватает армии. Военные в один голос успокаивали: «Армия располагает всем необходимым». И когда Сталину доложили, что армия откатывается на восток, он, естественно, был потрясен. По немецким данным, в первые дни войны на земле было уничтожено около семи тысяч наших самолетов. А нас пытаются убедить в том, что мы обошли немцев по выпуску самолетов лишь к середине войны. Стесняемся признать и то, что танков мы имели в два раза больше, чем Германия. Только Т-34 у нас было больше, чем всех тяжелых танков в немецкой армии. Словом, официальная пропаганда

сделала все, чтобы переписать историю. Надо отдать ей должное, многое удалось, да вот только вопросы остались. Как быть, например, с утверждением о том, что было нарушено управление войсками? Выдумки здесь нет. Руководство страны действительно не могло получить в первые часы и дни войны информации из войск. Причины? Все та же пресловутая внезапность... Жуков об этом рассказывает скупо. И здесь его тоже можно понять — не мог он показать всю правду. Армейская связь была парализована, но в то же время работала связь погранвойск. Пока был жив хоть один солдат, пограничные части в прямом смысле до последнего вздоха обеспечивали Москву надежной информацией. Есть здесь над чем поразмышлять, верно?

Неувязка получается и с боевой авиацией. Если следовать все той же легенде, внезапный удар немцев помешал поднять в воздух наши истребители. Неправда. Самое страшное, что многие, очень многие молодые летчики не смогли подняться в воздух. Непросто это было сделать при бомбардировке аэродромов. Позднее установили: все летчики, дравшиеся в Испании, успели поднять свои машины и вступили в бой. Но большинство-то составляла необстрелянная молодежь... И не только в авиации. В отличие от немецкой, с нашей стороны вступала в войну невоевавшая армия. А вот этот фактор руководство армии, да и страны, не учло.

Фронтовики подтвердят: непростое это дело не растеряться при налете вражеской авиации, тем более если видишь эти самолеты впервые. И в человека впервые стрелять тяжело. А что испытывает новичок, когда видит идущий на него танк?

Не надо упрощать. Можно сколько угодно говорить о стратегии, о просчетах военачальников, но нельзя забывать о тех, кто призван осуществлять замыслы полководцев. Уже через три-четыре месяца армейские части дрались отлично. Факт общеизвестный и никого не удивляет. Это была уже не та армия, которая вступила в бой 22 июня, не имея опыта реальных действий.

Разумеется, отступление сорок первого нельзя объяснить только этим. Были и иные причины. Я не ставлю перед собою задачу представить на суд читателя очередное исследование на эту тему — пусть историю войны пишут историки. Но внести ясность в некоторые вопросы, убежден, стоит, тем более когда речь идет о прямой фальсификации известных многим событий.

Итак, миф первый, о том, как немцы застали нас врасплох. Для справки: ни один пограничный отряд, ни одно армейское соединение, нацеленное на контрудар, противником врасплох застигнуты не были. Скажем, вышли же части наших войск к Кенигсбергу. И на юге враг не прошел. Почему?

Бытует еще одно утверждение: Советский Союз якобы не был готов к войне. Неверно это. Достаточно подсчитать вооружение, которое мы имели в первом эшелоне наших войск, и утверждение рассыпается, как карточный домик.

— Как же так? — спросит читатель. — И самолетов хватало, и танков было предостаточно, а немцы до Волги дошли.

Причин, повторяю, немало. Возможно, одна из них лежит в самой доктрине встречных ударов. Ведь как думалось: пусть ударят, а мы уж затем...

Нельзя сказать, что доктрина эта не верна в принципе. Так ведь потом и воевали. И неплохо, как известно. А сколь приемлема была она тогда — вопрос. Постфактум можно рассуждать и так: будь у нас обычная оборона, не рассчитанная на эти контрудары, потери, возможно, были бы меньшими, да и немцы продвигались бы медленнее. Кто знает... Во всяком случае, можно утверждать, что доктрина встречных ударов оказалась неотработанной и для командного состава той поры неприемлемой.

Наша армия была, к сожалению, не готова к мобильной войне с широким взаимодействием танковых соединений с авиацией, с фланговыми прорывами, окружением войск и т. д. Все это, кстати, проявилось еще в финскую войну. Многое до июня сорок первого удалось изменить, но полностью подготовить войска к современной войне все же не удалось. Хотя, повторяю, руководство армии в лице Тимошенко и Жукова сделало немало.

Полагаю, война с Финляндией, о которой почти ничего не известно и по сей день, имеет самое прямое отношение к теме. Именно после нее началась коренная перестройка в Красной Армии.

Из официальных источников:

Итог той «войны незнаменитой» — 53522 убитых советских солдата и офицера, 163772 раненых, свыше 12 тысяч обмороженных, 16208 пропавших без вести, более пяти тысяч пленных. Советские

исторические источники утверждают, что столь же серьезный урон понесли советские войска и в боевой технике. Фронтовая авиация лишилась 540 машин, только 7-я армия при прорыве главной полосы линии Маннергейма потеряла 1244 танка.

Потери финской стороны по западным данным составили почти 20 тысяч убитыми, свыше 40 тысяч ранеными и 3273 человека пропали без вести. В советский плен попало немногим более тысячи финских солдат и офицеров. После подписания мирного договора все они возвратились на родину.

Как стало известно лишь недавно, в Финляндии находится по меньшей мере 76 братских захоронений советских военнопленных, погибших в финских лагерях с конца 1939 года.

Территориальные претензии Финляндии Советский Союз предъявил 31 октября 1939 года. Как известно, наши соседи возвели вдоль границы, проходящей по Карельскому перешейку, всего в тридцати с лишним километрах от Ленинграда, систему мощных укреплений, известную как линия Маннергейма. Советское правительство потребовало провести демилитаризацию приграничных районов и переноса границы на 70 километров от Ленинграда, ликвидации военно-морских баз вблизи наших границ в обмен на значительные территориальные уступки. Территорию в 2700 квадратных километров вблизи Ленинграда предлагалось обменять на 5500 квадратных километров в Карелии. Переговоры проходили трудно и желанного результата не дали.

29 ноября, воспользовавшись пограничным инцидентом, Советский Союз расторг договор о ненападении с Финляндией и на следующий же день крупные силы советских войск перешли границу. Против Финляндии была развернута армия в 450 тысяч человек, тысячу танков, 1700 орудий, 800 самолетов.

Лишь в конце февраля советским войскам удалось прорвать оборону противника и овладеть Выборгом. Только под Раатеен Портти финскими войсками были разбиты две дивизии Красной Армии. Такая же участь постигла и переброшенную из-под Житомира 44-ю «украинскую» дивизию. Пирровой победой назовут много лет спустя наши историки подписанный 12 марта 1940 года мирный договор между СССР и Финляндией, по которому граница севернее Ленинграда отодвигалась за Выборг.

Любопытен, на мой взгляд, один документ, процитированный советской прессой несколько лет назад. Строго

говоря, документом его можно назвать лишь условно, учитывая то немаловажное обстоятельство, что речь идет о материалах засекреченного до сих пор «Дела Л. П. Берия». Среди многочисленных обвинений в адрес отца, бывшего наркома внутренних дел было и такое: «Берия призвал ближайших помощников к коренному пересмотру не только всей истории Великой Отечественной войны, но и событий предвоенных лет. Он довольно бесцеремонно высмеял способы ведения войны с Финляндией, что вот, дескать, если бы Сталин прислушался к его предупреждениям и советам, этой ошибочной войны можно было бы избежать вовсе. Ну а коль уж начали боевые действия, то нужно было опять же слушаться его, Берия, действовать по его исключительным по своей продуманности и верности планам, что помогло бы предотвратить значительные потери».

Отец никогда не считал себя военным специалистом и не навязывал своей точки зрения на эти вопросы ни Сталину, ни военным. Что же касается того, что той войны можно было бы избежать, это верно. Но даже начав войну, советские войска могли не нести столь тяжелых потерь. Историки тщательно замалчивают один факт. Не было никакой необходимости в штурме линии Маннергейма. Отец докладывал, что побережье Финляндии не прикрыто. Достаточно было бросить морской десант... Здесь его, кстати, поддерживал адмирал Кузнецов. Возможно, это и была идея наркома Военно-Морского Флота. Не берусь судить.

Флота, как такового, у противника не было, авиации — тоже. Словом, по мнению отца, никаких препятствий для высадки с моря не было. Но, разумеется, операцию необходимо проводить в таких случаях быстро. К сожалению, события развивались по-другому. Наши войска оказались не готовы к оборонительной войне с кинжальными ударами против нас, которую вела Финляндия.

Отец располагал разведданными о том, что французы и англичане в ответ на нашу агрессию готовят 100-тысячные корпуса для поддержки Финляндии. Один из них предполагалось использовать на северном фланге, другой должен был ударить с Ближнего Востока по Кавказу. Когда Сталину были доложены эти материалы, он сказал, что надо любыми средствами заканчивать эту войну, но так, как нам надо. Имелось в виду обезопасить Ленинград.

Советско-финский конфликт был выгоден и нашим будущим союзникам, и немцам. Кстати, в это время полным ходом шли англо-франко-немецкие переговоры, о чем сегодня историки предпочитают почему-то не вспоминать...

Тем не менее решение английского и французского правительств о совместном выступлении против Советского Союза так и не было реализовано. Война закончилась раньше.

Отлично помню, что впоследствии отец выступал против создания Карело-Финской Советской Социалистической Республики. Таким образом, говорил он, мы никогда не будем иметь доброго соседа. Это будет запуганная страна, которую можно удержать в союзе с нами лишь силой. Отношения с Финляндией, впрочем как и с другими соседями, следует строить совершенно иначе.

Карело-Финская ССР просуществовала тем не менее до лета 1956 года, что конечно же не способствовало взаимопониманию с Финляндией.

Совсем недавно рассекречена полная стенограмма совещания высшего командования Красной Армии, проходившего в последнюю неделю 1940 года. Именно на нем рассматривался опыт войны с Финляндией. Но основные выводы руководство страны сделало гораздо раньше. Для Сталина советско-финская война стала огромным потрясением. Он окончательно понял, что представляет из себя, скажем, Ворошилов, тогдашний нарком обороны. Он не только снял его с должности, но и вообще хотел отстранить от дел.

Часто говорят о всесилии Сталина, но это не так. Не был он всесильным. Он вынужден был считаться с обстоятельствами.

Ворошилов воспринимался народом как герой гражданской войны. Годами создавался соответствующий имидж, и разрушать его Сталин не хотел. Он считал, что в его окружении должны быть русские люди. А Ворошилов был именно таким человеком с соответствующей биографией.

— Это мы знаем, что он дурак, — не раз говорил в узком кругу Сталин, — но страна это не знает...

Финская война многое изменила не только в руководстве Красной Армии. С учетом ее опыта сразу же было принято решение о создании танковых корпусов, новых видов вооружений. Армию начали серьезно готовить к современной войне. И Сталин, и сами военные

убедились: Советский Союз абсолютно не готов к реальным боевым действиям.

А время не ждало. Когда план «Барбаросса» оказался у отца, на Лубянку тут же пригласили представителей Генерального штаба. Материалы, о которых впоследствии так много было написано и у нас, и на Западе, требовали серьезной обработки. Не теряя времени, военные принялись за дело — переводили документы, переносили планы наступления на наши карты. Василевский со своими людьми этим занимался под контролем Жукова. Сталин, разумеется, знал и о существовании самого плана, и о сроках наступления.

На стол Сталина план «Барбаросса»— директиву Гитлера № 21 — положил отец вместе с Жуковым, Василевским и двумя начальниками управлений Генерального штаба РККА. Сроки наступления немцы, правда, впоследствии немного изменили, но сам план — нет. Так что ничего неожиданного, как пишут, не произошло. Войну ждали. К войне готовились.

Примерно за месяц до начала боевых действий я вместе с отцом оказался в Кронштадте. О цели поездки отца я узнал позднее. На этой военно-морской базе я готов был увидеть что угодно, только не немецкую подводную лодку. На ее борту я не был, но хорошо помню, что стояла она у пирса под охраной. Лодку прикрывали тральщики, чтобы корабль не просматривался ни с моря, ни с берега.

Вначале с командиром немецкой лодки беседовали мой отец и нарком Военно-Морского Флота Николай Герасимович Кузнецов. При этом присутствовал еще Лев Михайлович Галлер, в довоенные годы командующий Балтийским флотом, начальник Главного морского штаба, заместитель наркома ВМФ. Вторая встреча проходила у отца с немецким офицером с глазу на глаз. Командир лодки сообщил, что у него на борту боевой пакет (не знаю лишь, вскрывали его тогда или нет), который он вскроет после начала боевых действий. Рассказал, что определен квадрат, куда он должен выйти в первые часы войны, и противник — корабли Военно-Морского Флота СССР, которые он будет торпедировать при встрече.

Он же доложил отцу, что за день или за два до начала войны все немецкие суда уйдут из советских портов, а советские будут задержаны в портах Германии. Когда отец сообщил об этом Сталину, тот приказал никаких упреждающих мер не принимать...

На следующий день мы отправились в Москву, и я до сих пор не знаю, что за всем этим стоит. Адмирал Кузнецов о заходе на нашу базу немецкой подводной лодки в своих мемуарах не обмолвился ни словом. Ничего впоследствии не доводилось мне слышать и о судьбе командира корабля, его экипажа. Такая странная история.

А вот как встретил войну флот, известно. Командовал им, как я уже говорил, адмирал Николай Герасимович Кузнецов.

Из официальных источников:

Адмирал флота Советского Союза, Герой Советского Союза Николай Кузнецов. Родился в 1904 году. На флоте с 1919 года. В 20–30-е годы – вахтенный командир крейсера «Червона Украина» Морских Сил Черного моря, слушатель Военно-Морской академии, старший помощник командира крейсера «Красный Кавказ». В 1936–1937 гг. – военно-морской атташе и главный военно-морской советник в Испании. В предвоенные годы – заместитель командующего, командующий Тихоокеанским флотом, заместитель наркома, нарком ВМФ.

В 1947–1948 гг. – начальник военно-морских учебных заведений, до февраля 1950 г. – заместитель главкома войск Дальнего Востока по военно-морским силам.

В 1950–1951 гг. – командующий Тихоокеанским флотом, в 1951–1955 гг. – военно-морской министр, первый заместитель министра обороны СССР – главком ВМС. С февраля 1956 г. – в отставке. Скончался в 1974 году.

Это был товарищ моего отца. Очень обаятельный человек, невероятно мне импонировал. Часто бывал у нас дома.

Начинал краснофлотцем на Северо-Двинской флотилии. В 35 лет возглавил Наркомат Военно-Морского Флота. Чрезвычайно одаренный человек, настоящий флотоводец. Помню их разговоры с моим отцом о будущем флота. Оба отлично понимали, что построить авианосный флот нам не под силу, но настоящий боеспособный флот, знали, необходим. После войны вместе разрабатывали программу строительства советских военно-морских сил. Многое удалось осуществить. Отец до этого не дожил, а Кузнецову удалось стать свидетелем того, как потом резали боевые корабли на металлолом по распоряжению Хрущева и его окружения...

Очень откровенный был человек. Если уж не любил

кого — никогда не скрывал. Ворошилова, скажем, ни в грош не ставил как военного руководителя.

Кремлевская верхушка жила совершенно по другим правилам. Там нельзя было, как говорят, высовываться, идти напролом. Следовало выждать, подготовить сторонников и т. п. А Кузнецов был человек прямой, увлекающийся, зачастую опережал события. Все его взлеты и падения не случайны, видимо.

Сталину он нравился. Волевой, талантливый человек. Мне моряки, помнившие его по Испании, много о нем рассказывали. В самой сложной обстановке, говорили, не терялся. Так он и войну начал. Всюду были потери, а флот все корабли сохранил.

Как это нередко бывало, судьба обошлась с этим человеком круто. Вот как это произошло. Была у нас спарка, скорострельная корабельная пушка. Здесь наши конструкторы обошли союзников, по меньшей мере, лет на десять. Как-то при встрече с англичанами и американцами Кузнецов возьми да и подари эту пушку гостям. Они нам целые корабли дарят, а тут пушка.

Отец к тому времени никакого отношения к органам государственной безопасности не имел, иначе ход бумаге на Кузнецова конечно бы не дал. А «доброжелатели» постарались, преподнесли эту историю Сталину соответствующим образом. Понизили адмирала в звании, сняли с должности.

Второй раз его уже Хрущев убрал. Не мог Николай Герасимович смириться с тем, что флот гибнет — дело всей его жизни. До ЦК доходило все, что о высоком начальстве боевой адмирал думал. Так в очередной раз Кузнецова и «ушли».

А судьба адмирала Галлера, командующего Балтийским флотом, сложилась еще более трагически. В 1948 году состряпали на него «дело», обвинили в передаче секретных сведений за границу. В 1950 году в тюрьме в Казани он и скончался.

Такие люди стояли во главе флота. Еще за несколько дней до войны адмирал Кузнецов приказал перевести все флоты и флотилии на оперативную готовность № 2. 21 июня был отдан приказ о переводе всех Военно-Морских Сил на оперативную готовность № 1. Первые же налеты противника на корабли и военно-морские базы были успешно отражены. Ни одна боевая единица не была выведена из строя.

...Прошло уже много лет, но я, как и все люди мое-

го поколения, хорошо помню то лето сорок первого. Война не обошла и нашу семью. До войны я мечтал поступить на физмат Московского университета, серьезно готовился к учебе, но выпускникам сорок первого было уже не до этого. Никому ничего не сказав, отправился с друзьями в райком комсомола. «Хотим на фронт!» Встретили нас хорошо, но когда зашла речь о моей фамилии, вышла заминка...

Когда возвратился домой, отец уже обо всем знал.

— Правильно решил! — это была его первая фраза. Мама тоже одобрила. Так я попал в подмосковную разведшколу. Немецкий я знал хорошо, имел квалификацию радиста первого класса. Так что особых проблем не было. Ребятам, не знавшим радиодела, приходилось труднее.

Готовили нас по ускоренной программе. Стрельба, хождение по азимуту, физическая подготовка, прыжки с парашютом, шифровальное дело...

О том, что 7 ноября состоится, как обычно, военный парад на Красной площади, никто из нас и предположить не мог. В шесть утра подняли все разведшколы и — в Москву. Я попал в оцепление за Мавзолеем. Зрелище для курсантов было потрясающее. Немец под Москвой, а тут военный парад.

В конце ноября мы шли уже на бреющем над Балтикой. Наша группа должна была десантироваться на территории Германии, в районе Пенемюнде. Именно там, как теперь известно, находился ракетный центр фон Брауна. Легенды у моих спутников-немцев, кстати, были отработаны до мелочей. Мне предстояло, как радисту, передавать в Центр информацию об испытаниях нового оружия.

Мы уже готовились к выброске, когда экипаж предупредил: «Возвращаемся: сильный туман».

Неудачей закончилась и вторая попытка. Самолет вышел в заданный район, но сигнала с земли не получил. Сели почему-то в Казани, причем неудачно, повредили шасси. На двух других самолетах нашу группу отправили в Москву.

Вскоре узнали, что нас в полном составе перебрасывают на юг. Куда? Зачем? Ответа не последовало. Вообще такие вещи не обсуждались.

Понимали, конечно, что не на отдых летим, но вопросов хватало. Нас ведь всех готовили для работы в Северной Германии. Но у начальства, видимо, были какие-

то свои соображения. Во всяком случае, о том, что в глубокий тыл врага можно попасть через Иран, мы не догадывались.

А Москва готовилась к обороне. В зоопарке появились крупнокалиберные 100-миллиметровые зенитные орудия. Осколками от разорвавшихся снарядов были усеяны и площадь Восстания, и Садовое кольцо, и двор нашего дома по Малоникитской. Когда начинался налет, родители, если не находились в те часы на службе, заходили в дом. Как и большинство москвичей, ни отец, ни мать бомбоубежищем не пользовались. Его просто не было поблизости.

Прощаясь с близкими, я покидал, по сути, прифронтовой город. Эвакуировались в Куйбышев Наркомат иностранных дел, иностранные посольства, некоторые ведомства. Сталин приказал убрать из Москвы всех лишних, как он выразился, людей. Вместе с тем не был эвакуирован ни один завод, работающий на оборону. Продолжали работать все необходимые службы, включая Наркомат внутренних дел. Часть людей, правда, все же уехала. Как уже наверняка догадался читатель, это были сотрудники НКВД, «обслуживающие» иностранных дипломатов...

О возможном отступлении никто и не помышлял. Сталин, вопреки бытующей версии, сразу же сказал военным:

— Ни при каких условиях Москву мы не сдадим!

Правда, в самом сталинском окружении нашлись люди, которые «по доброте душевной» предложили Сталину покинуть на время столицу.

— Вам надо непременно уехать, — советовал, в частности, Щербаков, первый секретарь Московского комитета партии и секретарь ЦК. Позднее он стал начальником Главного политуправления Красной Армии. Вреда, к слову, принес едва ли не меньше печально известного в среде военных Льва Мехлиса. Хотя, скрывать не буду, как человек был симпатичен.

Сталин отреагировал так. Внимательно посмотрел на эту компанию и сказал: «Я вас рассматриваю как идиотов или сволочей. Но лучше буду рассматривать все же как просто дураков и оставлю на тех местах, где находитесь...»

Всерьез того же Щербакова он не воспринимал. Всем знал цену.

Уже возвратившись в Москву, я узнал от мамы, что

как-то в те дни Сталин заехал к нам домой. Как раз бомбили город. Попросил, чтобы его напоили чаем, посидел и, не дожидаясь отбоя воздушной тревоги, уехал. Насколько знаю, в подобных случаях ни в какие бомбоубежища не уходил.

Своеобразный был человек. Он считал, что если есть его приказ не допускать самолеты противника к Москве, значит, так и должно быть.

До 1953 года и о самой войне, и о ее результатах писали не так много, как это было потом. Но кое-что все же в печати появлялось. Скажем, промелькнули материалы об участии в обороне Москвы восьми дивизий НКВД. Эти соединения, брошенные в прорыв, остановили немецкое наступление на целом ряде участков. Теперь об этом, как правило, не вспоминают. Причины понятны: дивизии внутренних войск входили в состав ведомства, обвиняемого во всех смертных грехах...

Чем же провинились люди, насмерть стоявшие под Москвой? Только тем, что сражались не в армейских частях?

Как-то попались на глаза материалы о гибели группы разведчиков 150-го полка войск НКВД по охране особо важных объектов под Москвой. В ночь с 28-го на 29 декабря 1941 года в районе поселка Чуприяново Одинцовского района Московской области четыре разведгруппы этого полка, удачно миновав боевое охранение немцев, отправились выполнять боевую задачу. Сержант Овчаренко, младшие лейтенанты Зима и Нарышкин, сержант Стрюковатый и их подчиненные должны были совершить несколько диверсий на коммуникациях противника, получить ряд разведданных. А на рассвете все они попали в засаду. Завязался тяжелый бой...

Уже в середине семидесятых перезахоронили погибших в одну братскую могилу на Минском шоссе, но ни фамилий на памятной доске, ни обелиска. Неизвестны, мол, имена героев, вот и вся отговорка. А ведь известно, чей прах покоится в подмосковной земле. Большинство воинов-разведчиков родом из Москвы и Московской области, немало было и с Украины. Сержант Николай Овчаренко, скажем, из Днепропетровской области, красноармейцы Федор Литовченко, Дмитрий Сочеев, Федор Олейник — земляки командира, Николай Бородуля — из Николаева, Алексей Тоцкий — из Запорожской области... А мы говорим об отношении к исторической памяти.

Это, разумеется, лишь один пример. Тысячи и тысячи красноармейцев и командиров войск НКВД участвовали в обороне столицы. Фронтовики знают, как сражались эти люди. К слову, не только там. Вспомните, как дрались части НКВД под Сталинградом, в других местах. И горько сознавать, что подвиг этих героев затушевывается сегодня вполне сознательно.

Столь же храбро дрались под Москвой и пограничные дивизии. Об этом тоже мало кто сегодня знает. Впрочем, как и о том, что все пограничные части входили в состав НКВД.

Это были хорошо оснащенные соединения, имевшие на вооружении противотанковые орудия. Переброшенные с Дальнего Востока, они составили внутреннее кольцо обороны и сыграли колоссальную роль в подмосковной операции. Когда немцы в нескольких местах прорвали первую линию обороны и устремились к Москве, опасные направления прикрыли именно они.

И Жуков, и Рокоссовский высоко оценивали роль частей НКВД в обороне столицы. Немало добрых слов о них можно встретить и в мемуарах других военачальников. Иными словами, колоссальный вклад этих войск в нашу Победу никогда не ставился под сомнение, и мне абсолютно непонятно, зачем понадобилось сегодня столь неуклюже переписывать историю.

Многое о тех днях я узнал от самого Георгия Константиновича. Когда Жукова отозвали из Ленинграда, он был довольно частым гостем в нашем доме. В течение трех-четырех месяцев они с отцом почти ежедневно приезжали к нам обедать, а нередко Георгий Константинович и оставался ночевать. Формально осенью—зимой сорок первого его штаб находился вне Москвы. Об этом написано много. Да и сам Георгий Константинович писал в мемуарах: «Я позвонил Верховному...», «Мне позвонил Сталин...». На самом деле это не так. Почти безвыездно Жуков находился в Москве, и управление войсками шло из столицы. Так что Сталину не было необходимости звонить Жукову, он его просто спрашивал...

Уже после войны Георгий Константинович рассказывал мне о поездках на фронт. Нередко, в места прорывов, они выезжали вместе с моим отцом. А ситуации, как вспоминали затем оба, бывали критические. Например, прорвутся немцы на том или ином участке обороны, а перед ними никого и ничего. Случалось и так.

Когда заходила речь об осени—зиме сорок первого, и

отец, и крупные военные всегда с теплотой вспоминали пограничников, солдат и командиров внутренних войск НКВД. Отец — я его хорошо понимал — не без гордости говорил о них. А Жуков, Рокоссовский тоже хорошо знали цену полнокровным, отлично оснащенным дивизиям. Оба не раз видели их в деле.

И коль уж я заговорил о войсках Наркомата внутренних дел — а сказать правду о них считаю своим моральным долгом — хотел бы напомнить еще вот о чем. Почему-то никто не задумывается сегодня над таким фактом. Немцы прорвались на некоторых участках обороны до полутора десятков километров в глубину, а в самой Москве агентуре противника не удалось совершить ни одной диверсии. Сигнальщики, конечно, были, но вылавливали их быстро. Дело в том, что весь город был разбит на квадраты, и в случае чего кольцо сжималось мгновенно.

Сколько написано в последние годы о паническом бегстве чекистов из Москвы осенью сорок первого года. Пишут, что Наркомат внутренних дел эвакуировался в числе первых. Как я уже говорил, эвакуация даже не планировалась. Я знаю одного-единственного человека, который выехал в те дни из Москвы без разрешения. Его тут же сняли с должности, разжаловали и отправили рядовым на фронт. Ни один начальник управления НКВД Москву не оставил, да и не мог бы этого сделать. Зачем же возводить напраслину и на этих людей? Напротив, органы НКВД сделали все, чтобы парализовать действия гитлеровских спецслужб в ближнем и дальнем тылу.

Так было не только в Москве, хотя без диверсий в нашем тылу конечно же не обходилось. В Ленинграде, например, были сожжены Бадаевские склады. Факт общеизвестный. Но опять же мало кто знает, что еще до блокады органы НКВД неоднократно предупреждали обком партии, что нельзя держать такие запасы продовольствия в одном месте. К сожалению, настойчивые требования чекистов Жданов оставил без ответа, а продовольствие так и не рассредоточили. Чем это обернулось для осажденного города позднее, известно.

Лишь чудо спасло Жданова тогда от суда. Сталин, разумеется, обо всем узнал и этот промах вполне мог Жданову не простить. Но перевесил гнев на Ворошилова. Последний, как известно, дров в Ленинграде наломал еще больше...

Должен сказать, что действия немцев в те месяцы не были тайной для советского руководства. О том, что немцы вместе с финскими частями планируют взять Ленинград в кольцо, было хорошо известно заранее. Знали и в Москве, и в Ленинграде, каким образом противник собирается это сделать. Своевременно были доложены и разведданные о действиях гитлеровцев под Москвой. Мы просто не сумели воспользоваться этой бесценной информацией. Той же печально известной ленинградской блокады вполне можно было избежать. И это тоже горькая правда минувшей войны...

Я сознательно ухожу от подробного рассказа о начальном периоде войны, хотя от самих руководителей обороны Москвы, Ленинграда знаю немало. Многое уже написано, еще больше, нисколько не сомневаюсь, узнаем уже в ближайшие годы из рассекречиваемых сегодня документов. Но вот некоторые кочующие из книги в книгу «байки» хотел бы опровергнуть. Скажем, при всей моей антипатии к Жданову не могу принять на веру разговоры о том, как в Смольном в дни блокады устраивали пиры. Не было этого. И говорю так не в оправдание Жданова или кого-то другого из руководителей осажденного Ленинграда. Беда в том, что зачастую мы исходим сегодня из нынешних понятий. А тогда все, поверьте, было строже. И дело не в Жданове. Попробовал бы он позволить себе нечто подобное...

Что скрывать, армейский паек — не блокадная пайка. Но — паек. Не больше. А все эти экзотические фрукты, благородные вина на белоснежных скатертях — выдумка чистой воды. И не следует, видимо, приписывать Жданову лишние грехи — своих у него было предостаточно... А вот в Действующей армии, в корпусных, армейских штабах, было, конечно, по-всякому, это не секрет. Там можно было вести себя вольготнее. Но опять же до поры до времени. Ничего ведь тайного не было...

Еще один миф — паническая боязнь Сталиным фронта. При всем том, что известно сегодня о Сталине, должен возразить: Верховный на фронт выезжал.

Вышло так, что в одном из выездов Верховного на фронт довелось участвовать и мне. Всего же в период обороны Москвы Сталин выезжал на фронт дважды. Меня поразила сама организация этих поездок. Никем и никогда они заранее не планировались. Например, когда он выезжал в район Волоколамска, внезапно вызвал Жу-

кова и моего отца и сообщил, что вместе с ними намерен побывать в этот день на одном из участков фронта. Никакой, повторяю, предварительной подготовки. В этом отношении, убеждался и сам я не раз, был он очень оригинальным человеком...

Отец и Жуков, разумеется, прекрасно понимали, почему Сталин поступает именно так. У него было железное правило: никогда и никого не посвящать до поры до времени в свои планы. Скорей всего, поступал он так в целях безопасности, что, безусловно, абсолютно правильно.

Здесь не было саморекламы. Вне всяких сомнений, для защитников Москвы, да и для всей воюющей страны, выезд Верховного Главнокомандующего на фронт — событие. Пожелай Сталин, и пропаганда преподнесла бы его так, как надо. Но, как я понял, Сталин в этом абсолютно не нуждался и явно исходил из других соображений. Во всяком случае, пресса о таких поездках молчала.

Когда Верховный собрался в район Волоколамска, кроме его личной охраны, в сопровождении участвовали две роты полка НКВД. Одну, помню, пустили вперед, вторая шла в охранении.

Сам я со своей радиостанцией находился в одной из машин сопровождения и на КП, куда отправились Сталин, отец и Жуков, не был.

Верховный какое-то время провел на командном пункте, осмотрел передний край немцев, и мы возвратились в Москву. Лишь там я узнал, чем был вызван этот выезд на фронт. Оказывается, накануне ему доложили разведданные о том, что немцы готовят последний удар на Москву и сосредоточили на этом участке фронта большие танковые силы. Позднее выяснилось, что ни о каком наступлении противник уже не помышляет. В ходе минувших боев немцы выдохлись и резервов к тому времени для проведения крупной наступательной операции не имели. Убедившись в этом на месте, Сталин приказал возвращаться в столицу.

Уезжали, как и приехали, без лишней помпы. Сталин в той же шинели без знаков различия, в обычной шапке-ушанке сел в машину, и мы тронулись. Впоследствии участвовать в сопровождении Верховного в подобных случаях мне не доводилось, хотя в войсках о таких выездах — реальных и явно выдуманных — слышал не раз.

Ничего, кроме удивления, не вызывают у меня, скажем, утверждения некоторых историков о том, что Сталин «посетил в начале августа 1943 года Западный фронт, который не вел в то время активных действий». Причем, утверждают, для Верховного специально оборудовали командный пункт в сотне километров от действующего. Надо полагать, в целях безопасности.

Тогда, в сорок третьем, я находился в Ленинграде, но какую поездку имеют в виду историки, знаю. Сталин действительно выезжал вместе с моим отцом и военными на фронт, когда велась перегруппировка наших войск и готовилось крупномасштабное наступление. Остальное — домыслы. Ничего имитировать, как теперь пишут, тогда не пришлось, в том числе и командный пункт. Как и предыдущие, эта поездка не была пропагандистской. Случись иначе, сохранилась бы и кинохроника, и фотографии в газетных подшивках. Напротив, и этот выезд Верховного остался в тайне. Сталин уехал так же, как и прибыл — внезапно. Как всегда, не было и предварительной подготовки к поездке. Здесь Сталин был очень последователен.

Абсолютно засекретить такое событие для фронта трудно, но когда об этом становилось известно в частях и, вполне допускаю, противнику, Сталина уже не было на КП. Так что, с моей точки зрения, поступал он довольно разумно.

Легенды о войне страшны не сами по себе. Какие только небылицы не ходили на фронтах! И это вполне объяснимо. «Солдатский телеграф» что-то приукрашивал, какие-то события интерпретировал иначе. Но когда подобными вещами занимаются спустя полвека ученые-историки, это, по меньшей мере, несолидно. Такой пример. Вот уже не одно десятилетие у нас тщательно скрывается состав Государственного Комитета Обороны. Какая же государственная или иная большая тайна кроется за этим?

Из энциклопедии «Великая Отечественная война 1941—1945» (Москва, издательство «Советская энциклопедия», 1985 год):

«**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ (ГКО)**, чрезвычайный высший государственный орган СССР, в годы войны сосредоточивший всю полноту власти. Образован 30 июня 1941 г. решением Президиума ВС СССР, ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Первоначальный состав: И. В. Сталин (председатель), В. М. Молотов

(зам. председателя), К. Е. Ворошилов, Г. М. Маленков. Позднее в ГКО введены Н. А. Булганин, Н. А. Вознесенский, А. И. Микоян.
...Каждый член ГКО ведал определенным кругом вопросов».

Сталин, Молотов, Ворошилов, Маленков... Позднее — Булганин, Вознесенский, Микоян...

Так, заметим, во всех исторических источниках, включая самые известные учебные пособия. Но как же соотнести это с исторической правдой, за которую все мы дружно ратовали все годы перестроечной гласности?

«Постановление Президиума
Верховного Совета Союза ССР,
Центрального Комитета ВКП(б) и
Совета Народных Комиссаров
Союза ССР об образовании
Государственного Комитета Обороны.

Ввиду создавшегося чрезвычайного положения и в целях полной мобилизации всех сил народов СССР для проведения отпора врагу, вероломно напавшему на нашу Родину, Президиум Верховного Совета СССР, Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров СССР признали необходимым:

1. Создать Государственный Комитет Обороны в составе:
т. Сталин И. В. (председатель),
т. Молотов В. М. (заместитель председателя),
т. Ворошилов К. Е.,
т. Маленков Г. М.,
т. Берия Л. П.

2. Сосредоточить всю полноту власти в государстве в руках Государственного Комитета Обороны.

3. Обязать всех граждан и все партийные, советские, комсомольские и военные органы беспрекословно выполнять решения и распоряжения Государственного Комитета Обороны.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
М. И. КАЛИНИН

Председатель Совнаркома
Союза ССР и Секретарь ЦК ВКП(б)
И. В. СТАЛИН

Кремль, 30 июня 1941 года».

Так почему же о Л. П. Берия — члене ГКО! — в истории Великой Отечественной войны ни строчки?

А между тем в той же энциклопедии (о войне!) помещена, причем с портретом, большая статья, посвящен-

ная Михаилу Горбачеву, статьи о невоевавших его ближайших соратниках по перестройке, десятках других партийных работниках, мягко говоря не имевших отношения к обороне страны.

Ярче всего отложилась в моей памяти оборона Кавказа, хотя в годы войны довелось побывать на разных фронтах. Мой отец был направлен туда как представитель Ставки, а я попал на Северный Кавказ с группой офицеров Генерального штаба, оказавшись в непосредственном подчинении Сергея Матвеевича Штеменко. Вместе с ним, как начальник радиостанции, участвовал впоследствии во всех операциях, проводившихся в тех местах. И должность, и звание — лейтенант — были более чем скромные, но увидеть тогда довелось немало. Я обеспечивал связь с Закавказским фронтом и Генеральным штабом и благодаря своей должности смог бывать на самых ответственных участках, так как Штеменко был человеком энергичным, предпочитал все видеть собственными глазами.

К тому времени нашей разведке, а следовательно, и Ставке было известно, что танковая армия Клейста повернет на Кавказ, а не пойдет на Сталинград, как предполагалось ранее. Операция немцев — известно было и это — должна была развиваться в двух направлениях. Вполне понятно, что Ставка опасалась продвижения противника в этом направлении — под угрозой захвата оказывался Баку, нефтяные источники. Но и на этом, сообщала разведка, немцы не намерены были останавливаться. В планы гитлеровского военного командования входил, скажем, прорыв к Ирану.

Поначалу противник довольно успешно реализовывал свои планы. Операция начала развиваться быстрее, чем ожидала Ставка, и после ряда наших неудач на фронтах (Харьков, Ростов) враг сумел продвинуться к предгорьям. Такая тревожная обстановка сложилась на этом участке, когда туда прибыл отец. Немцы уже прорвали Южный фронт и, по сути, серьезного сопротивления уже не встречали.

Из Москвы мы вылетали на самолете отца. Штеменко, он тогда еще был полковником, генерал-лейтенант Бодин, еще несколько офицеров... Всех за давностью лет конечно же не припомню.

Накануне получил аппаратуру связи. Позднее мне доводилось видеть и американские, и английские радиостанции. Ничего похожего! Наша выгодно отличалась от

аппаратуры союзников, да и вообще той техники, с какой доводилось ранее сталкиваться. Компактная, чрезвычайно надежная радиостанция была разработана, как мне сказали, в одной из спецлабораторий НКВД. Замечу, что в течение всей войны мне приходилось работать с аппаратурой, созданной советскими конструкторами, и никогда и ни в чем она не уступала западным разработкам.

Когда летели на место, я уже знал, естественно, что отцу поручено организовать оборону, не допустить прорыва немцев к каспийской нефти и на Кавказ. Масштабы надвигавшейся катастрофы превзошли все ожидания. Ситуация уже вышла из-под контроля, и малейшее промедление грозило обернуться куда большей бедой.

Еще в Москве, за несколько часов до отлета отец приказал собрать с разных фронтов военнослужащих грузинской национальности. Имелись в виду, разумеется, не рядовые солдаты и младшие офицеры, а средний командный состав. Скажем, командиры полков. Эти люди, считал отец, со своим боевым опытом, прекрасным знанием местных условий при формировании частей, которые должны были оборонять Кавказ, были просто незаменимы. Как ни удивительно, даже с нами уже летело несколько таких офицеров. Так выполнялись приказы высшего руководства в то время...

Летели через Баку. И здесь не обошлось без неприятностей. Самолет загорелся, и лишь мастерство полковника Грачева, личного пилота отца, позволило сбить пламя в воздухе. Ночью мы благополучно приземлились в Тбилиси.

Покидая перед войной столицу Грузии, я, конечно, и предположить не мог, что когда-либо окажусь здесь в военной форме. Но тогда было не до детских воспоминаний. Не теряя времени, наша группа отправилась в Моздок, на подступах к которому уже шли бои.

Там отца уже ждал генерал-полковник Масленников, начальник погранвойск, заместитель наркома внутренних дел. По приказу отца незадолго до этого его вместе с несколькими пограничными частями перебросили по воздуху в этот район, где пограничники, не имея ни танков, ни противотанковой артиллерии, должны были встать на пути танковой армии Клейста.

Я присутствовал на заседаниях, проходивших в штабе Северо-Кавказской группы войск— в соседних комнатах была развернута наша радиостанция. Запомнилась деловая обстановка. Никакого многословия. Все решалось

почти мгновенно. Мы зашифровывали решения, которые здесь принимались, и тут же передавали их в Москву. Некоторые вещи необходимо было, вполне понятно, согласовывать и со Ставкой, и с Генеральным штабом.

Еще в Москве отец договорился со Сталиным, что части, которые в свое время были направлены в Иран, в противовес англичанам (сразу же после начала войны Черчилль предложил ввести для защиты Кавказа английские войска. Сталин отказался, объяснив на Политбюро свою позицию так: «Мы их потом оттуда не выведем...» Тогда же две армии, дислоцированные ранее на Кавказе, были по его приказу введены в сопредельный Иран), будут возвращены в Союз и использованы для обороны Кавказа. Отдельные противотанковые мобильные соединения из состава «иранских» частей должны были прибыть на место дней через десять, но это время надо было продержаться. Сил же для настоящей обороны, повторяю, было явно мало.

Первоочередной задачей отец считал закрытие перевалов. Их сразу же перекрыли пограничные части и горнострелковая дивизия. Привлекли альпинистов-студентов Института физкультуры. Словом, какой-то заслон врагу был наконец поставлен. Во всяком случае, на беспрепятственный прорыв немцам рассчитывать уже не приходилось.

Не буду повторяться, более подробно читатель может узнать о тех событиях из мемуарной литературы, а вот некоторые подробности, на мой взгляд, интереса не утратили и сегодня.

В войсках тогда и понятия не имели о бесшумном оружии, а между тем в специальных конструкторских бюро такая система была незадолго до описываемых событий разработана. Звук гасили специальные насадки на винтовки. Именно участники обороны Кавказа первыми в армии (разведка получила эту систему, естественно, раньше) применили секретную систему в бою.

Тогда же армия получила еще одну новинку. Несколько групп, в состав которых входили пограничники и армейские разведчики, оснастили инфракрасными прицелами. В сочетании с системами бесшумного оружия они использовались, помню, довольно эффективно.

Фронтовики отлично помнят, что немцы всегда работали по шаблону: прежде чем какое-то подразделение выдвигалось вперед, непременно впереди шла армейская разведка. В ее состав входило несколько старших офице-

ров — артиллерист, сапер, танкист, летчик. Кроме них, радист и конечно же охранение. Так было и здесь. Ни одна танковая колонна не выдвигалась без тщательной разведки, поддерживающей связь с воздухом. Как только намечался контакт с противником, охранение вступало в бой, а затем уже подходили танки.

Решили шаблонные действия противника использовать. Всего за сутки было устроено в местах вероятного продвижения гитлеровцев около 500 засад. Принцип их действия в дальнейшем был такой. Метров за 100—150 офицерская разведка выбивалась, а без нее немцы вперед не шли. В те дни удалось человек 30 из состава таких групп взять в плен. Всего, насколько помню, таким образом армия Клейста потеряла до двух с половиной тысяч офицеров. Мы же выиграли дней пять-шесть.

Лишь оправившись от растерянности, немецкое командование пустило танки. Но было уже поздно — начали подходить некоторые части, выведенные из Ирана, в этот район были переброшены несколько десятков танков, полученных от англичан.

Численный перевес все еще оставался за противником, но темп наступления был сорван. Немцы завязли в боях и только под Моздоком потеряли сотню машин.

Все эти две недели, пока немцы не были остановлены и обстановка не стабилизировалась, отец находился там. И лишь когда убедился, что оборона надежна, уехал в Новороссийск. Впоследствии Северо-Кавказскую группу войск во главе с заместителем отца генералом Масленниковым немцы немного потеснили, но до Владикавказа, как планировали, так и не дошли.

Еще более тревожная ситуация сложилась на Южном фронте. Штаб фронта полностью утратил управление войсками и был деморализован. По согласованию со Ставкой и ГКО отец тут же освободил от должности командующего фронтом Семена Буденного и члена Военного совета Лазаря Кагановича, еще целый ряд людей, повинных в развале обороны. Сталин это решение одобрил, потому что сам убедился в неспособности руководства фронта организовать должный отпор противнику.

Я видел Буденного, находящегося, как мне показалось, в состоянии прострации. Когда отец приехал к нему, тот начал убеждать: «Незачем эти мандариновые рощи защищать, надо уходить!» Отец, хотя и знал, что, как военачальник, представлял собой маршал Буденный, был поражен. Командующий фронтом не мог внятно объ-

яснить, где какие части находятся, кто ими командует. Когда он докладывал отцу об обстановке, тот сразу понял, что больше говорить не о чем. Прервав разговор, отец начал вызывать к себе командиров всех рангов и выяснять, что же там происходит в действительности.

На моих глазах делали карту боевых действий, а маршал Буденный сидел в сторонке с отсутствующим взглядом. Мне показалось, что он вообще толком не понимает, о чем идет речь.

Примерно такую же картину застал в Ленинграде в сентябре сорок первого Георгий Константинович Жуков. Как впоследствии и Буденный, Ворошилов показал свою полную несостоятельность. Авторитеты, как показала жизнь, оказались дутыми. Оба маршала были просто не готовы к современной войне.

Обсудив ситуацию, отец по согласованию с Москвой принял решение о создании двух отдельных армий. Единый фронт, в том виде, каким он был до этого, себя не оправдал.

Командующими армий тогда же отец назначил двух молодых командиров. Оба, насколько я тогда понял, произвели на него хорошее впечатление своей компетентностью и решительностью. Речь — о Константине Николаевиче Леселидзе, будущем генерал-полковнике, Герое Советского Союза. Войну он начал полковником, начальником артиллерии стрелкового корпуса. Воевал на Западном, Закавказском фронтах. После 46-й, командовал 47-й и 18-й армиями. Скончался в сорок четвертом.

Второй выдвиженец отца, Андрей Антонович Гречко, впоследствии командовал несколькими армиями, был заместителем командующего 1-м Украинским фронтом, после войны стал командующим Киевским военным округом, главнокомандующим Группой советских войск в Германии, главкомом Сухопутных войск, первым заместителем министра обороны и главнокомандующим Объединенными вооруженными силами государств — участников Варшавского договора. Последние годы жизни провел на посту министра обороны СССР. А начался стремительный взлет будущего маршала и дважды Героя Советского Союза именно тогда, когда на него отец обратил внимание.

Не буду лукавить, об этом я уже говорил выше, многие, очень многие известные люди обязаны были своей карьерой моему отцу. За продвижением некоторых из них он внимательно следил на протяжении всей жиз-

ни и при необходимости, скрывать не буду, всячески помогал. Я не берусь утверждать, что ни один из них впоследствии не предал отца. Так, к сожалению, случается. Но большинство, знаю совершенно точно, хотя и не могли возражать публично против всей этой лжи, но память об отце сохранили. Немало таких людей оказалось и среди военных.

Отец, как все мыслящие руководители той поры, прекрасно понимал, что время буденных, ворошиловых и им подобных ушло безвозвратно. Войска и штабы нуждались в людях совершенно иной формации. А подбирать кадры, что не отрицала и официальная пропаганда, он умел. Нередко пишут, что он всегда окружал себя людьми, лично преданными ему. Еще одна ложь. Главным критерием для моего отца всегда было дело. Знает и любит человек свое дело — значит, подходит. Болтун и бездарность — таких не надо. Эти принципы он исповедовал до последних дней жизни, и, как я не раз убеждался, удивительное чутье на талантливых и одержимых людей отца никогда не подводило. Так было и с военными, и с учеными, и с разведчиками.

В районе Новороссийска, а бои шли в самом городе, мы пробыли неделю. Срок по общепринятым меркам небольшой, но на войне каждый час дорог. Отец использовал это время с максимальной отдачей. Помню один разговор, состоявшийся у него в штабе Южного фронта сразу же по приезде. Отец поинтересовался соотношением сил воюющих сторон. Тут и выяснилось, что бойцов вполне достаточно, но... во втором эшелоне. Просочились, доложили, из первого. Что ж, на войне всякое бывает, но где же командиры? Словом, кое-кому досталось крепко, но порядок навели.

Запомнилась и моя первая поездка на перевалы. С отцом тогда прибыла группа офицеров разведки, среди которых был и генерал-полковник Серов, будущий руководитель КГБ СССР и начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба — знаменитого ГРУ. Когда я узнал, что он собирается на перевалы, я испросил у своего непосредственного начальника полковника Штеменко разрешения выехать вместе с Серовым хотя бы на сутки. Штеменко разрешил, и мы самолетом добрались до Сухуми, оттуда на «виллисе» и лошадях попали на перевалы.

В своих воспоминаниях генерал армии Сергей Матвеевич Штеменко, в то время начальник направления Опе-

ративного управления Генерального штаба, упомянул Клухорский и Марухский перевалы, оказавшиеся в эпицентре тех событий. Несколько строк посвятил он и местным жителям, перекрывшим путь врагу.

Никогда не забуду тех людей, о которых вспомнил добрым словом Сергей Матвеевич. Там, на Кавказе, я, совсем молодой офицер, понял, как много зависит от местного населения. Восемнадцатилетний, с хорошей физической подготовкой, я был поражен, когда увидел впервые стариков, тащивших на себе боеприпасы, продовольствие. Там и молодому-то несладко приходилось, а здесь пожилые люди. Пройдет время, и жителей этих мест заставят покинуть родные места, обвинив в пособничестве врагу. Депортация — это тоже горькая правда о той войне...

Сплошной линии обороны в силу специфики горной местности там не было. Какие-то огневые точки у нас, какие-то у немцев. И простреливаемое пространство. В основном все сводилось к тому, что мы мешали подвозу боеприпасов со стороны противника, он, в свою очередь, мешал нам. И здесь от жителей высокогорья зависело многое.

Примерно две недели потребовалось для формирования новых боеспособных соединений. За это же время реорганизовали тылы, разграничили участки армий Леселидзе и Гречко, оснастили войска боевой техникой.

Следующим пунктом нашей поездки стал Баку. В это время немцы намеревались прорваться через калмыцкую степь, с тем чтобы в итоге выйти в Среднюю Азию. Было решено, если какие-то части все же прорвутся, поставить им заслон со стороны Дербента и Махачкалы.

Здесь мне довелось видеть в деле уже не только моего непосредственного начальника полковника Штеменко, генерал-лейтенанта Павла Ивановича Бодина, но и генерала армии Ивана Владимировича Тюленева, довольно близкого к отцу человека.

Из официальных источников:

Иван Тюленев. Генерал армии, Герой Советского Союза. Воевал в 1-ю мировую и гражданскую. До войны командовал войсками Московского военного округа. С 1941 года — командующий войсками Южного и Закавказского фронтов. В послевоенные годы — командующий войсками Харьковского военного округа и в центральном аппарате Министерства обороны СССР. С 1958 года — в Группе генеральных инспекторов МО СССР.

Скончался в 1978 году в возрасте 85 лет.

Много лет Тюленев находился во главе Закавказского военного округа, так что знакомы они с отцом были давно. Затем его тоже перевели в Москву.

Одна из совместных задач, которую им сообща предстояло решить тогда, была, помню, такая — организовать противовоздушную оборону. Когда отец прибыл на Кавказ, немецкая авиация активности не проявляла, но нетрудно было предположить, что ситуация может измениться.

— Даже если мы сумеем их быстро остановить, то от попыток бомбить нефтяные районы немцы не откажутся, — сказал тогда отец.

Организацией ПВО непосредственно занялся генерал Михаил Степанович Громадин. Впоследствии он получил звание генерал-полковника, командовал войсками округа ПВО, затем вновь возглавил всю противовоздушную оборону страны. А тогда он был заместителем наркома по ПВО и командовал войсками противовоздушной обороны.

Когда немцы попытались бомбить нефтепромыслы, ни один бомбардировщик выйти на цель уже не мог. Доходили лишь отдельные разведывательные машины, да и то на больших высотах. Мне по крайней мере не доводилось слышать об успешных вылетах немецкой боевой авиации. Очень пригодилась тогда, помню, техника, переброшенная из Ирана.

Весьма дальновидным оказался и строжайший запрет использовать орудия большого калибра, предназначенные для защиты с воздуха, на танкоопасных направлениях. Такие предложения были, но, очевидно, было и другое — оголять ПВО нефтяных районов ни в коем случае нельзя. Жизнь подтвердила правоту руководителей обороны Кавказа.

В районе Минвод мне запомнились огромные противотанковые рвы — дело рук местного населения. Сколько пишут сегодня о том, что казаки ненавидели Советскую власть. А я своими глазами видел, как эти казаки шли на немецкие танки. Может, в большинстве своем и не хотели казаки этой власти, не берусь утверждать, но немцев они ненавидели больше...

Мне могут возразить: а как же быть в таком случае с казачьими батальонами, воевавшими на стороне немцев? Трусы, предатели и просто люди, в силу тех или иных обстоятельств оказавшиеся в таких формированиях, были не только среди казаков. Миллионы людей оказались в плену не по своей воле. Одни оставались верны

воинскому долгу, присяге, другие, более слабые, шли воевать против своих. Так было и с казаками. Только обратите внимание на такой факт — немцы старались использовать эти формирования где угодно, — во Франции, Италии, Югославии, только не в России. Вполне допускаю, что и немцы не очень-то доверяли таким «добровольцам», да и сами они отказывались отправляться на Восточный фронт.

Из официальных источников:

К середине 1943 года фашистами было сформировано 90 батальонов из уроженцев Кавказа и Средней Азии и около 90 «русских» и «казачьих» батальонов численностью по 400–500 человек. К концу войны на основе этих подразделений были созданы 15-й казачий карательный корпус общей численностью 18 тысяч человек, треть которого составляли немецкие военнослужащие и до пяти тысяч — белоэмигранты, а также 13-я мусульманская дивизия СС «Ханшар», 14-я дивизия СС «Галичина», 29-я и 30-я русские дивизии, 20-я эстонская и две — 15-я и 19-я латышских дивизии СС.

Плен — штука страшная во всех отношениях. Такое суровое испытание выпало и на долю моего двоюродного брата. В начале войны Теймураз Шавдия учился в Подольском пулеметном училище. Осенью сорок первого раненым попал в плен, как и большинство курсантов кстати. Когда немцы начали создавать национальные формирования, оказался в одном из таких батальонов. Кто-то шел в такие формирования добровольно, кого-то принуждали, но были и такие, кто надеялся таким путем просто вырваться из лагеря военнопленных и попасть к своим.

Поначалу немцы предполагали использовать этих людей в советском тылу, перебросив их на Кубань. Батальон, в котором находился Шавдия, отправили во Францию, где были сосредоточены эти формирования. Там Теймураз, как и многие его товарищи по плену, бежал к французским партизанам. Оставшихся «добровольцев» немцы решили не использовать для захвата Кавказа, а отправили в Италию, подальше от Родины. Но и там начались массовые побеги к партизанам.

На Кавказ ни один такой батальон не попал. В Италии, как и во Франции, наши военнопленные мужественно сражались с врагом, многие возглавили партизанские отряды. В годы войны этот факт тоже много лет замалчивается — грузинская эмиграция активно боролась

с оккупантами и на очень высоком уровне была связана с деголлевским движением Сопротивления. Эти люди сразу же стали помогать советским военнопленным.

После освобождения Франции Шавдия в числе многих других людей отправили в Советский Союз. Никакие родственные связи помочь не могли, как и все бывшие военнопленнные Теймураз проходил в течение нескольких месяцев соответствующую проверку и лишь потом уехал в Тбилиси.

Мне доводилось читать, что Теймураз изменил Родине, служил в СД, имел звание унтер-шарфюрера и, мол, даже «высокая опека дяди не спасла его от заслуженного наказания — под давлением общественности изменника осудили к 25 годам исправительно-трудовых лагерей». А вот как сложилась настоящая судьба моего двоюродного брата. Шавдия действительно оказался в тюрьме. Причиной ареста послужила нелепая смерть одного из участников застолья, в котором он участвовал. И хотя свидетели утверждали, что он не имеет никакого отношения к случившемуся, а стрелял другой человек, Шавдия арестовали и осудили на десять лет. В тюрьме, рассказывал, его постоянно избивали и требовали показаний на моего отца, — раскручивалось направленное против отца «Мингрельское дело»...

Мой отец знал, что Теймураз арестован, но помочь не мог. А когда убили отца, из Шавдия вновь принялись выбивать на него показания. Признайся, требовали, что ты его личный агент.

Освободили его в 1955 году, а спустя пять лет вновь арестовали. Беда в том, что Теймураз, человек экспансивный, всюду, где мог, рассказывал о своих злоключениях: «Вы видели, как меня изуродовали? И знаете за что?..»

Закончилось дело тем, что Шавдия получил новый срок — десять лет, но, разумеется, судили его не за «длинный язык», а за хищение в особо крупных размерах... Теймураз заведовал книжным магазином...

По стечению обстоятельств в КГБ Грузии выгнали с работы того сотрудника, который участвовал в организации «Дела Шавдия». Тот решил отомстить своим начальникам и предал всю эту историю огласке, причем подтвердив свой рассказ документами. Теймураза реабилитировали, и последние десять лет он прожил на свободе.

Но возвратимся на Кавказ. Мне кажется, там отец

лишний раз убедился в никчемности политработников. Вспоминаю, отец рассказывал Жукову, как снял Кагановича с должности члена Военного совета, и Георгий Константинович соглашался:

— Пустое дело эти члены Военных советов... Зачем они мне? Учить солдат «Ура!» кричать? И без них прокричат. Толку от них никакого на фронте. Хотя бы тылы помогли организовывать. Хоть какая-то польза от них была бы.

В мемуарах прославленного маршала ни одного упрека в адрес политработников вы не найдете. И здесь объяснение простое — партией и государством руководил тогда Леонид Брежнев, еще раньше — Никита Хрущев. Оба, как известно, были в войну политработниками...

Ни Жуков, ни Василевский, ни Штеменко, ни Гречко в своих мемуарах не смогли написать всей правды о войне, потому что у власти вновь оказалась партократия. Мне не в чем упрекнуть, скажем, «забывшего» о роли отца в обороне страны генерала армии Штеменко, хотя тот обязан карьерой моему отцу и всю войну был с ним так или иначе связан. Не мог поступить иначе Гречко, не могли в силу известных причин и другие написать правду о моем отце. Что поделаешь, коль уж выпало нам жить в стране, где с исторической правдой не церемонились.

Когда я решил рассказать о войне, сразу же подумал, что непременно расскажу о тех военных, которые в разное время работали вместе с отцом, кого он особенно ценил и кому всячески помогал. Я уже говорил, что отец протежировал целому ряду военных. Назову лишь несколько фамилий: Жуков, Василевский, Штеменко, Толбухин, Артемьев.

Из официальных источников:

Федор Толбухин. Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза. До войны – начальник штаба Закавказского военного округа. В годы войны – начальник штаба ряда фронтов, командующий Южным, 4-м Украинским, 3-м Украинским фронтами. Впоследствии главнокомандующий Южной группой войск, командующий войсками Закавказского военного округа.

Павел Артемьев. Генерал-полковник. С 1941 года – начальник управления оперативных войск НКВД, командующий войсками Московского военного округа и Московской зоны обороны. После войны продолжал командовать войсками Московского военного округа, был заместителем командующего войсками Уральского военного округа.

С большой симпатией относился отец и к маршалу Семену Константиновичу Тимошенко. До войны они встречались очень часто, а когда Тимошенко отстранили от дел, такого тесного контакта уже не было, конечно.

Сам я хорошо знал некоторых из этих людей. Со Штеменко познакомился, когда он был еще полковником и работал в управлении Генерального штаба у Александра Михайловича Василевского.

Знал конечно же и Жукова. Запомнился он мне как суровый, но доброжелательный человек. Я нередко встречал его в нашем доме. Этим и ограничивались наши контакты. А вот с Василевским я был близок. Он часто делился со мной воспоминаниями о своей службе в царской армии, рассказывал, как и почему он стал военным. Оказывается, еще молодым офицером-кавалеристом он командовал подразделением, весь личный состав которого был из Грузии, причем все кавалеристы, как один, были мингрельцы. Мне, естественно, все это было чрезвычайно интересно. Василевский вспоминал с улыбкой, какими бедными были грузинские офицеры. Идя на какой-то небольшой прием, скажем, одалживали друг у друга какие-то предметы одежды. Но воины, подчеркивал, были отважные.

Да и сам Василевский не из состоятельных людей вышел. Не помню уж точно, то ли пятым, то ли шестым ребенком был в семье провинциального священника. С большой любовью всегда рассказывал об отце. Где-то прочитал, что будущего маршала не принимали в партию и тогда ему пришлось отказаться от отца-священнослужителя. Ни от кого он, разумеется, не отказывался, а в партию не вступал, если не ошибаюсь, до 1939 года. Мне он как-то рассказал о разговоре, который состоялся у него до войны со Сталиным. Тот спросил, почему Василевский не в партии. Александр Михайлович ему прямо и ответил:

— Потому что мне никто не предлагает. Да и не примут — я сын священнослужителя.

Сталин усмехнулся:

— Это полбеды, я даже в семинарии учился...

В партию Василевского, конечно, приняли, но, по-моему, сам он в нее не очень рвался...

После войны Александр Михайлович был начальником Генерального штаба, первым заместителем и министром Вооруженных Сил. Доводилось встречаться с ним на испытаниях, да и не только там, и всегда с удовольствием слушал этого человека.

Очень близкие отношения сложились у Василевского и с моим отцом. Возможно, они не были такими близкими, как с Жуковым, — с Георгием Константиновичем отец дружил много лет, но к Василевскому он относился с особой симпатией. Штеменко тоже был близким человеком к отцу, но и по уровню, и по возрасту Василевский был, безусловно, ближе. После войны Жуков, как известно, был вынужден покинуть Москву, и отец имел дело в основном с Василевским.

Не случайно я вспоминаю нередко на страницах этой книги и Штеменко. Отец помог ему стать тем, кем он стал. Близкие отношения с отцом способствовали, скажу откровенно, его продвижению. Он работал с ним с сорок второго года, начав полковником. Все приказы, разработанные моим отцом, как представителем Ставки и ГКО, оформлял Штеменко.

Не могу не вспомнить и генерала армии Антонова. Войну он встретил заместителем начальника штаба Киевского Особого военного округа. Затем возглавлял штабы Южного, Северо-Кавказского фронтов. В конце сорок второго стал начальником Оперативного управления Генерального штаба, позднее — первым заместителем, начальником Генерального штаба.

Это был очень взвешенный, интеллигентный человек. Меня всегда поражало бытующее мнение о военных, как о людях грубоватых и, скажем так, не очень умных. Все военные, с которыми я сталкивался — а таких, как может догадаться читатель, немало, — люди высокообразованные, глубоко интеллигентные. Конечно, речь в первую очередь о технической военной интеллигенции. Таким человеком был Антонов, такие люди встречались мне в армии и после войны. Многие окончили военные академии, знали иностранные языки.

Спустя много лет мне довелось убедиться, что и нынешнее поколение военных ни в чем не уступает своим предшественникам. Скажем, Академия ПВО Сухопутных войск имени Василевского в Киеве. Высококвалифицированный преподавательский состав — там работают замечательные специалисты в области математики, радиотехники, радиоэлектроники. И выпускники, как я убедился, такие же.

Или возьмите Академию имени Говорова в Харькове. Из ее стен выходит настоящая техническая интеллигенция. Но не может не тревожить другое. Вспоминая войну, послевоенные годы, должен отметить, что раньше во

главе армейских соединений, направлений всегда стояли технически грамотные люди. Со временем военных инженеров перестали назначать на высокие командные должности, отдавая предпочтение в таких случаях выпускникам командных факультетов. И это, как учит опыт той же войны, большая ошибка, потому что современная армия, а тем более армия будущего — это сложнейшая техника.

Будущих военных инженеров — высококлассных специалистов своего дела хорошо готовили и в войну. Вспоминаю своих однокашников по Военной академии. Поспелов, Иванченко, Волков... Ни у кого из моих товарищей не было высокопоставленных родителей и покровителей. Всем, чего добились они, обязаны только себе, своей настойчивости, трудолюбию, таланту. Это были настоящие офицеры. Почти все впоследствии заняли генеральские должности и немало сделали для оснащения нашей армии современной техникой, воспитания научных кадров.

В свое время мне довелось работать, скажем, с Виталием Михайловичем Шабановым. Как и мы, он окончил Военную академию в Ленинграде, работал инженером-испытателем, позднее — моим заместителем. Впоследствии Виталий Михайлович стал лауреатом Ленинской и Государственной премий, генералом армии, заместителем министра обороны СССР.

Любая военная академия тех лет давала способным людям немало. По математике и физике мы проходили полный университетский курс, серьезное внимание уделялось изучению языков, военной техники. Выпускники таких учебных заведений были готовы командовать полками, что уже само по себе говорит об уровне подготовки.

Сам я в Ленинградской военной академии оказался так. В ноябре 1942 года в войска поступил приказ наркома обороны об откомандировании в военные академии офицеров-фронтовиков, по сто человек с фронта.

— И не раздумывай! — убеждали меня Бодин, Штеменко и Серов.

— Иди на разведывательный факультет.

Такой факультет был в Военной академии имени Фрунзе. После его окончания мне предстояло работать в военной разведке, в системе ГРУ — Главном разведывательном управлении Генерального штаба.

Меня же влекла техника. И коль мне не удалось учиться на радиофизическом факультете университета,

решил я, стану военным инженером. С детства ведь увлекался радиотехникой.

Отец меня поддержал:

— Языки ты знаешь, специальную подготовку прошел. Ничего нового на разведфакультете не узнаешь, а техника — это твое.

Радиолокационного отделения в то время еще не было, и я начал учебу на факультете радиосвязи. Уже позднее мы начали изучать радиолокацию.

Военные знают, что учеба в академии или военном училище предполагает непременную стажировку в войсках. В условиях же военного времени нас ждала фронтовая стажировка. Летом сорок четвертого всех нас, слушателей Ленинградской электротехнической академии, направили на фронт в распоряжение армейских групп. Нам предстояла стажировка в подразделениях связи батальонов, полков, дивизий, армий. Но судьба распорядилась иначе. Некоторым из нас довелось оказаться за линией фронта. А дело было так. В Словакии возникла чрезвычайная ситуация. Как и в Варшаве, англичане устроили там восстание. Цель — все та же: освободительное движение, частично находившееся под влиянием англичан, противопоставить наступающим частям Красной Армии. Наши союзники таким образом пытались сделать там то, что не удалось достичь Черчиллю на Тегеранской конференции — отрезать нас от стран Восточной Европы. Предполагалось, что с помощью таких превентивных восстаний удастся ослабить влияние на население частей генерала Л. Свободы, наступавших вместе с нашими войсками, а впоследствии ввести своих людей в правительство.

Какие-то словацкие части входили и в состав вермахта, но это были охранные, вспомогательные подразделения. Скажем, к боевой авиации немцы их не допускали, и словаки летали на транспортных машинах. Вспомнил об этом вот почему. Когда наша группа базировалась во Львове, а прошло всего несколько дней после освобождения города, на местный аэродром без предупреждения приземлилась целая словацкая авиадивизия. К счастью, ни одна машина от нашей противовоздушной обороны не пострадала. Уже тогда мы поняли, как относятся словаки к Красной Армии. Наши симпатии к ним возросли еще больше, когда мы оказались на их земле.

Наши части еще даже не приступили к штурму карпатских перевалов, а Словацкое восстание началось. Для

его подавления немцы подготовили несколько дивизий, в том числе две танковые, и начали сжимать кольцо. Надо было спасать этих людей. В одну из групп, предназначенных для заброски в тыл врага, был направлен и я, тогда капитан.

Народ у нас подобрался серьезный. Все имели достаточный опыт прыжков с парашютом, прошли специальную подготовку, большинство уже успело поработать в глубоком немецком тылу. Кроме спасения людей, этим специальным диверсионным группам предстояло захватить и удерживать карпатские перевалы, помогая нашим частям.

Кроме операторов, двух солдат, физически очень крепких ребят, в нашу группу включили, например, двух офицеров-пограничников. Оба — майоры. Отлично владели любым оружием, приемами рукопашного боя.

Меня назначили начальником радиостанции, которая должна была поддерживать постоянную связь с Генеральным штабом и с остальными группами, заброшенными в Словакию. Командовал нами Генеральный штаб, а готовило заброску Разведывательное управление НКВД. Сегодня мало кто знает, что Комиссариат внутренних дел занимался такими вещами. А ведь и партизанское движение разворачивалось при активном участии этого ведомства. С самого начала всенародной борьбы в тылу врага для организации партизанских отрядов направлялись за линию фронта тысячи офицеров НКВД, людей подготовленных во всех отношениях.

Вылетали мы со Львовского аэродрома на «дугласе». У нас этот самолет известен как Ли-2, и в войну именно он был основной транспортной машиной. Делали их у нас по американской лицензии. На Западе же этот самолет знают как Си-47.

С этой машины нам и пришлось десантироваться. Приземлились довольно удачно. Во всяком случае, рассеяло нас не очень сильно — собрались уже минут через сорок. Вскоре вышли в условленную точку и встретились с советским воинским подразделением. В отличие от нас, оно действовало в Словакии под видом партизанского отряда, и военную форму, естественно, его бойцы не носили.

Сразу же вышли на связь с Москвой. Генеральный штаб приказал нам войти в оперативную связь с остальными группами, заброшенными в Словакию, и регулярно информировать об обстановке.

По тем временам мы имели очень мощную радио станцию. В разобранном виде она весила около ста килограммов, не считая источников питания. Когда прыгали с парашютом, мы этот вес распределили на всех. Обычно в фильмах о разведчиках, работающих в тылу врага, показывают портативные радиостанции. В действительности было не всегда так. Все зависит от тех задач, которые решает группа.

Две недели передвигались мы по Карпатскому хребту, поддерживая связь с Москвой. За это время нашим отрядам удалось захватить несколько площадок в долине и принять 30 — 40 самолетов.

Передовые подразделения несколько раз вступали в соприкосновение с противником, но нам участвовать в таких боях не пришлось. Наша радиостанция была центральной и охранялась хорошо. Мы должны были оставаться в Словакии до прорыва наших частей, но обстановка изменилась. Вся территория, занятая повстанцами, была взята в двойное кольцо окружения, и поступил приказ основным частям прорываться с боями, а командование словаков вывозить самолетами. Нашу группу забрала одна из последних машин. К тому времени немецкие части уже захватили весь плацдарм.

Мы сели южнее Львова и оказались в городе позднее наших товарищей, прикомандированных с радиостанцией к словацкому подразделению. Прорываясь к нашим частям, они уничтожили и тяжелое вооружение, и радиостанцию.

Участвовать в бою, рассказывали, им пришлось всего лишь раз, когда вырывались из окружения. По-настоящему же немцы на том участке кольцо еще не успели замкнуть, чем и воспользовался отряд. Своим спасением наши товарищи были обязаны осведомителям, находившимся в немецких частях.

Вернувшись из-за линии фронта, мы получили две недели отдыха, которые и позволили нам поездить по Западной Украине. Именно там я впервые узнал, что такое повстанческое движение в нашем тылу...

Жестокость порождала жестокость. Помню, как один из отрядов националистов штурмовал погранзаставу, где были задержаны их люди. Когда советское подразделение прибыло на выручку, спасать уже было некого — весь личный состав был вырезан. Я впервые видел такое.

Когда в бою убивают врага, это понятно. Но когда захваченных солдат привязывают к деревьям и сжигают... Словом, мы были потрясены.

В те дни я столкнулся и с жестокостью с другой стороны. Наши части окружили отряд повстанцев, или, как тогда говорили, банду националистов. Предложили сдаться. Окруженные отказались. Тогда в этот район были переброшены три артиллерийских полка. Мой товарищ, участвовавший потом в прочесывании местности, рассказывал мне, что после обстрела в живых никого не осталось. Было это в районе Мостиска. Позднее я узнал, что генералы Конев и Петров выделили до десятка артиллерийских полков для очистки тыла, как они говорили. «Очищали» территорию именно таким образом... Даже пограничники, которым была поручена безопасность тыла, не скрывали возмущения: «Это же бесчеловечно. Против горстки людей проводить почти фронтовую операцию!»

Справедливости ради замечу, что потери наши части тоже несли большие. Сплошь и рядом убивали офицеров, нарушали коммуникации. Когда фронт ушел на запад, для борьбы с повстанцами стали применять другие методы. Скажем, переодевали наших солдат и выдавали такие подразделения за отряды бандеровцев. Сегодня это широко известно.

Примириться со всем этим было трудно. Мы судили немецких генералов и офицеров за то, что они боролись с партизанами, а наши же армейские части использовали те же методы, подчас в еще более зверском виде. Сжигались ведь целые села.

Очень сильное впечатление произвели на меня захваченные повстанцы. Многие из них были мои ровесники. Грамотные, убежденные в своей правоте молодые люди. Нередко среди них встречались студенты.

Запомнился молодой парень. Захватили его тяжело раненным, зная, что он имеет выход на руководителей отрядов. На допросе он вел себя мужественно и ничего не сказал.

Когда я рассказал об увиденном в Западной Украине отцу, он отреагировал так:

— А чему ты удивляешься? Эти люди воюют за самостоятельную Украину. И в Грузии так же было, и в любом другом месте может быть. Оружием их на свою сторону не зазовешь...

Главной же ошибкой руководителей национально-освободительного движения отец считал их контакт с немцами. Помню, мы долго говорили о Мазепе, подобных случаях в грузинской, мировой истории.

Возможности расправиться с лидерами национально-освободительного движения у нашей разведки были, но отец почему-то был убежден, что эта сила может быть использована против немцев. Отсюда и его отношение к этому движению.

Знаю, что он категорически возражал против использования подразделений НКВД, которые действовали бы под видом отрядов повстанцев. А такие предложения поступали даже из ближайшего его окружения.

— Подобных вещей ни в коем случае допускать нельзя, — говорил отец. — И без того их поддерживает вся Западная Украина.

К сожалению, после войны с повстанцами обошлись очень жестоко. Объявив, что все они будут помилованы, многих выманили из лесов, а позднее репрессировали вместе с семьями.

Помню, мама получила письмо от подруги юности Елены Стуруа, жившей тогда на Украине. Ее мужа, очень талантливого философа, арестовали в период массовых репрессий. Теперь она хлопотала за других, кто оказался в подобном положении. Стуруа написала о нескольких студентах, участвовавших в национально-освободительном движении и поверивших, что Советская власть их простила.

— Как же так? — спросила мама. — Лена пишет, что всех этих людей обманули.

Отец рассказал, что инициаторами репрессий стали партийные органы, а само решение готовил Никита Сергеевич Хрущев. Как это случалось в его жизни не раз, к отцу тогда не прислушались. Впоследствии среди многочисленных обвинений в адрес отца прозвучало и такое: «Огульно оправдывал оуновщину...»

Не знаю почему, но отец всегда проявлял большой интерес к Украине. Как-то прочитал, что у нас в доме имелись лишь книги Сталина. А их-то как раз и не было. А вот библиотека была приличная. Немало литературы было и по истории Украины. Отец говорил, что многое роднит Украину с Грузией. Скажем, ряд исторических фигур вынуждены были пойти на измену ради освобождения Родины. Не раз вспоминал, как я уже говорил, например, гетмана Мазепу.

Не так давно я с удивлением узнал, что одна из западноукраинских газет сообщила о том, что якобы мой отец приезжал в сорок пятом году в те места для организации массовой депортации жителей нескольких обла-

стей. Не буду говорить о том, что такая акция не планировалась. Мне кажется, додуматься до такого мог лишь человек с больным воображением. Да и не был мой отец никогда в Западной Украине.

Легковесность подобных статей поражает. Бог с ними, с журналистами. Зачастую грешат подобным подходом к исторической правде и ученые мужи. За последние годы опубликовано немало, с позволения сказать, исследований о так называемых «белых пятнах» в истории Великой Отечественной войны. Самое удивительное, что тайны ищут там, где их нет. Почему, задаются вопросом современные историки, советские войска не помогли в сорок четвертом восставшей Варшаве? Мало того, появилось утверждение, что Сталин запретил американским «летающим крепостям», базировавшимся в Полтаве, помогать восставшим с воздуха.

А ведь здесь никакого секрета нет. Советские войска, освобождавшие Польшу, прошли расстояние, значительно превосходившее по всем военным аналитическим выкладкам возможности одновременного броска. Правда и то, что дальнейшему продвижению наших войск препятствовали растянутые коммуникации, взорванные мосты и т. п. Например, у Рокоссовского не было даже должного запаса артиллерийских снарядов, не говоря о другом. Армия выдохлась, и о форсировании водной преграды не могло быть и речи. Войска 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов, пройдя с боями за 40 суток почти 70 километров, вели тяжелые бои севернее и южнее Варшавы и просто не могли оказать восставшим немедленную помощь. Этот факт, который пытаются сегодня ставить под сомнение наши историки, давно признан, к примеру, их английскими коллегами. Другими словами, речь идет о прямой фальсификации, не больше.

Само восстание, к которому подтолкнули поляков англичане, отнюдь не было продиктовано военной целесообразностью. Это была не военная, а чисто политическая акция, построенная на авантюризме польского эмигрантского правительства.

Как и в Словакии, здесь попытались противопоставить восставших наступающим советским и польским частям, готовящимся к освобождению Варшавы.

Немцы прекрасно знали, что советские войска в ходе предыдущих боев были серьезно измотаны, к тому же оккупанты имели несомненное превосходство, о чем известно было и организаторам восстания. Тем не менее,

без согласования с советским командованием, предвосхищая события, руководители Армии Крайовой, действуя по плану захвата власти, подняли народ против немцев. Скоординируй они свои действия с командованием советских фронтов, вполне можно было получить какой-то военный результат. В Варшаве же получилось иначе. Город был почти полностью разрушен, погибли 200 тысяч варшавян. Эти жертвы, как ни горько признать, практически были запланированы.

Англичане не без оснований считали, что выигрывают в любом случае. Если, допустим, ценой невероятных усилий части Красной Армии совершат бросок и выйдут к Варшаве, слава освободителей города им уже не достанется. Не помогут — еще лучше. Это пятно ляжет опять же на Красную Армию.

Знаю и другое. Хотя подобные операции тогда не планировались, советское командование готово было войти в контакт с руководителями восстания. Однако те отказывались даже отправлять своих представителей в соединения К. Рокоссовского.

Весьма примечателен и другой факт. Известно ведь, что и советские летчики, и авиация Войска Польского совершили тысячи самолетовылетов, сбрасывая восставшим оружие, боеприпасы, медикаменты, продовольствие. Сотни тонн перебросили! А польское командование всячески препятствовало этому, лишь бы груз не попал в руки просоветских формирований. Оружие и боеприпасы нередко тут же складировались, но в руки восставших так и не попали.

А теперь о том, препятствовало ли советское руководство помощи со стороны американской авиации. Союзники сбрасывали груз с высоты шести—девяти километров. Вполне понятно, что все оружие попадало к немцам. Советская сторона предложила взять выполнение этой задачи на себя и сбрасывать американский груз с помощью нашей малой авиации. Американские машины, а это были четырехмоторные самолеты, просто не могли снижаться — немцы имели сильную противовоздушную оборону. Их зенитные автоматы доставали цель на высоте до семи-восьми километров.

Наши самолеты сбрасывали оружие, боеприпасы с очень малых высот, но и в этом случае многое попадало немцам. Что уж говорить об американской авиации.

Таковы факты. Но есть и другие. Кое-кому сегодня не хочется вспоминать, что польский генералитет, погу-

бив десятки и десятки тысяч польских патриотов, вел переговоры с немцами и сдался в плен. Видимо, подлинная история второй мировой войны сегодня многим просто-напросто не нужна.

И все же попытаюсь ответить на некоторые вопросы историков. Речь о тех самых «белых пятнах», которые волнуют наших современников.

Собирался ли Сталин присоединиться к тройственному пакту Германии, Японии и Италии осенью 1940 года?

Конечно, нет. Напротив, документы, хранящиеся не только в наших, но и в немецких, английских, американских архивах, свидетельствуют о принципиальной позиции советской стороны на переговорах. Когда немцы пытались втянуть советскую делегацию или лично Молотова в обсуждение подобных вопросов, они категорически отвергались. Точка зрения советского руководства была такой: ни о каком переделе мира или переделе сфер влияния вне наших непосредственных интересов и стран, примыкающим к нам, речь не должна идти. Немцы же — это действительно так — всячески пытались втянуть советскую сторону в обсуждение таких вопросов. И цель их вполне была понятна и тогда — они вели двойную игру.

Возможен ли был союз западных держав с Советским Союзом и можно ли было предотвратить вторую мировую войну?

И здесь ответ однозначный. Система коллективной безопасности вполне могла сработать даже в той непростой международной обстановке, если бы западные державы заняли иную позицию. Данные разведки, которые получал мой отец, свидетельствовали о стремлении Запада столкнуть нас с немцами. Сейчас все чаще слышишь, что виновником развязывания войны был Советский Союз. Разумеется, это беспардонная ложь. Были, что скрывать, и ошибки, и прямые просчеты советского руководства, но то, что случилось, в значительной мере на совести западных держав. Они не только подталкивали Гитлера к войне, но и постоянно мешали созданию системы коллективной безопасности.

Кто, как не они, сделали все, чтобы Польша не пропустила наши войска через свою территорию? Кто требовал от СССР вступления в войну, не давая при этом никаких гарантий? Кто срывал переговоры с нами и продолжал вести переговоры с нацистской Германией?

Беспрецедентный случай: в очередной раз перенесены сроки опубликования документов, связанных с перелетом Гесса в Великобританию, переговорами, которые английское правительство вело с немцами. К чему бы это?

Историки теряются в догадках, хотя еще во время войны я слышал, что в Советский Союз поступили тексты всех переговоров, которые велись нашими будущими союзниками с немцами. Поступили они, насколько знаю, из двух источников — из Германии и Англии. Это был тот редкий случай, когда материалы, добытые разведкой в разных странах, были идентичны.

Я понимаю, почему не предают такие документы гласности англичане. Но что мешает, скажем, внести ясность российским историкам?

Могло ли состояться нападение Гитлера на Польшу, не заключи Советский Союз пакт о ненападении?

Увы, Польша была обречена в любом случае. Зачем был подписан пакт, секрета нет. Помню свой разговор с отцом на эту тему.

— Неужели не понимаешь? — сказал тогда отец. — Война будет, конечно, но нам надо выиграть время.

Подписали бы мы тогда этот пакт или не подписали, для Польши это значения уже не имело. Гитлер совершенно точно знал, что Запад, подталкивая Германию к войне с Советским Союзом, сам воевать не хочет.

Пакт позволил нам не только оттянуть столкновение с Германией, но и спасти от поглощения оккупантами часть Польши. Никто ведь сегодня не ставит под сомнение необходимость присоединения западноукраинских и западнобелорусских земель. В противном случае они тогда же оказались бы в руках Гитлера. Здесь даже у англичан сомнений нет.

Допускаю, что события могли развернуться несколько иначе. Если бы западные страны заняли твердую позицию, возможны были бы какие-то переговоры и вторая мировая война началась бы позднее. Но в любом случае избежать ее не удалось бы — нацисты стремились к мировому господству. Сама природа фашизма требовала большой войны. А если учесть, что такая политика Германии практически без сопротивления была воспринята Западом, то война была неизбежна.

Позволю себе высказать и такое предположение. Я абсолютно уверен, по крайней мере думать именно так у меня есть вполне достаточные основания, что немцы не пошли бы в сорок первом на Советский Союз, если

бы их не спровоцировали англичане. Это мое сугубо личное мнение, но, полагаю, все дело в обещании каких-то колоссальных уступок в мировой геополитике... Все ведь было подготовлено к вторжению в Англию. Никакой маскировки! А затем планы Гитлера были резко изменены... Когда Черчиллю доложили о том, что немцы перешли границы СССР, он произнес примечательную фразу: «Англия спасена!» И это была абсолютная правда. Думаю, подлинные сенсации и у наших и у зарубежных историков еще впереди...

А сколько небылиц гуляет по свету о вступлении наших войск в Польшу. Красная Армия перешла границу 17 сентября 1939 года, заняв территории, которые должны были отойти Советскому Союзу в соответствии с секретным протоколом от 23 августа. Это один из тех документов, которые никак не мог разыскать последний Генеральный секретарь ЦК КПСС...

Много говорят и пишут сегодня о взаимодействии советских и германских войск, о тесных связях НКВД и гестапо. Дописались даже до того, что якобы Ворошилов получил в подарок самолет от Германа Геринга. Все это выдумки чистой воды. При всей антипатии, которую питаю еще с войны к Ворошилову, никаких связей с военным руководством Германии — ни военных, ни политических — он не имел. Ни один член Политбюро в тот период инициативу, как известно, во внешнеполитических вопросах проявить не мог. Все было настолько регламентировано, что заранее обсуждалось едва ли не каждое слово, если хотите, до артикуляции... Контакты с немцами могли быть на уровне командира корпуса, если возникала необходимость, да и то с разрешения наркома обороны. Создавались местные, не правительственные, а чисто военные комиссии по размежеванию частей, и лишь тогда, допускаю, могли быть какие-то контакты, но опять-таки строго регламентированные. Ни о каком взаимодействии немецких частей и частей РККА речь, понятно, вести нельзя.

Знаю от маршала Тимошенко, что у нас были подготовлены ударные корпуса, которые командование Красной Армии — было такое указание — могло использовать в случае, если немцы выйдут за пределы предварительных демаркационных линий. Командование должно было ударами (!) вытеснять их за пределы территории, отходящей согласно секретному протоколу к СССР. Больше того, я не знаю деталей, но был разработан план перера-

стания таких ударов в наступление с выходом к границам Германии.

Дело оставалось за странами Запада. Переговоры с ними продолжались и после подписания советско-германского пакта, и получи Советский Союз соответствующие гарантии, события развивались бы по-другому...

Директив таких я не видел, но те разговоры, которые мне доводилось слышать, подтверждали, что это было вполне реально. Косвенным подтверждением существования такого плана может служить концентрация наших частей на западной границе. По всем меркам она была гораздо выше, чем это было продиктовано обстановкой. К тому же польская армия сопротивления РККА не оказывала. Говорю это вопреки бытующей версии о советско-польских сражениях. Каким-то частям удалось прорваться в Румынию, остальные просто не имели выбора и, спасаясь от немцев, бежали к нам.

Многие танковые части, части боевой авиации, сосредоточенные у границы, так и не были введены в действие, но самая высокая концентрация войск, повторяю, красноречиво свидетельствует, что эти соединения имели совершенно иное назначение.

Если бы посткоммунистические историки проанализировали обстановку, сложившуюся тогда, без особого труда убедились бы, что, кроме формализованного договора, Советский Союз ничего общего с Германией не имел.

Довольно характерен такой факт. Советская сторона уклонилась от предложения Германии обменяться разведчиками, арестованными спецслужбами двух стран. И это в то время, когда был заключен советско-германский пакт.

Абсолютно несостоятельны утверждения о том, что Советский Союз передавал Германии ее политических противников. Только в моем классе было восемь немецких детей, всего же в нашей школе детей антифашистов было до сотни. Фашизм они ненавидели всей душой, на себе испытав ужасы нацизма. Думаю, им было бы известно о подобных случаях. Напротив, семьи антифашистов брались на полное государственное обеспечение. Когда началась война, большинство из них вступило в борьбу с врагом в немецком тылу. Многие стали разведчиками, десантниками.

Головокружительную карьеру, к слову, уже в ГДР никто из моих школьных товарищей не сделал, но некоторые заняли довольно заметные должности. Петр Фло-

риан, например, стал заместителем министра иностранных дел. Некоторые продолжили службу в армии и разведке молодого немецкого государства. Но высокие посты все же заняли не те, кто воевал, а те, кто отсиживался в советском тылу, ожидая разгрома фашизма. Почти все командные высоты вскоре захватила партийная верхушка...

Возвращаясь к вопросу о коллективной безопасности, хотел бы обратить внимание читателя на еще одно ложное утверждение. Порой историки ссылаются на обнаруженные в Архиве внешней политики России документы, свидетельствующие о готовности Великобритании и США оказать действенную помощь СССР в случае войны с Германией. Советский Союз якобы отверг такие предложения. Мягко говоря, здесь маленькая передержка. Лучше всего такие документы было бы опубликовать и дать соответствующий комментарий. Но это почему-то не делается, и общественность сознательно вводится в заблуждение.

Знаю, о каких документах идет речь. Это проекты договоров, которые Советский Союз готовил для создания той самой системы коллективной безопасности, которая так и не была создана по вине западных держав. Советская сторона совершенно четко заявила, какое количество танковых, авиационных, пехотных, флотских соединений готов выставить СССР для борьбы с врагом. Польское правительство ответило отказом, Англия и Франция отделались общими декларативными заявлениями. Против Германии они готовы были в случае благоприятного исхода переговоров выставить не более трети своих формирований. Грубо говоря, лишь десятую часть того, что предлагал Советский Союз. Мало того, английские и французские представители заявили, что, собственно, не имеют полномочий подписывать эти документы. Словом, игра продолжалась. Чем это обернулось для народов Европы, мы давно знаем...

В Англии опубликованы дневники некоторых людей, утверждавших, что еще тогда Черчилль собирался предать гласности материалы, связанные с переговорами, которые англичане вели с Гессом. С такой же информацией Черчилль хотел выступить и в палате общин. Он долго колебался, прекрасно зная, что палата общин проголосует за союз с Германией. И все же не пошел на такой шаг. И он сам, и люди, имевшие на него влияние, сделали иной выбор. Но факт остается фактом: бу-

дущие союзники до самого последнего момента не спешили вступать в борьбу с фашизмом.

Как видим, зачастую новоявленные исследователи второй мировой войны просто-напросто лукавят, сокрушаясь то и дело, что ответа на волнующие их вопросы нет. Вполне достаточно обратиться к архивным материалам. К сожалению, некоторые ученые и публицисты идут совершенно иным путем. Скажем, продолжают муссироваться слухи о тесном сотрудничестве НКВД и гестапо в борьбе против польского народа. Все это выдумка. Равно как и сообщения о том, что якобы в 1940 году в Закопане был создан совместный учебный центр, где проходили подготовку вместе с нацистами офицеры Наркомата внутренних дел. Тем не менее такие утверждения в последние годы кочуют из одной публикации в другую. Естественно, без ссылок на какие-либо документы. И это, увы, далеко не единственный пример элементарной фальсификации.

А между тем есть вопросы, которые действительно нуждаются в более полном освещении.

Известно, что весной 1943 года Рузвельт направил в Москву специального курьера — бывшего посла в СССР Дж. Дэвиса с конфиденциальным письмом Сталину. Он предлагал неофициальную встречу «либо на Вашей, либо на моей стороне Берингова пролива». В ней не должен был участвовать Черчилль, а количество сопровождающих лидеров двух стран лиц должно было быть крайне ограниченным. Предлагалось, в частности, «обсудить военные вопросы на суше и на море». Сталин дал принципиальное согласие на встречу, но с оговоркой — в предстоящей встрече должен был непременно участвовать и Черчилль. Встреча не состоялась. Что же хотел сказать Рузвельт Сталину? — задается вопросом один из современных российских историков. Возможно, он хотел поделиться с советским союзником секретом «Манхэттенского проекта»?

Никто и никогда в тайны «Манхэттенского проекта» Советский Союз посвящать не собирался, иначе советской разведке не пришлось бы предпринимать такие колоссальные усилия для достижения поставленной цели... А речь вот о чем. Рузвельт не скрывал, что он союзник Англии в борьбе с фашизмом, но никак не в сохранении Британской империи. Это порой проявлялось даже в мелочах. На одной из встреч, когда был произнесен тост за английского короля, Рузвельт, скажем, отказался поднять бокал. Сталин вышел из положения так:

— Ну что ж, это не наш король, а их король, так что выпьем за его здоровье...

Америка Рузвельта имела свои, совершенно однозначные взгляды на послевоенный мир, и они во многом совпадали с видением советского правительства. С англичанами — иначе. Те гораздо ближе были к конфронтации, которая началась после Победы.

А если говорить о конфиденциальности подобных переговоров, то, смею утверждать, их вполне можно вести и при трехсторонних встречах. Собственно, именно так и произошло в Тегеране в 1943 году. Там Рузвельт совершенно точно изложил Сталину свою точку зрения на будущее Германии, на ее роль в послевоенной Европе, на роль Англии, Америки. По всей вероятности, Черчилль все же знал об этой беседе Рузвельта и Сталина. Впрочем, своих взглядов Рузвельт не скрывал и от Черчилля.

Российский историк прав: та встреча, о которой он говорит, действительно планировалась Рузвельтом, но не состоялась. Сталин — в архивах должно сохраниться его письмо — четко изложил свою позицию. Сформулировал он ее примерно так: «Нежелательно, чтобы между союзниками возникали какие-то недоразумения, как это уже бывало в нашей недавней истории не раз...» Вспомните те же переговоры стран Запада с немцами...

Почему с такой поспешностью был ликвидирован в мае сорок третьего Коминтерн? До самого последнего дня сотрудники этой международной организации не подозревали о ее роспуске.

Интерес историков понятен. Это был, безусловно, неожиданный шаг для многих. Почему же так произошло? Находясь в союзе с западными демократиями, советское руководство продемонстрировало таким поступком изменение позиции Советского Союза. Мы отказались от единого центра, который руководил до этого действиями коммунистических партий других стран, т. е. их дальнейшие действия должны были носить в будущем исключительно самостоятельный характер. Сама идея мировой революции, которая декларировалась десятилетиями, таким шагом одного из союзников по антигитлеровской коалиции теперь отвергалась.

В какой степени это был камуфляж, а в какой реальность? Я склонен думать, что какой-то игры со стороны советского руководства в данном случае не было. Иное дело, что после того, как ряд коммунистических

партий начал действовать самостоятельно, это начало раздражать нашу партийную верхушку. Она в штыки встретила, например, некоторые шаги югославских коммунистов, и в итоге группа Жданова — Маленкова создала Коминформ — по сути, тот же Коминтерн.

Нередко задается вопрос: встречался ли Берия с генералом Андреем Власовым, бывшим командующим 2-й ударной армией Волховского фронта, после его ареста в мае 1945 года? Кое-кто пытается утверждать, что Маршалу Советского Союза Л. Берия довелось даже допрашивать перешедшего на сторону фашистской Германии руководителя РОА...

Мой отец с Власовым никогда не встречался, и все разговоры о допросах этого предателя всего лишь домыслы. Не имел никакого отношения он и к задержанию Власова. Это сделала армейская разведка, возможно, по «наводке» стратегической разведки, которую возглавлял отец. Этих деталей я не знаю и, честно говоря, не интересовался никогда. Непосредственно захватом бывшего командующего так называемой РОА — Русской освободительной армией — руководил «СМЕРШ», так как органы военной контрразведки входили тогда в структуру Наркомата обороны.

Но дело даже не в том, отец или кто-то другой арестовывал и допрашивал Власова. Он рассматривал бывшего советского генерал-лейтенанта Власова как труса и предателя, бросившего свою армию в тяжелую минуту. Заурядный предатель и сдался ведь не в силу каких-то идейных соображений, как пытаются иногда представить, а лишь потому, что спасал свою шкуру.

Вышло так, что его предательство бросило тень и на целую армию, которая дралась честно и почти вся была уничтожена. 2-я ударная и не помышляла о сдаче в плен, Власов перебежал к немцам сам. Я не берусь судить, был ли до плена он принципиальным противником Советской власти или нет. Его убеждения, если такие и были, ни до войны, ни в начальный период войны, насколько известно, никак не проявлялись.

Наверное, сегодня, спустя много лет, его еще можно было пусть не простить, но хотя бы понять, если бы он пошел на подобный шаг, спасая свою армию. Но ведь не было этого. Так что вряд ли стоит делать из предателя идейного борца за освобождение России.

Как могло случиться, что, отбросив немцев от Москвы, Красная Армия докатилась до Волги и Кавказа?

Немцы поняли, что вести наступление по всему фронту, как они делали до этого, уже не могут. Гитлер изменил свои планы. Нашей разведке было известно, что противник устремится к нефтяным промыслам, а в дальнейшем попытается выйти через Иран, Ирак на Ближний Восток. Это вовлекло бы в войну, как считал Гитлер, и Турцию.

Через южные границы Пакистана немцы планировали прорваться в Индию. Был даже подготовлен специальный корпус, который так и назывался — Индийский. Гитлер и его окружение считали, что и кавказские, и другие народы встретят немецкую армию как освободительницу. Как показал дальнейший ход событий, все обстояло совершенно иначе.

Не было секретом и то, что немцы пойдут на Сталинград. Цель их была известна — отрезать нас от нефтеносных районов. Гитлер считал, что его части молниеносно прорвутся на Кавказ и не встретят серьезного сопротивления. И здесь был явный просчет.

Танковую армию Клейста после операций на Кавказе немцы планировали использовать для создания большого кольца окружения Москвы. Дальнейшее ее продвижение в Иран и Ирак считали нецелесообразным — там должны были начаться восстания. Эти материалы были представлены на Тегеранской конференции уже в сорок третьем. А тогда немцы рассуждали так: в случае нормального развития событий повернуть на северо-запад и отрезать Москву от тылов. Это широко было известно благодаря разведке, и Генеральному штабу, и правительству. Одна группа военных считала, что это отвлекающий маневр Гитлера и основной удар будет нанесен на Западном фронте, на Москву. Жуков, Василевский и отец настаивали на укреплении Северо-Кавказской группы наших войск. Но Сталин поддержал третью группу военных, считавших, что в тот период следовало помешать большому окружению Москвы. Жуков, Василевский и мой отец отстаивали свое предложение, но последнее слово оказалось за Верховным Главнокомандующим. В итоге так, как надо, к началу операции немцев на южном фланге не подготовились, все части, прикрывавшие Москву, там и остались. А это были очень крупные соединения. Накопление свежих частей еще не завершилось — они находились за Волгой. Правда, начали строить железнодорожные ветки к Сталинграду, еще не зная, что здесь пройдет фронт. И только некоторые части го-

товили к переброске на Кавказ. А дальше все хорошо известно нашим историкам. Немцы на два-три месяца изменили сроки операции и начали наступление. Танковая армия Клейста пошла на Кавказ, а армия Паулюса — на Сталинград.

О концентрации крупных войсковых соединений под Сталинградом я узнал еще в конце лета сорок второго. В моем присутствии об этом говорили и Бодин со Штеменко, и Тюленев, и мой отец. Тогда еще он говорил, что держать все эти соединения только там, это ошибка. Ему пришлось даже дивизию внутренних войск, которую намеревались выставить против Клейста, перебросить в Сталинград. Впоследствии она была единственной, в течение двух месяцев удерживающей Мамаев курган. Там она почти вся и осталась...

Я уже говорил о той несправедливости, с которой сталкиваются ветераны-фронтовики, сражавшиеся в частях НКВД. Какое-то проклятие лежит на этих войсках, хотя сражались они отнюдь не хуже армейских соединений. Но сама абревиатура — НКВД — нынешних историков раздражает. Но зачем же всех под одну гребенку?.. Эти солдаты и офицеры не участвовали ни в массовых репрессиях, ни в чем-либо подобном. Командовал ими генерал-лейтенант Масленников, еще до войны он стал заместителем моего отца по пограничным и внутренним войскам. Свой выбор отец объяснил тем, что Масленников — кадровый военный, имеет большой опыт. Когда началась война, отец предложил назначить его командующим Северо-Кавказской группой войск, и Масленников им стал. Хотя, знаю, Георгий Константинович Жуков к нему явно без симпатии относился и не раз просил отца: «Убери ты его от меня. Не армейский он командир — партизанский...»

Наверное, по-своему Жуков был прав. Масленников в свое время действительно привык воевать с бандами, прорывавшимися через наши границы. Но в условиях Кавказа такой опыт был весьма полезен.

«Продался» ли Рузвельт в Ялте России? Не удивляйся столь странному вопросу, читатель. Некоторые современные историки ставят его именно так. Вообще о Ялтинской конференции (иногда ее называют еще Крымской) кривотолков ходит много...

Ялтинское соглашение стало логическим продолжением Тегеранской конференции. Документы давно опубликованы и до самого последнего времени, насколько знаю,

трактовались однозначно. Да и сегодня, перечитывая эти материалы, я, например, не вижу ни одной формулировки, которая давала бы повод для различного толкования.

Рузвельт совершенно целенаправленно пошел на определенные, абсолютно правомерные требования Советского Союза, исходящие из военных обязательств, которые СССР взял на себя в отношении Японии. И я не рискнул бы назвать такой шаг уступкой Советскому Союзу

Никого и ничего Рузвельт не предавал. Это был великий политик. Проживи он подольше, советско-американские отношения носили бы совершенно иной характер. Экономическая поддержка, общая борьба против колониализма, а здесь Рузвельт видел в СССР союзника... Нас могло объединить многое.

Те обязательства в отношении Японии Советский Союз — и здесь по сей день историки, знаю, спорят — взял с большой неохотой, на что были серьезные причины. Пусть не из-за любви к СССР, в силу иных причин, но Япония, как известно, свои обязательства сдержала и в войну не вступила. Так что в этическом плане не все оказалось так просто. Но дальнейший ход событий показал, что решение, принятое в Ялте, было правильным.

После визита в Москву в августе 1942 года Черчилль писал Рузвельту, что Сталин поделился с ним планами советского мощного контрнаступления. В те дни немцы приблизились к Сталинграду, но, как известно, план контрнаступления под Сталинградом начал разрабатываться лишь с середины сентября. О каком же наступлении говорил Сталин Черчиллю?

Вынужден разочаровать историков. Никакой тайны здесь нет. Речь шла о контрнаступлении под Сталинградом. О том, что оно готовится, было известно гораздо раньше, как я уже говорил. Исследователей ввели в заблуждение мемуары некоторых военных, приписавших себе лавры удачно спланированных тех или иных военных операций. Так было и здесь. Отсюда и путаница в датах.

Известно, что в октябре 1945 года Черчилль прибыл в Москву и в беседе со Сталиным предложил поделить сферы влияния на Балканах между СССР и Англией, оставив Англии Грецию и определив квоты влияния в других балканских странах. Соглашение не было подписано, но, активно поддерживая коммунистов в Югославии

и Болгарии, Советский Союз, утверждают историки, фактически не оказывал в 1944—1945 годах военной помощи народно-освободительному движению в Греции в его борьбе против правых сил и английских войск. Сколь обоснован такой упрек в адрес Советского Союза?

Абсолютно беспочвенное обвинение. Своих планов Черчилль никогда не скрывал, но советское правительство никогда не шло на формализованный раздел сфер влияния. Другое дело, что считало советское руководство сферами влияния и как реализовывало практическую политику, но в договорные отношения с Великобританией по разделу сфер влияния СССР не входил.

А помощь партизанскому движению Греции оказывалась всегда. Многих греческих командиров я сам встречал в Москве. Когда британские войска вытеснили партизан в горы, интернировать греческих патриотов пришлось югославам. Часть из них, несколько десятков тысяч человек, впоследствии жили в Советском Союзе. Всего же было интернировано, кажется, до 150—200 тысяч человек. После войны часть греческих партизан уехала на родину, часть осталась у нас на юге.

СССР поддерживал любое движение, направленное против диктатуры. Так и в Греции было.

Широко известно, что Гитлер до самого разгрома фашистской Германии надеялся на так называемое «оружие возмездия». А сколь преуспела военно-техническая мысль противника в действительности?

В Германию я попал после Победы, летом сорок пятого. Там уже работали специальные группы захвата немецких ученых, участвовавших в секретных проектах, включая ядерный, а также образцов военной техники, чертежей, материалов и т. д. Действовали они очень оперативно, потому что такой же интерес к немецким специалистам и разработкам проявляли наши союзники... Моя поездка в Германию не носила какого-либо официального характера. Поехал я туда скорей из любопытства, откровенно говоря. Меня, как слушателя Военной академии, будущего военного инженера, больше всего интересовали как раз те разработки, за которыми гонялись по всей Германии и наши специалисты, и наши союзники. Кроме того, в сорок первом после окончания разведшколы нас должны были забросить в район Пенимюнде, где находился ракетный центр фон Брауна. К тому времени я о нем кое-что знал, и мне, вполне понятно, было любопытно узнать, чем же всю войну зани-

мались там немцы и чего добились. С несколькими инженерами и генерал-полковником Серовым, работавшим тогда при штабе Жукова, мы побывали на ракетных заводах в Южной Саксонии, в некоторых ядерных лабораториях, размещенных в соляных копях.

Там, в Пенимюнде, я познакомился, например, с Сергеем Павловичем Королевым. Он официально был включен в комиссию, занимавшуюся баллистической ракетой ФАУ-2. Была еще одна комиссия по зенитным ракетам.

Ракетная техника у немцев была развита очень сильно. Здесь надо отдать им должное. В баллистических ракетах, к примеру, они дошли до военного применения, с зенитными вышли на испытания, но применить в боевых условиях просто не успели.

Во время войны — и здесь надо отдать должное немцам — Германия создала впервые для военного применения реактивную авиацию, хотя те же работы велись у англичан и у американцев. К концу войны немецкая авиация имела несколько сотен машин с турбореактивными двигателями. Они имели большое преимущество в скорости, но уступали в маневренности. Поэтому наши летчики их успешно сбивали. Немцы и здесь не успели завершить работы, но если бы им удалось всю авиацию сделать реактивной, включая бомбардировочную, а они продвинулись в этом направлении довольно заметно, война в воздухе носила бы совершенно иной характер. Да и не только в воздухе, разумеется. В сочетании с ФАУ-2, ФАУ-1 их действия были бы более чем серьезными, не говоря уже о том, что их ученые успешно занимались ядерным проектом. Гитлер его отклонил, как в свое время сделали и в СССР. Но представьте себе, что Германия начала бы работы по ядерному оружию на год-два раньше... Реактивная авиация, баллистические ракеты, атомная бомба. В лице Германии мы имели бы противника, оснащенного страшным оружием. К счастью, они не успели...

О достижениях военно-инженерной мысли в Германии писали более чем скупо. Когда речь заходила о ФАУ-2 или ФАУ-1, советские источники непременно подчеркивали: ракеты были несовершенны. О реактивной авиации и вовсе помалкивали. В лучшем случае, как это сделал один из прославленных асов советской истребительной авиации времен войны, приводились примеры единичных случаев появления в небе Германии в апреле сорок пя-

того новых машин. Но разве правда умаляет подвиг советского солдата, победившего такого врага? Разумеется, нет. Но задуматься, вероятно, есть над чем.

Наши союзники не спешили с открытием второго фронта. Факт общеизвестный. И все же решились... Одной из причин как раз и была боязнь того, что немцы могли получить страшное оружие раньше других. Да и оттягивать высадку союзников было уже некуда — мы вышли к государственной границе. План Черчилля был такой — через Грецию отрезать нас от Европы. Американцы умышленно его не приняли, потому что совершенно не были заинтересованы в укреплении Британской империи. В итоге был избран самый оптимальный для них вариант высадки в Европе. Американцы прекрасно знали — об этом сообщала и разведка, в этом убеждали их и переговоры, которые вел Аллен Даллес через свою агентуру с немцами, — что части вермахта будут, как и прежде, сражаться с Красной Армией, но не с американцами. Хорошо было это известно и советскому руководству. И опять же благодаря эффективной работе нашей стратегической разведки — во всех этих переговорах участвовали люди, которые непосредственно были связаны с нашими разведывательными службами...

В 1991—1992 годах советскую прессу обошли сенсационные публикации, в которых, в частности, утверждалось, что Сталин обращался к Гитлеру с каким-то «личным посланием» в июле 1941 года через графа Фридриха Вернера фон дер Шуленбурга, посла Германии в Москве в предвоенные годы. Тогда же много писали и о переговорах, которые якобы вел отец с Гитлером в начальный период войны через болгарского посла в СССР Ивана Стаменова. По одной из версий советская сторона чуть ли не готова была уступить Германии Украину, Бессарабию, Буковину, Белоруссию, Прибалтику, Карельский перешеек...

Смею утверждать, что ни тогда, в сорок первом, ни позднее никаких переговоров не было. Разговор состоялся о том, как выиграть время. Присутствовал при нем и Молотов. Но самих переговоров, повторяю, никто не вел. Уже в 50-е годы подобное обвинение было предъявлено и генералу Судоплатову. Якобы он по приказу отца предпринял попытку связаться через болгарского посла в Москве с Гитлером. Такие показания заставляли его дать Маленков и Хрущев. Тогда многим предлагали подобные вещи. Одни отказывались, другие соглашались, но приличные сроки, как правило, получали и те, и другие...

Из официальных источников:

Генерал-лейтенант Павел Судоплатов. В 1941 году — заместитель начальника Первого (разведывательного) управления НКВД СССР. Арестован 21 июля 1953 года. Спустя пять лет (!) осужден к 15 годам лишения свободы. Наказание отбывал во Владимирской тюрьме. Помилован через два года после освобождения Никиты Хрущева от должности Первого секретаря ЦК КПСС.

В 1992 году обвинен украинскими националистами в убийстве Евгения Коновальца, совершенном Судоплатовым до войны в Голландии по заданию ЦК ВКП(б). По признанию самого генерала, он боролся с «украинским буржуазным национализмом» с мая 1921 года до лета 1953-го...

Из воспоминаний генерала П. Судоплатова:

«Я должен был — сугубо от своего имени! — рассказать Стаменову, что в Москве имеются настроения, согласно которым еще не поздно урегулировать мирным путем начавшийся конфликт между Германией и Советским Союзом, и это можно было бы сделать на основе территориальных уступок. О фактической капитуляции речь не шла. Имелось в виду подсунуть немцам дезинформацию, чтобы задержать наступление и дальнейшее продвижение фашистских войск, а тем самым создать условия, позволяющие советскому правительству сманеврировать и выиграть время. Берия с этого и начал: нам необходимо выиграть время... Берия дал мне указание не поручать Стаменову сообщать все это немцам. Предполагалось, что он все доложит по собственной инициативе. Но он не доложил. Наша дешифровальная служба следила за перепиской посольства, и никаких сообщений в Софию об этом не пошло. На мой взгляд, это был типичный разведывательный зондаж».

Однозначно расценил генерал Судоплатов и появление в так называемом «Деле Л. П. Берия» обвинения в том, что якобы переговоры все же шли, причем втайне от правительства СССР:

«Необходимо учитывать обстановку того времени, когда шло следствие по делу Берия. Вопрос о контактах 1941 года обсуждался на президиуме ЦК КПСС 6 августа 1953 года. Был вызван и я: докладывал о встрече со Стаменовым. Кстати, доложил, что встреча проходила с ведома Молотова. Тогда Хрущев и Маленков заверили меня, что эта встреча мне в вину не ставится, но слова своего не сдержали. Видимо, им не хотелось оставлять неудобного свидетеля их связей с Берия. Я был репрессирован, причем одним из обвинений было участие в сепаратных переговорах. Это обвинение было снято в 1968 году специальной комиссией».

По утверждению западных источников, Молотов, Деканозов и заместитель отца Всеволод Меркулов в ноябре 1940 года участвовали в советско-германских переговорах. Существует версия, что в тот период НКВД разрабатывал самые изощренные активные действия, пытаясь склонить Германию к подписанию договора. Весьма логичным на первый взгляд выглядит и смещение с должности наркома иностранных дел Литвинова и замена его Молотовым. Историки трактуют кадровые перемещения в Наркомате иностранных дел однозначно: Литвинов был сторонником системы коллективной безопасности и мешал переговорам с Германией.

Любой МИД должен заниматься накапливанием реального материала, анализировать его и давать рекомендации правительству в области внешней политики. Но когда информация внешнеполитического ведомства далека от реальности, это уже не МИД. Мне известно, что Литвинов докладывал правительству о желании западных держав заключить с нами союз. И это в то время, когда разведка утверждала обратное. В частности, правительство было проинформировано о переговорах, которые ведут западные державы с немцами. Я допускаю, что Литвинов, сам того не желая, мог оказаться жертвой дезинформации. Это был уже пожилой, очень интеллигентный человек, который считал: слово человека — это дело человека. Наивно... Словом, решили, что для такой работы он не годится, и Наркомат иностранных дел возглавил Молотов.

Как нарком он и вел переговоры по поручению советского руководства. Деканозов, профессиональный разведчик, был назначен послом Советского Союза в Германии и участвовал в переговорах как дипломат, а не сотрудник НКВД. По крайней мере, официально.

Мой отец, как глава советской разведки, разумеется, знал и о переговорах, и о подготовке к ним, но сам ни в каких переговорах участия не принимал. Меркулов — тоже. У него, как у заместителя наркома, были вполне определенные функции.

Если верить некоторым западным источникам, советско-германские переговоры вполне могли состояться и в 1943 году. Во всяком случае, бытует версия, что шеф политической разведки Германии Вальтер Шелленберг пытался через Швейцарию и Швецию установить контакты с представителями СССР, которые, как утверждают некоторые историки, были «очень заинтересованы в

такой встрече, чтобы договориться о прекращении войны. Однако контакты были прерваны по вине Риббентропа, который потребовал, чтобы в составе советской делегации не было евреев».

Я не могу утверждать, что немцы не пытались осуществить какие-то контакты, но то, что подобных переговоров не было, знаю точно. Впрочем, как и то, что Риббентроп не имел никакого отношения к переговорам разведки и уж, конечно, все разговоры в данном контексте о евреях — выдумка. От Деканозова я знаю, как вел себя Риббентроп в их последнюю встречу. Объявил о начале войны против СССР и тут же стал шептать: «Вы непременно передайте в Москве, что это не я. Все это, поверьте, вопреки моему мнению...» Точно так же, к слову, вел себя и посол Германии в СССР Шуленбург. Мы просто привыкли считать, что умных людей там не было... Если даже допустить, что немцы стремились в тот период к переговорам, Риббентроп подобных условий ставить не мог. Повторяю, как к факту, я отношусь ко всему этому скептически.

Чьи останки были извлечены 4 мая 1945 года из бомбовой воронки в саду рейхсканцелярии? Действительно ли Гитлер и Ева Браун покончили с собой, а не скрылись в суматохе последних дней войны, как это сделали некоторые другие нацисты? Прошло почти полвека, но страсти вокруг преступника № 1 не утихают.

По одной из версий, во время Потсдамской конференции Сталину доложили, что опознан труп Гитлера, и предложили поехать посмотреть. Сталин не поехал, но послал Молотова и отца. Это всего лишь легенда. В один из дней, когда проходила Потсдамская конференция, мой отец и Молотов действительно туда поехали, но из чистого любопытства, а отнюдь не по указанию Сталина. Осмотрели рейхсканцелярию, бункер... Вполне естественный интерес. Тогда, летом сорок пятого, и я с Серовым там побывал. Опять же из чистого любопытства.

Что же касается Сталина, то когда ему доложили о самоубийстве Гитлера, тот в детали не вдавался. Ему было, грубо говоря, глубоко наплевать, отравился Гитлер или застрелился. Сказал лишь, что так уходят из жизни бандиты и авантюристы, которые не имеют мужества ответить за содеянное. И все, больше он к этому вопросу не возвращался.

Проявлял ли он интерес к личности Гитлера при

жизни? Сталин располагал материалами о всех своих противниках и союзниках. Гитлер, разумеется, не исключение. Подробные досье были не только на руководителей Германии, но и на членов правительств Англии, Франции, США и других стран. Информацию о сильных и слабых сторонах, положительных и отрицательных чертах, о манере вести переговоры и т. д. советскому руководству поставляла разведка. Когда какая-либо иностранная правительственная делегация приезжала в Советский Союз, разведка обязана была представить подробное досье на каждого члена делегации.

Василевский мне когда-то рассказывал, как в войну Сталин отозвался о Гитлере: «Это фаталист. От Сталинграда Гитлер не уйдет. Да, на Кавказ может повернуть, но часть войск у Сталинграда все равно держать будет, потому что город моим именем назван...»

К найденным останкам, как и к последующим расследованиям, Сталин интереса не проявил, да никто его никуда не приглашал ехать. Доложили, тем дело и кончилось.

Обнаружили останки Гитлера органы «СМЕРШ». Однозначно были опознаны трупы Магды Геббельс и ее детей, а с трупом самого рейхсминистра пропаганды вышло недоразумение. Тот был, как известно, колченогим, и когда допрашивали его лечащего врача, перепутали в показаниях, какая же именно нога была у Геббельса повреждена. Это мне Серов рассказывал.

Труп Гитлера, как и Евы Браун, был сильно обожжен. Захоронили, потом откапывали, но по косвенным свидетельствам людей, которых удалось захватить, пришли к выводу, что это все-таки труп Гитлера. Полной же уверенности у «СМЕРШ», разумеется, не было.

Насколько знаю, высшее руководство СССР никаких указаний об организации новых комиссий не давало. Возможно, это решалось на более низком уровне. У нас начинали реагировать таким образом, когда в английской, немецкой, например, прессе появлялись сообщения, что Гитлер жив. Ходили слухи, что он скрывается то в Южной Америке, то даже в СССР. Когда уж очень большой шум поднимался, и создавались такие комиссии. Не исключаю, что одна из комиссий была создана по указанию наркома внутренних дел Круглова, как об этом сегодня пишут, но ни Сталин, ни мой отец ко всему этому отношения не имели.

Сталин и Жуков. Первый — Верховный Главноко-

мандующий, глава державы-победительницы, второй — выдающийся полководец только что отгремевшей войны, но не единственный в маршальской когорте. Первый — на трибуне Мавзолея, второй — на белом коне принимает Парад Победы. Почему именно он? Причиной ли тому, как считается, преклонный возраст Сталина? И почему ни Рокоссовский, ни Василевский, ни Конев?

Злые языки утверждают, что поначалу Верховный намеревался принимать Парад Победы сам и даже, не имея кавалерийского опыта, сел на коня, но тот его сбросил. «Что поделаешь, — якобы произнес Сталин, — стар я стал. Пусть парад принимает Жуков...» Легенда? Похоже, что так. В свое время нечто подобное, по слухам, было и с министром Николаем Булганиным. Второй раз в седло садиться тот отказался.

Когда Булганин возглавил Министерство Вооруженных Сил, изменилась сама форма приема парадов. Было решено, а такими вещами занималась целая группа людей, внести некоторые коррективы. Рассуждали так: лошадки — это красиво, но пора от них отказаться и переходить на автомобили. Так что никакая лошадь Булганина не сбрасывала, ему даже не пришлось в Манеж на тренировки ходить.

Сын Сталина, Василий, ездил хорошо. Сам же Сталин и не пытался никогда сесть на коня. Он сразу же, когда зашла речь о Параде Победы, сказал, что принимать его должен Жуков. Возражений, естественно, не последовало. Командовать парадом было поручено Рокоссовскому. Очень обиделся Конев. Да и другие командующие фронтами такое решение встретили без особого энтузиазма. Но спорить, конечно, не стали...

Примерно такая же ситуация возникла, когда решалось, кто должен брать Берлин. Уже было известно, что Рокоссовский станет после войны министром обороны Польши, и его хотели представить человеком польского происхождения.

Отец предложил Жукова. Русский народ, считал он, вынес основную тяжесть войны и штурмовать Берлин должен именно русский человек. Сталин согласился. Возможно, Рокоссовский в глубине души и был обижен, но этого не показал. Вообще он был человеком, который всегда стоял выше личных обид. Можно судить об этом хотя бы по его боевой биографии. Воевал он героически, а ведь до этого были и арест, и те издевательства, которые и он сам перенес, и его товарищи.

А вот Конев Жукову просто завидовал. То ли это была чисто человеческая зависть, то ли зависть полководца, судить не берусь. Сам Конев был, безусловно, одаренным военным, этого у него не отнимешь, хотя те люди, которые служили под его началом, утверждали, что людей он не жалел, при выполнении задачи шел на любые жертвы. Крут бывал нередко, мог позволить себе избивать палкой ближайших подчиненных, например.

Был у него и еще один грех — и при Сталине, и при Хрущеве порочил людей, Жукова — в особенности. И в ЦК на Георгия Константиновича писал, и Сталину. Да и не он один из военачальников был таким, к сожалению. Жукову, скажем, многие завидовали. Он в войну отца просил, знаю: «Дай мне порядочного человека, желательно Серова, и я буду уверен, что он на меня напраслину возводить не будет, а в случае чего и прикроет». И генерал Серов до Берлина с Жуковым дошел. И к Герою его Георгий Константинович представил.

И Сталин, и отец считали, что после войны именно Жуков должен стать министром обороны. Если бы не Хрущев, Булганин и другие, так бы и получилось еще при жизни отца. В марте 1953 года, когда Георгия Константиновича назначили первым заместителем министра обороны, помню его разговор с моим отцом, что его обязательно надо сделать министром. Пока, сказал отец, не получилось и надо подождать немного. «Ты, Георгий, — говорил отец, — не переживай. Кроме тебя, в этой должности никого не вижу».

Те разговоры, которые велись в моем присутствии, были всегда на редкость доверительными. Например, Георгий Константинович действительно хотел убрать из армии политработников. По его мнению, они лишь разлагали Вооруженные Силы. Жуков в узком кругу называл их шпиками и не раз говорил у нас дома: «Сколько же можно их терпеть? Или мы не доверяем офицерам?» Отец успокаивал: «Подожди, сразу ломать нельзя. Мы с тобой, поверь, не устоим. Надо ждать».

Не в защиту Сталина, а исключительно ради объективности должен сказать, что хотя он и дал согласие на смещение Георгия Константиновича, инициатива исходила не от него. «Постарались» военные. Виной всему все та же зависть. Наверняка и чье-то самолюбие когда-то задел. Человек он был требовательный, возможно, в какой-то степени и груб бывал. Правда, я его за это осуждать не берусь. Может, порой и время требовало.

На войне не до сантиментов, тут размягчаться нельзя, тем более человек занимал такую ответственную должность.

Причин не знаю, но партийная верхушка его не любила. Хрущев, скажем, Георгия Константиновича люто ненавидел. При Никите Сергеевиче недоброжелатели Жукова в выборе средств и вовсе не стеснялись. В октябре 1957 года Георгия Константиновича освободили от обязанностей министра обороны и вывели из состава ЦК. Пленум ЦК КПСС обвинил маршала в том, что он «нарушал ленинские, партийные принципы руководства Вооруженными Силами, проводил линию на свертывание работы партийных организаций, политорганов и Военных советов, на ликвидацию руководства и контроля над армией и флотом со стороны партии, ее ЦК и правительства». «Правда» опубликовала тогда статью маршала Конева «Сила Советской Армии и Флота — в руководстве партии, в неразрывной связи с народом». В чем только не обвинял Жукова Конев! И в том, что заслуги полководца преувеличены, и в саморекламе, и в недоработках, и в ошибках. Так еще раз пришлось Георгию Константиновичу пережить явную несправедливость. В сорок шестом его ведь точно так же с должности главнокомандующего Сухопутными войсками и заместителя миинистра обороны сняли. Перевели сначала в Одесский военный округ, затем в Уральский. Боялись его. Боялись и ненавидели. По наущению Булганина, обыкновенного аппаратчика, ничего не смыслящего в военных делах и ставшего министром обороны, и в войну, и позднее сколько пасквилей на него написали! Искали любой повод, чтобы ударить побольнее. Отец возмущался. Человек, говорил, такую войну выиграл, а вокруг него интриги плетут.

Знаю, до сих пор бытует мнение, что готовился после войны арест Георгия Константиновича и якобы причастен к этому отец. Иногда называют еще Абакумова. Только, мол, вмешательство Сталина спасло прославленного маршала от гибели. Когда-то Георгий Константинович сказал мне: «Не верь ничему. Ты знаешь, какими друзьями мы были с твоим отцом. Все, что мне приписывают, не имеет ко мне ни малейшего отношения». Отцу приписывают интриги против Жукова, Жукову — арест моего отца... Все это продолжается уже сорок лет. Дописались уже до того, что отец в совершенстве владел приемами джиу-джитсу, и это обстоятельство вызвало серьезные опасения у людей, якобы участвовавших в

аресте отца. Лишь Жуков, пишут, уверенно произнес: «Ничего, справлюсь...» Уж очень хотелось Хрущеву и всей партийной верхушке украсить ложь именем знаменитого полководца...

Сейчас опубликовано немало документов, как Абакумов и его люди искали компромат на Жукова, делали негласные обыски, выбивали показания. Но главное, как говорят, остается «за кадром». Органы безопасности не сами ведь решили скомпрометировать маршала — дирижеры сидели в ЦК. Да и военные, как я говорил, руку приложили.

В моей памяти Георгий Константинович остался близким другом отца и просто замечательным человеком. Жаль, что имя Жукова пытаются использовать сегодня в политических целях.

Говоря о войне, о ее славных полководцах, нельзя обойти тему начала войны в связи с нашумевшей книгой Владимира Резуна, бывшего офицера ГРУ.

Из официальных источников:

Владимир Резун родился в 1947 году в Черкассах. Окончил Киевское высшее общевойсковое командное училище. Был офицером разведуправления штаба военного округа, четыре года работал в женевской резидентуре ГРУ. В 1978 году бежал в Великобританию. Тогда же приговорен за измену Родине к смертной казни.

Автор нескольких книг о Советской Армии и военной разведке. Выступает под псевдонимом Виктор Суворов.

Хотя «Ледокол» — это книга-версия, прочел я ее с интересом. Возможно, бывший разведчик-перебежчик талантливый писатель, судить не берусь, но, насколько известно, ее автор не он, а группа высококвалифицированных консультантов. Рядовой сотрудник резидентуры доступа к такой информации иметь не мог, а тем более иметь возможность делать такие обобщения. Ни в коей мере не хочу его опорочить как литератора. Дело не в нем. Доступ к информации определяется должностью. А откуда такой материал у автора?

Любопытен, впрочем, сам подход к теме. С таким же успехом можно сегодня доказывать, что Рузвельт работал на японцев. И факты при желании подобрать. Известно, например, что Рузвельт имел данные о готовящемся нападении японцев на Перл-Харбор, но американцы тем не менее были застигнуты там врасплох. Почему бы, следуя логике Суворова, не обвинить Рузвельта в измене? А

можно рассматривать это и совершенно иначе — что тоже не доказано — надо было разбудить американское общественное мнение. Америка не очень хотела ввязываться в войну против Германии и Японии...

Но дело, разумеется, ни в авторе, ни в этой книге. И на Западе, и в последнее время у нас путают две вещи: нашу военную доктрину и превентивный удар. Еще нацисты утверждали, будто Гитлер и верховное командование вермахта вынуждены были начать превентивную войну против СССР.

Я знаю от Тимошенко, Тюленева, Мерецкова, Жукова, что уже в конце 1939 года было абсолютно ясно, что немцы нападут на СССР. Не хочу повторяться, но противник был известен задолго до войны.

«Особо важно
Совершенно секретно
Только лично

Народный комиссар обороны Союза ССР
18 сентября 1940 г.
№ 103202/06

ЦК ВКП(б)
тов. Сталину
тов. Молотову

Докладываю на ваше рассмотрение соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940—1941 годы.

1. Наши вероятные противники

Сложившаяся политическая обстановка в Европе создает вероятность вооруженного столкновения на наших западных границах.

Это вооруженное столкновение может ограничиться только западными границами, но не исключена вероятность и атаки со стороны Японии наших дальневосточных границ.

На наших западных границах наиболее вероятным противником будет Германия, что же касается Италии, то возможно ее участие в войне, а вернее, ее выступление на Балканах, создавая нам косвенную угрозу... Таким образом, Советскому Союзу необходимо быть готовым к борьбе на два фронта: на западе — против Германии, поддержанной Италией, Венгрией, Румынией и Финляндией, и на востоке — Японии, как открытого противника или противника, занимающего позицию вооруженного нейтралитета, всегда могущего перейти в открытое столкновение».

Подписали этот документ нарком обороны маршал Тимошенко и начальник Генерального штаба генерал ар-

мии Мерецков. Исполнитель — заместитель начальника оперативного управления генерал-майор Василевский.

Напомню: директива № 21 (план «Барбаросса») была подписана лишь 18 декабря 1940 года, т. е. ровно на три месяца позднее. При желании и это обстоятельство можно трактовать в пользу версии превентивного удара. Но так ли это?

Страна готовилась к предстоящей войне, но первой нападать не собиралась. И дело не в политической честности советской стороны, Сталина, наконец. Сталин очень считался с мировым общественным мнением, и такой директивы — знаю это совершенно точно — не давал. Он считал, что надо любыми способами войну отдалять, но при этом все приготовления к войне продолжать и готовить контрудары в ответ на выступление немцев. Исходил он, знаю, из следующего. Оперативные планы вермахта известны, места сосредоточения группировок войск — тоже. Следовательно, задача ясна: сдержать первый удар и нанести ответный в соответствии с оперативным планом, разработанным нашим Генеральным штабом. Знаю, что предполагалось отрезать всю балтийскую группировку войск, сосредоточенную в районе Кенигсберга, а на юге выйти к нефтяным промыслам Румынии. Для этого и нужны были танковые и десантные корпуса. Вот и ответ на вопрос Суворова (Резуна), зачем понадобилось Сталину десять воздушно-десантных корпусов, если в оборонной войне столько не нужно. И ударные армии готовили с этой целью. И быстроходные танки, предназначенные для автострад, были необходимы. И штурмовики, которые смущают автора.

В предложенной им версии абсолютно все было подчинено целям агрессии. Серьезной критики все эти утверждения явно не выдерживают. Если Советский Союз готовился к агрессии, зачем строил новые укрепления на границе? Вина армейского командования, что сняли вооружение со старых рубежей. Этого, как показала война, делать не следовало. А строить новые рубежи, не собираясь обороняться... Зачем же швырять на ветер колоссальные средства?

Неубедительны и ссылки на реорганизацию в структуре Наркомата внутренних дел. Действительно, было создано несколько Главных управлений НКВД — пограничных войск, охранных, железнодорожных. Здесь, мне кажется, при всем желании трудно усмотреть намек на подготовку к агрессии, но и это, кажется, не смущает

некоторых историков. А ведь война подтвердила, что реорганизация войск НКВД была проведена не зря. Пограничники вступили в бой первыми, и ни одна пограничная часть не отошла. На западной границе эти части сдерживали противника от 8 до 16 часов, на юге — до двух недель. Здесь не только мужество и героизм, но и уровень военной подготовки. И сам собой отпадает вопрос: зачем пограничникам на заставах артиллерия. Гаубиц, как пишут, там не было, а противотанковые орудия заставы имели. На этом перед войной настоял отец, прекрасно понимая, что с винтовкой наперевес на танк не пойдешь. А гаубичные полки были приданы погранотрядам. И это тоже сыграло положительную роль в первых боях. Армейская артиллерия, к сожалению, не сработала

О заградотрядах — и это знаю совершенно точно — речь в тот период не шла. Никто ведь и подумать не мог, что армия побежит, но — побежала. Причины известны. Тогда, в июне сорок первого, несмотря на все наши приготовления к будущей схватке с фашизмом, мы оказались не готовы к войне, которую потом выиграли. И в этом, наверное, главный урок Великой Отечественной.

ГЛАВА 6

ТЕГЕРАН, 43. ТРУДНЫЕ МЕСЯЦЫ

Я уже год учился в академии, когда пришел приказ откомандировать меня в Москву. С чем это связано, я не догадывался. Уезжая из Ленинграда, знал только, что направляюсь в распоряжение Генерального штаба — приказ пришел оттуда.

Не внес особой ясности и разговор, состоявшийся в Москве: «Ты направляешься на спецзадание. Аппаратуру, которую получишь, следует установить в одном месте».

Аппаратура была подслушивающей. Ни о какой конференции речь не шла. Не знал я и о том, что летим в Тегеран. Даже что сели в Баку, узнал только на летном поле.

В Тегеран прилетел все с той же группой офицеров. На аэродроме расстались, и я до сих пор не знаю, кто и с какой целью летел в Иран. Больше мы не виделись.

Встречали нас несколько военных и людей в гражданском. Одного я узнал сразу. Это был специалист из спецлаборатории НКВД, радист. От него стало известно, что мне предстоит заниматься расшифровкой магнитофонных записей.

По дороге с аэродрома никто не говорил о деле, а спрашивать было не принято. Подъехали к какому-то зданию, прошли вовнутрь.

Я не предполагал, что могу встретить здесь, в Иране, отца. Специалисты лишь успели сказать, что аппаратура уже подключена, когда вошел незнакомый офицер:

— Вас вызывают.

Пройдя несколько комнат, я попал к отцу. Не виделись мы давно.

— Видишь, — говорит отец, — где встретились? Тегеран... Тебя уже предупредили, чем будешь заниматься? Иосиф Виссарионович лично потребовал, чтобы тебя и еще кое-кого подключили по его указанию к этой работе. Кстати, как у тебя с английским? Язык не подза-

был? Нет? Это хорошо. Вот мы тебя сейчас и проверим.

Пригласили одного из переводчиков. Перебросились мы приветствиями, пошутили.

— Да нет, — говорит отец. — Нормально поговорите.

Отец послушал нас и сказал:

— Нормально, не забыл.

Когда переводчик вышел, отец заговорил о деле:

— Только имей в виду. Это довольно тяжелая и монотонная работа.

С точки зрения техники вопросов у меня не возникало, а вот кого и с какой целью мы собираемся прослушивать, было любопытно. Но мы и поговорить-то толком не успели, как меня вызвали к Иосифу Виссарионовичу...

Сталин поинтересовался, как идет учеба в академии, и тут же перешел к делу:

— Я специально отобрал тебя и еще ряд людей, которые официально нигде не встречаются с иностранцами, потому что то, что я поручаю вам, это неэтичное дело...

Выдержал паузу и подчеркнул:

— Да, Серго, это неэтичное дело...

Немного подумав, добавил:

— Но я вынужден... Фактически сейчас решается главный вопрос: будут они нам помогать или не будут. Я должен знать все, все нюансы... Я отобрал тебя и других именно для этого. Я выбрал людей, которых знаю, которым верю. Знаю, что вы преданы делу. И вот какая задача стоит лично перед тобой...

Напомню читателю, что летом сорок первого обстановка в сопредельной стране обострилась до предела. Гитлеровцы стремились превратить Иран в плацдарм для нападения на СССР, готовили вблизи границ Советского Союза склады оружия, боеприпасы. Активизировала свою деятельность немецкая агентурная разведка. И тогда, упреждая дальнейшие действия противника, союзники приняли контрмеры. А уже через две недели после ввода союзных войск иранское правительство разорвало отношения со странами Оси.

Здесь, в Тегеране, и решили встретиться поздней осенью сорок третьего руководители стран антигитлеровской коалиции — Председатель Совета Народных Комиссаров СССР И. В. Сталин, президент США Ф. Д. Рузвельт и премьер-министр Великобритании У. Черчилль.

Из воспоминаний Уинстона Черчилля:

«Я был не в восторге от того, как была организована встреча по моем прибытии на самолете в Тегеран. Английский посланник встретил меня на своей машине, и мы отправились с аэродрома в нашу дипломатическую миссию. По пути нашего следования в город на протяжении почти трех миль через каждые 50 ярдов были расставлены персидские конные патрули. Таким образом, каждый злоумышленник мог знать, какая важная особа приезжает и каким путем она проследует. Не было никакой защиты на случай, если бы нашлись два-три решительных человека, вооруженных пистолетами или бомбой.

Американская служба безопасности более умно обеспечила защиту президента. Президентская машина проследовала в сопровождении усиленного эскорта бронемашин. В то же время самолет президента приземлился в неизвестном месте, и президент отправился без всякой охраны в американскую миссию по улицам и переулкам, где его никто не ждал.

Здание английской миссии и окружающие его сады почти примыкают к советскому посольству, и поскольку англо-индийская бригада, которой было поручено нас охранять, поддерживала прямую связь с еще более многочисленными русскими войсками, окружавшими их владение, то вскоре они объединились, и мы, таким образом, оказались в изолированном районе, в котором соблюдались все меры предосторожности военного времени. Американская миссия охранялась американскими войсками, находилась более чем в полумиле, а это означало, что в течение всего периода конференции либо президенту, либо Сталину и мне пришлось бы дважды или трижды в день ездить туда и обратно по узким улицам Тегерана. К тому же Молотов, прибывший в Тегеран за 24 часа до нашего приезда, выступил с рассказом о том, что советская разведка раскрыла заговор, имевший место убийство одного или более членов «Большой тройки», как нас называли, и поэтому мысль о том, что кто-то из нас должен постоянно разъезжать туда и обратно, вызывала у него глубокую тревогу. «Если что-нибудь подобное случится, – сказал он, – это может создать самое неблагоприятное впечатление». Этого нельзя было отрицать. Я всячески поддерживал просьбу Молотова к президенту переехать в здание советского посольства, которое было в три или четыре раза больше, чем остальные, и занимало большую территорию, окруженную теперь советскими войсками и полицией. Мы уговорили Рузвельта принять этот разумный совет, и на следующий день он со всем своим штатом, включая и превосходных филиппинских поваров с его яхты, переехал в русское владение, где ему было отведено обширное и удобное помещение...».

Сталин вызывал нас по одному. Я не знаю, кто из них был армейским офицером, как я, кто служил в разведке или Наркомате иностранных дел. Правило ни о чем никогда не расспрашивать друг друга соблюдалось неукоснительно. Я это хорошо усвоил еще в реальной разведке. И это правильно, конечно.

Помню только, что все эти люди были старше меня. И ни один, как говорил Сталин, официально не общался с членами делегаций США и Великобритании и вообще с кем-либо из иностранцев, приехавших на конференцию в Тегеран.

Вероятно, Иосиф Виссарионович такую же задачу поставил и перед моими новыми товарищами. А речь шла вот о чем. Все разговоры Рузвельта и Черчилля должны были прослушиваться, расшифровываться и ежедневно докладываться лично Сталину. Где именно стоят микрофоны, Иосиф Виссарионович мне не сказал. Позднее я узнал, что разговоры прослушиваются в шести-семи комнатах советского посольства, где остановился президент Рузвельт. Все разговоры с Черчиллем происходили у него именно там. Говорили они между собой обычно перед началом встреч или по их окончании. Какие-то разговоры, естественно, шли между членами делегаций и в часы отдыха.

Что касается технологии — обычная запись, только магнитофоны в то время были, конечно, побольше. Все разговоры записываются, обрабатываются. Но конечно же Сталин не читал никогда да и не собирался читать весь этот ворох бумаг. Учтите ведь, что у Рузвельта, скажем, была колоссальная свита. Представляете, сколько было бы часов записи? Конечно, нас интересовал в первую очередь Рузвельт. Необходимо было определить и его, и Черчилля по тембру голоса, обращению. А микрофоны, как я уже говорил, находились в разных помещениях.

Какие-то вопросы, вполне понятно, обсуждали и представители военных штабов. Словом, выбрать из всей этой многоголосицы именно то, что нужно Сталину, было, разумеется, не так просто. Диалоги Рузвельта и Черчилля, начальников штабов обрабатывались в первую очередь. По утрам, до начала заседаний, я шел к Сталину.

Основной текст, который я ему докладывал, был небольшим по объему, всего несколько страничек. Это было именно то, что его интересовало. Сами материалы

были переведены на русский, но Сталин заставлял нас всегда иметь под рукой и английский текст.

В течение часа-полутора ежедневно он работал только с нами. Это была своеобразная подготовка к очередной встрече с Рузвельтом и Черчиллем.

Он вообще очень тщательно готовился к любому разговору. У него была справка по любому обсуждаемому вопросу и владел предметом разговора досконально. Вспоминаю, как он читал русский текст и то и дело спрашивал:

— Убежденно сказал или сомневается? Как думаешь? А здесь? Как чувствуешь? Пойдет на уступки? А на этом будет настаивать?

Без английского текста, собственных пометок, конечно, на все эти вопросы при всем желании не ответишь. Поэтому работали серьезно. Учитывали и тот же тембр голоса, и интонацию.

Разумеется, такое участие в работе конференции было негласным. Видимо, о том, чем мы занимаемся в Тегеране, кроме Сталина, мало кто знал. Мы практически ни с кем не общались. Днем и вечером ведем прослушивание, обрабатываем материалы, утром — к Сталину. И так все дни работы конференции. Думаю, работой нашей Иосиф Виссарионович был удовлетворен, потому что каких-либо нареканий не было. А когда конференция закончилась, нас так же тихо вывезли, как и привезли. Меня отправили в Москву, а оттуда я уехал в Ленинград продолжать учебу в академии.

Как ни странно, но о том, что член Государственного Комитета Обороны Берия тоже выезжал во время войны в Иран, нигде ни строчки, хотя о самой конференции написано немало и у нас, и в особенности на Западе... Причины все те же... Ибо даже о том, что он был членом ГКО, сегодня никто не знает. Что уж говорить о Тегеранской конференции. Хотя он вместе со Сталиным выезжал и в Потсдам, до этого участвовал в международной конференции в Ялте.

В свое время те, кто писал о Тегеранской или других конференциях, просто не могли назвать даже имя Берия. Помните, мы говорили о поездке отца на Северный Кавказ. Очень правдиво написал о ситуации, сложившейся там, генерал Штеменко. Написал все, кроме того, что непосредственно на месте организацией отпора врагу занимался мой отец.

Из официальных источников:

Сергей Штеменко. Генерал армии (1968 г.). В Советской Армии с 1926 года. Окончил Военную академию механизации и моторизации РККА, Военную академию Генерального штаба. С 1940 года в Генштабе; старший помощник начальника отдела, заместитель начальника, начальник управления, заместитель начальника управления. С мая 1943 года — начальник Оперативного управления Генерального штаба. Участвовал в планировании операций по разгрому вооруженных сил Германии и Японии. В послевоенные годы — начальник Главного управления, заместитель начальника, начальник Генерального штаба, заместитель министра Вооруженных Сил СССР, первый заместитель начальника Генштаба — начальник штаба Объединенных Вооруженных Сил государств — участников Варшавского договора.

Скончался в 1976 году в возрасте 69 лет.

Как вспоминал много лет спустя генерал армии Сергей Матвеевич Штеменко, в то время начальник Оперативного управления Генерального штаба, накануне Тегеранской конференции не было высокое начальство до конца откровенным и с ним: «Возьмите карты всех фронтов и прихватите шифровальщика. Куда и когда поедете, узнаете позднее».

Ехали, рассказывал Штеменко, по Можайскому шоссе, где-то за Кунцевом у военной платформы их ждал поезд. Сопровождающий провел генерала в вагон и коротко бросил: «Поедете здесь».

Литерный шел на Сталинград, затем проехали Кизляр, Махачкалу. О станции назначения Сергей Матвеевич не имел ни малейшего представления. Лишь однажды, пригласив Штеменко после очередного доклада о положении на фронтах пообедать, Сталин заговорил со своими спутниками о какой-то конференции, в которой должны были участвовать Рузвельт и Черчилль. Обедали часа полтора, и все это время разговор шел лишь о предстоящей встрече.

Периодически поезд останавливался, и тогда, вспоминал Штеменко, подключались к линии высокочастотной связи — Верховный требовал последние сводки с фронтов. Начальник Оперативного управления наносил обстановку на карты и докладывал Сталину о действиях 2-го и 3-го Украинских фронтов, 1-го и 2-го Прибалтийских. Именно в те дни тревожная ситуация сложилась на 1-м Украинском фронте. Овладев Киевом, Коростенем, наши войска с трудом сдерживали контрнаступление немцев в районах Житомира и Фастова. Противник накануне за-

хватил Житомир. Здесь же, в поезде, Штеменко доложил Верховному об окружении Коростеня, где героически сражалась 226-я стрелковая дивизия 60-й армии, о тяжелых наступательных боях на кировоградском, криворожском направлениях.

Там, на фронтах, где давно ждали открытия второго фронта, никто конечно же не знал о предстоящей встрече «Большой тройки», как и о том, что именно она приблизит Победу.

По словам генерала Штеменко, в Баку прибыли вечером. Вместе со Сталиным ехали Молотов, Ворошилов. О Берия, разумеется, ни слова...

Утром на летном поле стояло несколько самолетов Си-47. У одного из них прогуливались командующий ВВС, будущий Главный маршал авиации и дважды Герой Советского Союза Александр Александрович Новиков, он же заместитель наркома обороны по авиации, и командующий авиацией дальнего действия, тоже будущий Главный маршал авиации, Александр Евгениевич Голованов. У другого самолета генерал Штеменко увидел знакомого летчика В. Г. Грачева. Когда в восемь утра на аэродром приехал Сталин, Новиков доложил, что к полету готовы два самолета. Первый поведет генерал-полковник Голованов, второй — полковник Грачев. Верховному предложили лететь с Головановым. Сталин усмехнулся:

— Генерал-полковники самолеты водят редко, полетим с полковником...

Вспоминая об этом случае, генерал армии Штеменко упустил одну деталь — полковник В. Г. Грачев пилотировал самолет члена ГКО Лаврентия Павловича Берия...

Вместе они и прибыли в Тегеран — Сталин, Молотов, Ворошилов и мой отец. Этим же самолетом полетел и генерал Штеменко, доложив в воздухе руководителям страны обстановку, сложившуюся на фронтах за минувшие сутки. В самолете, который вел генерал-полковник Голованов, летели ответственные сотрудники Наркомата иностранных дел и охрана. Вслед за этими машинами курс на Тегеран взяли еще несколько самолетов.

В воздухе, вспоминал генерал Штеменко, речь шла об Украине. Сергей Матвеевич доложил Сталину, Молотову, Берия и Ворошилову, что противник рвется к Киеву, вот-вот наши части могут оставить Коростень.

После трехчасового полета полковник Грачев повел самолет на посадку. На аэродроме членов правительства

уже ждал автомобиль. Первой на большой скорости в город ушла машина, в которой ехали Сталин, Молотов, отец и Ворошилов, за ней — машины с охраной.

Тогда, осенью сорок третьего, я побывал в Иране не впервые... Я уже рассказывал, что в сорок первом попал в спецшколу. Переброска нашей группы в Германию сорвалась. В составе этой же разведгруппы нас отправили в район Баку. Точнее, мы находились километрах в 30—40 от города. Не знаю, почему именно туда. С нами этот вопрос не обсуждался. Задачу, сказали, поставят на месте. Там, в разведцентре южного направления, дали нам новые исходные позывные и вместе с двумя группами диверсантов самолетами перебросили в иранский Курдистан. Две другие группы состояли из оперативников, которые подрывами могли заниматься, нарушением коммуникаций. А наша группа выступала в роли боевого сопровождения.

Базировались мы в горах иранского Курдистана. Надо сказать, что и в Иране, и в Турции разведсеть у нас была приличной. Линия связи проходила через курдские племена в Турцию, затем в Болгарию, а из Болгарии уже официально, с документами, наших разведчиков переправляли непосредственно в Германию. Часть людей просочилась в Германию уже не на парашютах. Я уже после войны узнал, что двое немцев, с которыми я должен был десантироваться в Северной Германии, так и добрались до цели. Один попал на заводы Мессершмитта, занимался реактивной авиацией. Впоследствии, кстати, американцы вместе с другими немецкими специалистами вывезли его к себе... А второй разведчик попал в группу фон Брауна, в ракетный центр «Пенемюнде».

Я был радистом, поддерживал связь с Центром, но информацию передавал не в Москву, а в Кавказскую группу связи.

К сожалению, из группы, которая ушла через Турцию, меня исключили, хотя страшно рвался. Объяснили мне так: есть радист, немец, который уже находится на месте. А я остался еще на четыре месяца в Иране. Тогда же наша группа выявила некоторые немецкие резидентуры. Впоследствии их разработкой занимались уже другие люди. А нас отправили в Баку, потом на месяц в Тбилиси, на отдых. И в это время, и позднее в Иране работали другие группы.

Летом сорок второго я попал на Северо-Кавказский фронт, а позднее осенью был направлен в академию.

О том, что происходило накануне Тегеранской конференции, я узнал, когда вновь оказался в Иране.

Конечно же то, что Рузвельт остановился в советском посольстве, нам здорово помогло. Но то, что ему, как и Черчиллю, Сталину, угрожала опасность, не выдумки. Накануне конференции в Иране действительно были арестованы немецкие агенты. И их самих, и все материалы Сталин представил Черчиллю и Рузвельту. У тех была возможность убедиться, что советская разведка действительно разоблачила крупный заговор. Целью немцев был захват «Большой тройки» или уничтожение руководителей трех союзных держав.

Рузвельт согласился переехать в целях безопасности в советское посольство, Черчилль отказался. Но английская сторона согласилась на увеличение охраны с нашей стороны. Все эти меры предосторожности конечно же не были в той обстановке лишними.

Покушения не допустили благодаря нашей разведке. А уж какая именно разведка отличилась — стратегическая, военная, НКВД, думаю, не суть важно...

Из воспоминаний командира особого разведывательного партизанского отряда «Победители», действовавшего в 1942—1944 годах на территории Ровенской и Львовской областей, Героя Советского Союза полковника Дмитрия Николаевича Медведева:

«Зиберт и фон Ортель встретились в казино на «немецкой» улице. И тогда фон Ортель сказал ему наконец, куда он собирается направить свои стопы. Он едет на самый решающий участок фронта.

— Где же тогда этот твой «решающий» участок?

— В Тегеране, — с улыбкой сказал фон Ортель.

— В Тегеране? Но ведь это же Иран, нейтральное государство!

— Так вот именно здесь и соберется в ноябре «Большая тройка» — Сталин, Рузвельт и Черчилль... — И фон Ортель рассказал, что он ездил недавно в Берлин, был принят генералом Мюллером и получил весьма заманчивое предложение, о смысле которого Зиберт, вероятно, догадывается. Впрочем, он может сказать ему прямо: предполагается ликвидация «Большой тройки». Готовятся специальные люди. Если Зиберт изъявит желание, он, фон Ортель, походатайствует за него. Школа — в Копенгагене. Специально готовятся террористы для Тегерана. Разумеется, об этом не следует болтать.

...В этот день на очередной политинформации Стехов прочитал партизанам сообщение о провале гитлеровского заговора в Тегеране. Разумеется, имя Кузнецова не было при этом упомянуто... Не могло быть сомнения, что гитлеровские агенты, о которых шла речь в те-

леграмме, в том числе, конечно, и фон Ортель, занимавший среди них не последнее место, вовремя найдены и обезврежены.

— Поздравляю вас, Николай Иванович!

— Ну, я-то, может, здесь и ни при чем, — ответил Кузнецов.

— Тут ведь, надо думать, десятки людей потрудились...»

Все было именно так. Советская разведка не только сорвала заговор — а на него немцы делали серьезную ставку, но и в полной мере использовала пребывание американского президента в советском посольстве.

Не без любопытства прочли мы в нашумевшей на Западе книге Кристофера Эндрю и бывшего полковника КГБ Олега Гордиевского, осевшего в Великобритании, упоминание о той операции сорокалетней давности:

«Успешно оборудовав самыми современными подслушивающими устройствами американское посольство в Москве, НКГБ разработало простой, но столь же эффективный способ подслушивания Рузвельта и его сотрудников в Тегеране. Молотов уверял, что имеет информацию о готовящемся немецком заговоре, и заявил, что американская резиденция, расположенная в миле от соседствующих советской и английской, недостаточно безопасна. Черчилль предложил Рузвельту жить в английском посольстве. Президент, не желая давать русским повода для подозрений в англо-американском заговоре, отказался и легкомысленно принял настойчивое предложение Сталина остановиться на территории советского посольства. Руководитель военного отдела секретариата совета кабинета министров генерал Исмей писал в своих мемуарах: «Мне хотелось узнать, были ли микрофоны установлены заранее в отведенном помещении».

«Нет, конечно, никаких сомнений, что микрофоны там установили, — делают предположение авторы мирового бестселлера. — Американская делегация на первой встрече в верхах жила на советской территории, обслуживалась сотрудниками НКВД, все ее разговоры немедленно становились известны русским. Так что, можно сказать, американцы на этой встрече осуществляли нечто подобное открытой дипломатии». Трудно не согласиться, когда слышишь утверждение, что на первой встрече «Большой тройки» в Тегеране Сталин получал значительно больше разведывательной информации, чем Черчилль и Рузвельт.

Нравственно ли было так поступать с союзниками? Сталин ведь сам ответил на этот вопрос: «Это неэтичное дело...» Но, как он сказал, другого выхода у него нет. А были у Сталина основания подозревать союзников в не-

искренности? Более чем достаточно. Вспомните предвоенные годы хотя бы... Например, Черчилль. Известно ведь, что в свое время он примыкал к группе консерваторов, ставящей своей целью уничтожение Советского государства. Да он и сам никогда не скрывал своих взглядов. Лишь после того, как немцы напали на Советский Союз, он счел возможным лишь на короткий период объединиться с нами. Но и тогда он исходил опять же из интересов Британской империи.

Почему Сталин должен был ему верить? Даже после того, как англичане заявили о поддержке Советского Союза в этой войне, полтора года союзники ничего не делали. Вмешались, когда поняли, что согнуть нас нельзя, да и то под влиянием американцев, насколько знаю, это произошло.

А как они вели себя на международных конференциях? Особенно показательна Тегеранская. И Черчилль, и Рузвельт пытались информировать Сталина вразрез друг другу. Черчилль заявил, что он очень симпатизирует Америке и наполовину американец, но полностью согласиться с позицией президента не может. Рузвельт, в свою очередь, говорил, что не имеет ничего против британцев, но не намерен отстаивать интересы Британской империи. Соответствующим образом, к слову, вели себя и разведслужбы.

Тут, видимо, следует вспомнить об операции «Дальний прыжок», которая, как утверждают некоторые источники, была поручена Гитлером своему любимцу штурмбанфюреру СС Отто Скорцени. Эта информация, насколько я знаю, не подтвердилась. А вот то, что он действительно руководил всей иранской агентурой немецкой разведки, это точно. Бывал Скорцени в Иране наездами, а в основном находился в Германии.

Наши полевые агенты, когда я находился в Иране, часть групп, которые работали на Скорцени, нащупали и даже внедрились туда. По всей вероятности, некоторые группы и англичане нам передали. Не официально, а через нашу разведку. Поэтому довольно полная картина гитлеровской агентурной сети к началу Тегеранской конференции была известна.

А вообще эта конференция должна была состояться не в Тегеране. И англичане, и американцы предлагали провести ее в Касабланке. Но Сталин на это согласия не дал. Он сказал, что это слишком далеко от Советского Союза и так как он является Верховным Главноко-

мандующим, то отлучаться на такие большие расстояния не может. Неизбежно возникнут проблемы связи с фронтами и тому подобное. Англичане и американцы вынуждены были согласиться.

О том, что немцы готовят покушение, Сталин отлично знал еще до приезда в Тегеран. А вот что ждет делегации союзников в Касабланке, сказать было трудно. Какие-то сведения, безусловно, у нашей разведки были, но разработаны они были меньше, чем в Иране. Дело здесь вот в чем. Когда все это организовывалось, Северная Африка в сферу интересов нашего государства не входила. А Иран входил. Этим и объясняется активность нашей разведки в сопредельной стране.

Когда впервые стал вопрос о Касабланке, как месте проведения конференции на высшем уровне, Алжир тут же заинтересовал и нашу разведку, и Генеральный штаб. Прежде всего необходимо было развернуть узел связи. Тогда я и попал в Северную Африку. Летели из Ирана на английском самолете — наши туда не летали. Возвращались тоже с английским экипажем. Очень сдержанные люди. А вот американцы больше на нас похожи.

Пробыли мы в Касабланке дней пять или шесть, но поступила команда «Отбой!», пришлось возвращаться. Запомнились дома с внутренними двориками и очень высокими заборами.

Возвращались точно так же, не привлекая внимания. Все эти вещи, понятно, держались в секрете. Тегеран был позднее...

ВЗГЛЯД С ВОСТОКА

Из «Истории Великой Отечественной войны»: «Основными на Тегеранской конференции были военные вопросы, в особенности — о втором фронте в Европе, срок открытия которого США и Великобритания переносили в 1942 и 1943 годах. Советский Союз продолжал нести основную тяжесть борьбы с фашистским блоком в Европе. В новой обстановке, сложившейся в результате выдающихся побед Советской Армии (Сталинградская битва, Курская битва, битва за Днепр), англо-американские союзники стали опасаться, что Советские Вооруженные Силы освободят Западную Европу без участия вооруженных сил США и Великобритании... Советская делегация отмечала, что наиболее

эффективным было бы нанесение удара по врагу в Северной или Северо-Западной Франции с одновременной высадкой десанта на юге Франции. В результате дискуссии 30 ноября 1943 года союзники объявили, что операция «Оверлорд» намечается на май 1944 года и будет проведена при поддержке десанта в Южной Франции. Советская делегация в свою очередь заявила, что советские войска предпримут наступление примерно в это же время с целью предотвратить переброску германских сил с Восточного на Западный фронт. Участники конференции пришли к соглашению о необходимости принять меры для вовлечения Турции в войну на стороне антигитлеровской коалиции и об оказании помощи югославским партизанам... Тегеранская конференция способствовала укреплению антигитлеровской коалиции и подтвердила возможность сотрудничества государств с различным общественным строем в решении международных проблем во имя высших общечеловеческих интересов».

ВЗГЛЯД С ЗАПАДА

Николя Верт, известный французский историк, научный сотрудник Национального Центра Научных исследований Франции в Париже, доктор исторических наук, сын знаменитого Александра Верта, автора книги «Россия в войне 1941—1945 гг.»:

«На проходившей с 28 ноября по 1 декабря 1943 года Тегеранской конференции Черчилль, Рузвельт и Сталин, который согласился наконец выехать на несколько дней за пределы СССР, впервые собрались вместе. Уже на этой встрече, за пятнадцать месяцев до более известной Ялтинской конференции, началось определение будущего послевоенной Европы. Ловко играя на чувстве вины западных союзников по поводу открытия давно обещанного и постоянно откладываемого настоящего второго фронта и на разногласиях между США и Великобританией, Сталин добился нужных ему решений по ключевым вопросам:

— обещания англо-американской высадки во Франции не позднее мая 1944 года;

— переноса границ Польши на запад до Одера и, следовательно, признания, пусть для начала неофициального, западными союзниками «линии Кер-

зона» в качестве будущей восточной границы Польши;

— признания советских притязаний на Кенигсберг, никогда в истории не принадлежавший России;

— признания аннексии прибалтийских государств, как акта, произведенного «согласно воле их населения».

В обмен на эти уступки СССР согласился объявить войну Японии не позднее чем через три месяца после окончания войны в Европе. После этого дипломатического успеха Советский Союз, вооруженные силы которого отныне превосходили вермахт во всех отношениях, начал в январе 1944 года новое наступление...»

Даже сегодня, спустя четыре десятилетия после той памятной встречи «Большой тройки», трудно переоценить всю значимость Тегерана для нашей общей Победы. И если согласиться с тем, что Сталин тогда, поздней осенью сорок третьего, переиграл союзников, вспомним добрым словом и тех, кто ему в этом помогал. Как бы мы ни относились к кремлевскому диктатору, в данном случае речь не о нем. В любом случае тогда, в сорок третьем, выиграл советский солдат, ждавший открытия второго фронта еще с жаркого лета сорок первого...

ГЛАВА 7

ЯЛТА, 45

Ялтинская конференция (иногда ее еще называют Крымской) проходила с 4 по 11 февраля 1945 года. Незадолго до этого, выручая союзников, столкнувшихся с неожиданным немецким контрнаступлением в Арденнах, Красная Армия вновь перешла в наступление и уже в начале февраля заняла Силезию. Всего месяц оставался до форсирования Одера, два месяца — до штурма берлинского укрепрайона. Исход войны был ясен и нам, и немцам, и нашим союзникам.

Судя по всему, в спецгруппу по обслуживанию второй встречи руководителей трех великих держав антигитлеровской коалиции — СССР, США и Великобритании — я попал, так сказать, по инерции. Накануне встречи «Большой тройки» в Москве подняли документы, связанные с организацией специальных разведмероприятий на Тегеранской конференции, и решили использовать наш опыт. Так я оказался тогда в Крыму.

Вызов в академию поступил столь же неожиданно, как и в прошлый раз. В распоряжении высокого начальства ни о какой предстоящей встрече «Большой тройки» речь, естественно, не шла. Велено было прибыть в Генеральный штаб. Уже в Москве узнал, что предстоит лететь в Крым. Была и еще одна новость. К этому времени в наших спецлабораториях была разработана более совершенная аппаратура, с которой нам теперь предстояло иметь дело.

Как и в Тегеране, в Ялте оборудовали подслушивающей аппаратурой все помещения, которые занимали участники конференции, но этим дело не ограничилось. Новая аппаратура позволяла нам вести постоянную запись разговоров не только в зданиях, выделенных для американской и английской делегаций, но и, скажем, в парке с помощью направленных микрофонов. Если интересующий нас объект находился на расстоянии до 50—100 метров, проблем здесь не возникало.

Приехали мы в Ялту еще до начала встречи в вер-

хах и сразу же успели оценить и более масштабную организацию конференции, и техническое оснащение. Имею в виду, конечно, специфическую сторону обслуживания этого мероприятия... Людей здесь было побольше, и нагрузка на каждого из нас была гораздо ниже «тегеранской». Я, скажем, имел отношение только к американскому президенту. Черчиллем и остальными занимались другие специалисты.

Была еще одна особенность. В Тегеране мне приходилось докладывать лично Сталину. Здесь этого не было — вся полученная информация шла через службы Генерального штаба. Сталин, как я понял, эти материалы даже не смотрел. Словом, говоря откровенно, все это и отдаленно не напоминало Тегеран, где нам удавалось отдыхать в лучшем случае четыре-пять часов. Не было и того нервного напряжения, которое не оставляло нас все дни пребывания в Иране. Ежедневно докладывать Верховному Главнокомандующему, готовить изо дня в день материалы для него, это, признаюсь, накладывало определенную нервозность. Каждая встреча с ним проходила, что лукавить, не без нервного напряжения. И дело тут не в боязни младшего офицера перед маршалом и главой государства, а в желании сделать все так, как надо. Мы ведь прекрасно понимали, насколько серьезно то, чем нам поручили заниматься. Когда я впоследствии читал чьи-то воспоминания о Тегеранской конференции, не раз ловил себя на том, что на многие вещи просто не обращал внимания. Интенсивность работы, нервное, физическое напряжение на нет сводили все внешние впечатления. И только там, в Тегеране, а позднее в Ялте я узнал, что есть внешняя сторона таких встреч и есть черновая работа, которая остается «за кадром». В отличие от дипломатов, не говоря уже о самих участниках встречи, мы оставались в тени.

ВЗГЛЯД С ЗАПАДА

Из книги Кристофера Эндрю и Олега Гордиевского «КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева», вышедшей в Великобритании в 1990 году:

«Состоявшаяся в феврале 1945 года в Ялте на Черном море следующая конференция «Большой тройки» (последняя, на которой присутствовал скончавшийся в апреле Рузвельт) стала очередным триумфом СССР. У Сталина снова были все воен-

ные козыри. Красная Армия почти контролировала Польшу, Чехословакию и Прибалтику, а также значительную часть Германии, а западным союзникам, несмотря на победу «Оверлорд», еще предстояло форсировать Рейн. Столь же значительным было преимущество Сталина и в разведданных. НКВД имел двух надежных агентов в министерстве иностранных дел Великобритании — Дональда Маклина в посольстве в Вашингтоне, имевшего возможность сообщать об англо-американских переговорах до конференции, и Гая Берджесса, который в 1944 году перешел из Би-би-си в Управление информации министерства иностранных дел. Основной источник НКГБ в Государственном департаменте Элджер Хисс вошел в состав ялтинской делегации. Будучи с конца 1944 года заместителем директора отдела специальных политических акций, он непосредственно занимался подготовкой конференции... Американцев поместили в бывший царский Летний дворец в Ливадии, а англичан — в двадцати минутах езды в Воронцовском дворце. В обеих резиденциях была установлена система подслушивания. Американцы, похоже, вообще не принимали никаких мер предосторожности...»

Не правда ли, очень похоже на то, что уже приходилось читать ранее? Помните? «Так что можно сказать, что американцы на этой встрече осуществляли нечто подобное открытой дипломатии». Тогда речь шла о Тегеранской конференции, теперь — о Ялте. Но неужели американцы были столь наивны?

Конечно же союзники — и американцы, и англичане — и в Тегеране, и в Ялте принимали соответствующие меры предосторожности. Была у них, в частности, система поиска встроенных микрофонов, но старого типа. Наши подслушивающие системы, более совершенные на то время, на них просто не реагировали. Достаточно сказать, что ни в Тегеране, ни в Ялте ни одного случая вскрытия наших устройств не было. Но, конечно, в наивности наших союзников я бы не мог упрекнуть. Все помещения тщательно проверялись и американцами, и англичанами, прекрасно знали они от своих спецслужб, что нежелательно вести в них какие-то непредназначенные для чужих ушей разговоры, но, как показывает практика, такие рекомендации всегда остаются рекомен-

дациями, и не больше. Как бы ни следили за своей речью члены иностранных делегаций, что-то помимо их воли проскальзывало так или иначе. Так было и тогда, когда они оставались в своих помещениях, и на прогулках.

Точно так же предпринимались все меры предосторожности советской стороной. Речь, вполне понятно, не только о Тегеране и Ялте. То, что иностранцы привозят с собой подслушивающие устройства и системы поиска, секретом никогда не было. После каждого совещания в помещениях, где побывали гости, шел тщательный осмотр. Искали тех самых «клопов», о которых так много писали в последние годы. К слову, и тогда мы их так называли.

Наши системы поиска позволяли бороться с ними довольно эффективно и находили таких «клопов» немало. Но никогда официально об этом не заявляли. Как правило, точно так же поступали и союзники. Считалось: установили — молодцы, а мы нашли. Правда, однажды — это было в Куйбышеве — англичане устроили нам большой скандал. То ли неаккуратно сработали, то ли старые системы поставили, но в английском посольстве их обнаружили. Это было единственное представление, сделанное по такому пикантному поводу.

Здесь надо сделать одно уточнение: речь идет о совершенно определенном временном отрезке. С середины пятидесятых годов, насколько известно, таких «проколов» хватало. Через несколько лет после строительства здания посольства США в Москве, уже в шестидесятые, американские спецслужбы обнаружили там несколько десятков подслушивающих устройств. Настоящий скандал разразился в скоротечный и бесславный период руководства КГБ СССР Вадимом Бакатиным. Именно он передал Роберту Страуссу полную схему подслушивающих устройств в здании американского посольства. Воздержусь от комментариев. Напомню только, что, как выяснилось впоследствии, на столь экстравагантный шаг бывшего секретаря провинциального обкома КПСС толкнуло соответствующее «политическое решение» советского руководства. В самих органах государственной безопасности, впрочем как и во всех спецслужбах мира, включая знаменитое ЦРУ, это вызвало состояние шока. По некоторым данным, советские спецслужбы «слушали» американцев с начала тридцатых, точно так же поступали, когда им это удавалось, наши союзники, и никого никогда это не

удивляло. Речь-то, что скрывать, идет об общепринятой практике.

С моей точки зрения, поступок Бакатина — это прямое предательство. Что это, как не выдача государственной тайны? Возможно, Бакатин не сам пошел на преднамеренное предательство, допускаю, что не он был инициатором, а, напротив, получил соответствующую команду от Горбачева или кого-то еще. Мне это, откровенно скажу, неинтересно. К самому же поступку отношение совершенно однозначное. Разведка живет по своим правилам. Разумеется, отбрасываем политические убийства. Информация — и это не секрет — нужна. Как ее добывать? Мировое сообщество пока еще считает допустимым получение информации любыми способами. Лично я не берусь давать этическую оценку действиям спецслужб, но, думаю, подслушивание и тогда, в войну, и сегодня в разведке вполне допустимо.

Уровень соответствующих разработок — а это были отечественные системы — всегда был чрезвычайно высок. Технически обнаружить их было невозможно. Что уж говорить о современных системах подслушивания... Но даже тогда в распоряжении советской разведки были не просто микрофонные системы с кабельным подводом электричества, а поистине уникальные устройства. Например, Аверелл Гарриман, посол Соединенных Штатов в СССР в 1943 — 1946 годах, получил в свое время одну из таких систем... в подарок. Это был преподнесенный советской стороной бюст Авраама Линкольна, шестнадцатого президента США. Вмонтированная в подарок система элементов питания не имела, а работала на подсветке снаружи. За счет наружной энергии и шла ретрансляция.

Разумеется, подслушивающие устройства были установлены не только в американском, но и во всех остальных посольствах. Как-то я на несколько дней приехал из академии в Москву и зашел в спецрадиолабораторию НКВД. Накануне товарищ пригласил меня посмотреть новые разработки. В этом же здании находились обрабатывающие центры, куда поступала перехваченная информация из посольств, находящихся в Москве.

— Сейчас я тебе, Серго, очень интересную вещь покажу, — заинтриговал меня товарищ. — Думаю, тебе будет любопытно.

Это была запись конфиденциального разговора премьер-министра Черчилля с Кадоганом, постоянным заме-

стителем министра иностранных дел. Я был потрясен. Не самим фактом записи, разумеется. О том, что иностранные посольства в Москве прослушиваются, я давно знал. Поразило совершенно другое: Кадоган последними словами ругал... премьер-министра Великобритании. Я неплохо знал английский, но крепкие выражения, которые допускал заместитель министра, явно выходили за рамки всех существующих учебников. Как выяснилось, Черчилль не имел права обсуждать какие-то вещи без санкции кабинета и согласования с ним, Кадоганом.

Возвращаясь домой, невольно подумал: странные взаимоотношения. Попробовал бы кто-нибудь из заместителей наркомов, да что там заместителей — самих членов правительства, членов Политбюро ЦК говорить в таком тоне со Сталиным...

Дома рассказал о том, что слышал, отцу. Он был очень недоволен:

— А какое право имели тебя к таким вещам допускать?

Мне не оставалось ничего другого, как попросить отца, чтобы он не вмешивался и все осталось между нами. Но об услышанном мною мы тогда поговорили.

— Да, там совершенно иные взаимоотношения между членами правительства, — объяснил мне отец. — Любой из них имеет право отстаивать свою точку зрения, оспаривать мнение премьера.

И я вновь сопоставил: у нас ведь, за редким исключением, члены руководства на задних лапках бегали...

Вышло так, что с Кадоганом я познакомился. Помню, он поинтересовался, откуда я знаю английский. Наверное, сказал, вы готовите себя к определенной карьере? Нет, отвечаю, я знаю и английский, и немецкий, при необходимости и еще выучу, но готовлю себя только к технической карьере.

Мне показалось, что он не поверил:

— Мы готовим людей с колледжа... Вы изучаете языки и стремитесь к совершенно другой карьере? Так не бывает...

Но я действительно никогда не мечтал ни о чем другом, кроме техники.

Ни в Ялте, ни еще раньше, в Тегеране, мы в силу вполне понятных причин с иностранцами не общались. Уже позднее совершенно случайно я встретился на одной из южных государственных дач с Гарриманом и Гарри Гопкинсом. Последний во время второй мировой войны

был советником и специальным помощником президента Рузвельта. Оба приезжали к Сталину, но я об этом не знал и отправился на ту дачу в твердой уверенности, что там никого нет. Так и познакомились.

Разговор вышел довольно любопытный. Оказалось, что Гарриман еще до советизации Грузии имел там марганцевые рудники, работал у нас и позднее.

— А я твою маму помню совсем молодой, — рассказывал. — Она в банке работала, верно? Тогда у вас какая-то благотворительная кампания проходила и я пожертвовал голодающим даже больше, чем мне предложили. Твоя мама была такая красивая. Мне сказали, что она жена чекиста.

— Решили таким образом воздействовать на чекистов? — пошутил я.

— Да нет, она действительно была очень красивая, и я не устоял перед просьбой помочь голодающим.

Такой же случайной была одна из встреч моего отца в дни Тегеранской конференции. Виделись мы с ним, как и в Ялте, довольно редко. У каждого было много работы, но мнениями обменяться успевали. Как-то рассказывает, что познакомился с очень интересным парнем из американской разведки. Года 22 ему, грузин. Очень симпатичный, грамотный человек. Любит Грузию. Этого для отца было вполне достаточно, и общую тему они нашли быстро. Отец, признавался, был удивлен, что этот молодой человек очень хорошо знает историю. В частности, они говорили о так называемых лазах (другое название мингрельцев). Большое поселение одного из грузинских этносов находилось в Турции. В свое время, гораздо раньше советских депортаций и даже переселения во времена Суворова полутора сотен тысяч поляков на Урал, этих людей турки переселили с побережья в горы, подальше от границ Грузии. Лазы сумели сохранить язык, но магометанство им все же привили.

Американский разведчик прекрасно ориентировался в проблемах этого народа, и трудно было сказать, объяснялось ли это только его личным интересом, или это был целенаправленный интерес, связанный с его службой в разведке. Но от общения с ним отец получил явное удовольствие. Наверняка и ему было интересно общаться с отцом — всем было хорошо известно, кто прилетел в Тегеран вместе со Сталиным.

В одной из грузинских газет уже много лет спустя я прочел, что этот человек написал воспоминания и

рассказал о встрече с моим отцом. С неменьшим удивлением узнал, что главнокомандующий вооруженными силами НАТО в Европе носит ту же фамилию — Шаликашвили. Вполне допускаю, учитывая некоторые детали, что тогда, в сорок третьем, отец встречался с кем-то из близких родственников известного американского генерала.

Из официальных источников:

Джон Шаликашвили. Армейский генерал. С осени 1993 года – председатель объединенного Комитета начальников штабов. Прошел в армии США путь от командира взвода до командира дивизии. Ветеран вьетнамской войны. До назначения на высший военный пост в американской армии командовал вооруженными силами НАТО в Европе.

Отец армейского генерала Шаликашвили – офицер вооруженных сил Грузии, в 20-м сражался с наступавшими частями Красной Армии. После советизации Грузии бежал из страны и позднее служил в турецкой армии.

Джон Шаликашвили родился в Польше, где его отец продолжал службу в качестве военного советника, от брака Шаликашвили-старшего с полькой.

В годы второй мировой войны отец нынешнего председателя Комитета начальников штабов служил в Италии, где и был после вторжения союзников в Европу захвачен в плен американскими войсками. По некоторым данным, работал в Италии на американское правительство.

После окончания второй мировой войны – в США.

У меня, разумеется, ни в Ялте, ни в Тегеране таких встреч быть не могло. Мы даже питались в отдельной комнате. В Тегеране, а позднее и в Ялте проходили официальные банкеты, носившие формально-аскетический характер, но в них участвовали высшие руководители. На более низком уровне тоже не обходилось без тостов. Скажем, наша и американская охрана быстро нашла общий язык. Ни к той ни к другой категории мы не относились, поэтому, видимо, и кормили нас похуже. Кстати, в Тегеране стол был более изысканным. Но так как в Ленинградской академии нас, слушателей, кормили более чем скромно, претензий, честно скажу, к начальству не было. Тем более мы уже знали, что питаемся не «с барского стола», и поэтому с пониманием отнеслись к намеку начальства, что спиртное нам не положено.

Как и все, наверное, я много читал любопытных воспоминаний о тех встречах, о всевозможных деликатесах, которыми, скажем, в Ялте потчевали высоких гостей. Наверное, так и было, судить не берусь. Мы были просто очень далеки от всего этого и видели Рузвельта и Черчилля лишь со стороны и отнюдь не на официальных приемах.

Кроме основной работы, связанной с текстом записанных разговоров, мне довелось заниматься и тем, что очень любил, — настраивал, ремонтировал принимающие системы. Сбоев у нас не было, и, кажется, начальство осталось нами довольно.

В период, когда проходили Тегеранская, Ялтинская, Потсдамская конференции, отец уже не имел никакого отношения к органам государственной безопасности, но, как и прежде, оставался членом ГКО и руководителем советской стратегической разведки. Этим, видимо, и объяснялось его пребывание в Тегеране, Ялте и Потсдаме. В Потсдаме я даже жил вместе с отцом, но каких-либо официальных поручений уже не имел. Так что ни Трумэна, ни Черчилля, ни представлявшего Англию после поражения последнего на выборах Эттли «слушать» мне уже не пришлось. Но что такие же разведмероприятия проводились в Потсдаме и советской стороной, и нашими союзниками, знаю. Да и не могло быть иначе. Ни одна разведслужба мира не упустит возможности получить интересующую ее информацию. Так было в Тегеране, так было в Ялте и Потсдаме и, думаю, будет еще долго в любой стране мира. Совершенствуется техника, а законы разведки, нравятся они нам или нет, вечны...

Еще Аллен Даллес, один из основателей и первый руководитель Центрального разведывательного управления США, признанный специалист в области теории и практики разведывательной деятельности, писал, что для «слухового контроля» необходимы «первоклассное миниатюрное электронное оборудование, хитроумная маскировка аппаратуры и агент, который смог бы проникнуть в помещение и скрытно установить это оборудование».

По словам патриарха американской секретной службы, в 1960 году посол Генри Кэбот Лодж продемонстрировал в ООН большую государственную печать Соединенных Штатов, висевшую в кабинете американского посла в Москве. Как установили специалисты, в ней был спрятан миниатюрный аппарат, передававший на советский пост контроля все, что говорилось в святая святых

американского посольства — кабинете посла. Случай, по утверждению Аллена Даллеса, достаточно типичный.

Но заметим при этом: Аллен Даллес отнюдь не упрекает коллег. Речь, повторяю, идет о мировой общепринятой практике. Использование технических средств в оперативной работе спецслужб — и не только за рубежом — давно стало нормой. Скажем, швейцарские службы используют в интересах прослушивания только телефонных линий связи до 40 тысяч регистрирующих устройств. Активно используют, как известно, технические средства и спецслужбы США, Великобритании, других стран, причем зачастую некоторые их методы остаются за рамками закона, что, впрочем, не очень смущает общественность. Принято считать, что это не подлежит раскрытию и обсуждению. Пример: установка подслушивающих устройств в служебных помещениях и квартирах, личном автотранспорте и т. д.

Могут задать вопрос: но ведь Сталин, на чей стол вы клали распечатки конфиденциальных разговоров лидеров США и Великобритании, отнюдь не с меньшим интересом хотел знать, о чем говорят его ближайшие соратники? Ведь, как пишет в своих воспоминаниях Бажанов, еще задолго до войны «слуховой контроль» получил постоянную прописку в Кремле...

Из официальных источников:

Борис Бажанов. Помощник Генерального секретаря ЦК ВКП(б) Сталина, секретарь Политбюро ЦК.

Родился в 1900 году в городе Могилеве-Подольском на Украине. В течение нескольких месяцев учился на физико-математическом факультете Киевского университета, столь же недолго заведовал губернским отделом народного образования в Виннице, позднее был членом и секретарем Ямпольского ревкома и секретарем Могилева-Подольского уездного комитета партии.

С ноября 1920 года — в Московском высшем техническом училище, с 1922 года — в Орготделе ЦК, с августа 1923 года — секретарь Политбюро, помощник Сталина. 1 января 1928 года нелегально перешел советско-персидскую границу. Автор ряда опубликованных на Западе книг о механизме коммунистической власти.

Из воспоминаний Бориса Бажанова:

«Я вхожу к Сталину с каким-то срочным делом, как всегда, без доклада. Я застаю Сталина говорящим по телефону. То есть не говорящим, а слушающим — он держит телефонную трубку и слушает. Сталин слушает и ничего не говорит. Наконец я с удивлением

замечаю, что на всех четырех телефонных аппаратах, которые стоят на столе Сталина, трубка лежит и он держит у уха трубку от какого-то непонятного и мне неизвестного телефона, шнур от которого идет почему-то в ящик сталинского стола. Я еще раз смотрю: все четыре сталинских телефона: этот — внутренний цековский для разговоров внутри ЦК; вот «Верхний Кремль» — это телефон для разговоров через коммутатор «Верхнего Кремля»; вот «Нижний Кремль» — тоже для разговоров через коммутатор «Нижнего Кремля»; по обоим этим телефоиам вы можете разговаривать с очень ответственными работниками или с их семьями; Верхний — соединяет больше служебные кабинеты, Нижний — больше квартиры; соединение проиходит через коммутаторы, обслуживаемые телефонистками, которые все подобраны ГПУ и служат в ГПУ.

Наконец, четвертый телефон — «вертушка». Это телефон автоматический, с очень ограниченным числом абонентов (60, потом 80, потом больше). Его завели по требованию Ленина, который находил опасным, что секретные и очень важные разговоры ведутся по телефону, который всегда может подслушать соединяющая телефонная барышня. Для разговоров исключительно между членами правительства была установлена специальная автоматическая станция без всякого обслуживания телефонистками. Таким образом секретность важных разговоров была обеспечена.

...Итак, ни по одному из этих телефонов Сталин не говорит. Мне нужно всего несколько секунд, чтобы это заметить и сообразить, что у Сталина в его письменном столе есть какая-то центральная станция, при помощи которой он может включиться и подслушать любой разговор, конечно, «вертушек». Члены правительства, говорящие по «вертушкам», все твердо уверены, что их подслушать нельзя — телефон автоматический. Говорят они поэтому совершенно откровенно, и так можно узнать все их секреты.

Сталин подымает голову и смотрит мне прямо в глаза тяжелым пристальным взглядом. Понимаю ли я, что я открыл? Конечно, понимаю, и Сталин это видит. С другой стороны, так как я вхожу к нему без доклада много раз в день, рано или поздно эту механику я должен открыть... В деле борьбы Сталина за власть этот секрет — один из самых важных: он дает Сталину возможность, подслушивая разговоры всех Троцких, Зиновьевых и Каменевых между собой, всегда быть в курсе всего, что они затевают, что они думают, а это оружие колоссальной важности. Сталин среди них один зрячий, а они все слепые.

...Я — член партии. Я знаю, что один член Политбюро имеет возможность шпионить за другими. Должен ли я предупредить этих остальных членов Политбюро? И, наконец, если Сталин подслушивает Зиновьева, то, может быть, Зиновьев каким-то образом в свою очередь подслушивает Сталина? Кто его знает».

Я довольно скептически отношусь к воспоминаниям Бажанова. Разумеется, я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть увиденное им в Кремле в те годы, о которых он пишет, но, уверен, Сталину все это было, уж поверьте, ни к чему. Для прослушивания существовала специальная служба. Вначале она находилась в ведении ЦК партии, а не НКВД, как принято считать. А слежка за членами правительства велась еще с времен Ленина. И это не секрет. Здесь Сталин и все последующие руководители государства ничего нового не открыли. Если помните, рассказывая о существовании подслушивающей аппаратуры в Кремле, Бажанов говорит о своем разговоре с Мехлисом, который «был в курсе». Вот еще одно подтверждение того, что занимались этим не чекисты, а партийные органы. И я уверен, что Сталину докладывали все, что его интересовало. Так что заниматься такими вещами самому Генеральному секретарю явно не было необходимости...

Если говорить о законности таких действий, то известно ведь, что в те времена разрешения прокуратуры на установку подслушивающей аппаратуры не требовалось. Все делалось по указанию аппарата ЦК. Иногда эти задачи возлагались на специальные органы, но опять же по указанию ЦК.

Соответствующие подразделения в состав НКВД одно время входили, но не в тот период, когда мой отец был наркомом внутренних дел. Тогда как раз они находились в ведении ЦК. Партийный аппарат ими и руководил. Сама же подслушивающая аппаратура — я ее, конечно, видел — разрабатывалась в специальных лабораториях НКВД, Наркомата связи и других ведомств. Но, вполне понятно, использовали ее и контрразведчики, и разведка. Техника, как я уже говорил, была совершенная.

Не была исключением и наша семья. О том, что нас «слушают», мы отлично знали. Было это уже после войны. Знали мы из первых уст, как говорится (один из инженеров, устанавливавший в нашем доме подслушивающую систему — человек честный и порядочный, — счел нужным рассказать об этом моему отцу), и кто дал соответствующую команду... Как всегда, дирижеры сидели не на площади Дзержинского, а в ЦК. Контроль за высшим эшелоном партийный аппарат не ослаблял никогда.

ГЛАВА 8

ЯДЕРНЫЙ ЩИТ

Из сообщения ТАСС от 25 сентября 1949 года: «23 сентября президент США Трумэн объявил, что, по данным правительства США, в одну из последних недель в СССР произошел атомный взрыв. Одновременно аналогичное заявление было сделано английским и канадским правительствами.

Вслед за опубликованием этих заявлений в американской, английской и канадской печати, а также в печати других стран появились многочисленные высказывания, сеющие тревогу в широких общественных кругах.

В связи с этим ТАСС уполномочен сообщить следующее:

«В Советском Союзе, как известно, ведутся строительные работы больших масштабов – строительство гидростанций, шахт, каналов, дорог, которое вызывает необходимость больших взрывных работ с применением новейших технических средств. Поскольку эти взрывные работы происходили и происходят довольно часто в разных районах страны, то возможно, что эти работы могли привлечь к себе внимание за пределами Советского Союза.

Что касается производства атомной энергии, то ТАСС считает необходимым напомнить о том, что еще 6 ноября 1947 года министр иностранных дел СССР В. М. Молотов сделал заявление относительно секрета атомной бомбы, сказав, что «этого секрета давно уже не существует». Это заявление означало, что Советский Союз уже открыл секрет атомного оружия и он имеет в своем распоряжении это оружие. Научные круги Соединенных Штатов Америки приняли это заявление В. М. Молотова как блеф, считая, что русские могут овладеть атомным оружием не ранее 1952 г. Однако они ошиблись, так как Советский Союз овладел секретом атомного оружия еще в 1947 году.

Что касается тревоги, распространяемой по этому поводу некоторыми иностранными кругами, то для тревоги нет никаких оснований...»

Украинский Чернобыль и американский Три Майл Айленд, испытания ядерного оружия с участием войск

под Тоцком, на Новой Земле, на Ладожском озере, южноуральский радиоактивный след, авария на плутониевых заводах в Хэнфорде... Все это будет позднее, включая добрых две с половиной сотни всевозможных аварий и инцидентов, связанных то со «взбунтовавшимся» атомом, то с чьим-то волевым решением, в результате которого обрекались на мучительную смерть тысячи солдат, сержантов и офицеров. «Надо!..»

Ядерный щит, как до недавнего времени мы с гордостью называли ракетно-ядерное оружие, был создан раньше. Создан потом и кровью, но именно он с конца сороковых прикрывал Советский Союз. Но там, на Семипалатинском полигоне, и тогда, 29 августа сорок девятого, мы не были первыми. Еще раньше, в половине шестого утра 16 июля 1945 года ослепительная вспышка накрыла заокеанский полигон Аламогордо. Так начиналась многолетняя изнурительная гонка, в которой нам так и не суждено было оказаться победителями...

Прошло уже немало лет, но покров тайны с истории создания ядерного оружия полностью не снят. Увы, даже появившиеся в последние годы публикации на эту тему вопреки ожиданиям не столько внесли долгожданную ясность, как распалили дремавшие под бдительным оком цензуры страсти. Так где же она, правда о бомбе, обладать которой стремились и мы, и наши союзники, и наши противники?

Эта глава посвящена почти неизвестной странице жизни моего отца. Но вместе с тем это и попытка откровенного рассказа о выдающихся советских и зарубежных ученых, о судьбах, подчас трагических, тех людей, которые волей судьбы оказались в орбите советского ядерного проекта и аналогичного «Манхэттенского проекта» в США. А еще хотелось, читатель, рассказать тебе о тех, кого называют «атомными» разведчиками. Так уж получилось, что советской разведке в создании секретного оружия была отведена особая и отнюдь не последняя роль...

Из воспоминаний Уинстона Черчилля:

«17 июля пришло известие, потрясшее весь мир. Днем ко мне заехал Стимсон и положил передо мной клочок бумаги, на котором было написано: «Младенцы благополучно родились». Я понял, что произошло нечто из ряда вон выходящее. «Это значит, — сказал Стимсон, — что опыт в пустыне Нью-Мексико удался. Атомная бомба создана...» Сложнее был вопрос о том, что сказать Сталину. Пре-

зидент и я больше не считали, что нам нужна его помощь для победы над Японией. В Тегеране и Ялте он дал слово, что Советская Россия атакует Японию, как только германская армия будет побеждена, и для выполнения этого обещания уже с начала мая началась непрерывная переброска русских войск на Дальний Восток. Мы считали, что эти войска едва ли понадобятся, и поэтому теперь у Сталина нет того козыря против американцев, которым он так успешно пользовался на переговорах в Ялте. Но все же он был замечательным союзником в войне против Гитлера, и мы оба считали, что его нужно информировать о новом великом факте, который сейчас определял положение, не излагая ему подробностей. Как сообщить ему эту весть? Сделать ли это письменно или устно? Сделать ли это на официальном или специальном заседании, или в ходе наших повседневных совещаний, или же после одного из таких совещаний? Президент решил выбрать последнюю возможность. «Я думаю, – сказал он, – что мне следует просто сказать ему после одного из наших заседаний, что у нас есть совершенно новый тип бомбы, нечто совсем из ряда вон выходящее, способное, по нашему мнению, оказать решающее воздействие на волю японцев продолжать войну». Я согласился с этим планом.

...На следующий день, 24 июля, после окончания пленарного заседания, когда мы все поднялись со своих мест и стояли по два и по три человека, я увидел, как президент подошел к Сталину и они начали разговаривать одни при участии только своих переводчиков. Я стоял ярдах в пяти от них и внимательно наблюдал эту важнейшую беседу. Я знал, что собирается сказать президент. Важно было, какое впечатление это произведет на Сталина. Я сейчас представляю себе всю эту сцену настолько отчетливо, как будто это было только вчера. Казалось, что он был в восторге. Новая бомба! Исключительной силы! И может быть, будет иметь решающее значение для всей войны с Японией! Какая удача! Такое впечатление создалось у меня в тот момент, и я был уверен, что он не представляет всего значения того, о чем ему рассказывали. Совершенно очевидно, что в его тяжелых трудах и заботах атомной бомбе не было места. Если бы он имел хоть малейшее представление о той революции в международных делах, которая совершалась, то это сразу было бы заметно. Ничто не помешало бы ему сказать: «Благодарю вас за то, что вы сообщили мне о своей новой бомбе. Я, конечно, не обладаю специальными техническими знаниями. Могу ли я направить своего эксперта в области этой ядерной науки для встречи с вашим экспертом завтра утром?» Но на его лице сохранилось веселое и благодушное выражение, и беседа между двумя могущественными деятелями скоро закончилась. Когда мы ожидали свои машины, я подошел к Трумэну. «Ну, как сошло?» – спросил я. «Он не задал мне ни одного вопроса», – ответил президент. Таким образом, я убедился, что в

тот момент Сталин не был особо осведомлен о том огромном процессе научных исследований, которым в течение столь длительного времени были заняты США и Англия и на который Соединенные Штаты, идя на героический риск, израсходовали более 400 миллионов фунтов стерлингов... Советской делегации больше ничего не сообщали об этом событии, и она сама о нем не упоминала».

О взрыве в пустыне под Аламогордо первого американского атомного устройства Сталин узнал — и это уже не секрет — до встречи с Трумэном. О результатах испытания, полученных американцами, Иосифу Виссарионовичу доложил лично мой отец. Было это там же, в Потсдаме, в период работы конференции глав великих держав. Разговор состоялся в присутствии генерал-полковника Серова. От него я и знаю все эти подробности.

Генерал-полковник Серов находился тогда при маршале Жукове в оккупационных войсках в Германии. К слову, Героем Советского Союза он стал по представлению Георгия Константиновича. Отличился Серов в боях за Берлин, на Зееловских высотах. Так вот как раз он и рассказал мне, как все происходило в действительности. Прибыли люди из разведки, у которых уже были на руках материалы, связанные с испытаниями первой атомной бомбы. Доложили отцу. Отец, в свою очередь, тут же доложил Сталину.

Иосиф Виссарионович был очень недоволен. Раздражение понятно, американцы нас опередили... Естественно, в довольно резкой форме поинтересовался, как обстоят дела у нас. Отец доложил, что нам потребуется еще год-два, мы находимся, сказал, на том уровне, который пока не позволяет нам ответить на вызов американцев раньше.

Должен сказать, что разговор на эту тему заходил у них конечно же не впервые. Сталин постоянно интересовался ходом исследований. Вот и на этот раз отец доложил о последних результатах, рассказал, в частности, что сам плутоний уже получен, полным ходом идут работы над конструкцией самой бомбы. И тем не менее, сказал отец, при самых благоприятных обстоятельствах раньше ничего у нас не получится. «Минимум два года».

Курчатова при этом разговоре, вопреки тому, что сплошь и рядом пишут сейчас, не было. Не было, естественно, и целого монолога, якобы произнесенного тогда Сталиным. Пишут, что Иосиф Виссарионович тут же поручил Курчатову ускорить работы. В действительности

же, как рассказывал мне Серов, Сталин внимательно выслушал доводы отца и сказал лишь, что намерен в ближайшем будущем к этому вопросу еще вернуться. Вот, пожалуй, и все. Потом, как известно, был разговор с американским президентом, о котором и вспоминает Черчилль...

Удивление Черчилля вполне понятно, но нам-то с вами предыстория разговора Сталина с Трумэном уже известна... Иосиф Виссарионович воспринял сообщение американского президента абсолютно спокойно. Скорее, это и не сообщение было, как таковое, а зондаж. Проба на реакцию Сталина.

Возвратившись с заседания, Сталин никаких разносов никому не устраивал, как рассказывают, а лишь дал указание моему отцу подготовить предложения по форсированию этих работ. В результате, как известно, был создан Специальный комитет с более широкими полномочиями, а все ресурсы страны были брошены на создание атомной бомбы.

Из официальных источников.

Специальный комитет был создан на основании постановления Государственного Комитета Обороны от 20 августа 1945 года. В Специальный комитет при ГКО входили Л. П. Берия (председатель), Г. М. Маленков, Н. А. Вознесенский, Б. Л. Ванников, А. П. Завенягин, И. В. Курчатов, П. Л. Капица, В. А. Махнев, М. Г. Первухин. На Комитет было возложено «руководство всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана». В дальнейшем был преобразован в Специальный комитет при Совете Министров СССР. В марте 1953 года на Комитет было возложено и руководство другими специальными работами оборонного значения. На основании решения Президиума ЦК КПСС от 26 июня 1953 года Специальный комитет был ликвидирован, а его аппарат передан во вновь образованное Министерство среднего машиностроения СССР.

Сталин торопил и с водородной бомбой. Надо отдать ему должное, ничего без его ведома тут не делалось. Здесь средств у него было много — от материального поощрения людей, занятых в проекте, до давления. Но помогал, безусловно. Я как-то рассказывал своим нынешним коллегам, что у меня в институте тогда было вычислительных машин больше, чем сегодня. Одиннадцать! Да, большие по объему, еще первого поколения, но — были! Отечественная, кстати, техника. Все расчеты и в атомном проекте, и в ракетном, да и других систем

крупных, были сделаны на нашей вычислительной технике. Странно, что все это уже забыто. А ведь основные разработчики находились в Киеве и Харькове. Профессор Лебедев, целый ряд других ученых создали эти машины с помощью атомного комитета. Они и предназначались изначально для реализации ядерного проекта.

Хотя именно тогда партия давила лженауку кибернетику... Ее ЦК, аппарат, как всегда, были далеки от реальных вещей.

Юрий Жданов с товарищами громил кибернетику, а страна выпускала для «оборонки» эти крайне необходимые нам машины. Их болтовня нам не мешала, потому что к таким серьезным вещам, как ядерный, ракетный проекты, партийных работников и близко не подпускали. В других отраслях, где они имели возможность вмешиваться, они, конечно, мешали здорово... А Сталина интересовало дело. Цену аппарату ЦК он знал, поверьте... Он ему был нужен лишь для контроля. Во всяком случае — знаю это точно — противником вычислительной техники он не был. Напротив, выделялись соответствующие средства, предприятия переходили на выпуск новой продукции.

Да, с позиций сегодняшнего дня можно, безусловно, сказать, что следовало больше средств вкладывать в перспективное дело, но вспомните, какое это было непростое время. Если бы столь грандиозная задача была поставлена даже не сегодня, а, скажем, в более благополучные восьмидесятые годы, не уверен, что можно было бы достичь подобного. А тогда, после такой страшной войны, с нуля начинали. Но ведь справились.

Михаил Первухин, в послевоенные годы министр химической промышленности, заместитель председателя Совета Министров СССР, в своих воспоминаниях, написанных еще в конце шестидесятых годов и опубликованных лишь недавно, утверждал, что «в случае неудачи нам бы пришлось понести суровое наказание за неуспех». «Конечно, мы все ходили под страхом», — вторит ему Ефим Славский, в те годы первый директор атомного комбината, а впоследствии трижды Герой Социалистического Труда, министр среднего машиностроения СССР. В других источниках прямо говорится, что Лаврентий Павлович приехал на полигон с двумя списками сотрудников — один был наградной, другой, в случае неудачи, для ареста... Поговаривают даже, что отец якобы до самой последней минуты не верил, что бомба взорвется...

Баек на сей счет ходит действительно много. И об этих списках я читал, и о прочем... А правда такова. Тогда, в августе 1949 года, я сам присутствовал при взрыве первой советской атомной бомбы, так что обо всем знаю не понаслышке. Дописались даже до того, что отец был после взрыва в дурном настроении, потому что не успел первым доложить об удачных испытаниях Сталину.

Реакцию своего отца я помню прекрасно. Все было совершенно иначе. Сразу же после взрыва отец и Курчатов обнялись и расцеловались. Помню, отец сказал тогда: «Слава Богу, что у нас все нормально получилось...» Дело в том, что в любой группе ученых есть противники. Так было и здесь. Сталину постоянно писали, докладывали, что вероятность взрыва крайне мала. Американцы, мол, несколько попыток сделали, прежде чем что-то получилось.

И отец, и ученые, привлеченные к реализации атомного проекта, об этом, разумеется, знали. Как и о том, что чисто теоретически — уже не помню сейчас, какой именно процент тогда называли, — взрыва может не быть с первой попытки. И когда бомба взорвалась, все они, вполне понятно, испытали огромное облегчение. Я смотрел на отца и понимал, какой ценой и ему, и людям, которые не один год с ним вместе работали, достался этот успех.

Как пишут сейчас, «это был триумф Берия»... Но это был триумф Советского Союза, советской науки. Задача, что и говорить, была выполнена колоссальная.

Откровенно говоря, лично на меня этот взрыв такого впечатления, как на моего отца, Курчатова и других людей, — а в бункере нас было человек десять, — не произвел. Впечатление, безусловно, сильное, но не потрясающее. На меня, скажем, гораздо большее впечатление произвели испытания нашего снаряда, который буквально прошил крейсер «Красный Кавказ». В один борт корабля вошел, из другого вышел. Но это была НАША разработка, в которую столько было вложено мною и моими товарищами. А здесь... Я, конечно, отдавал себе отчет, что присутствую при необыкновенном событии. Создана бомба невероятной разрушительной силы, — все это имеет колоссальное значение для нашей страны. Но эмоциональное восприятие было все же иным. Я хорошо знал, что подобные испытания проходили у американцев и как они проходили. Словом, довольно спокойно отошел

я от телескопа, а их в бункере было установлено несколько.

Для Курчатова и моего отца с этим взрывом был связан целый этап жизни. Конечно, им все то, что случилось, было близко и дорого.

Когда пишут сейчас обо всех этих вещах, неточностей допускают много, а зачастую и врут безбожно. Не было и в помине никаких списков, а если кто-то утверждает, что ученые боялись отца, пусть останется это на его совести. Отношения были совершенно иными.

Неправда, что отец и ученые нервничали, дергали военных и тому подобное. Мы находились, как я уже говорил, в одном из бункеров. Там их была целая система. Были отсеки, в которых находились всевозможные службы. Каждый занимался исключительно своим делом. Ни Курчатов, ни остальные в ход испытаний не вмешивались. Это был военный полигон, который и обслуживали военные. Вмешательство ученых просто не требовалось. Свою задачу они выполнили, теперь дело было за другими людьми. Впоследствии были созданы специальные авиационные эскадрильи, ракетные части, участвующие в испытаниях, а тогда эта задача была возложена на одно из войсковых соединений.

От Курчатова уже ничего не зависело. Изделие создано, передано военным, а там уж как получится. А вообще мой отец всегда настаивал на том, чтобы военные привлекались с начала разработки. Когда мы проводили испытания новой техники, он мне всегда говорил об этом. И в жизни мне это здорово помогало, скажу честно. Военные не тогда должны изучать то или иное изделие, когда оно поступит в войска, а с момента начала разработки. Тогда и во все тонкости вникнут, и по ходу дела что-то обязательно подскажут дельное. Этому совету я следовал и при жизни отца, и еще в большей степени позднее. Ни одна разработка без каких-либо огрехов, как ни крути, не обходится. Я сам окончил Военную академию, адъюнктуру, всю жизнь работаю на оборону, но никогда не считал зазорным принять дельный совет кого-то из тех, кому придется в будущем иметь дело с нашими разработками.

Да всякое в жизни бывает. Скажем, нам, разработчикам, что-то проще сделать каким-то образом, а как это скажется на использовании техники в боевой обстановке? Говорю об этом вот почему. Многие Генеральные, Главные конструкторы — так бывало не раз — рассматрива-

ли военных как людей малокомпетентных. У моего отца был иной взгляд на эти вещи. А в том, что он оказался и здесь абсолютно прав, я убеждаюсь на протяжении многих лет.

Не знаю, насколько интересны будут мои рассуждения молодым ученым, но, как мне кажется, отца это в какой-то мере характеризует. Лишь недоумение вызывают россказни о том, что на полигоне он кричал на людей, нервировал военных. Некоторые высказывания того же Славского вызывают доверие. Например, пусть спустя много лет, но признал же он, что Лаврентий Павлович всегда прислушивался к мнению специалистов, прекрасно справлялся со всеми организационными проблемами, помогал проводить в жизнь все необходимые решения. Правда, некоторое удивление вызывает фраза «Берия нам не мешал»...

Спасибо, как говорится, и на этом. Когда Курчатова заставляли дать показания на отца и написать, что Берия всячески мешал созданию первой советской атомной бомбы, Игорь Васильевич сказал прямо: «Если бы не он, Берия, бомбы бы не было».

Теперь о том, кто доложил Сталину о взрыве. Это сделал лично мой отец. Так что все разговоры о том, что кто-то опередил здесь моего отца и тот был разгневан, абсурдны. Кто мог доложить, кроме него?

Сообщение ушло в Москву прямо с ядерного полигона, а несколько позднее Сталин попросил отца пригласить к нему Игоря Васильевича Курчатова и его ближайших помощников, а также членов атомного комитета. Тогда разговор состоялся более обстоятельный, конечно.

Такое приглашение в те годы расценивалось посильнее, чем самый высокий орден. Ученые остались довольны приемом. Все получили колоссальное материальное вознаграждение, автомобили, для них были построены дома. Словом, труд атомщиков был оценен по достоинству. И это, заметьте, в условиях всеобщей послевоенной бедности. Сталин тогда сказал, что с большим удовольствием сделал бы все это и для всех остальных людей, работавших над ядерным проектом, они это заслужили, но, к сожалению, пока такой возможности у страны нет.

Многие ученые тогда же были отмечены высокими наградами. Мой отец получил Государственную премию. Но дело, конечно, не в наградах. Сделав такое большое дело, все они были чрезвычайно рады. Что бы мы ни

говорили сегодня, но тогда был создан ядерный щит государства. Именно тогда, как известно, и завершилась монополия США на ядерное оружие.

Самые добрые воспоминания остались у меня об Игоре Васильевиче Курчатове.

Из официальных источников:

Игорь Курчатов. Академик. Трижды Герой Социалистического Труда. Первый организатор и руководитель работ по атомной науке и технике в СССР. Под его руководством сооружен в 1939 году первый советский циклотрон, в 1940 году открыто спонтанное деление ядер урана.

Основатель и первый директор Института атомной энергии. Под руководством И. В. Курчатова созданы первый в Европе ядерный реактор (1946 год), первая в СССР атомная бомба (1949 год), первые в мире термоядерная бомба (1953 год) и атомная электростанция. Лауреат Ленинской и нескольких Государственных премий.

Скончался в 1960 году в возрасте 58 лет.

Очень талантливый человек. Блестящий ученый. Кстати, учился в Таврическом университете, впоследствии преобразованном в Крымский государственный университет. Среди тех, кто читал там лекции вскоре после революции, были профессор Н. М. Крылов, А. И. Иоффе, а ассистентом работал молодой И. Е. Тамм.

Туда и поступил на физико-математический факультет Игорь Васильевич Курчатов. Учился, конечно, блестяще. Он и гимназию окончил с золотой медалью. Летом 1923 года защитил дипломную работу. И все это за три года!

Впоследствии Курчатов стал одним из ведущих сотрудников Ленинградского физико-технического института, признанного в те годы центра физики в Советском Союзе. Сам институт был создан вскоре после революции под руководством А. И. Иоффе. Физико-техническим отделом руководил сам академик Иоффе, отдел химической физики возглавлял Николай Николаевич Семенов, впоследствии лауреат Нобелевской и Ленинской премий, дважды Герой Социалистического Труда. Это был один из основоположников химической физики, основатель целой научной школы.

В годы войны ему довелось заниматься вещами, далекими от ядерных исследований. Уже в сорок первом он отправляется в Севастополь, получив специальное задание от командования Военно-Морского Флота. Дело в

том, что немцы успели сбросить с воздуха в море много магнитных мин, взрывавшихся под действием магнитного поля приближающихся кораблей. Тогда и поставлена была эта задача. Так вот, за все время войны, насколько известно, из размагниченных Курчатовым и его товарищами кораблей ни один не подорвался, включая подводные лодки. В годы войны размагничивание кораблей проводилось на всех флотах, но первые опыты были успешно проведены на Черном море.

С конца 1942 года Курчатов в Москве — его назначили научным руководителем той проблемы, о которой мы с вами и говорим.

Когда встал вопрос о реализации атомного проекта, перед моим отцом была поставлена труднейшая задача — создать коллектив единомышленников, собрать тех людей, которые смогли бы в довольно короткий срок реализовать задуманное. Начал он вот с чего. Пригласил Иоффе, Семенова, Капицу. Не в обиду этим крупнейшим ученым, ни в одном из них он не видел того человека, который мог бы возглавить такое дело. Иоффе, рассуждал отец, теоретик. Блестящий ученый, но теоретик. А вызвал его отец вот почему. Он знал, что Иоффе имеет очень много молодых учеников и мог бы подсказать, на кого следует обратить внимание.

Капица? Тот был не только теоретик, но и инженер. Беда была в другом. Петр Леонидович просто-напросто не хотел работать над атомным проектом.

Из официальных источников:

Петр Капица. Академик. Дважды Герой Социалистического Труда. Один из основателей физики низких температур и физики сильных магнитных полей, организатор и первый директор Института физических проблем АН СССР. В 1939 году открыл сверхтекучесть жидкого гелия, разработал способ сжижения воздуха с помощью турбодетандера, новый тип мощного генератора электромагнитных колебаний.

Лауреат Нобелевской и нескольких Государственных премий.

У нас с отцом были разговоры на эту тему. Прямо Капица конечно же не заявлял об этом, но секретом это не было. По всей вероятности, было и на него, как, скажем, на Харитона, досье. А зацепиться было за что. Когда ЦК начал его преследовать, отец пытался по возможности что-то сделать. Но беда была вот в чем. Людей, занятых в реализации атомного проекта,

отец мог защитить и защищал. Капица же работать на бомбу не хотел. Здесь и возникали известные сложности.

По линии Академии наук ЦК неприятностей ему много сделал. Помню, отец вызвал Семенова, академика, друга Капицы, и попросил помочь в меру сил Петру Леонидовичу. Сам я, сказал отец, официально помогать Капице не могу. Работай он у меня, проблем бы не было. Но коль так получилось, этому талантливому человеку надо помогать. Атомщики тогда зарабатывали более чем прилично, и отец попросил Семенова из тех премий, которые он будет получать, какие-то деньги передавать Капице. Это не дело, сказал отец, что такой ученый должен страдать.

Что Капица противник режима, отец, конечно, знал. Не помню, в 1936 или 1937 году, когда Капица приехал из Англии, а возвратиться назад не смог, он прямо заявил Молотову: «Я не хочу здесь работать». Молотов удивился: «Почему?» Капица объяснил так: «У меня нет та кой лаборатории, как в Англии».

— Мы ее купим, — ответил Молотов.

И купили. Такое же оборудование и здание точно такое же построили. И тем не менее...

В Англии он работал с конца 20-х годов, лет десять. А в Союз возвратился так. Капица во втором браке был женат на дочери известного кораблестроителя Крылова. Академик, если мне память не изменяет, тогда серьезно заболел. Капица с женой и приехали проведать старика. Назад не пустили...

Забегая вперед, скажу, что он очень резко выступал за мое освобождение из тюрьмы. Конечно, он знал, как относился к нему мой отец... С благодарностью вспоминаю и его, и Ванникова, и Туполева, и Лавочкина, и Королева. Они сделали все, чтобы вытащить меня из тюрьмы. Дважды, как я рассказывал, обращались к Хрущеву, но своего добились.

А между тем считалось, что из атомного проекта Капицу «выставил» отец... Как-то он сказал Семенову: «Жаль, ей-Богу, что такой способный человек работает на большевиков». Семенов мне рассказывал: «Я засмеялся: Лаврентия Павловича не переделаешь...»

Среди таких людей отец искал того единственного человека, который мог бы возглавить научную сторону столь сложного дела. Переговорил с доброй полусотней кандидатов и остановил свой выбор на Курчатове. И

академик Иоффе, и другие своими рекомендациями отцу тогда, безусловно, помогли.

С этим предложением отец и пришел к Сталину. Иосиф Виссарионович внимательно выслушал и сказал:

— Ну что ж, Курчатов так Курчатов. Раз вы считаете, что этот человек необходим, то пожалуйста.

Самое любопытное, что тогда же Сталин предупредил отца:

— Знай только, что Курчатов встретит очень сильное сопротивление маститых ученых...

И отец понял, что параллельно, по каким-то своим каналам, Сталин уже навел соответствующие справки о крупных ученых.

Вообще, должен сказать, советская система была создана Владимиром Ильичем, а впоследствии усовершенствована Иосифом Виссарионовичем на параллелизме проверок. Партийный аппарат и тогда, и позднее контролировал всех и вся. В государственном аппарате были специальные службы, в советском — госконтроль. Проверяли друг через друга... Все было построено на недоверии, противопоставлении одних людей другим. Так видимо, было и в данном случае...

Словом, так Игорь Васильевич стал «отцом» атомной бомбы.

Спустя какое-то время Сталин обратился к моему отцу: надо, мол, определиться с президентом Академии наук, кто подходит? Нельзя ли, сказал, Курчатова на этом посту использовать?

Мой отец был категорически против. Вызвал Курчатова, рассказал о разговоре со Сталиным и сказал.

— Решать тебе, Игорь Васильевич. Если надумаешь уходить — возражать не буду, конечно. Останешься руководить проектом — буду рад.

Курчатов был умный человек, к славе относился равнодушно и прямо ответил, что президентство в Академии наук рассматривает нежелательным и хотел бы остаться в проекте. Тогда, сказал отец, сам Сталину об этом и скажи. Реакцию Сталина предугадать было нетрудно. Иосиф Виссарионович очень резко реагировал, когда кто-либо отвергал в таких случаях его предложения. Игорь Васильевич сам мне рассказывал, как Сталин рассердился и обвинил в упрямстве и Курчатова, и моего отца. Мол, Берия тебя настроил, вот и не хочешь идти в президенты академии. И пригрозил, что все равно заставит его стать президентом.

Примерно такая же история была и с Сахаровым. Рассказывать о масштабе дарования этого ученого, думаю, сегодня не стоит. Он учился на третьем или четвертом курсе университета, когда попал в поле зрения моего отца. У него уже тогда были интересные предложения, которые могли быть использованы на второй стадии реализации проекта.

Отец имел довольно полную информацию о всех молодых людях, успевших так или иначе проявить себя в тех областях, которые были связаны, в частности, с обороной страны. Понятно, что сам отец не ездил по институтам и университетам, этим занимались другие люди. Были созданы специальные группы, которые целенаправленно занимались подбором научных кадров, в том числе и для ядерного проекта. Это не были представители высшей школы или Академии наук. Помнится, такой важной работой активно занимался академик Тамм, физик-теоретик академик Фок и другие. Всех не припомню, но привлекали для отбора перспективной научной молодежи и таких известных ученых, как Ландау, Гинзбург. Не помню, кто именно, но Сахарова, как претендента, они... забраковали. Вывод сделали тогда такой: человек он, наверное, способный, талантливый, но неконтактный и так далее. Дело в том, что и в молодости Андрей Дмитриевич был убежденным в своей правоте человеком. Не имею в виду в данном случае его философские взгляды. Так вот, с точки зрения науки, решили корифеи, с ним будет нелегко. Он выдвигал концепции, которые пожилые, много лет отдавшие науке, люди порой не воспринимали. Так бывает. А Сахаров отстаивал зачастую свои идеи, прямо скажем, в резкой форме. Видимо, корифеи и решили: а зачем нам такой, пусть и очень талантливый, но неудобный молодой человек.

Что было, то было... Сколько талантливых ребят тогда отыскали. И не только физиков, но и математиков. Их сразу же приглашали на собеседования, семинары. Это была колоссальная работа. И, надо отдать должное нашим ученым, они с ней справились, в результате были созданы поистине уникальные коллективы, способные реализовать ядерный проект.

Много лет спустя я прочел, как Андрей Дмитриевич вспоминал о встрече с моим отцом. «Только после того я испугался, — писал Сахаров, — и понял, с кем имел дело». Чисто по-человечески читать все это неприятно. И вот почему. Как раз отец, которого он якобы боялся

относился к нему с большой симпатией. Сахаров сам ведь вспоминал, как мой отец предложил ему обращаться в случае необходимости.

Отец отлично знал об отношении маститых ученых к Сахарову. Он имел полную информацию об этом студенте, явно талантливом молодом человеке, который выдвигает собственные оригинальные концепции. И если на большинство талантливых ребят он имел списки, какие-то материалы, то на Сахарова имел, как я говорил, довольно подробный материал. Знаю я это и от Ванникова, и от Махнева, члена Комитета, генерала, помощника отца, ведавшего делопроизводством. Так вот, они вспоминали, как произошло знакомство моего отца с Сахаровым. Заинтересовавшись «ершистым» студентом, отец пригласил его на беседу. Разговор был откровенный.

— Как думаете, почему наши ученые не воспринимают ваши идеи? — спросил отец.

Сахаров откровенно рассказал, что думает по этому поводу.

Независимость, неординарность мышления отцу импонировали всегда. Он пригласил молодых расчетчиков-теоретиков и попросил ознакомиться с теми идеями, которые с жаром отстаивал университетский студент. Мнение их было единодушным:

— Лаврентий Павлович, он ведь только студент, но почти готовый ученый.

— Тогда так, — сказал отец. — Помогите ему. Пусть заканчивает учебу, свои расчеты и забирайте его к себе. Пусть занимается вашей темой.

И довольно быстро, попав в группу расчетчиков-теоретиков, людей довольно молодых, Сахаров ее и возглавил. Непосредственного отношения к конструированию бомбы, получению необходимых материалов он, как физик-теоретик, не имел, но его расчеты были тогда использованы. Те самые, что он начинал делать еще студентом. Во всяком случае, в основу его работы были положены именно они. Выдающийся ученый, и жаль, конечно, что свой потенциал он не реализовал в полной мере...

Органам Сахаров был известен давно, и желание расправиться с ним тоже было. Андрей Дмитриевич был из тех людей, которые не скрывают свои мысли, просто не умеют скрывать. Конечно, он не выражал свои взгляды столь откровенно и тем образом, как это было потом, но органам хватало и того, что было. Оснований по меркам

того времени для «привлечения» парня было предостаточно. Если сказать прямо, мешал мой отец. Только это их и сдерживало. Самое ужасное, что инакомыслие у нас всегда рассматривалось как уголовное деяние против государства. И тогда, и позднее. Какая разница, или тебя в камеру тюрьмы НКВД засунут, или в психбольницу, как это было еще не так давно?

Я уже говорил, что отец всячески поощрял мое увлечение техникой. По его же совету я начал заниматься радиолюбительством. С него и началось мое знакомство с радиолабораторией НКВД. Впрочем, название было довольно условным — в этой лаборатории работали экспертные группы по самым разным направлениям. Один из специалистов, помогавших мне овладеть радиотехникой, помню, знакомил меня с радиостанциями для разведчиков, созданными нашими конструкторами, немцами, англичанами. Можете представить интерес мальчишки... Очень заинтересовала меня и группа людей, находившихся даже в этой закрытой лаборатории на особом режиме. К ним никого не подпускали, и довольно продолжительное время свое любопытство я удовлетворить не мог. Каково же было мое разочарование, когда я узнал, что это «всего лишь» засекреченные физики, которые анализируют какие-то материалы, поступающие из-за границы. Меня это нисколько не удивило, потому что подобных групп было немало. Работали они по разным направлениям, давая экспертные оценки тем или иным материалам.

Чем занимаются физики, я, естественно, не знал, что вполне понятно, но кое-какие разговоры их в лаборатории слышать тогда приходилось. Запомнилось, как эти люди обсуждали между собой новое сверхоружие, которое появится в самое ближайшее время. Как я понял тогда, речь шла о создании бомбы чудовищной разрушительной силы, но не у нас, а за рубежом. Высказывались опасения, что новое сверхоружие может получить Гитлер.

О том, что война с Германией будет, сомнений ни у кого не было. Об этом я слышал постоянно. Конечно, кроме любопытства, ничего другого разговоры о бомбе, которую можно сделать, у меня не вызвали. Отложилось в памяти и то, что немцы могут стать обладателями страшного оружия. Никаких подробностей создания бомбы за рубежом я тогда не знал.

Сегодня, спустя много лет, я вспоминаю все эти разговоры в лаборатории, встречи с «технарями», работавшими в НКВД, и думаю: а ведь мало кто знает что

даже тогда, в тридцатые, Народный Комиссариат внутренних дел не был чисто карательной организацией. Специалисты высочайшей квалификации занимались здесь всей группой вопросов, так или иначе связанных и с военной техникой, да и не только с военной. Соответствующие службы НКВД интересовали транспорт, авиация, промышленность, экономика — словом, абсолютно все, что было необходимо для оценки стратегических возможностей нападения на СССР той или иной державы. Этой оценкой в широком смысле наша разведка и занималась. Были люди, и легалы, и нелегалы, которые добывали за границей соответствующую информацию, но был и целый аппарат в системе НКВД, который обрабатывал поступающие материалы. Потому что без аналитического разбора все донесения разведки всего лишь ворох бумаг. Разведчик может сообщить, например, дату нападения, но когда его информация связана с техникой, экономикой, научными разработками, это требует дальнейшей колоссальной по объему работы. Так было и тогда, в конце тридцатых, в сороковые, так и теперь. Не случайно ведь российскую разведслужбу возглавил Примаков. Я не собираюсь оценивать его деятельность и привожу этот факт всего лишь как пример, но пример показательный. Примаков — ученый, аналитик.

Тогда подобные назначения проходили менее помпезно, но принцип был тот же: в разведке должны работать аналитики. В истории атомной бомбы, которая, надеюсь, будет когда-нибудь написана, следовало бы сказать и о них. Имею в виду настоящую историю, а не ту, что мы имели вчера, да и сегодня, к сожалению, мало что изменилось..

Не так давно, правда, заговорил академик Юлий Харитон. Он, в частности, пишет, что задолго до получения какой-либо информации от наших разведчиков сотрудниками Института химической физики (ИХФ) Я. Зельдовичем и самим Харитоном был проведен ряд расчетов по разветвленной цепной реакции деления урана в реакторе как регулируемой управляемой системе. В качестве замедлителей нейтронов уже тогда эти ученые предлагали использовать тяжелую воду и углерод. В те же предвоенные годы, рассказывает уважаемый академик, Г Флеровым и Л. Русиновым экспериментально были получены важные результаты по определению ключевого параметра цепной реакции — числа вторичных нейтронов, возникающих при делении ядер урана нейтронами.

Тогда же Г Флеров и К. Петржак открыли самопроизвольное, без облучения нейтронами, деление урана.

Академик Харитон напоминает и о других научных заслугах советских ученых — вместе с Я. Зельдовичем еще до войны он выяснил условия возникновения ядерного взрыва, получил оценки его колоссальной разрушительной силы, а уже в 1941 году с участием И. Гуревича была уточнена критическая масса урана-235 и получено, по словам самого академика, ее весьма правдоподобное, но из-за приближенного знания ядерных констант неточное значение...

Небезынтересны, как мне кажется, и рассуждения Юлия Борисовича о том, что запрет на разглашение самого факта получения подобной информации был суров. И уж кому-кому, а нашим «атомным» разведчикам должно быть особенно ясно, почему советские физики не обсуждали эту тему.

Я не собираюсь вступать в полемику ни с академиком Харитоном, ни с кем-либо другим. Но поговорить на эту тему стоит. Ведь так и не сказано главное — о роли моего отца в создании ядерного оружия. К тому же он умолчал о некоторых деталях своей биографии...

Из официальных источников:

Юлий Харитон. Академик. Трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и нескольких Государственных премий.

Родился в 1904 году в Петербурге. Окончил Ленинградский политехнический институт. С 1921 года работал в Ленинградском физико-техническом институте под руководством академика Н. Н. Семенова. В 1926–1928 годах был командирован в Кавендишскую лабораторию Э. Резерфорда (Великобритания), где получил степень доктора философии. С 1931-го – в Институте химической физики АН СССР, других научно-исследовательских учреждениях. В 1939–1941 годах совместно с Я. Б. Зельдовичем впервые осуществил расчет цепной реакции деления урана. Основатель и глава новой школы в теории взрывчатых веществ.

Более 45 лет академик Ю. Б. Харитон возглавлял Российский федеральный ядерный центр – ВНИИ экспериментальной физики – знаменитый Арзамас-16. В возрасте 88 лет ушел с официальной должности и стал почетным научным руководителем важнейшего научно-исследовательского центра России.

Один из «отцов» советской атомной бомбы. До недавнего времени жил и работал в условиях строжайшей секретности, никогда не выступал в открытой печати. Впервые публично заявил о своем участии в реализации атомного проекта в декабре 1992 года.

В свое время Юлия Борисовича дважды пытались отстранить от работ, связанных с созданием ядерного оружия, и даже обвиняли в шпионаже. Были люди, которые с самого начала не хотели, чтобы Харитон занимался научной деятельностью. Главный аргумент, который использовали его противники, был такой — Харитон работал в Англии, а следовательно, верить такому человеку нельзя. А Юлий Борисович действительно работал в Кавендишской лаборатории у Э. Резерфорда. По тем временам «компромат» достаточно серьезный...

Так вот, к этим работам Харитон был допущен по настоянию моего отца. Я понимаю, почему Юлий Борисович об этом не вспоминает и, поверьте, никаких претензий к нему не имею. Он замалчивает этот факт по той же причине, почему не говорят всю правду и остальные. Я это понимаю...

К счастью, тогда все обошлось, и академик Харитон продолжил работу. А спустя несколько лет, отец к тому времени уже не имел и косвенного отношения к органам безопасности, его вызвал Сталин:

— Это материалы на Харитона... Убеждают меня, что английский шпион... Что скажешь?

Не берусь точно утверждать, кто именно возглавлял тогда госбезопасность — Абакумов или Игнатьев, — но «дело» было состряпано в этом ведомстве. Материалы на Харитона были собраны и представлены Сталину. А коль ядерный проект курировал отец, Сталин вызвал его.

Отец хорошо помнил предыдущие попытки «убрать» Харитона и не особенно удивился, что вновь зашел разговор о работе академика на английскую разведку.

— Все люди, которые работают над этим проектом, — сказал отец, — отобраны лично мною. Я готов отвечать за действия каждого из них. Не за симпатии и антипатии к советскому строю, а за действия. Эти люди работают и будут честно работать над проектом, который нам поручен.

Разговор происходил в кабинете Сталина, дело на академика Харитона лежало на столе Иосифа Виссарионовича, и можно только догадываться, что там было написано.

— А насчет Харитона могу сказать следующее, — доложил отец. — Человек это абсолютно честный, абсолютно преданный тому делу, над которым работает, и на подлость, уверен, никогда не пойдет.

Отец изложил свое мнение в письменной форме и

отдал бумагу Сталину. Иосиф Виссарионович положил ее в сейф:

— Вот и хорошо, будешь отвечать, если что...

— Я головой отвечаю за весь проект, а не только за Харитона, — ответил отец.

Бумага, написанная отцом, так и осталась у Сталина, а Харитон благополучно дожил до наших дней, плодотворно проработав в науке многие десятилетия.

Таких случаев, кстати, было немало, когда ученым предъявлялись вздорные обвинения. Одних подозревали в шпионаже, других во вредительстве. И точно так же, как в случае с академиком Юлием Борисовичем Харитоном, моему отцу приходилось в письменной форме гарантировать их лояльность.

Были случаи и посерьезней, скажем, в 1939—1940 годах, когда отец был наркомом внутренних дел. Точно так же ему удалось тогда «вытащить» многих военных, специалистов. Разумеется, ни в чем эти люди не были виновны, но те же Ворошилов, Жданов всячески препятствовали их освобождению, потому что сами были повинны в массовых репрессиях.

В 1936—1938 годах в результате повальных арестов страна, по сути, лишилась цвета технической интеллигенции. Туполев, Мясищев, Петляков, Королев, Томашевич, один из заместителей Поликарпова... Десятки и десятки людей. А вместе с ними и их ближайшие помощники. Фактически в этот период была парализована техническая элита, занятая разработкой военной техники. Аресты охватили самолетчиков, специалистов по двигателям, танкостроителей. Пострадали и те, кто впоследствии участвовал в реализации ядерного, ракетного проектов. Кто отправлял этих людей в тюрьмы и лагеря, я уже говорил. Да и они сами хорошо об этом знали...

Когда отец стал наркомом внутренних дел, ему, вполне понятно, потребовалось какое-то время, чтобы изменить ситуацию. Нелепо было бы утверждать, что до прихода в НКВД он не знал, что творится в стране. Знал, конечно. Знал и понимал, к чему все это ведет. Обстановка была такая, что были обезглавлены целые научные направления.

Конечно, проще всего сказать сегодня, что тут же следовало выпустить всех репрессированных и тем самым восстановить и попранную справедливость, и решить возникшие проблемы. К сожалению, даже нарком такой властью не обладал. Лучше бы было вообще не подвер-

гать людей арестам, но коль так случилось до его прихода на должность главы НКВД, отец начал в меру сил поправлять дело. И тут же столкнулся с колоссальным сопротивлением партийной бюрократии.

Скажем, Туполева, как ни стремился, освободить он сразу не смог. Удалось это лишь тогда, когда Туполев закончил один из проектов самолета. Был такой самолет Ту-2. И только потом, через Сталина, хотя партийная верхушка и мешала всячески этому, Туполева удалось освободить. Мало того, конструктор и его помощники тогда же получили высокие награды, воинские звания. Туполев получил генеральское звание, к примеру, а через какое-то время за второй самолет — звание Героя Социалистического Труда.

Коль мы уже заговорили о советских ученых, конструкторах, работавших в оборонных отраслях, давайте проследим судьбу того же Туполева. Примерно такими же трагическими были и судьбы многих других ныне широко известных людей.

Так называемое «Дело Туполева» от начала до конца было выдумано. Отец это понял. Но было признание самого осужденного. Какими способами в тридцать седьмом получали такие признания, известно...

Когда мой отец впервые вызвал его на беседу, был потрясен. Туполев находился в тяжелейшем физическом и психическом состоянии.

— Я был буквально ошеломлен тем, что говорил Лаврентий Павлович, — рассказывал мне уже позднее сам Туполев. — Откажитесь, сказал, от своего признания. Вас ведь заставили это подписать...

И Туполев отказался. Нужны ли еще какие-то комментарии?

По его же словам, он просто не поверил новому наркому и расценил все это как очередную провокацию НКВД. Он уже отчаялся ждать, что кто-то когда-то хотя бы попытается разобраться в его судьбе. Три месяца Туполев упорно настаивал на том, что он понес заслуженное наказание за свои преступления. Окончательно, рассказывал мне, поверил отцу лишь тогда, когда услышал:

— Ну, хорошо, ну, не признавайтесь, что вы честный человек... Назовите мне лишь тех людей, которые нужны вам для работы, и скажите, что вам еще нужно.

По приказу отца собрали всех ведущих его сотрудников, осужденных, как и сам Туполев, по таким же вздорным обвинениям, и создали более-менее приличные

условия для работы. Жили эти люди в общежитии, хотя и под охраной, а работали с теми специалистами, которым удалось, к счастью, избежать репрессий.

Моего отца нередко обвиняют в создании таких «шарашек»... Но он мог лишь добиваться освобождения этих людей, но отменять решения судов не мог. Проходило какое-то время, пока разбирались и принимали решение об освобождении. Чтобы как-то облегчить участь ученых, оказавшихся в лагерях, их и собирали в такие «шарашки».

Ни в коей мере не собираюсь опровергать воспоминания людей, которые там работали после лагерей. Допускаю, что рядовые исполнители многого не знали. Наверняка они искренни в своих рассказах о пережитом. Как и те люди, которые с тридцать шестого, тридцать седьмого, тридцать восьмого годов находились в тюрьме. Они знали фамилию нового наркома, не больше. А позднее, уже в пятидесятые, был создан тот образ Берия, о котором мы говорили...

Туполев, Королев, Мясищев, Минц, многие другие люди, ставшие жертвами репрессий, рассказывали мне о роли моего отца в освобождении советских ученых — и ядерщиков, и авиаконструкторов, и всех остальных — и тогда, и до моего ареста, и позднее, когда отца уже давно не было в живых. Какая нужда была этим людям что-то приукрашивать?

Они считали, что их спас мой отец. Двурушничать передо мной в той обстановке им не было никакого смысла. Напротив, их заставляли давать показания на отца...

Они были благодарны отцу за то, что он «вытащил» их из тюрем и лагерей, добился того, что им были созданы условия для работы, а затем и полного освобождения всех этих людей.

Я уже говорил, что в СССР аресты не проводились по инициативе ЧК—ОГПУ—НКВД—НКГБ—МГБ... Речь в данном случае лишь о крупных фигурах типа Туполева, Королева, Мясищева, ученых-ядерщиков и других. Жертвами репрессий они становились только по инициативе или с санкции Orготдела ЦК. По-другому не бывало. Мы говорили о массовых арестах военных. Тухачевский, Блюхер, Якир... Только с санкции этих людей, а главное, Ворошилова можно было арестовать того или иного военного. Многие из тех, кто становился соучастником преступлений против честных людей, впоследствии сами попали под каток репрессий.

Так было и с учеными. Возьмите любое «дело» тех лет. В каждом непременно найдете визу наркома, другого ответственного работника. Скажем, если ученый был из Наркомата авиационной промышленности, резолюцию накладывал нарком этой отрасли. Знаю, что единственным человеком, не завизировавшим своей подписью ни один подобный документ, был Серго Орджоникидзе, чего не могу сказать о многих из тех, кого мы сегодня считаем невинными жертвами. Как ни горько, но даже Сергей Миронович Киров, если уж быть до конца объективным, давал согласия на аресты того или иного деятеля. Этот человек никогда не был сторонником репрессий, но что было, то было...

Почему он так иногда поступал, разговор особый. А вот Орджоникидзе не оставил после себя ни одного такого документа. В архивах наверняка должны сохраниться другие документы, где он категорически возражает против арестов. Пусть эти специалисты не любят Советскую власть, говорил Серго Орджоникидзе, но если они работают на нее, страдать за свои взгляды не должны. Здесь они с отцом были единомышленники.

Никто не может опровергнуть такой факт: во время войны в тех отраслях, которыми руководил Берия, не было ни одного ареста, ни одного снятия с должности. Так было и в период, когда шла работа над бомбой. И совсем не потому, что не пытались это делать. Пытались. Но отец санкции не давал, требуя у органов реального обоснования обвинения. Другие поступали иначе. Когда с такими предложениями приходили к Ворошилову, тот подписывал тут же или сам садился писать... И не он, к сожалению, один.

— Дайте мне факты, что этот ученый действительно сотрудничает с разведкой, а не рассказывайте, что он английский шпион, — говорил отец.

Фактов, разумеется, не было, и человек, даже не догадываясь о том, что ему угрожало, продолжал спокойно работать. Отец никогда не допускал шельмования людей. Почитайте материалы Пленума ЦК, где его обвиняли в том, что он прикрывал политически не преданных людей. Такие обвинения звучали и раньше, но отец был последователен:

— То, что этот ученый считает, что мы сволочи, это его личное дело, но ведь работает он честно?

Эти принципы он исповедовал на протяжении всей жизни, как я рассказывал. И когда на том Пленуме ЦК

говорили, что Берия всегда исходил не из партийной сущности человека, а исключительно из деловых качеств, это было правдой. А для партийной верхушки это и было как раз самым большим нарушением большевистских принципов...

Из выступления А. П. Завенягина, члена ЦК КПСС, заместителя министра среднего машиностроения на июльском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС:

«...товарнщ Малеиков говорил в своем докладе о практике Берия игнорировать Центральиый Комитет н правительство в важнейших вопросах, в том чнсле в вопросе относительно использования атомной энергни. Товарищ Маленков сказал, что решение по нспытанию водородной бомбы не было доложеио правительству, не было доложено Центральному Комитету н прннято Берия единолнчно. Я был свидетелем этой нсторнн.

Мы подготовили проект решения правительства. Некоторое время он полежал у Берня, затем он взял его с собой почитать. У нас была мысль, что он хочет поговорить с товарнщем Малеиковым. Недели через две он приглашает нас н начинает смотреть документ. Доходит до конца. Подпись — Председатель Совета Мннистров Г. Малеиков. Зачеркивает ее. Говорит — это не требуется. И ставит свою подпись.

Что такое, товарищи, водородная бомба? Это сейчас важнейший вопрос не только техники, не только вопрос работы бывшего первого главного управления (теперь нового Миннстерства среднего машиностроения), это вопрос мнрового значения. В свое время американцы создалн атомную бомбу, взорвали ее. Через некоторое время, прн помощн наших ученых, нашей промышленности, под руководством нашего правительства мы ликвидировали эту моиополию атомной бомбы США. Амернканцы увиделн, что преимущества потеряны, н по распоряжению Трумэна начали работу по водородной бомбе. Наш народ н наша страна не лыком шиты, мы тоже взялись за это дело, н, насколько можем судить, мы думаем, что не отсталн от американцев. Водородная бомба в десятки раз сильнее обычной атомной бомбы, н взрыв ее будет означать лнквидацию готовящейся второй монополии американцев, то есть будет важнейшнм событием в мировой политике. И подлец Берия позволнл себе такой вопрос решать помимо Центрального Комитета.

...Мне кажется, в оценке Берия, как работннка, нмеется преувелнчение его некоторых положительных качеств. Всем известно, что он человек бесцеремонный, нажимнстый, он не считался ни с кем и мог продвннуть дело. Это качество у него было... Без лестн членам Президиума ЦК могу сказать: любой член Президиума ЦК гораздо быстрее и глубже может разобраться в любом вопросе, чем Берия.

Берия слыл организатором, а в действительности был отчаянным бюрократом. После смерти товарища Сталина Берия особенно заметно стал демагогически вести игру в экономию. Американцы строят новые большие заводы по производству взрывчатых атомных веществ. Тратят на это огромные средства. Когда мы ставили вопрос о новом строительстве, Берия нам говорил: «К черту, вы тратите много денег, укладывайтесь в пятилетку». Мы не могли с этим мириться, государство не может мириться. Берия же повторял нам: «К черту, укладывайтесь в утвержденные цифры».

Товарищи, с изъятием Берия из состава Президиума ЦК и руководства нашей партии... Центральный Комитет, Президиум ЦК поведут нашу партию и государство вперед, к новым успехам».

И повели...

В Комитет, занимающийся ядерными делами, входили... Маленков и Булганин. И отец, конечно. О чем тогда может идти речь? Кто от кого что скрыл? Абсурд. В день так называемого ареста моего отца мы как раз должны были докладывать с генералом Ванниковым, Курчатовым и еще целым рядом людей проект решения правительства по этому вопросу. Я сам участвовал в работе над этим документом. Там прямо говорилось: «Принять предложения Комитета... Поручить Комитету...» Речь шла о водородной бомбе. Мы сделали ее на год раньше американцев. В тот день и должны были решить, как и где взрывать.

Даже человек с такой властью, как отец, не мог втайне от ЦК, правительства принять эти решения. Министром обороны был Булганин, военные, естественно, подчинялись ему. А ведь именно они только и могли взорвать бомбу. Да и зачем отцу надо было кого-то обходить? Я сам видел на этом документе подписи членов Политбюро, но формально мы должны были получить еще и решение расширенного президиума Совета Министров. Это была узаконенная система. Так было еще при Сталине.

Правда лишь в том, что отец — об этом тоже шла речь на Пленуме ЦК — с сарказмом относился к партийным работникам и не допускал их к участию в ядерном проекте. И он действительно требовал экономии средств. И когда ему говорили, что Соединенные Штаты в сто раз больше вкладывают в вооружение, он отвечал, что и экономика у них более сильная. Пора соизмерять свои желания с возможностями страны. Дальнейшее напряжение равносильно самоубийству. Ведь это были тяжелейшие послевоенные годы...

Было время, когда его точно так же обвиняли в расточительстве. Отец курировал нефтяную промышленность. Созданное в те годы нефтяное оборудование превосходило американское. Кто сегодня помнит, что турбобуры создали не американцы, а мы. Теперь мы покупаем их у США... Тогда по настоянию моего отца впервые началось бурение шельфов. Это было еще до войны. Целые промыслы в Азербайджане заработали по его инициативе. Но — дорого. Его обвинили, что не экономит средства. Зачем, мол, в море лезть, на земле-то дешевле... Такая логика.

Один отец знал, чего ему стоило обойти Центр, но делу помочь.

Он был очень дружен с академиком Иваном Михайловичем Губкиным, основателем советской нефтяной геологии. Тот, кстати, говорил отцу, что нефть непременно должна быть и в Татарстане. Позднее отец в этом убедился, и тогда начали закладывать там первые промыслы. Нефтяную промышленность, как и угольную, некоторые другие отрасли он курировал как член Государственного Комитета Обороны.

Возвращаясь к тому Пленуму ЦК, могу добавить, что столь же абсурдны были и обвинения Маленкова. Он тоже сказал, что «Берия без ведома ЦК и правительства принял решение о взрыве водородной бомбы».

Из доклада члена Президиума ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР Г. М. Маленкова:

«...известно, что Берия ведал Специальным комитетом, занятым атомными делами. Мы обязаны доложить Пленуму, что и здесь он обособился и стал действовать, игнорируя ЦК и правительство в важнейших вопросах работы Специального комитета».

Кстати, зададимся вопросом, почему именно отцу было поручено руководство работами по созданию ядерного оружия?

Первая комиссия, которая рассматривала реальность и необходимость атомного проекта, была создана по инициативе моего отца. Как человек, руководивший стратегической разведкой, он располагал той информацией, с которой все и началось.

Возглавлял эту комиссию Молотов, в ее состав входили Иоффе, Капица, другие видные советские ученые.

Разговор был предметный — отец представил убедительные разведданные, полученные к тому времени из

Германии, Франции, Англии. Тем не менее проект был отклонен. Комиссия признала, правда, что теоретически проблема существует, но практически реализация такого проекта требует десятилетий. Следовательно, не время, да еще при нависшей угрозе войны вкладывать средства в то, что в обозримом будущем не обещает отдачу. Отец с такими выводами был категорически не согласен — западные источники говорили о другом.

Это была первая попытка отца убедить ЦК и правительство, но дальше работы комиссии, на создании которой он настоял, дело не пошло.

Но разведка свое дело делала — отец организовал сбор данных из западных стран, причем любых данных, связанных с этой проблемой. Еще тогда он убеждал:

— Нельзя допустить, чтобы Германия получила такое оружие раньше нас.

В начале 1940 года отец повторно обращается в Центральный Комитет партии и к Сталину с предложением начать работы по атомному оружию. В основу этой записки были положены новые материалы, добытые разведкой. К тому же к этому времени и наши, и западные ученые уже не сомневались, что такой проект реализуем.

Но у Сталина и ЦК были свои контрдоводы: война приближается, надо перевооружать армию. Стране нужны новые самолеты, танки. Словом, не время. А там и полный план «Барбаросса» наша разведка получила, началась разработка контрударов по будущему противнику. Вопрос с бомбой отложили до лучших времен.

А донесения разведки продолжали беспокоить отца. Отец докладывал в ЦК и Сталину, что уран из Чехословакии не экспортируется, так как полностью уходит на исследовательские работы в Германию. Все запасы тяжелой воды в Европе немцы также пытаются захватить. Помешали французы — почти весь запас тяжелой воды попал к Жолио-Кюри. По всей вероятности, эти разведданные поступали тогда из Франции.

И самое интересное, что тогда же разведка сообщила, что из Африки тайно переправляется в Америку запас обогащенного урана.

Аналитикам не составило особого труда сделать соответствующие выводы — работы за границей переходят в инженерную стадию. Отец был крайне обеспокоен, что Запад может получить какой-то результат.

Отец предлагал хотя бы не в полном объеме, но раз-

вернуть такие работы и в СССР. Технологию мы уже имели...

А потом началась война. Всем уже было не до этого.

В сорок втором, когда полным ходом шла работа над созданием атомной бомбы в Америке, где были собраны научные кадры из Италии, Германии, Франции, Англии, отец вновь обратился к Сталину: «Больше ждать нельзя». И вновь, как и прежде, были представлены материалы разведки.

И наконец дело сдвинулось с мертвой точки. Пусть в нешироком объеме, но работы таки развернули. Было создано Главное управление по реализации уранового проекта. А это уже было что-то. И хотя тогда, в условиях войны, не было ни ресурсов, ни средств, начало было положено. Возглавил новое управление Борис Львович Ванников, впоследствии трижды Герой Социалистического Труда, первый заместитель министра среднего машиностроения, дважды лауреат Государственной премии. А в годы войны, как нарком, генерал Ванников занимался вооружением и боеприпасами. А подчинили это управление моему отцу. Почему именно ему? Потому что это был единственный человек, который последовательно, начиная с 1939 года, настаивал на необходимости разворота этих работ.

Учли и то, что он, как член ГКО, сумел наладить выпуск танков, вооружения, боеприпасов. Успешно работали на оборону страны и другие отрасли, которые отец курировал. Скажем, металлургия. А проект, о котором мы с вами говорим, требовал подключения всей промышленности. Нужен был человек, знающий дело, умеющий организовать работу в условиях военного времени. Знаю, что этими обстоятельствами и был обусловлен такой выбор. Кроме того, вся разведывательная информация продолжала проходить через его аппарат, а следовательно, поступала к отцу.

Разумеется, проект такого масштаба требует и специальных знаний. Он не мог рассчитать то или иное устройство, но результаты этого расчета, физическую суть получал с помощью ученых. Этого было вполне достаточно, чтобы определить направление, поставить вопрос.

Отец, помню это с детства, всегда много работал над теми проблемами, которые ему поручались. Когда он работал в Грузии, ему пришлось заниматься субтропиками, например. Конечно, он не был специалистом в этой

области. Приглашал агрономов, почвоведов, других специалистов сельского хозяйства, советовался. Это была обычная практика. Он ездил по колхозам, смотрел, анализировал, то есть готовил себя к пониманию вопроса. Это не значит, что он мог стать таким образом селекционером или ученым-почвоведом, но вопросы, связанные с организацией этих работ, он изучал достаточно хорошо. Докопаться до сути он стремился и здесь. Вообще он был человеком с острым умом. Знаю от самих ученых-ядерщиков, с которыми он работал, как они удивлялись тому, что он схватывал суть мгновенно.

Ему не нужно было заниматься конструкцией бомбы или теоретическими проблемами. От него ждали другого — нужны были диффузионные заводы, циклотроны, ускорители и многое-многое другое, без чего бомбу создать невозможно.

Работал он тогда особенно много. Нередко беседы с учеными проходили у меня на глазах. Проходили они и у нас дома, и за городом. Вставал он, как всегда, рано и до девяти утра успевал часа три поработать над материалами. А дальше обычная круговерть — организационных вопросов была масса.

В 1946 году по предложению отца к решению поставленных задач были подключены большие мощности. Тогда же был создан Специальный комитет при Совете Министров СССР, который он и возглавил. Но, повторяю, работы шли и в войну. Создавались специальные лаборатории, строились диффузионные заводы, ядерные котлы. В тяжелейших условиях, но дело делалось. Практически с 1943 года эти работы были развернуты.

Все минувшие десятилетия приоритет советской науки никогда не ставился под сомнение, но когда были обнародованы некоторые материалы разведки, тут пошли разговоры о том, что ядерное оружие мы позаимствовали у американцев...

Но ничего подобного! Фактор времени! И только он. Разведка в значительной мере облегчила задачу, поставленную перед советскими учеными, и они справились с ней в более сжатые сроки.

Не секрет, какое это было время. Те отрасли промышленности, которые должны были работать на бомбу, находились после войны в удручающем состоянии. Начни мы работы без каких-либо данных, результат был бы получен лет на десять позднее.

То есть наши ученые разрабатывали ту технологию, которая дала результат. Но должен ради объективности сказать еще вот о чем. Наши ученые-ядерщики не копировали американскую бомбу. Скажем, у нашей бомбы иная конструкция. Это заслуга академика Харитона. Бомба создана на принципиально иной основе. Да, ядерное топливо одно — плутоний, но у американцев, грубо говоря, заряд выстреливается в стволе и за счет сжатия начинается цепная реакция и выделение энергии. У нас вместо ствола применили обжатие шара. Это более сложная конструкция, но она дает лучшее сжатие, лучший КПД.

Получив от разведки очень и очень много, советские ученые все же пошли своим путем. Так было не только с ядерным оружием...

Вопреки распространенному мнению о том, что ученые не знали, откуда поступают материалы, в которых содержалась информация о ходе аналогичных работ на Западе, должен заметить, что это неправда. Знали, разумеется, что эти данные добыты разведкой. Не знали источники этой информации, но это вполне объяснимо.

Больше того, в Советский Союз были нелегально переправлены крупнейшие ученые западных стран. Некоторые имена могу назвать. Скажем, Бруно Понтекорво был доставлен в СССР из Англии на подводной лодке.

Из официальных источников:

Бруно Макс Понтекорво. Родился в 1913 году. Как утверждают советские источники, «член КПСС с 1955 года, советский физик, академик АН СССР, лауреат Ленинской и Государственной премий. Автор трудов по замедлению нейтронов и их захвату атомными ядрами, ядерной изомерии, слабым взаимодействиям, нейтрино, астрофизике».

Родился в Италии, член Итальянской компартии с 1939 года. С 1940 года работал в США, Канаде, Великобритании. По официальным данным, в СССР с 1950 года...

Понтекорво работал над аналогичным проектом еще на Западе. Через Чехословакию были переправлены в Советский Союз и два крупнейших радиоэлектронщика, американцы по происхождению...

Можно было бы назвать еще десятки людей, но я не считаю себя вправе о них говорить. И объясню почему. Дело не в том, что сегодня это какая-то сверхтайна. Наверное, разведслужбам эти имена давно известны. Го-

ворить о других людях было бы просто непорядочно. У них есть дети, внуки... Говорить можно, убежден, лишь о раскрытых источниках информации, а коль ни в зарубежной, ни в нашей печати их имена до сих пор не всплыли, называть их не стоит.

Вспомните суд над супругами Розенбергами, который ровно сорок лет назад проходил в США. Трагическая история. По неосторожности или по глупости Хрущев признал в США, что Этель и Лилиан Розенберги были нашими разведчиками. Его спросили, он и ответил... Эти люди были казнены, хотя так и не признали, что работали на Советский Союз. У спецслужб были лишь косвенные данные о передаче СССР атомных секретов, а прямых никаких. Нет их, к слову, у американцев и по сей день, если не считать признание Хрущева.

А выдал Розенбергов брат Этель, на чем неплохо заработал — на полученные миллионы открыл свое дело...

Очень многие люди работали на Советский Союз, многие, кто в большей степени, кто в меньшей, причастны и к реализации ядерного проекта, но существуют законы разведки: страна, на которую работает разведчик, никогда его не выдает. Должны же быть этические нормы. Правда, мы о них стали забывать...

Интерес к урановому проекту возник у моего отца задолго до соответствующего решения Политбюро, принятого на базе материалов разведки, полученных из Германии, Франции, Англии и уже впоследствии из Америки. Насколько знаю, первыми были получены в середине или в конце 1939 года материалы из Франции. Речь в них шла о работах Жолио-Кюри. Тогда же стали поступать представляющие несомненный интерес материалы из Германии. Если коротко, стало известно, что сделано крупнейшее открытие: уран расщепляется, при реакции урана выделяется большое количество энергии, и сразу в нескольких странах одновременно — хотел бы это подчеркнуть — в Германии, Франции, может быть, в Англии — ученым-физикам стало понятно, что цепная реакция возможна, а коль так, возможно и создание устройств, которые способны выделять в очень короткое время колоссальную энергию. Другими словами, тогда впервые зашла речь и о том, что возможно создание нового оружия.

Разведка — и техническая, и экономическая — в структуре Народного Комиссариата внутренних дел зани-

мала значительное место. Вполне понятно, что наряду со специалистами высочайшего класса в области, так сказать, «чистой» разведки, там работали и серьезные аналитики, к которым и попадала соответствующая информация из Германии, Франции, Англии, Америки. Думаю, сегодня было бы довольно любопытно проанализировать те суммарные сводки с тенденцией наиболее интересных направлений, требующие дальнейшей разработки, которые они составляли. Вместе с офицерами НКВД над этими материалами столь же серьезно работали эксперты, консультанты из числа специалистов, привлеченных к анализу разведданных. Знаю, что в данном случае для экспертной оценки привлекались видные советские ученые. Такие, как, скажем, академик Иоффе, Капица, Семенов и целый ряд их учеников.

Материалы накапливались, и пришло время, когда аналитики сделали выводы: как и у нас, в СССР, наука в нескольких странах подошла к тому, что эта проблема из области фантастики превратилась в реализуемую гипотезу.

О вкладе наших ученых в создание нового оружия разговор дальше, а пока я хотел бы сделать одно уточнение. Разумеется, никто тогда, до войны, меня в эти вещи не посвящал. Лишь со временем от самых разных людей я узнал предысторию создания атомной бомбы.

Сам я, не догадываясь об этом, прикоснулся к тайне будущего оружия в конце 1939 года. В это время у нас в доме появился молодой человек. Так как он говорил по-английски, я считал, что он англичанин. Жил он у нас недели две.

Отец его не представлял, просто сказал, что это молодой ученый, Роберт, который приехал для ознакомления с рядом вопросов. Никаких разговоров больше не было.

Роберт оказался довольно высоким, худощавым человеком лет тридцати, с характерным лицом. С достаточной степенью вероятности можно было судить лишь о его еврейском происхождении. А кто он и откуда, можно было только гадать.

Обедали мы, как правило, вместе. Куда он уезжал, я не знал, а спрашивать о чем-то подобном было не велено. Да и у отца я в таких случаях никогда ни о чем не расспрашивал. Знал, что многие годы его жизнь связана с разведкой. Если считал необходимым, он сам что-то говорил.

Роберт знал немецкий, но проще ему было говорить по-английски. Язык я знал, поэтому проблем в общении у нас не возникало. К тому же отец попросил меня в те дни, когда Роберт никуда не уезжает, тоже оставаться дома и не ходить в школу. С тобой ему будет не так скучно, сказал отец.

Наш гость много читал, а когда заканчивал работу, охотно расспрашивал меня, как и чему учат в советских школах, что сейчас по физике проходим, что по математике, химии. Словом, обычное любопытство взрослого человека. Показал мне ряд приемов быстрого счета. Я понял, что этот человек имеет какое-то отношение к технике.

— Рассказывай обо всем, что его интересует, но сам не расспрашивай ни о чем, — говорил отец. Так мы и общались. Роберт расспрашивал — я отвечал. Отец вообще никогда не рассказывал в те годы о людях, которые становились гостями в нашем доме.

Уж не помню точно, то ли в конце сорок второго или в самом начале сорок третьего как-то за столом, помню, были Ванников, нарком боеприпасов, Устинов, нарком вооружения, зашел разговор о новом оружии. Речь шла о том, что американцы форсируют какие-то разработки, связанные с бомбой колоссальной разрушительной силы. Говорили о ядерной реакции и прочих вещах. Тогда и услышал я, что работы эти возглавляет в Америке Роберт Оппенгеймер.

Я приехал накануне из академии, где учился, от предмета разговора был далек, а когда гости разошлись, поинтересовался у отца:

— Помнишь, у нас несколько лет назад гостил Роберт...

Фамилию Оппенгеймер отец мне тогда не назвал, ответил коротко:

— Не забыл? Он приезжал к нам для того, чтобы предложить реализовать этот проект, о котором ты слышал. Сейчас работает в Америке.

— Человек, который гостил у вас до войны, приезжал в СССР нелегально?

— Думаю, да. В противном случае его бы не допустили к тем работам, которые он возглавлял впоследствии в официальном учреждении.

Я спросил тогда у отца, помогает ли он нам сейчас. Отец ответил, что теперь такой возможности нет, но и без него есть немало людей, которые нам помогают.

Из официальных источников:

Роберт Оппенгеймер. Американский физик. В 1943 — 1945 годах руководил созданием американской атомной бомбы. Впоследствии председатель Генерального консультативного комитета Комиссии по атомной энергии США, директор Института фундаментальных исследований в Принстоне. Советский энциклопедический словарь называет его противником создания водородной бомбы, обвиненным в 1953 году в нелояльности и лишенным допуска к секретным сведениям.

Скончался в 1967 году в возрасте 63 лет.

Американская контрразведка не смогла доказать его сотрудничество с СССР, но такие обвинения в адрес Оппенгеймера попали даже в печать. Его отстранили от секретных работ, не дали возможности заниматься водородной бомбой. Обвинения в шпионаже в пользу русских, жена — коммунистка... Этого было вполне достаточно.

Тогда, в Москве, мы не говорили с ним о его биографии, и лишь спустя много лет я узнал, что Юлиус Роберт Оппенгеймер родился 22 апреля 1904 года в Нью-Йорке. Его отец попал в Америку из Германии еще четырнадцатилетним мальчишкой и, кажется, разбогател на торговле тканями. Его женой стала уроженка Балтиморы Элла Фридман, художница, преподавательница живописи. Семья обладала, к слову, довольно приличной коллекцией картин, включая полотна Ван Гога.

В этой семье и выросли Роберт и его брат Франк, тоже, кстати, ставший ученым.

Роберт с юности был разносторонне одаренным человеком. Писал стихи и даже мечтал в свое время стать поэтом, изучал физику, химию, греческий, латынь, историю...

Гарвардский университет он окончил в 1925 году всего за три года. Затем, как многие американские студенты тех лет, решил продолжить образование в Европе. Так он оказался в Кембриджском университете и начал работать в лаборатории Кавендиша под руководством Резерфорда. За глаза ученики называли великого ученого «Крокодил». Петр Капица, тоже один из его учеников, даже украсил фасад построенной для него в Кембридже лаборатории фигуркой крокодила, с известной долей остроумия объяснив это так: крокодил, мол, подобен научному прогрессу— так же перемалывает челюстями все, что попадается ему на пути, и при этом никогда не оборачивается назад...

Еще там, в Англии, Оппенгеймеру предсказали блестящую научную карьеру. Он получил степень доктора и в 1928 году возвратился в Америку. В здешних университетах к тому времени уже широко были известны его научные работы, опубликованные в Англии и Германии. Оппенгеймер избрал Калифорнийский университет в Беркли, это вблизи Сан-Франциско. Утверждают, что свой выбор он мотивировал тем, что в университетской библиотеке было превосходное собрание французской поэзии XVI—XVII века...

Как и многие другие западные ученые, Роберт Оппенгеймер долгое время оставался безразличным к политическим событиям, и лишь после прихода Гитлера к власти, когда в Германии началось притеснение интеллигенции, его отношение к политике заметно изменилось. Скажем, он открыто выступил в поддержку Испанской республики. После смерти отца в 1937 году Роберт, получивший солидное наследство, активно помогает материально антифашистам. Прокоммунистические настроения вообще были характерны для многих интеллигентов Запада.

Интерес к проблеме создания бомбы проявился у него еще в 1939 году. Он прекрасно понимал значение научных открытий, сделанных в лабораториях Европы. Уже с осени 1941 года по приглашению Нобелевского лауреата Комптона Оппенгеймер работает в специальной комиссии Национальной академии наук, занимавшейся проблемами использования атомной энергии в военных целях. Именно тогда — и советская разведка об этом своевременно сообщала в Москву — Белый дом принял решение об ассигновании больших средств на создание ядерного оружия.

В сорок втором Оппенгеймер возглавил группу теоретиков, создававших модель будущей бомбы. Этот коллектив впервые серьезно исследовал возможность высвобождения ядерной энергии в процессе синтеза легких ядер, в частности, водорода. В это же время все исследовательские работы стали вестись по единому плану, который и получил название «Манхэттенский проект». Накануне было подписано соглашение с англичанами, по которому американской армии поручалось официально организовать совместную работу английских и американских ученых-ядерщиков.

На такой централизации настаивал и сам Оппенгеймер, спешивший опередить нацистов. Он давно предла-

гал, чтобы были собраны в одной лаборатории ученые-физики из разных стран. Осенью сорок второго начальник «Манхэттенского проекта» генерал Гровс и предложил Оппенгеймеру возглавить такую лабораторию. Роберту было тогда 38 лет...

Впоследствии по предложению Оппенгеймера было выбрано и место для такой лаборатории — плато Лос-Аламос в Нью-Мехико.

С 1942 года, когда руководители США и Великобритании сосредоточили в Америке всю работу ученых-ядерщиков и начал претворяться в жизнь «Манхэттенский проект», активно заработала и служба безопасности. Насколько известно, первые неприятности, с которыми столкнулся Оппенгеймер, начались именно тогда. Принадлежность в прошлом к левым политическим организациям, а Роберт, видимо, этого не скрывал, серьезно осложнила его пребывание в секретной лаборатории. Генералу Гровсу даже доложили, что Оппенгеймера по соображениям безопасности нельзя использовать в должности руководителя Лос-Аламосской лаборатории. Гровс удовлетворился заверениями ученого на предмет того, что тот давно порвал с коммунистами и никаких связей с левыми поддерживать впредь не намерен. Вопреки желанию контрразведки, Оппенгеймера оставили в должности.

Затем, как знаете, работы по созданию бомбы активно продолжались и завершились испытанием в районе Аламогордо. В обстановке полной секретности составные части снаряда подняли на металлическую башню, установленную в пустыне, и в пять тридцать утра 16 июля сорок пятого года раздался взрыв первой в мире атомной бомбы. В августе — и это тоже широко известно —американцы бомбили Хиросиму и Нагасаки...

А в октябре Оппенгеймер ушел с поста директора Лос-Аламосской лаборатории. Водородную бомбу делал уже Эдвард Теллер, эмигрировавший в годы фашизма из Германии. Оппенгеймер же возглавлял одно время Принстонский институт перспективных исследований, позднее был председателем Консультативного комитета Комиссии по атомной энергии. В 1949 году он входил в состав комиссии, изучавшей фотоснимки верхних слоев атмосферы, доставленные американским бомбардировщиком. Интерес американцев был вызван тем, что на снимках были видны следы первого советского атомного взрыва...

В конце 1953 года президент Эйзенхауэр отдал рас-

поряжение «возвести глухую стену между Оппенгеймером и секретными сведениями». Ученому выдвинули тогда целый ряд обвинений. Его обвиняли в том, что он материально помогал коммунистам, поддерживал с ними связь, был любовником коммунистки и женился на бывшей коммунистке, принимал коммунистов на работу в Лос-Аламосскую лабораторию. Словом, все крутилось вокруг этого. Через несколько месяцев началось официальное разбирательство. Процесс продолжался три недели. Оппенгеймеру исполнилось в те дни 50 лет.

Доказать, что Оппенгеймер был советским агентом и прочее, в чем обвиняли ученого, комиссия не смогла, но решение было таким: кандидатура Оппенгеймера нежелательна на любых должностях, связанных с доступом к военным секретам. Его тут же убрали из Комиссии по атомной энергии, а когда он подал апелляцию, ее отклонили.

Комитет безопасности пришел тогда к выводу, что «Оппенгеймер не всегда поступал согласно принципам безопасности Соединенных Штатов и мог в будущем угрожать этой безопасности, он не был искренним до конца, поступки Оппенгеймера в деле создания водородной бомбы заставляют сомневаться в том, что в будущем он будет действовать так, как этого требуют интересы безопасности страны».

В 1963 году, за четыре года до смерти ученого, Комиссия по атомной энергии пересмотрела это решение. Оппенгеймеру была присуждена премия имени Энрико Ферми за особый вклад в дело овладения и использования атомной энергии, но, строго говоря, это не было полной реабилитацией ученого.

Иначе сложилась судьба Эдварда Теллера.

Из официальных источников:

Эдвард Теллер. Родился в 1908 году в Будапеште в семье адвоката. Учился в Карлсруэ, Мюнхене, Лейпциге. С 1934 года — в Дании у Бора, с 1935 года — в США, в университете имени Дж. Вашингтона.

В 1941 году получает приглашение работать над атомной бомбой. Покинул Лос-Аламос в результате конфликтов с Оппенгеймером. Вопреки мнению Оппенгеймера, добился после войны создания для себя новой лаборатории неподалеку от Лос-Аламоса.

Участник создания американской атомной и термоядерной бомб. По утверждению советских источников, «выступал против разоружения и разрядки международной напряженности».

Их конфликт начался в Лос-Аламосе. Оппенгеймер не препятствовал работам Теллера над термоядерной бомбой и даже освободил его от работы над атомным оружием. Впоследствии их взгляды разделились окончательно. Оппенгеймер отстаивал свою позицию, Теллер всячески настаивал на создании водородной бомбы. Он и возглавил в США эти работы. Правительство США, разумеется, поддержало Теллера.

В октябре сорок девятого Консультативный комитет под руководством Оппенгеймера рассмотрел проект создания водородной бомбы и пришел к выводу, что создание термоядерного оружия неизбежно нанесет моральный ущерб Соединенным Штатам. Эдвард Теллер и другие ученые в состав этого комитета не входили, но проект отстаивали рьяно. В начале 1950-го президент Трумэн приказал начать работы... Первая реакция атомного синтеза была осуществлена американцами на поверхности земли на островке посередине Тихого океана 1 ноября 1952 года.

Взрыв был произведен в 7 часов 14 минут. Мощность взрыва «Майка» — такое кодовое название получило взрывное устройство — достигла примерно 12 мегатонн. Местом взрыва избрали коралловый риф на атолле Эниветок. Но американский снаряд еще не являлся транспортабельным оружием — он был чрезмерно велик и его лишь предстояло уменьшить до величины бомбы.

20 августа 1953 года в советской печати было опубликовано правительственное сообщение: «На днях в Советском Союзе в испытательных целях был произведен взрыв одного из видов водородной бомбы». Правда, я об этом узнал позднее, уже после освобождения из тюрьмы...

Это была действительно термоядерная бомба. Так что американцев мы опередили.

А в 1954 году под руководством Игоря Васильевича Курчатова под Москвой была пущена первая в мире атомная электростанция. Со времени взрыва первой нашей атомной бомбы прошло всего несколько лет...

Как-то Роберт Оппенгеймер сказал: «Мы сделали работу за дьявола». Да, было создано страшное оружие, которое, к счастью, не вошло в арсенал нацистов. У Советского Союза не оставалось выбора. Даже после второй мировой войны мы не могли чувствовать себя в безопасности. Так что и атомная, и водородная бомба отнюдь не прихоть Сталина, моего отца или кого-то другого. Не создай мы первыми водородное оружие, нам оставалось

бы идти вслед за американцами. В истории же создания атомной бомбы так и получилось. Нам не оставалось ничего другого, как принять вызов...

Сотрудник Токийской резидентуры КГБ, майор Станислав Левченко, приговоренный за измену Родине в августе 1981 года к расстрелу, оказавшись после побега на Западе, охотно делился своими воспоминаниями об учебе в разведшколе, располагавшейся в Подмосковье. По словам бывшего разведчика, он был «прямо-таки потрясен» впервые услышанной им от преподавателей историей советского проникновения в тайны «Манхэттенского проекта». Секреты своей ядерной программы американцам удалось полностью утаить и от немецкой, и от японской разведок. И лишь в Советский Союз информация о ходе реализации «Манхэттенского проекта» поступала бесперебойно.

Мы выиграли таким образом несколько лет, в течение которых в противном случае мы бы полностью зависели от милости Америки, — подчеркивали преподаватели разведшколы, иллюстрируя высокоэффективную работу советской разведки.

Наверное, на этом действительно классическом примере будет воспитываться еще не одно поколение разведчиков. И наверняка не только российских. Это был поистине ошеломляющий успех советских спецслужб.

Людей, помогавших тогда нам, было много. Например, Клаус Фукс. Впоследствии этот ученый вынужден был признать, что он работал на Советский Союз. Но, повторяю, это был далеко не единственный источник информации. Таких, как Фукс, были десятки...

Из официальных источников:

Клаус Фукс. По оценкам западных разведслужб, один из самых ценных советских агентов.

Родился 29 октября 1911 года в г. Рюсельхейме вблизи Дормштадта в семье известного протестантского религиозного деятеля, доктора богословия Эмиля Фукса. Его отец одним из первых священнослужителей в молодости вступил в члены Социалистической партии Германии.

В 1928 году Клаус Фукс оканчивает с медалью школу и поступает в Лейпцигский университет, где становится членом Социалистической партии. После прихода нацистов к власти находится на нелегальном положении в подполье. В июле 1933 года направляется Компартией Германии в Париж, затем в Англию.

Три года жил в доме известного промышленника, симпатизирую-

щего СССР, Рональда Ганна. Работал в лаборатории физика Невиля Нотта в Бристольском университете. В декабре 1936 года в возрасте 25 лет защитил докторскую диссертацию. Впоследствии по рекомендации доктора Невиля Нотта продолжил работы в лаборатории профессора Макса Борна. Совместно с Борном написал в Эдинбургском университете ряд научных работ.

В мае 1940 года интернирован, как немец, и помещен в лагерь на острове Мэн, позднее вместе с другими интернированными переведен в Канаду и заключен в лагерь, расположенный в Квебеке. Возвращен в Англию по ходатайству промышленника Рональда Ганна и некоторых видных ученых в конце декабря 1940 года.

В начале 1942 года Клаус Фукс принял английское подданство и был привлечен к секретным работам, связанным с созданием ядерного оружия. Работал в группе немецкого эмигранта физика Р. Пайерлса.

По роду деятельности наблюдал за аналогичными работами, которые велись в нацистской Германии, имел постоянный допуск к совершенно секретным материалам, полученным от зарубежной агентуры Сикрет Интеллидженс Сервис (СИС), в частности, к разведданным, поступавшим на протяжении всей войны от ученого Пауля Росбауда.

С декабря 1943 года – в США, куда прибыл в составе английской миссии для участия в «Манхэттен проджект» – американской ядерной программе. С 1943 по 1946 год, вместе с группой Р. Пайерлса, Клаус Фукс работал в Лос-Аламосе у Ганса Бете, а в июне переехал в Англию, в Харуэлл, где была создана новая энергетическая установка.

Арестован в январе 1950 года. 1 марта того же года приговором лондонского суда осужден на 14 лет тюремного заключения. Освобожден досрочно 24 июня 1959 года.

В возрасте 48 лет переезжает в Восточный Берлин, где через два дня получает гражданство ГДР и должность заместителя директора Института ядерной физики. С 1972 года – член Академии наук ГДР, член ЦК СЕПГ. В 1975 году удостоен Государственной премии I степени, награжден орденом Карла Маркса.

Скончался 28 февраля 1988 года.

«За обширную информацию, которую передавал для советских физиков Клаус Фукс, весь советский народ должен быть ему глубоко благодарен, — лишь недавно признался академик Юлий Борисович Харитон. — В СССР эта помощь, как и все, связанное с деятельностью НКВД, держалось в секрете. После освобождения Фукса в 1959 году я обращался к Д. Устинову с просьбой ходатайствовать о награждении Фукса за помощь, которую он

оказал СССР. Дмитрий Федорович занимал высокие посты в государственном и партийном аппарате и внимательно следил за работами по созданию ядерного оружия. Он согласился с тем, что это следует сделать, и сказал, что попытается. Но положительного результата не получилось».

Рассказывают, несколько лет назад, когда в СССР впервые начали говорить о Клаусе Фуксе, тогдашний президент Академии наук СССР академик Анатолий Александров, возглавлявший после смерти Игоря Васильевича Курчатова Институт атомной энергии и почти 30 лет руководивший программами по разработке и сооружению ядерных реакторов различного назначения, невнятно и с видимым раздражением пробормотал: «Фукс? Что-то было, кажется... Ничего существенного...»

Мстислав Келдыш, предшественник Александрова на посту президента Академии наук, по некоторым источникам, тоже не любил вспоминать о Клаусе Фуксе. В бывшем КГБ, надо полагать не без оснований, утверждали, что предложение органов безопасности о награждении советского агента «зарубил» именно он, мотивируя тем, что такая награда «бросит тень на советских ученых».

Достоверно известно одно: Клаус Фукс, по запоздалому признанию академика Юлия Харитона, так много сделавший для реализации советского ядерного проекта, действительно не был отмечен правительством СССР. Мало того, по свидетельству очевидцев, на траурной церемонии члена ЦК «братской» СЕПГ Клауса Фукса не было ни одного советского представителя.

Впрочем, удивляться особо не приходится. Советские власти оказались в данном случае на редкость последовательны. Еще в марте 1950 года, сразу же после вынесения приговора советскому разведчику, правительство Советского Союза поспешило откреститься от Фукса.

Из сообщения ТАСС от 8 марта 1950 года:

«Агентство Рейтер сообщило о состоявшемся на днях в Лондоне судебном процессе над английским ученым-атомщиком Фуксом, который был приговорен за нарушение государственной тайны к 14 годам тюремного заключения. Выступая на этом процессе в качестве обвинителя, генеральный прокурор Великобритании Шоукросс заявил, будто Фукс передавал атомные секреты «агентам Советского правительства». ТАСС уполномочен сообщить, что это заявление является грубым вымыслом, так как Фукс неизвестен Советскому правительству и никакие «агенты» Советского правительства не имели к Фуксу никакого отношения».

Тогда, в пятидесятом, такое заявление, как бы мы ни относились к нему с позиций сегодняшнего дня, скорей всего было оправдано хотя бы с точки зрения интересов спецслужб. Не зря ведь бывший резидент советской внешней разведки в Дании полковник Михаил Любимов как-то поделился выводом, сделанным в результате многолетней службы в Первом главном управлении КГБ: «Разведчик — профессия лицемера...» Но чем объяснить лицемерие Советского правительства, академика Александрова и ему подобных в семидесятые, восьмидесятые годы?

В какой-то мере, допускаю, такое отношение было продиктовано не только боязнью «бросить тень на советских ученых» и официально признать несомненные заслуги в реализации советского ядерного проекта советской разведки. Как бы того ни хотелось тогдашней партийной верхушке, а неизбежно пришлось бы признать и куда более страшное для советской системы — роль преданного анафеме Лаврентия Берия, державшего в своих руках полтора десятилетия все нити советской разведки. А уж это никак не вписывалось в планы советского руководства...

Американцы считают, что Клаус Фукс помог Советскому Союзу ускорить решение атомной проблемы на срок от трех до десяти лет. По их же утверждению, информация, полученная от Фукса, позволила начать работы по созданию термоядерного оружия раньше, чем в США. Могу только сказать, что этот ученый действительно сделал немало. Вот что пишет, скажем, академик Ю. Харитон: «Информация, переданная Фуксом и другими агентами, охватывала широкий круг разделов науки и техники, необходимых для создания ядерного оружия. Например, ядерный реактор, в котором под действием мощного потока нейтронов образовывался плутоний, различные расчеты и, наконец, подробная схема первого ядерного заряда США».

Добавлю, что столь же ценную информацию передал Фукс советской разведке и о ходе работ по созданию водородной бомбы в лаборатории уже известного читателю физика-теоретика Эдварда Теллера.

По официальным данным, на сотрудничество с СССР Клаус Фукс пошел главным образом потому, что все работы по созданию ядерного оружия американцы и англичане вели в глубокой тайне от своего союзника по антигитлеровской коалиции. Ученый-антифашист «вышел»

на советскую военную разведку — ГРУ — в Лондоне и стал передавать соответствующую информацию. Этой версии придерживается, например, академик Юлий Харитон. По другим данным, советская разведка установила связь с Фуксом осенью 1941 года. В принципе эта информация не очень расходится с официальной. Во всяком случае, с достаточной долей вероятности можно утверждать, что вербовка немецкого ученого-антифашиста была произведена примерно в этот период. В 1942—1943 годах Клаус Фукс активно сотрудничает с резидентурой ГРУ — Главного разведывательного управления Генерального штаба, а позднее с Первым (внешняя разведка) управлением МГБ — КГБ.

Связь с Фуксом была установлена советской военной разведкой через Урсулу Косинскую, немку по происхождению.

Из официальных источников:

Урсула Косинская. Советская разведчица. Рабочий псевдоним «Соня». С помощью радиопередатчика, установленного в ее доме неподалеку от Оксфорда, передавала в Москву информацию, поступающую от физика-атомщика Клауса Фукса. Незадолго до суда над Фуксом бежала вместе с детьми в Советский Союз. Впоследствии жила в ГДР. После объединения Германии живет в ФРГ. Не так давно 85-летняя Руфь Вернер (Урсула Косинская) заявила, что не считает себя предателем Германии и с 17-ти лет, когда стала коммунисткой, всегда действовала в соответствии со своими убеждениями. «Такие вещи делаются только по идейным соображениям», — призналась советская разведчица.

В США с Клаусом Фуксом поддерживал связь агент «Раймонд» — американский гражданин Гарри Голд. Это через него шла в Центр информация о строительстве в Окридже, штат Теннесси, диффузионного завода, научно-исследовательских работах, которые проводили в годы войны английские и американские ученые-атомщики.

Возвратившись в Англию, Фукс передавал подробнейшую информацию о химическом заводе по производству плутония в Уиндскейле, атомных реакторах, планы строительства предприятий по разделению изотопов, принципиальную схему водородной бомбы. Пригодились советским ученым и сообщенные им в Москву совершенно секретные данные о результатах испытаний американских ураново-плутониевых бомб в районе атола Эниветок, сравнительный анализ работы урановых котлов с

воздушным и водяным охлаждением. Кстати, 16 июня 1945 года советский агент Фукс присутствовал на испытаниях первой американской атомной бомбы...

Сотрудничество ученого-ядерщика с советской разведкой продолжалось почти до лета 1949 года. К тому времени американская контрразведка уже вела активную разработку всех, кто так или иначе был связан с реализацией «Манхэттенского проекта». В поле зрения ФБР попал и Клаус Фукс. Всплыли документы о его участии в немецком подполье после прихода нацистов к власти, доброжелательные высказывания ученого-антифашиста о Советском Союзе. Тогда же выяснилось, что в захваченных союзниками архивах гестапо Клаус числился под № 210. В случае обнаружения физика на территории СССР оккупационным властям предлагалось срочно доставить противника режима в Германию...

И сегодня в СНГ почти ничего не известно об обстоятельствах, предшествовавших аресту советского агента Фукса. Оказывается, разоблачение ученого непосредственно связано с «Веноной» (кодовое название операции по дешифровке нескольких тысяч шифрограмм советских органов безопасности). Еще в сентябре 1945 года в Оттаве сбежал шифровальщик советского посольства Игорь Гузенко. Переданная им Западу информация была связана в основном с деятельностью ГРУ в Северной Америке и с так называемым атомным шпионажем. Спустя три года блестящий лингвист и криптолог отдела безопасности американской армии Мередит Гарднер сумел проникнуть еще глубже в тайны советских шифров. В одной из шифрограмм, переданных перебежчиком Гузенко канадским властям и дешифрованных американскими специалистами, и содержалась «наводка» на Клауса Фукса и его сестру Кристель, проживавшую в Кембридже. В 1945 году не остался незамеченным приход к ней на квартиру «Раймонда» — Гарри Голда, сотрудничавшего с разведкой НКВД еще с 1936 года. Показания на связного дала некая Елизавета Бентли, а уж «Раймонд» в свою очередь дал их на Фукса...

Передачи дела в американский суд настойчиво требовали США, но англичане на это не пошли. О дальнейшей судьбе советского агента читатель уже знает.

Людей, передававших Советскому Союзу ядерные секреты, было немало. Достаточно, видимо, вспомнить хотя бы Морриса и Лону Коэн, многие годы известных американским спецслужбам как Питер и Хелен Крогер.

В свое время они входили в группу супругов Розенбергов, а последние шесть лет до ареста в 1961 году обеспечивали связь с Центром известного советского разведчика Гордона Лонгсдейла.

Из официальных источников:

Гордон Лонгсдейл. Настоящее нмя Конон Трофнмович Молодый. Советский разведчик. Работал в военные н послевоенные годы в нескольких странах Запада. Война закончил в Берлине, обеспечивая связь между резндентом советской разведки в столице рейха и Центром. Передал в Москву ннформацию о сепаратных переговорах союзников с генералом СС Вольфом. Впоследствин оказался причастным к «атомному» шпионажу.

Скончался в 1970 году в Москве в возрасте 48 лет.

По западным источникам, Моррис Коэн был завербован советской разведкой в Испании, где он сражался на стороне республиканцев. Ценнейшую информацию он передал в Москву из США, а затем из Англии.

В Великобритании супруги Коэн работали под прикрытием преуспевающих букинистов. Во время обыска, произведенного службой безопасности МИ-5 на квартире Коэнов в предместье Лондона, у советских агентов были обнаружены достаточно мощный передатчик, вмонтированный в карманный фонарик, приемное устройство, работающее в высокочастотном диапазоне, шифровальные блокноты, микроточечное считывающее устройство, магнитный железооксид, используемый при нанесении на пленку радиограмм для скоростной передачи.

Гордон Лонгсдейл (Конон Молодый) был приговорен в 1961 году к 25 годам тюремного заключения, его ближайшие помощники супруги Коэн (Питер и Хелен Крогер), связанные в свое время с Клаусом Фуксом и супругами Розенбергами, — к 20 годам тюрьмы.

Впоследствии, в 1969 году Моррис и Лона Коэн были обменены на англичанина Джеральда Брука, арестованного в Москве за распространение антисоветской пропаганды. Живут в Москве. Несколько лет назад английское телевидение в сотрудничестве с КГБ СССР сняло фильм об этих «атомных» агентах советской разведки «Странные соседи».

Пришло, наверное, время назвать и другие имена людей, в основной своей массе передававших Советскому Союзу секреты американской и английской ядерных

программ абсолютно безвозмездно. Именно так поступал Клаус Фукс, отказывались от материального вознаграждения и многие другие. Зачастую это было одним из условий сотрудничества таких людей с Советским Союзом.

Впрочем, услуги некоторых советских агентов органами безопасности все же оплачивались. Дэвид Грингласс, военнослужащий американской армии, проходил службу в Лос-Аламосе, когда там работал Фукс. Гринглассу платили. Благо, было за что — информация этого агента того стоила.

Дэвид Грингласс, старший брат Этель Розенберг, как раз и сыграл роковую роль в судьбе семьи сестры. Связанный с Джулисом Розенбергом, он и сам признался в сотрудничестве с советской разведкой и заодно выдал контрразведке мужа сестры. Этель и Джулис оказались единственными советскими агентами, окончившими свой жизненный путь на электрическом стуле. Случилось это, напомним, 19 июня 1953 года в нью-йоркской тюрьме Синг Синг.

Но, как выяснилось, жив человек, работавший в свое время с Дэвидом Грингласcом. Это бывший сотрудник советского консульства в Нью-Йорке, а точнее легальной резидентуры НКВД. Нелишним, очевидно, будет и другое уточнение. В США его знали как Анатолия Яковлева. Настоящее же имя советского разведчика — Анатолий Яцков. Лишь недавно он признал, что получал информацию и от Клауса Фукса, и от супругов Розенбергов.

Из официальных источников:

Анатолий Яцков. Работал с начала 1941 года в Нью-Йорке под «крышей» советского консульства. В Соедниненные Штаты прнбыл как дипломат Анатолий Яковлев.

С 1943 года целнком переключился на работу по «Манхэттенскому проекту». Впоследствин возглавлял факультет разведшколы КГБ. С 1985 года в отставке.

По признанию разведчика газете «Вашннгтон пост», ФБР смогло раскрыть «лншь половнну илн даже того меньше» агентурной сети, работавшей в США.

А раскрыты все же немногие. Сам офнцер разведки, Анатолий Яцков вынужден был покинуть Соединенные Штаты после провала Розенбергов – его имя, пусть вымышленное, – даже прозвучало на суде.

Известно на Западе н другое имя. Анатолнй Горскнй, советский разведчик, работавший в Лондоне, был связан с Дональдом Маклином, тем самым, нз знаменитой «кембриджской пятерки»...

Из официальных источников:

Дональд Маклин. Член одной из самых эффективных разведывательных групп советской разведки за рубежом. В течение нескольких лет передавал в Советский Союз информацию о ходе ядерных исследований в лабораториях Запада.

Отец, сэр Дональд Маклин, адвокат, либерал, шотландец по происхождению. Возглавлял Совет по образованию в национальном правительстве Рамсела Макдональда в начале тридцатых годов.

Заинтересовался коммунистическими идеями еще до поступления в Тринити Холл-колледж. Предположительно завербован советским агентом Берджесом в 1933 году. Дипломатическую карьеру начал в министерстве иностранных дел Великобритании. С сентября 1938 года – третий секретарь английского посольства в Париже. После возвращения из Франции получил повышение в чине и должности – стал вторым секретарем – сотрудником Генерального управления МИД Великобритании. С весны 1944 года – первый секретарь посольства в Вашингтоне. Занимался вопросами сотрудничества ученых Великобритании и США в реализации ядерного проекта. С февраля 1947 года – в Смешанном политическом комитете, координировавшем англо-американо-канадскую ядерную политику.

Опасаясь угрозы ареста, бежал вместе с Гаем Берджесом в 1951 году в СССР. Только спустя пять лет, Советское правительство официально признало, что Маклин и Берджес получили убежище в Советском Союзе.

Первые годы пребывания в СССР находился на преподавательской работе в Куйбышеве, впоследствии до самой смерти работал в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР в Москве. Находясь в СССР, написал книгу «Внешняя политика Великобритании после Суэца».

Среди «атомных» разведчиков и еще один англичанин — Джон Кэрнкросс. В свое время он был личным секретарем лорда Хэнки, возглавлявшего Британский комитет по науке. С осени 1940 года вопросы, связанные с созданием ядерного оружия с использованием урана-235, неоднократно обсуждались на его заседаниях. Через год Хэнки стал членом созданного в Великобритании Консультативного комитета «Тьюб эллойз», плодотворно сотрудничавшего в годы войны с учеными, занятыми реализацией американской ядерной программы. Соответствующая информация о ядерных исследованиях поступала в Центр бесперебойно...

Ты еще встретишься, читатель, с Дональдом Маклином и Джоном Кэрнкроссом в главе «В лабиринтах разведки», а пока вспомним еще одного англичанина, рабо-

тавшего в те годы на Советский Союз. Алан Нанн Мей, просоветски настроенный английский ученый, занимался ядерными исследованиями в Канаде с сорок второго года. На вербовку он пошел по личной инициативе. Было это почти в конце второй мировой войны.

С Меем работало ГРУ. Когда в одну из встреч агент принес секретный доклад о ядерных исследованиях, информацию о бомбе, сброшенной на Хиросиму, и образцы обогащенного урана, резидент военной разведки в Оттаве был потрясен. Впрочем, это чувство, рассказывают, за период сотрудничества с Меем полковнику ГРУ пришлось пережить еще не раз — за работу с такой агентурой разведчик получил один за другим два боевых ордена...

Вспомним и выдающегося ученого-физика, эмигранта из Италии Бруно Понтекорво. По данным Первого главного управления КГБ, ученый-ядерщик начал передавать совершенно секретную информацию о работах западных коллег в 1943 году, когда работал в монреальской англоканадской группе, занимавшейся атомными проблемами. Специалисты считают, что он, как и Клаус Фукс, внесли особый вклад в обеспечение СССР важнейшей разведывательной информацией.

Но только ли они? И в СНГ, и на Западе до сих пор немало кривотолков о физике, имевшем агентурный псевдоним «Персей». По некоторым данным, подтвержденным бывшими разведчиками, этот человек начал работать в «Манхэттенском проекте» еще за полтора месяца до приезда в США Клауса Фукса. Кто он, остается пока только гадать. Особый интерес вызывает то обстоятельство, что, по заявлению Анатолия Яцкова, советский разведчик, к счастью, жив. Этим, мол, и объясняется все остальное...

Да, драматическая история проникновения советской разведки в тайны ядерной программы Соединенных Штатов Америки или, как кто-то довольно точно заметил, «расщепления» американского атома, до сих пор полна тайн и загадок. И хотя «холодная война», кажется, позади, а участников тех далеких событий остались единицы, ни на Востоке, ни на Западе «карты» раскрывать, похоже, не спешат. Что ж, видимо, у спецслужб есть на то какие-то лишь им ведомые серьезные причины.

Сегодня уже почти никто не помнит, что у нас с союзниками существовала договоренность об обмене секретной военной и технологической информацией. Такое соглашение было подписано еще в начальный период вой-

ны. Увы... Уже летом сорок третьего Рузвельт и Черчилль на встрече в Квебеке подписали секретное соглашение о совместных работах в области ядерной энергетики. Был там один любопытный, имеющий прямое касательство к СССР пунктик — союзники договорились не посвящать в свои секреты третьи страны... Как мы уже знаем, «за бортом» атомной проблемы Советский Союз оставить не удалось — научная, политическая, военная разведка работала превосходно. После успешных испытаний первой советской атомной бомбы Игорь Васильевич Курчатов даже написал специальное письмо, в котором от имени ученых благодарил разведчиков...

* * *

Выдающиеся ученые... Выдающиеся разведчики... У каждого из них в истории создания советского ядерного щита свое, особое место. Пожалуй, лишь один человек вычеркнут из списка создателей оружия XX века. А ведь именно он, мой отец, тогда, полвека назад, оказался на острие ядерной проблемы. И что бы ни писали сегодня о бывшем председателе Специального комитета, за грандиозный проект отвечал перед страной именно он. Это в его руках был сосредоточен и колоссальный научный потенциал, и разведка. Так стоит ли переписывать прошлое?

После освобождения из тюрьмы мне, к сожалению, всего лишь дважды довелось встречаться с Игорем Васильевичем Курчатовым. Мы много говорили и о роли моего отца в создании ядерного оружия, и о том по-своему замечательном времени, когда в сложнейших условиях в беспрецедентно короткие сроки усилиями советских ученых была решена глобальная проблема. Тогда и узнал от Игоря Васильевича, как его, Бориса Львовича Ванникова и многих ученых, участвовавших вместе с моим отцом в реализации ядерного проекта, вызывали к себе Маленков и Хрущев и требовали: «Дайте показания на Берия! Партии необходимо показать его злодейскую роль».

Как и Курчатов, большинство ученых, знавших отца по совместной работе многие годы, в этом спектакле участвовать отказались, и я лишний раз убедился в честности и порядочности этих людей. Могу лишь догады-

ваться, чего каждому из них это стоило. Но это был подвиг....

Пожалуй, единственное, в чем им пришлось уступить, так это не предаваться публичным воспоминаниям... Но с этим они вынуждены были считаться.

Прошло уже много лет, но я, повторяю, с теплотой вспоминаю ученых, работавших с отцом. Для меня важно, как ОНИ, люди, хорошо знавшие его, видевшие его в самых критических ситуациях, отзывались о нем, как добивались моего освобождения из тюрьмы, как стремились помочь... Я не мог принять от этих людей материальную помощь, потому что в самые трудные для себя времена считал это неприемлемым, но моральная поддержка, а я ее ощущал постоянно, была для меня крайне важна. Наверное, читатель меня поймет...

ГЛАВА 9

ТАЙНА ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ

«5 июня. Вторник. Дорогой Анастасии минуло уже 17 лет... Гуляли всей семьей перед чаем. Со вчерашнего дня Харитонов готовит нам еду, провизию приносят раз в два дня. Дочери учатся у него готовить и по вечерам месят муку, а по утрам пекут хлеб! Недурно!..

14 июня. Четверг. Нашей дорогой Марии минуло 19 лет. Провели тревожную ночь и бодрствовали одетые... Все это произошло от того, что на днях мы получили два письма, одно за другим, в которых нам сообщали, чтобы мы приготовились быть похищенными какими-то преданными людьми! Но дни проходили, и ничего не случилось, а ожидание и неуверенность были очень мучительны...

30 июня. Суббота. Алексей принял первую ванну после Тобольска. Колено его поправляется, но совершенно разогнуть его он не может. Погода теплая и приятная. Вестей извне никаких не имеем».

На этой записи дневник последнего российского монарха обрывается — через несколько дней Николая II, всю его семью и приближенных расстреляли.

О трагической судьбе царской семьи сейчас пишут и говорят много. Могу в связи с этим рассказать одну любопытную историю, приключившуюся со мной спустя три или четыре года после войны...

Но прежде напомню читателям некоторые подробности, связанные с находкой под Екатеринбургом останков Николая II и его семьи.

1991 год. Мировая пресса сообщает о сенсационной находке вблизи Екатеринбурга. Около года в России ведется кропотливая работа по изучению останков девятерых погибших от пуль и штыков людей. Российские ученые проводят экспертизы на установление возраста, пола найденных и воссозданных скелетов, осуществляют компьютерное фотосовмещение прижизненных снимков и снимков черепов. Главный судмедэксперт России Владислав Плаксин заявляет, что из девяти скелетов монаршей

семьи и ее окружения идентифицированы останки Николая II, царицы Александры Федоровны и доктора Боткина. Якобы к такому же выводу пришли и американские специалисты из штата Флорида.

1992 год. В Екатеринбурге закладывают первый камень в основание храма-памятника на месте расстрела царской семьи. Вопреки ожиданиям, на Урал не прибыли Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II и члены великокняжеской семьи Романовых. Патриарх заявляет, что пока нет ясности в канонизации Николая II и всех членов его семьи, он не может присутствовать на закладке камня храма, что, по сути, возводит погибших в ранг святых. Объяснение кривотолков не вызывает. А что же члены великокняжеской семьи? Их-то заявление и вызывает настороженность: «Не хотим давать повод общественному мнению, которое свяжет наш приезд с признанием останков, найденных в окрестностях Екатеринбурга, останками царской семьи. Есть сомнения...»

Впрочем, одинокий тревожный звоночек многоголосая пресса не замечает. Расставаться с такой сенсацией, похоже, никому не хочется. Предполагаемые останки берутся под государственную опеку, о чем заявляет Президент России Борис Ельцин. Пресса СНГ сообщает, что именно с такой просьбой обратилась к Борису Николаевичу вдова Великого Князя Владимира Кирилловича Великая Княгиня Леонида Георгиевна.

«Мы хотим только одного, — пишет Великая Княгиня, — восстановления истины и справедливости в деле коварного убийства Николая II и его семьи во имя очищения России».

А дальше события разворачиваются так. Цитирую английскую прессу: «Британские ученые помогают разгадать тайну, окружающую человеческие останки, найденные в 1991 году неподалеку от Екатеринбурга. Считают, что это скелеты царя Николая II и монаршей семьи. В Центре исследований и поддержки при Службе судебной медицины (ССМ) в Олдермастоне в Южной Англии уже начат трудоемкий и тщательный процесс лабораторных тестов на пробах, взятых из костей, которые привез в Британию доктор Павел Иванов из Института молекулярной биологии при Российской академии наук. Метод полимеризованной цепной реакции, известный также под названием метода усиления ДНК, будет играть важнейшую роль в обеспечении идентификации останков. Этот метод можно применять к пробам волос, костей, крови

или других тканей даже тогда, когда количество имеющейся для обычных исследований ДНК недостаточно или ее качество недостаточно высоко. Первая задача группы ученых — получить в найденных костях ДНК и подтвердить, что все пять скелетов принадлежат членам одной семьи. Затем ученые смогут сравнить ДНК в костях с ДНК в прядях волос, принадлежащих прямым потомкам семьи Романовых»

Сенсация лопнула уже в 1993-м. Как сообщила английская газета «Санди-экспресс», лаборатория в Олдермастоне стала «жертвой преднамеренного обмана с российской стороны. Британские ученые, исследующие сейчас на предмет идентификации останки членов российской царской семьи, заявили, что они почти наверняка являются подложными». Мало того, пресса не исключает, что останки были «подставлены» предпринимателями, планировавшими прилично заработать на туристических возможностях места захоронения царской семьи. Проскользнули в печати даже имена некоторых видных российских чиновников, мечтавших о пышных мероприятиях, связанных с захоронением императорской семьи и возможным приездом британской королевы. Впрочем, все это уже за рамками нашей темы.

Как я уже рассказывал, произошло это через несколько лет после войны. К тому времени я уже был офицером, окончил Военную академию и служил в Москве. У военных свободного времени не так много, но когда удавалось, охотно посещал театры. Зная мою страсть, мама как-то предложила: «Серго, сегодня идем в театр. В Большом — «Иван Сусанин»...»

— Мама, — говорю, — я ведь не Иосиф Виссарионович. Это он может «Сусанина» по сорок раз слушать...

А Сталин действительно полюбившиеся оперы мог слушать по многу раз.

— Пойдем, Серго, — уговаривает мама. — Покажу тебе очень интересного человека.

Места у нас оказались в шестом или седьмом ряду, довольно близко к ложе, где сидела незнакомая женщина.

— Это ради нее я тебя и уговаривала, — говорит мама.

Смотрю: седая уже женщина в темной одежде, с очень выразительным лицом. Весь спектакль она проплакала.

— А знаешь, кто она? — спрашивает мама.

— Понятия не имею, — отвечаю.

— Дочь Николая II. Великая Княгиня Анастасия...

Я, конечно, опешил. Знал ведь, что всю царскую семью еще в восемнадцатом на Урале расстреляли.

— Все дома расскажу, — пообещала мама.

Итак, послевоенная Москва, Большой театр. И возникшая из небытия Ее императорское высочество Великая Княгиня Анастасия Николаевна. В нескольких минутах ходьбы от Кремля, где в эти вечерние часы, как всегда, работает Сталин. Тот самый Сталин, который многие десятилетия олицетворял Систему, перемоловшую в своих жерновах миллионы и миллионы жизней, отнятых у «классового врага». Сколько их, дворян, царских чиновников и офицеров поплатились за одно лишь происхождение... А здесь дочь последнего российского императора!

Из официальных источников:

Противоречивые слухи о чудесном спасении Великой Княгини ходят уже много лет. Заметим, речь всегда шла именно о ней, Анастасии, а не о Татьяне, Ольге, Марии.

Уже в годы так называемой перестроечной гласности в советской печати появилась новая версия. Ссылаясь на бывшего узника ГУЛАГа, некоего Евгения Парханова, журналисты поведали совсем уж невероятную историю. Якобы в 1952 году, когда этот заключенный находился в печально известной Казанской психиатрической больнице, он узнал, что в «этом закрытом и строго засекреченном учреждении пожизненно содержатся те, кого по разным причинам нельзя было расстреливать или сажать в лагеря и, как поговаривали, по личной подписи самого Берия.

Начнем, пожалуй, с «личной подписи самого Берия». Никакого отношения к системе лагерей, тюрем и тюремных больниц, как уже знает читатель, бывший нарком еще задолго до 1952 года не имел. Скорей всего фамилия упомянута, так сказать, для «красного словца». Серьезное сомнение вызывает и другое утверждение поделившегося своими воспоминаниями пенсионера. Это кого же, позвольте спросить, нельзя было в те годы «расстреливать или сажать в лагеря»? Пусть и «по разным причинам»? Насколько известно, подобной проблемы тоталитарное государство, кажется, никогда не знало.

Но вернемся к воспоминаниям господина Парханова. «Даже уборщицы, мывшие туалеты, и те имели чин младшего лейтенанта НКВД. Весь обслуживающий персонал имел офицерские звания».

Простим и это. И то, что к тому времени НКВД не существовало в природе почти семь лет, и даже то, что уборщицы щеголяли в офицерских погонах. Мало ли какие разговоры могли ходить среди обитателей «психушки», тем более о «вольных». Любопытно другое. Со ссылкой на непосредственного свидетеля, газеты рассказали о том, что в закрытой больнице содержали людей чуть ли не с 1917 года, и далеко не всегда, как вы понимаете, сумасшедших.

Первое прикосновение к тайне?

«Я жил в палате на шестом, последием, этаже, а эти двое, за много лет борьбы и голодовок добившиеся для себя права относительно свободно передвнгаться по территории больинцы, были с первого, самого привилегированиого этажа. Дословио помню иаш разговор:

— Вы русский и православиый ли?

— Да, н даже крещеный.

— У нас будет к вам малеиькая просьба: завтра у иас большой всероссннский праздннк — тезоименитство Дома Романовых. Вы суть этого слова поинмаете? Празднуется 300-летие Дома Романовых. Фамилии, — поправился. — И убненного нашего царя-батюшки Ннколая II с семьей в доме Ипатьевых в Екатериибурге. А для этого мы должны преподиести презент одной из уцелевших дочерей семьи иашего царя — приицессе Аиастасии Ннколаевие Романовой. Уделите нам для подношения толнку своей посылки. — Они отрезали заточенной алюмнниевой ложкой кусочек пнрога, колбасы, взяли коифет, коржиков, завернули все в бумагу и ушли. Перед уходом сказалн: «Завтра в десять утра вы будете нметь счастлнвую возможность наблюдать из вашего окиа церемоиию тезоименитства». В продолжеиие всего разговора в дверях палаты стоял санитар-иадзиратель и вннмательно слушал».

Все эти события, по утверждению автора воспоминаний, происходили «между 14-м и 20 января 1952 года». На следующий день заключенный Парханов, по его словам, наблюдал, как к калитке женского отделения Казанской больницы подошли четверо одетых в черные костюмы мужчин, построенных ромбом, во главе с приходившим накануне к нему в палату стариком.

«Сзади стоял в белом халате капитаи НКВД. Ровио в 10 часов со ступеиек сошла Аиастасия, почтительно поддерживаемая под локти двумя фрейлииами. Она была в траурном наряде с густой вуалью и длинным шлейфом, который иесли за ией две молоденькие девочки, а третья шла сзади, замыкая процессию. Они остановились в пяти

метрах от калитки в мужскую половину. Капитан открыл калитку, и мужчины, не доходя до Анастасии мѐтра два, стали на одно колено. Она со свитой приблизилась к ним, они поздравили ее с праздником, передали подарки».

Опять же по словам бывшего заключенного:

«Все, что они говорили, записывал на магнитофон капитан НКВД. Анастасия подала мужчине руку, он поцеловал ее, а затем она обняла его, троекратно поцеловала в щеки. Затем дамы и мужчины галантно поклонились друг другу и разошлись».

За всей церемонией, утверждает автор воспоминаний, наблюдали многие пациенты, как он называет заключенных Казанской больницы. Обратили внимание? Вся церемония проходила на глазах администрации и, надо полагать, с ее разрешения. К тому же записывалась на магнитофон. Для чего? Для чьих ушей предназначалась такая запись? Впрочем, этот вопрос в данном случае не единственный и, разумеется, далеко не самый главный.

Как спустя десятилетия после гибели имераторской семьи Анастасия могла оказаться в Казанской «психушке»?

Основываясь на утверждении Евгения Парханова, пресса предложила читателю такую версию. Якобы еще до ареста царской семьи Великая Княгиня Анастасия уехала погостить в имение крестного отца. Когда князь узнал об аресте Николая II и его близких, он попытался перейти с Анастасией финскую границу, но был задержан. Беглецов вернули на место и о случившемся якобы доложили Ленину. Евгений Парханов слышал от одного из заключенных, бывшего военного летчика, и других старожилов Казанской психбольницы, что Ленин и распорядился Анастасию «ни в коем случае не расстреливать и поместить в специальный детский дом закрытого типа». Князя препроводили в тюрьму. Второе более правдоподобно. Что же касается «специальных детских домов закрытого типа», позволю себе усомниться в существовании таковых в России в 1918 году.

Но как бы там ни было, легенда гуляет по свету. Ильич, как в «старые добрые времена», сама гуманность: «Ни в коем случае не расстреливать!» Его преемники свято выполняют завет великого вождя и позволяют дочери расстрелянного царя доживать свой век пусть в строгой изоляции и глубокой тайне от общественности, но жить! Причем с фрейлинами, лакеями и т. д.

Вот только с государственной тайной все это, согласитесь, вяжется плохо. Какая уж тайна при стольких-то свидетелях, которые не сегодня-завтра выйдут из стен «психушки»...

Увы, все это действительно легенда. И не больше того. Никаких следов многолетнего пребывания Великой Княгини в Казани не обнаружено.

Любой историк и просто человек, интересующийся хотя бы немного российской историей, всегда готов рассказать еще пару-тройку легенд о чудесном спасении Анастасии Николаевны. Как и в случае с «казанской историей», ни одна из них не получила документального подтверждения. Но ведь дыма без огня не бывает. Хочешь не хочешь, а вновь закрадывается все та же мысль: почему речь во всех случаях идет именно о Великой Княгине Анастасии?

Заведомо «дутые» сенсации последних лет, когда на страницы советской прессы недобросовестные авторы выплеснули множество сомнительных версий, выдавая их за исторические изыскания, конечно же не в счет. Ну, чего, скажем, стоит хотя бы такое утверждение: «Николай II скончался 6 февраля 1957 года»? Якобы некий рижский юрист пришел к такому выводу в результате двухлетнего исследования. Мало того, волею случая он познакомился с человеком, который поведал ему о существовании в Сухуми семьи Березкиных, в действительности являющейся наследниками императорской семьи. Сам Николай II жил в Абхазии под именем Сергея Давыдовича Березкина, в чем и признался незадолго до смерти. В живых его новоявленный исследователь не застал, но нашел людей, видевших будто бы у Березкина-Романова золотые часы с гравировкой «Николаю II», не раз слышавших о какой-то тайне, сопровождающей жизнь этой семьи. Если верить документам, Сергей Давыдович сидел почему-то в тюрьме, а с двадцатых годов начал работать на железной дороге, позднее — в столовой госбезопасности(!), в НИИ чая и цитрусовых. После его смерти, по слухам, могилу неоднократно раскапывали, снимали на кинопленку. Несколько лет назад в Сухуми, утверждала пресса, проживали несколько потомков Березкина-Романова. Старшей дочери уже за девяносто. Свое имя Великая Княгиня не открыла...

Якобы эта удивительная история имеет даже документальное подтверждение. Как утверждала советская пресса, в Прибалтике одна из лабораторий судебно-меди-

цинских экспертиз идентифицировала фотографии Березкиных и Романовых.

Позвольте, а кого же расстреляли в Екатеринбурге? Двойников! В день расстрела из Ипатьевского дома царская семья была вывезена не кем другим, как Юровским. Мы еще поговорим, читатель, об этом человеке, если его можно таковым назвать. А пока возвратимся к Николаю II и его семье. По той же версии, Юровский выполнил приказ из Центра. Советское правительство сохранило жизнь императору и его близким, выполняя секретную статью Брестского договора. Другими словами, речь идет о величайшей тайне большевиков.

Тайна? Может быть. Правда, я знаю другое. Николай II и его семья были расстреляны. Инициатором расстрела был Владимир Ильич Ленин... Свердлов? Он тоже настаивал на расстреле, хотя никакой опасности, что царскую семью захватят, скажем, белочехи или кто другой, совершенно не было. Все это было придумано уже потом... Я говорю лишь то, что узнал от отца. Отец, в свою очередь, рассказывал мне со слов Сталина.

Расстрелять детей, женщин... Конечно же величайшая подлость. Точно так же считал и мой отец. Да и Сталин, насколько слышал, не поддержал это решение. Разговоры, помню, были такие: самого царя, может, и следовало в той обстановке расстрелять, но уж остальных, включая детей, абсолютно никакой необходимости казнить не было. Во всяком случае, Сталин так считал. Ленин, повторяю, настоял на расстреле...

Вот вам еще одно подтверждение причастности Ленина к гибели царской семьи! Но не нам ли с тобой, читатель, и по сей день рассказывают, что это преступление на совести Екатеринбургского Совета. Якобы там приняли решение о расстреле. Ленина и Свердлова уральцы, черт бы их побрал, поставили перед печальным фактом. Ну, надо же, какие мерзавцы!

«Председателю Совнаркома тов. Ленину. Председателю ВЦИК тов. Свердлову. У аппарата Президиум Областного Совета рабоче-крестьянского правительства. Ввиду приближения неприятеля к Екатеринбургу и раскрытия Чрезвычайной комиссией большого белогвардейского заговора, имевшего целью похищение бывшего царя и его семьи (документы в наших руках), по постановлению Президиума Областного Совета в ночь на 16 июля (так в телеграмме, на самом деле роковой для последних Романовых стала ночь с 16-го на 17 июля 1918 года) расстрелян Николай Романов. Семья его эвакуи-

рована в надежное место. По этому поводу иами выпускается следующее извещеиие: «Ввиду приближеиия контрреволюциоииых банд к красной столице Урала и возможности того, что короиованиый палач избежит иародиого суда (раскрыт заговор белогвардейцев, пытавшихся похитить его, и иайдены компрометирующие документы), Президиум Областного Совета постановил расстрелять бывшего царя Н. Романова, виновиого в бесчислеииых кровавых иасилиях против русского народа. В иочь на 16 июля 1918 г. приговор прнведеи в исполнение. Семья Романовых, содержащаяся вместе с иим под стражей, в интересах общественной безопасиости, эвакуироваиа из города Екатериибурга. Президиум Областного Совета. Документы о заговоре высылаются срочио курьером Совиаркому и ЦИК. Просим ответ экстренно. Ждем у аппарата».

Нужны ли здесь какие-либо комментарии. Цинизм — отнюдь не инородное тело, привнесенное Сталиным в годы своего единоличного правления. Вовсе нет. Все, как видим, начиналось при Ленине...

А что же Москва?

«Сегодня же доложу о вашем решеиии Президиуму ВЦИК. Нет сомнения, что оно будет одобрено».

Это Яков Свердлов.

«Слушали: Сообщеиие о расстреле Николая Романова (телеграмма из Екатериибурга). Постановили: По обсуждении принимается следующая резолюция: Президиум признает решеиие Уралоблсовета правильным. Поручить тт. Свердлову, Сосновскому и Аванесову составить соответствующие извещения для печати».

Это уже из протокола состоявшегося в те же сутки вечернего заседания Президиума ВЦИК.

Небезынтересны, на наш взгляд, и некоторые другие документы, связанные с судьбой Николая II и его близких. Сошлемся хотя бы на газету «Известия» от 19 июля 1918 года:

«18 июля состоялось первое заседание Президиума ЦИК 5-го созыва. Председательствовал тов. Свердлов... Расстрел Николая Романова. Председатель тов. Свердлов оглашает только что получеииое по прямому проводу сообщеиие Областного Уральского Совета о расстреле бывшего царя Николая Романова. В последиие дии столице красного Урала, Екатеринбургу, серьезно угрожала опасиость приближения чехословацких банд. В то же время был раскрыт иовый заговор контрреволюциоиеров, имевших целью вырвать из рук Советской власти короиоваииого палача. Ввиду этого... Жена и сын Николая Романова отправлены в иадежное место...»

Стоп! Жена и сын. А дочери? Ни слова и о тех, кто до последнего мгновения находился с семьей российского императора в особняке, конфискованном большевиками у инженера Ипатьева (в официальных документах здание именуется домом особого назначения). Не странно ли? Где же Татьяна, Ольга, Мария, Анастасия? Где, наконец, доктор Е. С. Боткин, горничная А. С. Демидова, повар И. М. Харитонов, лакей А. Е. Трупп?..

Анализируя уже известные документы, многочисленные западные источники, материалы, рассекреченные совсем недавно Министерством безопасности России, попытаюсь хотя бы штрихами показать истинную картину событий.

После отречения Николай II не терял надежды, что правительство А. Керенского разрешит ему и его семье выехать в Англию. Британское правительство — и это широко известно — готово было принять семью бывшего главы союзного государства, двоюродного брата короля Георга V. Лично доставить Романовых в Мурман публично пообещал сам Керенский. Оттуда британским военным кораблем Романовых и предполагалось переправить в Англию. Временное правительство своего слова не сдержало — против отъезда категорически возражал Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов.

Домашний арест в Царскосельском дворце, переезд в Тобольск, что в 250 километрах от Тюмени... Там и застало Николая II и его близких сообщение об октябрьском перевороте. Как известно, позднее по договоренности с исполкомом Уралоблсовета, Романовых перевозят из Тобольска в Екатеринбург, где и содержат под арестом в Ипатьевском доме.

И вновь слово документам.

Из записок чекиста А. Кабанова, обнаруженных недавно в Хабаровском госархиве:

«В конце апреля или в начале мая секретарь **УОЧК** (Уральская областная чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией) с небольшим вооруженным отрядом привез из Тобольска в Екатеринбург бывшего царя Николая II, его жену Александру, дочерей Ольгу, Анастасию, Марию, Татьяну, сына Алексея. (Записки датированы концом 50-х годов, и память явно подвела бывшего чекиста. Николай II, императрица Александра Федоровна, Великая Княгиня Мария Николаевна, князь В. А. Долгоруков, доктор Е. С. Боткин, камердинер царя Т. И. Чемодуров, лакей И. Д. Седнев, горничная А. С. Демидова прибыли в Екатеринбург 30 апреля 1918 года. Анастасия,

Татьяна и Ольга, а также цесаревич Алексей и сопровождающие их лица (всего 26 человек) были доставлены в Екатеринбург 23 мая.)

При них был придворный врач профессор Боткин, фрейлина (фамилии не помню), 14-летний мальчик, который возил на тележке Алексея, так как он не ходил вследствие болезни. Свиту бывшего царя в составе князей — Львова, Голицына, Долгорукова и графа Татищева и двух поваров поместили в бывший дом предварительного заключения, начальником которого назначили моего старшего брата Михаила, а комиссаром — моего младшего брата, тоже Михаила. Николая II, его жену, дочерей Ольгу, Татьяну, Марию, Анастасию и сына Алексея, профессора Боткина, фрейлину, двух поваров и мальчика поместили в дом Ипатьева... Этот дом обнесли двухметровым забором. Мне поручили негласно наблюдать за этим домом. Так как Николай II становился на подоконник и через забор наблюдал, что делается в городе, вокруг дома поставили более высокий забор... Выполняя эти обязанности, я очень устал и был очень недоволен тем, что мы так гуманны к нашим врагам... 10 июля 1918 года тов. Юровский объявил мне, что я назначаюсь начальником пулеметной команды охраны дома особого назначения. Мне была представлена пулеметная команда, состоящая из четырех коренастых латышей, каждому около 35 лет, прослуживших в армии по 12 лет. Эти и еще четыре человека составляли всю команду на четыре пулемета вместо 28 человек. При прежнем коменданте Николаю II и его семье разрешалось в садике гулять весь световой день, а тов. Юровский разрешил им прогуливаться, и то под конвоем, только в продолжение двух часов. Кроме возглавляемой мной пулеметной команды, дом особого назначения охранялся батальоном, состоящим главным образом из рабочих. Николай II, его жена и дочери размещались в одной большой комнате, спали они на походных офицерских кроватях, сын Николая Алексей спал в небольшой комнате, с ним же постоянно находилась фрейлина, профессор Боткин и два повара спали в столовой.

...Дочери Николая: Анастасия, Татьяна и Мария значительно красивее Ольги, как и Ольга, веселые, жизнерадостные, во время прогулки в садике пели деревенские частушки... Алексей, 14 лет, болезненный, ноги его не действовали, поэтому на прогулку в садик его выносили на руках, усаживали в детскую коляску, которую возил 14-летний племянник одного из поваров Николая Романова. Этот повар был расстрелян в первые дни по прибытии из Тобольска.

План ликвидации последней династии России был составлен следующий: сам акт произвести в общежитии нашей пулеметной команды. Это помещение имело толстые кирпичные стены, сводчатый кирпичный потолок, в окнах двойные рамы и железные решетки. Это помещение было обнесено в два ряда дощатым забором, и, по наше-

му мнению, выстрелов в городе слышно не будет. Кроме этого, под окно было решено поставить автомашину «Форд» первых выпусков с очень плохим глушителем, на время акции завести у этой машины мотор, который будет заглушать своим шумом выстрелы. Ночью 17 июля 1918 года я со своей командой убрал из нашего помещения кровати и другие вещи, оставил только один венский стул для Алексея... Тов. Юровский пошел в помещение, занимаемое Николаем и его семьей, и сказал: «В городе неспокойно, поэтому в целях безопасности прошу сейчас же сойти вниз». Не говоря ни слова, Николай Романов взял своего сына на руки и пошел по лестнице вниз, а за ним пошли все остальные члены его семьи. Николай посадил на венский стул сына и сам стал посреди комнаты, а все остальные стали справа и слева фронтом, лицом к двери. Товарищи, в том числе и я, стали стрелять. Несмотря на то что сильно шумела заведенная автомашина, хорошо были слышны выстрелы и сильный лай четырех собак Николая Романова, находившихся при нем. В расположенном напротив дома особого назначения горном институте и маленьком домике зажглись огни. После этого стрельба прекратилась, три собаки повешены, а четвертая собака Джек молчала, поэтому ее не тронули. Оставшиеся в живых, подлежащие казни, были умерщвлены холодным оружием... Всего было уложено в машину 11 трупов людей и 3 трупа собак. Все эти трупы были укрыты брезентом, и автомашина с ними в сопровождении четырех товарищей, сидящих в машине, и двух верхом сидящих на лошадях отошли от дома особого назначения...»

Сохранилось и свидетельство еще одного палача, Я. Юровского.

Из официальных источников:

Яков Юровский. Родился в 1876 году в Томске в семье стекольщика и швеи. Окончил два класса еврейско-русской школы. Учился у портного и часовщика. Отбывал наказание за убийство. В РСДРП с 1905 года. Арестовывался за революционную деятельность. После революции — член коллегии уральской ЧК, председатель следственной комиссии Уральской области, член военного отдела облисполкома, комендант дома особого назначения. Впоследствии — председатель губернской ЧК, заведующий отделом Государственного хранилища при Народном комиссариате финансов.

С 1924 года — на хозяйственной работе. Умер в кремлевской больнице в 1938 году.

Лично стрелял в Николая II и его сына Алексея.

Репрессиям со стороны Советской власти не подвергался. Я. Юровского высоко ценил В. И. Ленин.

Из воспоминаний Якова Юровского:

«16. 7 была получеиа телеграмма нз Пермн иа условном языке, содержащая приказ об истреблеиин Р-ых. 16-го в шесть часов вечера Филипп Г-н (Голощекнн, член Президиума нсполкома Уральского Совета, областной военный комиссар) предписал привести приказ в исполнение. В 12 часов должна была прнехать машнна для отвоза трупов. Грузовик в 12 часов не прншел, прншел только в половнне второго. Это отсрочило приведение прнказа в исполненне. Тем времеием былн сделаны все прнготовления, отобрано 12 человек с наганамн. Двое из латышей отказались стрелять в девнц. Когда прнехал автомобиль, все спалн. Разбудилн Боткина, а он всех остальных. Внизу была выбрана комиата с деревянной оштукатуренной перегородкой (чтобы нзбежать рнкошетов), нз нее была вынесена вся мебель. Команда была иаготове в соседней комнате. Р-вы ни о чем не догадывалнсь. Команде зараиее было указано, кому в кого стрелять, и приказано целить прямо в сердце, чтоб нзбежать большого количества крови н покоичить скорее... Алексей, три нз его сестер, фрейлина и Боткин были еще живы. Их прншлось прнстреливать. Когда одну нз девиц пыталнсь доколоть штыком, то штык ие мог пробить корсаж. Благодаря этому вся процедура, считая проверку (щупанье пульса и т. д.), заияла минут двадцать. Потом сталн выиосить трупы и укладывать в автомобиль, выстланный сукном, чтобы не протекала кровь. Тут началнсь кражи: прншлось поставить трех надежных товарищей для охраны трупов, пока продолжалась переноска (трупы выиосилн по одному). Под угрозой расстрела все похищеииое было возвращено (золотые часы, портснгар с бриллиантами н т. д.).

Около трех часов выехали иа место, которое должен был прнготовить Ермаков за Верхне-Исетским заводом. Сначала предполагалось везти на автомобиле, а после известного места на лошадях (т. к. автомобиль дальше проехать не мог, выбраниым местом была брошенная шахта). Проехав Верхне-Исетскнй завод в верстах пяти, наткнулнсь на целый табор – человек 25 верховых, в пролетках и т. д. Это были рабочне (члеиы Совета нсполкома и т. д.), которых приготовил Ермаков. Первое, что они закричали: «Что ж вы нам их неживыми прнвезли?!» Оин думали, что казнь Романовых будет поручеиа нм. Началн перегружать трупы на пролетки. Сейчас же начали очищать карманы – прншлось и тут пригрозить расстрелом...»

И Юровский, и другой палач — Кабанов заявили однозначно: живым никто не ушел. Разночтение лишь в числе расстрелянных. Историки утверждают, что Юровский ошибся и убитых было 11.

Все без исключения источники утверждают, что среди расстрелянных была и Великая Княгиня Анастасия Нико-

лаевна. Вот что писал, скажем, в 20-е годы в вышедших в Вене своих воспоминаниях бывший наставник наследника Алексея П. Жильяр:

«Для большинства заключенных смерть наступила почти немедленно, однако Алексей Николаевич слабо застонал. Юровский прикончил его выстрелом из револьвера. Анастасия Николаевна была только ранена и при приближении убийц стала кричать; она падает под ударами штыков. Анна Демидова тоже уцелела, благодаря подушкам, за которыми пряталась. Она бросается из стороны в сторону и, наконец, в свою очередь, падает под ударами убийц».

Не оставляет, казалось бы, ни единого шанса на чудесное спасение Анастасии и свидетельство Н. А. Соколова, белогвардейского следователя, занимавшегося делом об убийстве императорской семьи, как говорят криминалисты, по «горячим следам».

И тем не менее...

Уже после войны к моему отцу обратился один офицер. То ли капитан, то ли майор. То, что он рассказал, на первый взгляд выглядело довольно странно. Во время войны он был тяжело ранен на территории Польши. Подобрали его монахини какого-то православного монастыря, выходили. Там, в монастыре, наш офицер знакомится с настоятельницей и у них складываются доверительные отношения. Настоятельнице, как он рассказывал, было интересно общаться с русским. Позднее, предварительно взяв с него слово о молчании, она призналась ему: «Я — дочь Николая II. Анастасия...»

Не знаю, что побудило того офицера, вернувшись на Родину после войны, рассказать о ней моему отцу, но такое обращение — факт. Естественно, выслушав эту невероятную историю, отец доложил обо всем Сталину. Правда, и офицер взял с отца слово, что ничего худого с Анастасией не случится. Сталин усомнился: «Может, самозванка? Проверьте». Так что приезд ее в Советский Союз конечно же был организован с ведома Сталина.

Иосиф Виссарионович решил так: пусть, мол, офицер этот едет в Польшу и предложит той женщине приехать в СССР. Разумеется, если будет на то ее воля.

Видимо, в какой-то мере доверие вызвало то обстоятельство, что настоятельница монастыря просила русского офицера никому и никогда не рассказывать о том, что он узнал.

Знаю, что Анастасия Николаевна согласилась приехать в СССР. Две недели жила в Москве, в выделен-

ном для нее особняке. А тот офицер был с ней. Никто, естественно, не знал о том, что она дочь последнего российского царя. Посещала музеи, театры. Съездила в Ленинград.

Деталей проверки и тому подобное я не знаю, но слышал от отца, что ей было предложено полное государственное обеспечение. Анастасия Николаевна поблагодарила за приглашение остаться в СССР, но отказалась. Сказала, что дала обет Господу и должна возвращаться в монастырь. Вот, пожалуй, и все, что я могу рассказать. Знаю только, что она возвратилась тогда же в Польшу. Больше никогда о дочери Николая II мне слышать не приходилось.

Советский офицер, которому спасает жизнь дочь последнего российского императора... Слово, которое дает мой отец вчерашнему фронтовику... Сталин, приглашающий Великую Княгиню на ее Родину... Согласись, читатель, есть от чего прийти в недоумение. Может, здесь и ключик к многолетней тайне принцессы Анастасии? Принимали-то в Москве настоятельницу православного польского монастыря на самом высоком уровне. Да и приглашение остаться в СССР тоже о чем-то говорит. Какой бы глубокой тайной не было окутано ее пребывание в Москве, Ленинграде, наверняка остались какие-то следы. А упоминание о монастыре, где она была настоятельницей, разве не след?

Есть для историков еще одна «зацепка». Великая Княгиня обратилась к Советскому правительству с единственной просьбой — негласно похоронить ее в царской усыпальнице в Ленинграде...

Последнее слово конечно же за историками, но, согласись, читатель, никак не напоминает вся эта удивительная история очередной рассказ о самозванке.

Кстати, о самозванках. Как мы уже говорили, лже-Анастасий (ни Марий, ни Ольг, ни Татьян!) было немало. Последняя — некая Анна Андерсон — умерла в феврале 1984 года. Глава Российского Императорского Дома Великий Князь Владимир Кириллович так рассказывал о ней в мае 1991 года: «Самозванцев всегда было много. Было очевидно, что окружавшие эту женщину люди верили, что императорская семья оставила деньги в английском банке. А ведь Император как патриот первым перевел эти деньги в Россию в самом начале войны, считая, что и другие должны поступить так же. Неверно говорят, что это были его личные деньги. Это были государственные деньги для

нужд войны, державшиеся у союзников России. Интересно, что однажды сын бывшего президента одной южноамериканской страны спросил у нашего знакомого, правда ли, что Великий Князь не вывез из страны капитала? Как же это может быть? Мой отец, говорил он, был президентом всего 10 или 12 лет, и все в нашей семье миллионеры. А эти дураки были 300 лет у власти и остались без всего... Ему это было дико. А нам как раз непонятно другое отношение к вещам... Анна Андерсон должна была прежде всего поехать к своей бабушке, императрице Марии Федоровне, жившей в Дании и никогда в сердце своем не верившей, что ее сын погиб вместе со всей своей семьей. Казалось, поезжай к ней, и дело будет решено. Однако она на это не осмелилась, хотя была в Берлине, в нескольких часах езды от Дании...»

«Позвольте, — спросит прочитавший все это недоверчивый читатель. — А каким же образом удалось уцелеть Великой Княгине? Ведь все известные и у нас, и на Западе источники довольно убедительно опровергают такую возможность».

Но я уверен, что в Ипатьевском доме стреляли не в... Анастасию. По ее же рассказам, своим спасением она обязана доктору Боткину, отправившему на смерть собственную дочь. Девушка погибла ради того, чтобы не засохла последняя веточка императорского дома... Доктор Боткин, идя на такую жертву, спасал Россию. Вернее, пытался спасти.

И еще одно утверждение Анастасии Николаевны. По ее словам, в ту страшную июльскую ночь проклятого Историей 1918-го, наследник последнего Императора и Самодержца Всероссийского цесаревич Алексей тоже не был убит.

Вне всяких сомнений, Ее императорское высочество Великая Княгиня Анастасия Николаевна рассказала тогда в Москве все до малейших подробностей. Наверняка были подняты какие-то документы, хотя бы косвенно подтверждающие ее рассказ. Помните, чем в первую очередь поинтересовался Сталин? «Не самозванка? Проверьте». Не могли не проверить. И если Анастасия что-то рассказала о подробностях спасения цесаревича Алексея, точно так же проверялись тогда, в сороковых годах, и они. Словом, историкам, вероятно, есть над чем подумать.

И все же в кого стрелял Юровский? Участники преступления, и он в том числе, были уверены, что в Алексея. Или кто-то знал правду? Кто?

Допустим, что вместо цесаревича принял смерть какой-то его ровесник. Были ли такие в его окружении? Были!

Чекист А. Кабанов в оставленных «благодарным потомкам» записках утверждал, как помните, что 14-летнего сына Николая II выносили на руках в садик, усаживали в детскую коляску, «которую возил 14-летний (!) племянник одного из поваров».

А теперь возвратимся к рассказу Якова Юровского: «В шесть часов увезли мальчика, что очень обеспокоило Р-ых и их людей. Приходил д-р Боткин спросить, чем это вызвано? Было объяснено, что дядя мальчика, который был арестован, потом сбежал, теперь опять вернулся и хочет увидеть племянника. Мальчик на следующий день был отправлен на родину (кажется, в Тульскую губернию). Был арестован, потом сбежал, теперь опять вернулся...» Звучит такое объяснение, по меньшей мере, странно. Вернулся после удачного побега из-под ареста? Зачем? А ведь, если помните, другой участник событий в Ипатьевском доме, А. Кабанов, утверждал, что дядя 14-летнего мальчика «был расстрелян в первые дни по прибытии из Тобольска». Как же все это понимать? Еще одна загадка? Похоже, что так.

«В шесть часов увезли мальчика, что очень обеспокоило Р-ых и их людей...» Чем вызвана такая реакция? Увезли... цесаревича Алексея? Но каким образом прошла подмена?

А если допустить, что и сам Николай II, и его окружение, включая доктора Боткина, заблаговременно получили информацию о готовящейся казни? Есть одна любопытная деталь. В ту ночь семья отошла ко сну на три (!) часа позже обычного, что и отметили с некоторым удивлением сами участники «акции».

Было же у доктора Боткина время спасти Анастасию. Следовательно, знал, что всех их ждет впереди?..

Разумеется, все это из области домыслов. В конце концов цесаревича могли просто не добить, а если учесть неразбериху, царившую ночью (одно сплошное мародерство чего стоит!), вполне можно допустить и его счастливое исчезновение. С чьей-то помощью, разумеется.

Рискую навлечь на себя гнев историков, но, учитывая характеристики людей, содержащих под арестом императорскую семью, нетрудно предположить, что за драгоценности, а их у Романовых — это подтверждено многочисленными документами — было предостаточно,

кто-то мог оказать «классовому врагу» любую услугу.

Трудно сказать, уместна ли такая аналогия, но, перечитывая многочисленные документы, связанные с расстрелом в Екатеринбурге, не раз вспоминал Михаила Булгакова. Окажись его незабвенный Шариков в составе караула, охранявшего Ипатьевский дом, отлично бы вписался в эту большую компанию отборных мерзавцев и негодяев, готовых за княжеские украшения продать не то что пролетарскую революцию — мать родную... Почему бы в таком случае не предположить, что у императорской семьи и ее окружения были и такие союзники? И вот тогда кое-что может проясниться. Контакт с такими людьми вполне мог поддерживать, скажем, без особых подозрений доктор Боткин.

Но это уже, повторяем, из области предположений, не имеющих, увы, под собой каких-либо документальных подтверждений. Единственная надежда лишь на то, что в российских архивах отыщутся следы пребывания Великой Княгини Анастасии в послевоенной Москве. Возможно, тогда же узнаем мы и о судьбе цесаревича Алексея.

К сожалению, ничего не известно и о дальнейшей судьбе офицера, которому спасла жизнь дочь Всероссийского Самодержца. Неужели он никому и никогда не рассказал о своем знакомстве в польском монастыре, о встрече с Берия, о неделях, проведенных в Москве вместе с Великой Княгиней? Весьма сомнительно, хотя если учесть, что государственная тайна была доверена боевому офицеру, в лучшем случае эта история могла стать достоянием самых близких людей. Не больше. Возможно, кто-то из них отзовется? Надежды на то, что сам этот офицер еще жив, не так много — прошло столько лет... И уж совершенно ни одного шанса на то, что Великая Княгиня дожила до наших дней. Помните Юлию Борисову в роли Анастасии в картине «Цареубийца»? Добавьте ни много ни мало семь с половиной десятилетий... Следовательно, Анастасии Николаевне было бы сегодня за 90. В истории же она так и останется 17-летней Княжной, одним из последних осколочков дома Романовых. Или все-таки нет?

«Я дала обет Господу и должна возвратиться в свой монастырь. Если Советское правительство сочтет возможным выполнить мою единственную просьбу, я просила бы негласно похоронить меня в царской усыпальнице в Ленинграде».

Даже если бы это была всего лишь красивая легенда, в нее стоило бы поверить...

ГЛАВА 10

У СТАРЫХ ГРЕХОВ ДЛИННЫЕ ТЕНИ

1 декабря 1950 года Военной коллегией Верховного суда СССР были осуждены к высшей мере наказания — расстрелу член Политбюро ЦК ВКП(б), заместитель Председателя Совета Министров СССР Н. А. Вознесенский, член Оргбюро, секретарь ЦК А. А. Кузнецов, член Оргбюро ЦК, Председатель Совета Министров РСФСР М. И. Родионов, кандидат в члены ЦК, первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) П. С. Попков, второй секретарь Ленинградского горкома Я. Ф. Капустин и председатель Ленинградского горисполкома П. Г. Лазутин. К длительному тюремному заключению были приговорены тогда же несколько других партийных работников, обвиненных, как и остальные подсудимые, в том, что, создав антипартийную группу, они проводили, как было сказано на суде, вредительско-подрывную работу, направленную на отрыв и противопоставление Ленинградской партийной организации Центральному Комитету партии, превращение ее в опору для борьбы с партией и ее ЦК. Так называемое «Ленинградское дело» — один из актов послевоенных массовых репрессий, в организации которого уже много лет обвиняют моего отца. Жертвами репрессий тогда стали не только все руководители Ленинградских городской, областной, районных организаций, но и почти все советские и государственные деятели, выдвинутые в свое время в центральный партийный и советский аппарат, в областные партийные организации страны. Только в Ленинградской области по официальным данным преследованиям подверглись свыше двух тысяч человек. Были репрессированы и члены семей осужденных.

Хотел бы сразу же опровергнуть обвинения в адрес отца. Судьбу Кузнецова, Вознесенского, да и всего так называемого «Ленинградского дела» решала комиссия ЦК, что вполне понятно, учитывая положение обвиняемых. В

ее состав входили Маленков, Хрущев и Шкирятов. Смерть ленинградских руководителей в первую очередь на их совести. Лишь одна деталь, на которую в течение многих лет предпочитают закрывать глаза отечественные историки: все допросы обвиняемых, проходивших по этому «делу», вели не следователи МГБ, а члены партийной комиссии. Мой отец никакого отношения к этим гнусным вещам не имел. Помню, он сразу же сказал, что это очередная затея по захвату командных высот с помощью разгрома Ленинградской партийной организации, которая очень поддерживала Вознесенского. А Вознесенского, которого уважал и ценил мой отец, что было хорошо известно, в Кремле не любили. Одна из причин — благосклонность к этому талантливому руководителю Сталина. Проще говоря, в Вознесенском видели конкурента...

Как и мой отец, Вознесенский крайне отрицательно относился ко всяким группировкам и внутрипартийной борьбе. Это был в тот период один из самых молодых и, что было ясно, перспективных руководителей. Взлет его пришелся на годы войны. Насколько знаю, Сталин считал его очень сильным экономистом, а это не могло не раздражать сталинское окружение. Таких не жаловали...

Но здесь важно заметить, что эти события происходили не только в общем контексте борьбы за власть, что всегда было присуще верхушке большевистской партии, а и столь же ожесточенной борьбы за форму правления. И Хрущев, и Маленков считали, что партия должна быть во главе всего, хозяйственная деятельность в их глазах была чем-то второстепенным. Вознесенский, отец, все руководители промышленности никогда не скрывали, что с этим согласиться не могут: доминировать должна экономика, а не политика. Другими словами, не отвергая, разумеется, большевистскую идеологию в целом, эти люди ставили под сомнение сами формы управления государством, настаивали на проведении реформ.

Вознесенского, как позднее и отца, убрал партийный аппарат. В 1964 году уберут и самого партийного лидера Хрущева. Причем сделают это легко. Причины — он затронул интересы того же аппарата. А тогда аппарат выступил против Вознесенского. Не случись этого, страна, вне всяких сомнений, уже в самые ближайшие годы могла иметь очень сильного Председателя Совета Министров. Так что организаторы и вдохновители «Ленинград-

ского дела» проанализировали ситуацию совершенно точно...

Знаю, что бытует версия о том, что Сталин всегда люто ненавидел Ленинград и в конце жизни расправился с его руководителями. Убежден, что это не так. Из тех разговоров, которые вели при мне и Жуков, и мой отец, я знаю, что Сталин очень любил Ленинград, потому что с этим городом у него были связаны самые хорошие воспоминания. Он, кстати, не поддержал предложение Ленина о переезде советского правительства из Петрограда в Москву, но, видимо, той власти, которую он получил позднее, у него еще не было, и к его мнению не прислушались.

Он даже считал, что столица государства непременно должна быть портовым городом. Возможно, сказывалась любовь к Петру. Он вообще историю России прекрасно знал и тут же прекращал разговор, если кто-либо в его присутствии позволял себе дилетантски рассуждать о прошлом государства.

Иногда выдвигают такой аргумент: Сталина раздражала ленинградская оппозиция. Но это не совсем верно, таких же оппозиционных группировок хватало ему и в Москве... Столь же несерьезно и утверждение, что давняя неприязнь Сталина к Ленинграду связана с Кировым. Знаю, что смерть Кирова, вернее убийство его ближайшего соратника, Сталина очень задела. Не знаю, красит ли это Кирова или нет, но, судя по всем выступлениям Сергея Мироновича, он был одним из преданнейших Сталину людей. Достаточно почитать его выступления на партийном съезде, да и на других форумах.

В какой-то мере я неплохо знал обстановку, сложившуюся после войны в Ленинграде, так как оказался в городе еще до снятия блокады. У нас в академии бывал и не раз выступал перед нами Кузнецов. Мы, слушатели, считали руководителя Ленинграда очень грамотным, энергичным и коммуникабельным человеком. Знаю, что его действия импонировали и горожанам. Обвинения в его адрес абсолютно несостоятельны. Возможно, и он, и другие ленинградские товарищи хотели, чтобы права Ленинграда соответствовали тому потенциалу, которым город обладал. Но это вполне естественно. Союзные партийные структуры, насколько понимаю, препятствовали экономическому развитию Ленинграда, не считаясь с мнением горкома. Фактически крупный промышленный,

научный и культурный центр мирового значения номенклатура пыталась свести к провинциальному городу. А любые действия ленинградских руководителей подавались Сталину с определенным политическим привкусом: вот, мол, Ленинградский комитет стремится стать еще одной столицей. Думаю, Сталина это настораживало.

На деле же, повторяю, никакого противопоставления Центру там не было — партийная верхушка просто оттесняла Вознесенского и крупнейшую партийную организацию, которая его поддерживала.

В феврале сорок девятого на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято постановление «Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) товарища Кузнецова А. А. и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) тт. Родионова М. И. и Попкова П. С.», в котором говорилось, что их «противогосударственные действия явились следствием нездорового, небольшевистского уклона, выражающегося в демагогическом заигрывании с Ленинградской организацией, охаивании ЦК ВКП(б), в попытках представить себя в качестве особых защитников Ленинграда, в попытках создать средостение между ЦК ВКП(б) и Ленинградской организацией и отдалить таким образом Ленинградскую организацию от ЦК ВКП(б)».

Этим же постановлением Политбюро Кузнецов, Попков и Родионов были сняты со своих постов, а через несколько дней с группой работников ЦК в Ленинград выехал Маленков. Вначале он провел объединенное заседание бюро обкома и горкома, на котором добивался признания в организации «враждебной антипартийной группировки», а затем, на следующий день, объединенный пленум. Все проходило в «лучших традициях» политических процессов 30-х годов: несусветные обвинения, угрозы, покаяния. Позднее к этому «делу» подключили МГБ во главе с Абакумовым...

Ведомство Абакумова играло лишь вспомогательную роль: арестовали по подозрению в связях с английской разведкой Капустина и «выбили» соответствующие признания. Впрочем, судя по известным документам, шпионаж в пользу Великобритании МГБ интересовал мало, в основном допросы велись на темы, связанные с «антипартийной группой». Как всегда, подозрения в шпионаже были лишь поводом к аресту.

13 августа 1949 года в кабинете Маленкова без санкции прокурора (не удосужились сделать даже это!) были арестованы Кузнецов, Попков, Родионов, Лазутин, Со-

ловьев. Еще раньше освобождается с поста председателя Госплана СССР Вознесенский.

Любопытно, на мой взгляд, проследить дальнейшую хронологию событий. 9 сентября Шкирятов представляет Политбюро решение КПК: «Предлагаем исключить Н. А. Вознесенского из членов ЦК ВКП(б) и привлечь его к судебной ответственности». Затем — заседание Политбюро, Пленум ЦК... 27 октября Хрущев и Маленков вздохнут, наконец, свободно: первый претендент на пост главы правительства арестован.

Спустя десятилетия после расстрела Вознесенского и его товарищей Комитет партийного контроля при ЦК КПСС признает:

«С целью получения вымышленных показаний о существовании в Ленинграде антипартийной группы Г. М. Маленков лично руководил ходом следствия по делу и принимал в допросах непосредственное участие. Ко всем арестованным применялись незаконные методы следствия, мучительные пытки, побои и истязания. Для создания видимости о существовании в Ленинграде антипартийной группировки по указанию Г. М. Маленкова были произведены массовые аресты... Более года арестованных готовили к суду, подвергали грубым издевательствам, зверским истязаниям, угрожали расправиться с семьями, помещали в карцер и т. д. Психологическая обработка обвиняемых усилилась накануне и в ходе самого судебного разбирательства. Подсудимых заставляли учить наизусть протоколы допросов и не отклоняться от заранее составленного сценария судебного фарса. Их обманывали, уверяя, что признания «во враждебной деятельности» важны и нужны для партии, которой необходимо преподать соответствующий урок на примере разоблачения вражеской группы, убеждали, что каким бы ни был приговор, его никогда не приведут в исполнение... Вопрос о физическом уничтожении Н. А. Вознесенского, А. А. Кузнецова, М. И. Родионова, П. С. Попкова, Я. Ф. Капустина, П. Г. Лазутина был предрешен задолго до судебного процесса».

Приговор огласили в час ночи, в два никого из осужденных уже не было в живых...

Подобные процессы над обвиняемыми, проходившими по «Ленинградскому делу», состоялись позднее еще в нескольких городах. Среди расстрелянных — сестра и брат Вознесенского, большая группа партийных и советских работников.

Всех «ленинградцев» реабилитировали лишь в апреле 1954 года. В том же году расстреляют и Абакумова и «его сообщников, которые попрали социалистическую законность». А вдохновитель преступления товарищ Мален-

ков, как и прежде, будет благополучно пребывать в кресле главы правительства.

В феврале пятьдесят шестого на XX съезде КПСС Хрущев назовет организатором «Ленинградского дела» Л. П. Берия. Никаких доказательств того, естественно, не представит, что, впрочем, не помешает даже в наши дни приписывать моему отцу и это преступление. В лучшем случае историки ссылаются на... выступление самого Хрущева.

А что же вышедший сухим из воды Маленков?

«Вопрос о преступной роли Г. М. Маленкова в организации так называемого «Ленинградского дела» был поставлен после июньского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС. Однако Г. М. Маленков, заметая следы преступлений, почти полностью уничтожил документы, относящиеся к «Ленинградскому делу». Бывший заведующий секретариатом Г. М. Маленкова — А. М. Петроковский сообщил в КПК при ЦК КПСС, что в 1957 г. он произвел опись документов, изъятых из сейфа арестованного помощника Г. М. Маленкова — Д. Н. Суханова... Во время заседаний июньского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС Г. М. Маленков несколько раз просматривал документы, хранившиеся в сейфе Д. Н. Суханова, многие брал с собой, а после того, как был выведен из состава ЦК КПСС, не вернул материалы из папки «Ленинградское дело», заявив, что уничтожил их как личные документы. Г. М. Маленков на заседании КПК при ЦК КПСС подтвердил, что уничтожил эти документы...

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
Комитет партийного контроля при ЦК КПСС»

Отца даже умудрились обвинить в организации еще одного крупного «дела» — так называемого Мингрельского. Пострадали тогда десятки тысяч грузин — людей совершенно невиновных. ЦК принял в ноябре 1951 года резолюцию о существовании в Грузии мингрельской националистической организации, готовившей свержение Советской власти в республике. Абсурд, конечно. Никакой контрреволюционной организации в Мингрелии не было. «Мингрельское дело», как признается незадолго до смерти Хрущев, было направлено против отца. Правда, Никита Сергеевич обвиняет в его организации единственного человека — Сталина, но это не совсем так. Партийная верхушка, включая, естественно, самого Хрущева, пыталась таким образом устранить Берия руками Сталина. Неправда, что диктаторы порой не поддаются влиянию. Во всяком случае, есть немало примеров, что Сталин шел на уступки своему ближайшему окружению.

Так было и тогда. Предполагалось, что массовые репрессии в Грузии смогут дискредитировать моего отца, после чего, естественно, его можно будет «убрать».

И на XX съезде КПСС, и в своих воспоминаниях, опубликованных на Западе, Хрущев говорил о произволе Сталина, о своей же роли в организации «Мингрельского дела» в силу вполне понятных причин умолчал. Точно так же ушел он от ответственности и за самое активное участие в организации небезызвестного «Дела врачей».

Из воспоминаний Н. С. Хрущева:

«Однажды Сталин пригласил нас к себе в Кремль и зачитал письмо. Некая Тимашук сообщала, что она работает в медицинской лаборатории и была на Валдае, когда умер Жданов. Она писала, что Жданов умер потому, что врачи лечили его неправильно: ему назначались такие процедуры, которые неминуемо должны были привести к смерти, и все это делалось преднамеренно... Если бы Сталин оставался нормальным в ту пору, то он по-другому отреагировал на это письмо. Одним словом, врачи были арестованы... Видимо, многие члены Президиума ЦК КПСС чувствовали несостоятельность этих обвинений. Но они не обсуждали их, потому что раз про это сказал Сталин, раз он сам «ведет» этот вопрос, то говорить больше не о чем. Когда же мы сходились не за столом Президиума и обменивались между собой мнениями, то больше всего возмущались письмом, полученным от Конева... Письмо, которое прислал Конев, клеймило не только тех, которые уже были «выявлены», но толкало Сталина на расширение круга подозреваемых и вообще на недоверие к врачам... Конечно, это произошло в результате болезненного характера человека и некоего «сродства душ». А у Конева и Сталина действительно имело место частичное сродство душ. Потому-то Конев по сей час переживает, что XX съезд партии осудил злодеяния Сталина, а XXI съезд партии еще «добавил».

Начались допросы «виновных». Я лично слышал, как Сталин не раз звонил Игнатьеву. Тогда министром госбезопасности был Игнатьев. Я знал его. Это был крайне больной, мягкого характера, вдумчивый, располагающий к себе человек. Я к нему относился очень хорошо... Он (Сталин) требовал от Игнатьева: несчастных врачей надо бить и бить, лупить нещадно, заковать их в кандалы...»

Обратите внимание: «Дело врачей-вредителей» Хрущев с именем отца не связывает. Листаем доклад Первого секретаря ЦК КПСС Никиты Хрущева XX съезду КПСС. Выступая 25 февраля 1956 года, партийный лидер подробно остановился и на «Мингрельском», и на «Ленинградском» делах, заметив попутно, что «большин-

ство членов Политбюро того периода не знало всех обстоятельств дела». Вспомнил и о врачах, но виновным в репрессиях против этих людей назвал лишь Сталина. Об отце — ни слова. А вот когда подводил черту под сказанным, довольно тонко переключил внимание аудитории на него:

«В организации различных грязных и позорных дел гнусную роль играл махровый враг нашей партии, агент иностранной разведки Берия, втершийся в доверие к Сталину. Как этот провокатор смог добиться такого положения в партии и государстве, что стал первым заместителем Председателя Совета Министров Советского Союза и членом Политбюро ЦК? Теперь установлено, что этот мерзавец шел вверх по государственной лестнице через множество трупов на каждой ступеньке».

Все, что говорил дальше Первый секретарь ЦК, уже не имело ровным счетом никакого значения: у слушателей отложилось в памяти, что руку ко всем «различным грязным и позорным делам» приложил Берия. И не столь важно, что, кроме ругани в адрес бывшего товарища, не прозвучало ни одного конкретного обвинения. Цель достигнута — кто посмеет уличить во лжи главу государства?

Первое сообщение об аресте «врачей-вредителей» передал 13 января 1953 года ТАСС:

«Некоторое время тому назад органами госбезопасности была раскрыта террористическая группа врачей, ставивших своей целью, путем вредительского лечения, сокращать жизнь активным деятелям Советского Союза. В числе участников этой террористической группы оказались: профессор Вовси М. С., врач-терапевт; профессор Виноградов В. Н., врач-терапевт; профессор Коган М. Б., врач-терапевт; профессор Коган Б. Б., врач-терапевт; профессор Егоров П. И., врач-терапевт; профессор Фельдман А. И., врач-отоларинголог; профессор Этингер Я. Г., врач-терапевт; профессор Гринштейн А. М., врач-невропатолог; Майоров Г. И., врач-терапевт.

Документальными данными, исследованиями, заключениями медицинских экспертов и признаниями арестованных установлено, что преступники, являясь скрытыми врагами народа, осуществляли вредительское лечение больных и подрывали их здоровье...

Преступники признались, что они, воспользовавшись болезнью товарища А. А. Жданова, неправильно диагностировали его заболевание, скрыв имевшийся у него инфаркт миокарда, назначили противопоказанный этому тяжелому заболеванию режим и тем самым умертвили товарища А. А. Жданова. Следствием установлено, что преступ-

ники также сократили жизнь товарища А. С. Щербакова, неправильно применяли при его лечении сильнодействующие лекарственные средства, установили пагубный для него режим и довели его таким путем до смерти.

Врачи-преступники старались в первую очередь подорвать здоровье советских руководящих военных кадров, вывести их из строя и ослабить оборону страны. Они старались вывести из строя маршала Василевского, маршала Говорова, маршала Конева, генерала армии Штеменко, адмирала Левченко и др. Однако арест расстроил их злодейские планы и преступникам не удалось добиться своей цели.

Установлено, что все эти врачи-убийцы, ставшие извергами человеческого рода, растоптавшие священное знамя науки и осквернившие честь деятелей науки, состояли в наемных агентах у иностранной разведки. Большинство участников террористической группы (Вовси, Коган, Фельдман, Гринштейн, Этингер и др.) были связаны с международной еврейской буржуазно-националистической организацией «Джойнт», созданной американской разведкой якобы для оказания международной помощи евреям в других странах. На самом же деле эта организация проводит под руководством американской разведки широкую шпионскую, террористическую и иную подрывную деятельность в ряде стран, в том числе и в Советском Союзе. Арестованный Вовси заявил следствию, что он получил директиву «об истреблении руководящих кадров СССР» из США от организации «Джойнт» через врача в Москве Шимелиовича и известного еврейского буржуазного националиста Михоэлса. Другие участники террористической группы (Виноградов, Коган М. Б., Егоров) оказались давнишними агентами английской разведки.

Следствие будет закончено в ближайшее время (ТАСС)».

Люди старшего поколения конечно же помнят атмосферу истерии, создаваемую прессой тех дней. Журнал «Огонек», в частности, писал:

«Неописуемо чудовищны преступления банды врагов народа! Гнев и омерзение охватывают всех честных людей, узнавших о злодеяниях наемных убийц, скрывавшихся под личиной профессоров медицины».

У нас в доме, как и в каждой семье, арест известных врачей конечно же обсуждался. Не стоит говорить, что мой отец не имел к этой подлости ни малейшего отношения. Наше возмущение было связано еще и с тем, что я, скажем, был обязан одному из арестованных врачей жизнью. За несколько лет до войны (мы жили еще в Тбилиси) у меня началось тяжелое осложнение после гриппа. Местные врачи, хорошие специалисты, по-

мочь не смогли. На нашу беду, в эти же дни отцу пришлось уехать по делам в Москву. Звонил домой, разумеется, каждый день, но ничего утешительного мама ему сказать не могла — болезнь прогрессировала.

Не знаю, какой разговор состоялся у отца тогда с Серго Орджоникидзе, но когда тот узнал, что произошло, пообещал помочь. По его просьбе в Тбилиси приехали два замечательных врача — Этингер и Раппопорт. Пробыли Яков Гиляриевич Этингер и его коллега у нас почти две недели, позднее еще около двух месяцев меня долечивали местные врачи. Но жизнью я, безусловно, обязан Этингеру, известному профессору-кардиологу, и Раппопорту. И отец, и мать, вполне понятно, всю жизнь вспоминали этих московских врачей с огромной благодарностью.

Часто бывал у нас в доме профессор Виноградов. Лечащим врачом он не был, но мы с удовольствием общались с этим интересным человеком. Уже после того, как отец прикрыл «Дело врачей», Виноградов и профессор Егоров, руководивший IV управлением Минздрава, рассказывали у нас дома за столом, что в действительности тогда произошло.

— Вы знаете, — говорил профессор Виноградов, — я старый человек, и конечно же физически выдержать все это сил уже не было. Мне пришлось давать им показания, но я давал их только на тех людей, которые умерли еще до моего ареста. Хотя понимал, что могут репрессировать их семьи. Но что оставалось делать? Утешаюсь лишь тем, что таким образом нанес меньше вреда.

Говорили, естественно, и о Этингере, и об остальных врачах, ставших жертвами произвола.

А началось «Дело врачей» действительно с писем Конева и Лидии Тимашук.

Из официальных источников:

Лидия Тимашук. Родилась в 1898 году в Брест-Литовске. В 1918-м поступила на медицинский факультет Самарского университета. С 1926 года — врач Лечебно-санитарного управления Кремля, где проработала до выхода на пенсию в 1964 году. В январе 1953-го Указом Президиума Верховного Совета СССР награждена орденом Ленина «за помощь, оказанную правительству в деле разоблачения врачей-убийц». В апреле того же пятьдесят третьего Указ о награждении Тимашук отменен.

Скончалась в 1983 году в возрасте 85 лет.

Рассказывают, до конца жизни Лидия Феодосьевна была обижена на то, как с ней обошлись. Правда, вместо отобранного ордена уже через год ей вручат другой — Трудового Красного Знамени, который, надо полагать, заведующая электрокардиографическим кабинетом Кремлевской больницы действительно заслужила. Но обида останется, потому что имя ее войдет в сознание миллионов людей как символ человеческой подлости. В последнее время появилось немало публикаций, где врач Тимашук представлена как невинная жертва обстоятельств. Но это скорее полуправда, потому что, отправляя письмо генерал-лейтенанту Власику (не Сталину!), Лидия Феодосьевна не могла не догадываться, чем это может обернуться для известных врачей. Достаточно взглянуть на фотографию, запечатлевшую счастливый миг награждения Тимашук, и все сомнения по поводу душевных терзаний отпадают сами собой: это был действительно звездный час доселе никому не известного сотрудника «Кремлевки».

Улыбнется фортуна и такому же неизвестному Михаилу Рюмину, подполковнику, следователю следственной части по особо важным делам МГБ СССР. Как и его патрон Абакумов, он будет активно участвовать в допросах профессора Этингера, арестованного еще в ноябре 1950 года. Спустя несколько месяцев арестуют и самого шефа МГБ. Поводом послужит донос подполковника Рюмина. Как водится, в ЦК от «сигнала» не отмахнулись и о письме было доложено Сталину.

Трудно поверить, что рядовой следователь мог пойти на столь дерзкий шаг, вне всяких сомнений, сама идея «разоблачения» Абакумова рождалась на Старой площади. Ну а Рюмина просто использовали. Правда, обижаться бдительному следователю особо не приходилось — вскоре Рюмин стал полковником, начальником Следственной части по особо важным делам МГБ СССР, а затем и заместителем самого товарища Игнатьева — новоиспеченного главы МГБ. Карьера Рюмина завершится вместе с «Делом врачей», к которому он приложил руку. Рюмина арестуют после прихода отца в МВД. 4 апреля 1953 года по радио несколько раз будут читать сообщение МВД СССР:

«Министерство внутренних дел СССР произвело тщательную проверку всех материалов предварительного следствия и других данных по делу группы врачей, обвинявшихся во вредительстве и других действиях в отношении

активных деятелей Советского государства. В результате проверки установлено, что привлеченные по этому делу профессор Вовси, профессор Виноградов, профессор Коган, профессор Этингер, профессор Егоров... были арестованы бывшим Министерством государственной безопасности СССР неоправданно, без каких-либо законных оснований.

Проверка показала, что обвинения, выдвинутые против перечисленных лиц, являются ложными, а документальные данные, на которые опирались работники следствия, несостоятельными. Установлено, что показания арестованных, якобы подтверждающие выдвинутые против них обвинения, получены работниками следственной части бывшего Министерства государственной безопасности путем применения недопустимых и строжайше запрещенных советскими законами приемов следствия.

На основании заключения следственной комиссии, специально выдвинутой Министерством внутренних дел СССР для проверки этого дела, арестованные... и другие, привлеченные по этому делу, полностью реабилитированы в предъявленных им обвинениях во вредительской, террористической и шпионской деятельности и в соответствии со ст. 4, п. 5 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР из-под стражи освобождены. Лица, виновные в неправильном ведении следствия, арестованы и привлечены к уголовной ответственности».

Сорок лет спустя сын погибшего в Лефортовской тюрьме профессора Этингера доктор исторических наук профессор Яков Этингер расскажет о своих встречах в 1970 году с бывшим членом Политбюро Николаем Булганиным: «Булганин считал, что главными организаторами «Дела врачей» и намечаемых антиеврейских акций были Сталин, Маленков и Суслов, которым, как он выразился, «помогала» группа других ответственных партийно-государственных деятелей того времени. Я спросил, кто конкретно. Он усмехнулся и ответил: «Вы хотите, чтобы я назвал ряд нынешних руководителей страны? Многие из людей 1953 года и сейчас играют ключевую роль. Я хочу спокойно умереть».

Видимо, те люди, о которых говорил Булганин, и сделали все для того, чтобы страна забыла, кто повинен в репрессиях против известных советских ученых-медиков и кто поставил в «Деле врачей» последнюю точку. Как всегда, и тогда, в пятидесятые, партийная верхушка и Берия оказались по разные стороны баррикад. Этого новому министру внутренних дел тоже никогда не простят...

Из выступления члена Президиума ЦК КПСС, первого заместителя Председателя Совета Министров СССР, министра обороны СССР Н. А. Булганина на июльском (1953 года) Пленуме ЦК КПСС:

«Товарищи, приходилось слышать о якобы положительной роли Берия в его делах по освобождению врачей, по ликвидации грузинского дела, по ликвидации дела Шахурина и Новикова, дела маршала Яковлева. Надо развенчать его и здесь. Никакой положительной роли в этих делах у него нет. Наоборот, все это делалось для того, чтобы создать себе видимость популярности».

Неотразимая большевистская логика...

Кстати, о деле Шахурина, Новикова, Яковлева.

Весной сорок шестого Главное управление контрразведки «СМЕРШ», которое возглавлял Абакумов, арестовало наркома авиапромышленности СССР А. И. Шахурина, командующего ВВС Советской Армии А. А. Новикова и ряд других руководящих работников авиапромышленности и представителей высшего командования Военно-Воздушных Сил. В вину им вменялось умышленное вредительство. Якобы одни поставляли, а другие принимали на вооружение советской военной авиации некачественные самолеты. В том же сорок шестом Военная коллегия Верховного суда СССР осудила «вредителей» к различным срокам лишения свободы. В декабре 1951 года были отданы под суд маршал артиллерии, заместитель военного министра Н. Д. Яковлев, начальник Главного артиллерийского управления генерал-полковник И. И. Волкотрубенко, заместитель министра вооружения И. А. Мирзаханов. В феврале пятьдесят второго все они были арестованы.

17 апреля 1953 года мой отец направил записку в Президиум ЦК КПСС с предложением освободить из-под стражи маршала артиллерии Н. Д. Яковлева и остальных людей, проходивших по этому делу, как арестованных без всяких на то оснований. В мае было прекращено уголовное дело за отсутствием состава преступления и в отношении наркома А. И. Шахурина, командующего ВВС А. А. Новикова и других товарищей. Несколько лет назад партийные органы вынуждены были наконец признать роль Берия в освобождении всех этих людей официально — соответствующие документы опубликованы.

10 апреля, как известно, Президиум ЦК КПСС отменил свои же постановления по «Мингрельскому делу». Так что с приходом отца в объединенное Министерство

внутренних дел весной пятьдесят третьего действительно было сделано немало. Ему просто не позволили завершить массовую реабилитацию людей, пострадавших в ходе предвоенных и послевоенных репрессий.

И еще один вопрос. Не раз приходилось читать, что мой отец на протяжении всей жизни отличался крайним антисемитизмом, но вместе с тем, как утверждают западные источники, он во время войны создал вместе с Михоэлсом Еврейский антифашистский комитет для установления связей с международными еврейскими организациями. Например, известный французский историк Николя Верт считает:

«Гипотеза о международном еврейском заговоре также могла быть использована против Берия. Весьма вероятно, следовательно, что в данном случае Берия ие только ие участвовал в подготовке очередиой чистки, ио и мог стать одной из ее жертв вместе с другими руководителями, бывшими предметом особой заботы Сталина, в том числе Молотовым (его жена-еврейка была депортирована), Ворошиловым и Микояиом. Одиако пока иапомииавшая о худших времеиах ежовщины идея широкого заговора интеллигентов, евреев, военных, высших руководителей партии и экоиомики, партийно-хозяйствениой элиты из иерусских республик вызревала, в ночь на 1 марта 1953 года у Сталииа произошло кровоизлияние в мозг...»

Антисемитизм, как и у любого порядочного человека, вызывал у отца чувство омерзения. Это вполне понятно. Но, на мой взгляд, симпатия, причем симпатия давняя, к людям еврейской национальности вызвана, как мне кажется, в первую очередь тем, что отец их хорошо знал. Дело в том, что таких людей очень много было в разведке, в технике, то есть в тех областях, в которых всю жизнь он проработал. Отсюда и глубокое уважение к евреям. Кстати, таких людей при отце довольно много было на очень высоких должностях, чего после его смерти больше не допускали... Скажем, Райхман, начальник крупного управления, Мильштейн, тоже начальник управления. Знаю, что в целом ряде крупнейших операций, проводившихся за рубежом советской разведкой, тоже стояли евреи. Никакого особого секрета я не открываю, это общеизвестные вещи. Обвинение отца в антисемитизме — лишь одно из многих. Если бы обстоятельства сложились несколько иначе, его столь же рьяно обвинили бы в пособничестве мировому сионизму. К этому, кстати, шло... Отец действительно был инициатором создания Еврейского антифашистского комитета. Целый ряд

видных деятелей, связанных с сионизмом, были связаны — я этого не отрицаю — и с моим отцом. Это не значит, что все они работали на советскую разведку, но они, скажем так, выполняли функции, которые были чрезвычайно полезны в тот период как для еврейского движения, так и для Советского Союза. Такие компромиссы, считал отец, вполне допустимы. Причем все делалось совершенно открыто, с согласия ЦК. Нравилось это партийному аппарату или нет, но они вынуждены были соглашаться с такой политикой. Но потом этот же ЦК при самом активном участии Сталина начал проводить ту политику, которая была партийной верхушке гораздо ближе — политику арестов, провокаций, политических убийств, как это было, скажем, с Михоэлсом. Виновных отец назвал впоследствии в своем обращении в ЦК.

Отец одним из первых активно выступил в поддержку создания государства Израиль. Мотивировал он свою позицию тем, что очень большое число людей еврейской национальности, включая техническую интеллигенцию, рассеяны по всему миру, и в интересах Советского Союза всех этих людей сделать своими союзниками. Создание государства, о котором еврейский народ мечтал столько сотен лет, считал отец, станет актом восстановления исторической справедливости, а поддержка Советского Союза будет воспринята с благодарностью. Так что почва для того, чтобы объявить моего отца агентом мирового сионизма, как видите, была...

Он никогда не выделял людей по национальному признаку. Для него ровным счетом не имело никакого значения, русский ты или еврей, украинец или грузин. Но близких ему людей среди евреев было немало. Ванников, скажем. В то время это обстоятельство не помешало ему стать генерал-полковником, министром, трижды Героем Социалистического Труда. В атомном проекте успешно работал Славский, министр среднего машиностроения СССР. Интернационализм тогда был настоящий. Это позднее все свелось лишь к декларациям...

Но были в тогдашнем кремлевском руководстве и махровые антисемиты. Скажем, Андрей Жданов и его сын, заведующий отделом науки ЦК. Эти никогда и не скрывали своих убеждений.

Отъявленным антисемитом, тоже не считавшим это скрывать, был Хрущев. Маленков, возможно, таким не был, во всяком случае открыто не выступал. Но один

случай я хорошо помню. Дочь Маленкова, замечательная девушка, умница — ее звали Воля — полюбила хорошего парня. Кажется, его фамилия была Штернберг. Отец этого парня заведовал отделом в ЦК. Когда начал набирать силу зоологический антисемитизм, Маленков тут же настоял на их разводе...

Точно так же Сталин заставил свою дочь Светлану разойтись с Гришей Морозовым. А человек был замечательный. Кстати, жив-здоров и поныне.

Уже будучи мужем Светланы, окончил Институт международных отношений, работал в МИДе. И отец, и я очень хорошо к нему относились. Поддерживали его, как могли, и после их развода со Светланой. Всю его семью арестовали, и время для него наступило очень тяжелое. Честный, порядочный человек, он, не сделав ничего дурного, из зятя главы государства превратился в изгоя. Но наш дом для него, как и прежде, был всегда открыт. Как-то зашел и рассказал, что его вызывал Юрий Жданов, новый муж Светланы.

— В хамской форме предложил мне, мерзавец, убраться из Москвы, — возмущался Гриша. — А что я? А я ответил: слушай, я понимаю, что ты очень большой человек, но чего ты от меня еще хочешь? Со Светланой я больше не встречаюсь, а где живу, какое тебе дело?

Морозов мог в таком тоне говорить со Ждановым-младшим лишь потому, что не потерял связи с нашим домом...

Но Сталин, хотя и допускал подобные вещи, а некоторые и инспирировал, антисемитом не был. С его стороны это была скорее политическая игра. Еврейскую карту и до него, и после него так или иначе использовали, как клапан, едва ли не все руководители. И не только в России. Есть народ, который традиционно, так сказать, виноват во всех бедах... Это ведь так удобно — сыграть на пещерном антисемитизме. И в тот период Сталин не устоял перед соблазном обвинить в очередной раз во всех проблемах евреев. А партийная верхушка, как всегда, умело подыграла. В то же время и в секретариате Сталина, и в его окружении людей еврейской национальности всегда было немало, что его никогда не смущало. Вспомните Мехлиса, Кагановича...

Еврейский антифашистский комитет, созданный по инициативе моего отца, начал работать уже в начале сорок второго. Возглавил его народный артист СССР С. Михоэлс. В конце 1946 года ЦК ВКП(б) внес предло-

жение о ликвидации ЕАК. Еврейским антифашистским комитетом занялось и МГБ. По делу ЕАК привлекли большую группу людей, в том числе секретаря Еврейского антифашистского комитета поэта Исаака Фефера, академика, директора Института физиологии АН СССР Лину Штерн, поэта Переца Маркиша, бывшего начальника Совинформбюро Соломона Лозовского, главного врача Центральной клинической больницы имени Боткина Бориса Шимелиовича, журналиста Леона Тальми, многих других людей. 13 человек Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила тогда к расстрелу.

Почти через сорок лет после случившегося Комитет партийного контроля при ЦК КПСС скажет если и не всю правду, то хотя бы частицу ее: «Непосредственным предлогом к возбуждению уголовного дела на руководителей ЕАК послужили, как это установлено впоследствии, сфальсифицированные и полученные в результате незаконных методов следствия показания старшего научного сотрудника Института экономики АН СССР И. И. Гольдштейна, арестованного 19 декабря 1947 г., и старшего научного сотрудника Института мировой литературы АН СССР З. Н. Гринберга, арестованного 28 декабря 1947 г. В своих показаниях они утверждали о якобы проводимой С. А. Лозовским, И. С. Фефером и другими членами ЕАК антисоветской националистической деятельности. Протоколы допросов И. И. Гольдштейна и З. Н. Гринберга, изобличающие указанных лиц, 10 января и 1 марта 1948 г. были направлены министром госбезопасности В. С. Абакумовым в ЦК ВКП(б).

...Установлено, что прямую ответственность за незаконные репрессии лиц, привлеченных по «Делу Еврейского антифашистского комитета», несет Г. М. Маленков, который имел непосредственное отношение к следствию и судебному разбирательству. 13 января 1949 г. он вызвал к себе С. А. Лозовского и в процессе длительной беседы, на которой присутствовал председатель КПК при ЦК ВКП(б) М. Ф. Шкирятов, домогался от С. А. Лозовского признания в проведении им преступной деятельности. В этих целях Г. М. Маленковым было использовано направленное И. В. Сталину 5 лет назад — 15 февраля 1944 г. — за подписью С. М. Михоэлса, Ш. Эпштейна, И. С. Фефера (членов ЕАК) и отредактированное С. А. Лозовским письмо с предложением о создании на территории Крыма Еврейской социалистической республики. После беседы Г. М. Маленков и М. Ф. Шкирятов со-

ставили на имя И. В. Сталина записку с предложением вывести С. А. Лозовского из членов ЦК ВКП(б) со следующей формулировкой: «за политически неблагонадежные связи и недостойное члена ЦК поведение»... Установлено, что следствие велось с грубыми нарушениями закона и применением недозволенных методов для получения «признательных показаний». Несмотря на это, на первых допросах С. А. Лозовский, И. С. Фефер и другие отрицали свою враждебную деятельность. Затем всех, кроме Б. А. Шимелиовича, вынудили «признать» себя виновными и дать показания о проводимой членами ЕАК шпионской и антисоветской деятельности...

...Обвинение невиновных людей и подписание им несправедливого приговора было предопределено заранее вышестоящим руководством (3 апреля 1952 г. С. Д. Игнатьев направил Сталину обвинительное заключение, сопровождавшееся предложением о мере наказания — расстрел для всех обвиняемых, кроме академика Лины Штерн). Как указывает далее А. А. Чепцов (председатель Военной коллегии), он в присутствии С. Д. Игнатьева и М. Д. Рюмина был принят Г. М. Маленковым и высказал соображения о необходимости направления дела на дополнительное расследование. Однако Г. М. Маленков ответил: «Этим делом Политбюро ЦК занималось 3 раза, выполняйте решение ПБ».

Из официальных источников:

В 1948–1952 годах в связи с так называемым «Делом Еврейского антифашистского комитета» были арестованы и привлечены к уголовной ответственности по обвинению в шпионаже и антисоветской националистической деятельности свыше ста писателей, поэтов, ученых, артистов, служащих, партийных и советских работников еврейской национальности. Десять из них были приговорены к расстрелу, двадцать – к 25 годам исправительно-трудовых лагерей. Все остальные, как правило, получили тогда от 10 до 15 лет тюрьмы. Впрочем, даже до так называемого суда в застенках МГБ дожили не все...

Еще больше грехов перед своим народом оставила большевистская партия в довоенный период. Одна из совершенных ею подлостей — «Дело академика Вавилова». Знаю, что и гибель этого выдающегося ученого приписывают моему отцу. А вот что произошло в действительности, полагаю, читателю узнать будет небезынтересно. Николай Иванович был приговорен к расстрелу не пре-

словутой «тройкой», как иногда пишут, а Верховным судом. Моя мама работала в Сельскохозяйственной академии и случившееся с академиком Вавиловым переживала тяжело. Обсуждалась эта тема и у нас дома, и, естественно, в среде ученых. После одного из таких разговоров мама попросила отца уже не только от себя, но и от коллег что-то предпринять. Так состоялась встреча отца с академиком Прянишниковым и некоторыми другими учеными, обеспокоенными судьбой Николая Ивановича. Разговор, знаю, был долгим, и отец пообещал ученым, хотя приговор Верховным судом подписан, как-то помочь академику Вавилову.

К сожалению, до сих пор не хотят признать, что в деле Вавилова не все было однозначно. Затребовав его, отец в этом убедился. В честности Николая Ивановича, знаю по рассказам отца, он не сомневался, но у следствия были «зацепки», отрицать которые было невозможно. Как известно, академик Вавилов, собирая свою знаменитую коллекцию злаков, объездил весь мир. Никаких антигосударственных действий он никогда не предпринимал, но следствие доказало, что среди многих людей, с кем приходилось общаться академику, были и явные противники Советской власти. Не мог Николай Иванович отрицать и того, что было написано в доносах. Стечение обстоятельств оказалось для этого честного человека роковым. Тем не менее отец смог добиться смягчения приговора академику Вавилову. Да и тот, первый приговор, насколько понимаю, не спешили приводить в исполнение. Когда предоставилась первая же возможность, отец добился его смягчения. О полной отмене, к сожалению, речь не шла. Но отец не терял надежды на полное освобождение Вавилова, а чтобы Николай Иванович смог дожить до него, отец решил перевести его в один из закрытых институтов. Главным было вырвать его из тюрьмы. К сожалению, ученый тяжело заболел и умер.

Мама была очень подавлена случившимся, и у них с отцом состоялся тогда тяжелый для обоих разговор. Вавилова очень любили люди, работавшие вместе с мамой, и хотя большинство прекрасно понимали, что арестовал и осудил академика не отец, ей конечно же психологически было тяжелей, чем кому-либо. Естественно, и он был раздосадован, сказав тогда:

— Ты ведь знаешь, что я могу влиять на какие-то отдельные вещи, но отменить приговор Верховного суда

даже нарком не может. То, что мог, я сделал, ты ведь знаешь, Вавилова не расстреляли. К сожалению, Нина, таких судеб еще очень и очень много...

Знаю от отца, что пагубную роль в «Деле академика Вавилова» сыграл небезызвестный Трофим Лысенко.

Из официальных источников:

Трофим Лысенко. Родился в селе Карловка (Украина) в 1898 году. Учился в школе садовода н в сельскохозяйственном институте в Киеве, работал на Белоцерковской опытной станции, в Институте хлопка в Азербайджане. На научиом горнзонте появился в конце двадцатых годов, доказывая, что проведениые им опыты гарантируют повышенне урожайности зерновых благодаря яровизации. Проще говоря, Лысенко предлагал замачивать и проращивать семена озимых, отличающихся устойчивостью к перепадам температуры, и высевать их как яровые культуры.

Вскоре имя полтавского агронома уже гремело по всей стране, хотя сама идея Лысенко так и ие была проверена на деле. Новатор стал кавалером ордена Трудового Красного Знамени, а в 1934 году — академиком АН Украинской ССР. С 1935 года — академик ВАСХНИЛ — Всесоюзной академии сельскохозяйствеиных иаук имени В. И. Лениив. Как нн странио сегодня это звучит, ио средн тех, кто поддержал энергнчного иинициативного агронома, был и Николай Иванович Вавилов.

Повииен в разгроме советской биологии и гибели миогих отечествеииых ученых. Герой Социалистического Труда, трижды лауреат Сталииской премин. Награжден 8 орденами Леннна.

Скончался бывший президент ВАСХНИЛ Трофим Лысенко в 1976 году в возрасте 78 лет.

От мамы, ученого-агрохимика (она была в школе академиков Вавилова и Прянишникова), о Лысенко ни одного доброго слова мне слышать не приходилось. Мнение ученых Тимирязевской академии было единодушным: авантюрист, а его идеи — лженаука. Но он ведь был лишь одним из так называемых народных академиков, которых противопоставляли настоящим ученым. Так было и при Сталине, и при Хрущеве. Там, где доминирует ненаучный подход, это вполне естественно. Тем не менее вина Лысенко в трагической судьбе академика Вавилова, многих других советских ученых очевидна. Но я бы не ограничился упреками в адрес Сталина, хотя он и поддерживал Лысенко. Впоследствии, как известно, столь же рьяно покровительствовал «народному академику» и Хрущев.

Позднее, уже после войны, точно так же, как и в истории с академиком Вавиловым, благодаря отцу не был расстрелян и выдающийся русский генетик Николай Тимофеев-Ресовский. Большинство читателей, должно быть, помнят его по повести Даниила Гранина «Зубр».

Тимофеев-Ресовский во время войны находился в Германии на правах крупного ученого, заведовал лабораторией. В сорок пятом его привезли в Советский Союз и осудили на десять лет. Находился он в довольно сносных условиях, а затем его направили в специальную лабораторию на Южный Урал, в Сунгул. Когда-то там был санаторий МВД, а затем — один из объектов, связанных с ядерным проектом. По воспоминаниям самого Николая Владимировича, место там было замечательное, на берегу прелестного озера. Не так давно одна из газет опубликовала записанный когда-то коллегами устный рассказ Тимофеева-Ресовского. Зубр вспоминал, что хотя и был заключенным официально, имел шеф-повара и портного, а заодно в подчинении у Тимофеева-Ресовского было около полусотни «вольных» специалистов и десятка полтора иностранцев. Говорю это, разумеется, не к тому, что быть заключенным хорошо — по себе знаю, что это такое, — но в тех условиях так называемые «шарашки», о которых столько написано, спасли жизнь очень многим людям. Судьба Тимофеева-Ресовского — лишь один пример.

Кстати, благополучно провел в Германии всю войну не только он, многие ученые тесно сотрудничали с немцами и добились там неплохих результатов. То, что всех их в сорок пятом могли расстрелять или повесить, понятно. Основания были — связь с врагом. Этого вполне достаточно. Партийный аппарат готов был расправиться с каждым из них, но были люди, которые думали о будущем. Эти ученые могли быть полезны стране. Так, по крайней мере, считал мой отец, когда доказывал, что и Тимофеева-Ресовского, и остальных надо привлечь к работе, а не карать. И, насколько знаю, Зубр честно трудился и добился в науке многого.

Партийные же структуры целесообразность никогда не интересовала. Такой пример. В сорок третьем лауреатом Сталинской премии стал Леонид Константинович Рамзин, опередивший на десятилетия всех своих коллег и создавший примоточный котел. Величина был в локомотивостроении! Один из организаторов и первый директор Всесоюзного теплотехнического института. В тридцатом он

проходил по «делу» промпартии, был приговорен к расстрелу. А сколько таких судеб!

Сколько написано о депортации народов — и чеченцев, и ингушей, и калмыков, и крымских татар... А об участии в этой низости Жданова, Хрущева, вообще партийного аппарата — ни слова. А кто же все это затеял, кто отдавал приказы? Известно ведь уже, что решение принималось Политбюро. Когда только обсуждался вопрос о депортации, отец в присутствии многих людей, хотя всегда следил за своей речью и никогда не ругался, не выдержал и, не выбирая литературных выражений, высказал все, что думает о выселении народов Кавказа одному из тех, кто активно проводил эту подлую политику. Этим человеком был Щербаков.

— Ты идиот, — сказал отец, — неужели не понимаешь, что тебя используют как последнего дурака?!

Полностью этот разговор цитировать, разумеется, не буду, но смысл, надеюсь, понятен. Больше всего отца возмутило, что эту гнусность партийная верхушка решила проделать после того, как немцев отогнали от Кавказа. Теперь те, кто с армейскими частями отстоял Кавказ, а это были местные жители, были уже не нужны. Отец официально высказался против депортации этих людей. К нему тогда приехали несколько руководителей из тех мест, тоже участвовавшие в обороне Кавказа. Отец их хорошо знал — вместе налаживали эту оборону в сорок втором. Сказал им откровенно:

— Единственное, что я могу сделать, это спасти хотя бы ваши семьи, Политбюро меня не поддержало...

Они отказались и пошли со своим народом.

Страшная трагедия. Мне позднее некоторые командиры частей, которых заставили в этом участвовать, рассказывали, как солдаты и офицеры встретили этот приказ. Но что поделаешь — приказ! Это с позиций сегодняшнего дня можно рассуждать на эти темы, а тогда эти части вынуждены были подчиниться решению партийной верхушки. Спрашивать надо не с них...

Но почитайте опубликованные в последние годы материалы, связанные с депортацией. Все приказы, телеграммы, докладные записки подписаны лишь руководителями НКВД, НКГБ и начальниками управлений этих ведомств. Речь идет о количестве эшелонов, выделенных для депортации и привлечении к ней соответствующих войсковых частей. Подписывали эти документы и мой отец, и Круглов, и Меркулов, и другие. Все это, повто-

ряю, широко публикуется. И лишь однажды встречаю его докладную записку Сталину и Молотову от 2 января 1944 года: «В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР и Постановлением Совета Народных Комиссаров от 28 октября 1943 года НКВД СССР осуществлена операция по переселению лиц калмыцкой национальности в восточные районы страны».

«В соответствии с Указом...» Но историки, как правило, стараются подбирать для публикации лишь сообщения на имя наркома внутренних дел Берия или наркома государственной безопасности Меркулова. Вот и создается впечатление, что инициаторы этой подлой акции сидели на Лубянке, а не в ЦК. Если заметили, партия и здесь прикрылась Указом Президиума Верховного Совета и Постановлением СНК, о решении Политбюро, а именно оно положило начало изгнанию целых народов из родных мест, ни слова. А карательные органы «подставили» уже традиционно. Так ведь всегда было.

Когда несколько лет назад началось огульное шельмование органов безопасности, милиции, партия лишь подливала масло в огонь, время от времени предавая гласности те или иные документы, как, скажем, связанные с депортацией. Формировалось соответствующим образом общественное мнение. Тщательно скрывалась лишь связь КГБ с партией, не раскрывались документы, из которых видно, что на Лубянке делали всегда лишь то, что их заставляла делать Старая площадь. Партийной верхушке не хотелось отказываться от навязанного стране стереотипа: органы вышли из-под контроля.

Сколько правильных слов было сказано в осуждение политических убийств, совершенных чекистами! Политические убийства оправдать нельзя, но кто отдал приказ о «ликвидации», например, Троцкого, Степана Бандеры? 15 октября 1959 года сотрудник КГБ Богдан Сташинский убивает в Мюнхене лидера украинских националистов Степана Бандеру. По чьему приказу? Пишут, что эту акцию поручил провести тогдашний Председатель КГБ СССР Александр Шелепин. Неправда, ни один руководитель спецслужб это на себя не возьмет. В последних публикациях появилось утверждение, что решение «убрать» Бандеру принял Первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев. А ведь это было доказано еще 30 лет назад, в октябре 1962 года на судебном процессе в Карлсруэ (ФРГ), где судили Сташинского. И наказание-то он получил относительно мягкое — несколько лет

тюрьмы, потому что суд возложил основную вину на главного виновника случившегося — советское руководство. Собственно, тому и крыть было нечем — Указом Президиума Верховного Совета СССР убийца Бандеры был награжден орденом Красного Знамени.

А кто сделал Героем Советского Союза убийцу Льва Троцкого, испанского коммуниста Рамона Меркадера? Золотую Звезду Героя ему вручили уже в 1961 году. Где же логика? Партия, государство осуждают чисто политические убийства, совершенные в период культа личности, но сами в это время одного убийцу посылают в Мюнхен, а другого, отбывшего наказание за совершенное преступление, награждают Золотой Звездой. Гадкая политика!

Троцкий был выслан из пределов СССР в ноябре 1929 года. Как сообщали тогда газеты, «за антисоветскую деятельность постановлением Особого Совещания при ОГПУ». Лгали и тогда — никакое Особое Совещание такое решение самостоятельно принять конечно же не могло, оно было продиктовано высшим руководством, включая самого Сталина. Никакой необходимости в политическом убийстве, совершенном впоследствии, не было. Какого-то влияния Троцкий уже не имел, хотя и был последователен в своей борьбе с бывшими соратниками. Его авторитет заметно возрос как раз из-за этого убийства. Умри он своей смертью, его скорей всего давно бы забыли.

Шпионом он не был, конечно, но на содержании иностранных разведок, хотел он того или нет, был. Есть документы, которые это подтверждают. Компромиссы такие в политике, наверное, вещь обычная. Не считаем же мы Ленина немецким шпионом, хотя он и принял предложение немецких спецслужб о его переброске в Россию.

Отец с Троцким был знаком в начале 20-х; еще до смерти Ленина тот приезжал в Закавказье. Бывал и позднее. По словам отца, это был жестокий человек и с непомерными амбициями. Сейчас такими принято считать фундаменталистов. Троцкий был абсолютно убежден в правоте своих воззрений. Мировая революция — на меньшее он был не согласен. Такие масштабы...

Отец характеризовал его и как очень заносчивого человека, который никогда не спускается со своего олимпа и не утруждает себя общением с «чернью». Митинги — это одно, но судьбы людей Троцкого, как и большевистских вождей вообще, интересовали мало, Троцкому нужен был целый мир. Наверное, в этом и была его

ошибка. Будь он ближе к массам, еще неизвестно, как бы все повернулось в двадцатые... Но, мне кажется, окажись на месте Сталина Троцкий, мир содрогнулся бы еще больше. И наверняка раньше... О том, что концлагеря создавались по указанию Троцкого и Ленина, впервые я тоже узнал от отца. Десятки тысяч расстрелянных заложников — ни в чем не повинных людей — тоже на совести Троцкого. Институт комиссаров — тоже изобретение Льва Давидовича. Это был его собственный карательный аппарат в Красной Армии. Невероятно, но в тот период с этим боролся не кто иной, как Сталин. Сегодня об этом предпочитают не вспоминать... Впоследствии Сталин пойдет тем же путем, но тогда предложения Троцкого он встречал в штыки.

Борьба между ними продолжалась годами. Выиграл соперничество Сталин, потому что опирался в этой борьбе на «чернь», к которой издевательски относился Троцкий. Сталин просто оказался умнее и дальновиднее. Позднее, когда увидел, что Троцкий и за границей не может угомониться, спецслужбы получили известный приказ.

Из последней статьи Льва Троцкого, опубликованной в 1940 году в «Либерти лайбрэри корпорейшн»: «Месть истории страшнее мести самого могущественного Генерального секретаря».

Слова оказались пророческими...

Попыток покушения на Троцкого было много, 10—12. Отец, как нарком НКВД, допускаю, каким-то образом был причастен к этому делу. Потому что была задействована советская разведка. Одну из таких операций проводила группа, которую возглавлял знаменитый мексиканский художник Давид Альфаро Сикейрос. В мае сорокового года вместе со своими людьми он обстрелял и атаковал виллу Троцкого, но нападение было отбито.

20 августа 1940 года испанский коммунист Рамон Меркадер проник на тщательно охраняемую виллу, представился бельгийским последователем Троцкого и тогда же в его кабинете смертельно ранил ледорубом опального вождя. На следующий день Троцкий скончался в больнице.

Организатором этой операции был кадровый разведчик генерал Наум Эйтингон. С Меркадером и его матерью Каридад он познакомился еще в период гражданской войны в Испании.

Сам Меркадер был задержан и помещен в центральную тюрьму Мехико «Лекумберри». По приговору суда

он отбыл 20-летний срок заключения и позднее жил в СССР и на Кубе. Похоронен на Кунцевском кладбище в Москве под именем Рамона Лопеса.

Судьбы участников покушений на Троцкого сложились по-разному. Генерал Эйтингон незадолго до смерти Сталина был арестован и освобожден в 1953 году, как и многие другие. А после убийства моего отца Эйтингона снова арестовали, и ему пришлось 12 лет провести во Владимирской тюрьме.

Участник одного из покушений на Троцкого — это он вместе с Сикейросом штурмовал виллу в Койоакане — Иосиф Григулевич закрытым Указом Президиума Верховного Совета СССР был награжден орденом Красной Звезды. В 70-е бывшего разведчика-нелегала избрали членом-корреспондентом Академии наук СССР. Он известен как видный ученый-латиноамериканист, автор нескольких книг из серии ЖЗЛ о Че Геваре, Сальвадоре Альенде, Боливаре. Слышал, что он воевал в Испании в одной интербригаде с Сикейросом и там был завербован советской разведкой. По некоторым источникам он несколько лет проработал в Ватикане откуда и возвратился в СССР.

Я не могу согласиться с утверждениями, что все эти люди — а в Мексику была направлена большая группа разведчиков, владевших испанским, — «преступники, организовавшие самое громкое в нынешнем столетии политическое убийство», как написала одна популярная газета. Все они шли на самопожертвование добровольно и конечно же не ради денег. Сикейрос, например, считал, что поступал совершенно правильно. Исходя из своих убеждений, действовали и Меркадер, и Эйтингон, и другие. Еще важнее, чей приказ они выполняли. Участники тех операций считали, что выполняют приказ большевистской партии, и, как мы знаем, не без оснований.

Партия всегда умела приложить руку к грязным вещам и при удобном случае переложить ответственность на кого угодно, только не на высшее партийное руководство. Даже в так называемые перестроечные времена не была, скажем, сказана вся правда о Катынской трагедии. Долгое время все руководители страны пытались «списать» массовые захоронения на немцев. Лишь в апреле 1990 года ТАСС сообщил, что «советская сторона, выражая глубокое сожаление в связи с Катынской трагедией, заявляет, что она представляет одно из тяжких преступлений сталинизма». Было названо и общее число польских офицеров, чьи имена нигде больше в статистиче-

ских отчетах НКВД не упоминаются, — «примерно 15 тысяч». Тогда же Генеральный секретарь ЦК КПСС М. Горбачев сказал:

«В последнее время найдены документы, которые косвенно, но убедительно свидетельствуют о том, что тысячи польских граждан, погибших в смоленских лесах ровно полвека назад, стали жертвами Берия и его подручных. Могилы польских офицеров – рядом с могилами советских людей, павших от той же злой руки. Говорить об этой трагедии нелегко, но нужно, ибо только через правду лежит путь к подлинному обновлению и к подлинному взаимопониманию».

Цитирую Михаила Сергеевича по сборнику «Катынская драма», выпущенному в 1991 году издательством политической литературы. Само появление сборника документов об одной из страшных преступлений Системы было прорывом к гласности, но и тогда была сказана лишь полуправда. Я сразу же обратил внимание на фотокопии опубликованных документов. Часть из них в апреле 1990 года Горбачев уже передал Президенту Республики Польша В. Ярузельскому, а некоторые были представлены читателю как новые. Прочитал и понял, что обман продолжается: главного документа, о существовании которого я знал, в книге не было.

Во время официального визита Ярузельского в Москву Горбачев передал ему лишь копии найденных в советских архивах списков и других материалов бывшего Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР. В копиях значатся фамилии польских граждан, находившихся в 1939—1940 годах в Козельском, Осташковском и Старобельском лагерях НКВД. Ни в одном из этих документов речь об участии НКВД в расстреле военнопленных не идет. Документы свидетельствуют лишь об отправке эшелонов с польскими гражданами в Смоленск.

Когда мы стали узнавать правду о Катыни, о существовании «Особой папки» с решением Политбюро, мир еще не знал, что старая тайна давно известна Генеральному секретарю ЦК КПСС. Горбачев просто лгал, когда ссылался на отсутствие соответствующих документов в архивах Советского Союза. Впрочем, давно привыкшие к «трюкам» советской стороны поляки, надо полагать, не очень поверили «отцу перестройки». И оказались правы. Правда, когда обанкротившегося экс-президента уже несуществующего СССР уличили в очередной лжи, краснеть тому не пришлось — Горбачев уже был в отставке...

Из интервью руководителя аппарата экс-президента СССР Валерия Болдина зарубежной прессе:

«По вопросу секретных протоколов и документов по Катыни Горбачев утверждает, что он не знал ни о чем, что они для него – как снег на голову, и узнал-то он о них будто бы в один день и час вместе с Ельциным, когда передавал ему все дела в Кремле. «Ну вот теперь это твой груз...» Так вот, в данном случае правда в том, что, во-первых, Горбачев получал все документы... Особенно когда возник вопрос по Катыни. К тому времени уже работала советско-польская комиссия. Начался поиск материалов. Горбачев знал, что такие материалы есть, и на этот раз сам попросил меня показать их. Я дал команду найти в архиве все относящееся к Катыни. Вскоре мне принесли законвертованный пакет. И хотя, по существовавшим тогда правилам, я имел возможность вскрыть пакет, я не стал этого делать, как не вскрывал ни одного из тех полутора тысяч пакетов, что так и остались лежать в архиве. Я отнес пакет Горбачеву, он сам вскрыл его, не показав, прочитал, что там написано, сам законвертовал, заклеил лентой и сказал: «Это то, что ищут. Это о расстреле НКВД польских офицеров». И этот документ я более не видел. Конверт был при мне запечатан. А когда я спросил, надо ли давать информацию по Катыни, Горбачев сказал, кому надо, он сообщит сам.

– Как вы думаете, говорил ли Горбачев кому-нибудь об этих документах?

– Этого я не знаю. Во всяком случае, он еще дважды спрашивал меня – уничтожены ли секретные протоколы и материалы, связанные с Катынью.

– Он хотел, чтобы они были уничтожены?

– Ну, конечно, особенно секретные протоколы, потому что они были для него по существу миной замедленного действия. Их обнаружение и рассекречивание грозило ему моральной и политической смертью. Ведь, будучи осведомленным об их существовании, он обманул Верховный Совет и Съезд народных депутатов, общественность страны, да и мировую – тоже.

Как только я вступил в должность заведующего Общим отделом, то первое, о чем узнал, были материалы закрытого порядка, к которым можно отнести секретные протоколы Молотова – Риббентропа и информацию по Катыни. А поскольку события, стоящие за ними, к тому времени начали муссироваться в печати, то я немедленно доложил Генсеку: документы имеются. Я принес и показал ему секретные материалы, завизированную карту. Он расстелил карту и долго изучал ее. Он изучал линию границы, которая была согласована. Насколько помню, там стояли две подписи: Сталина и Риббентропа. Горбачев изучал документы долго, потом сказал: «Убери, и подальше!» А на первом Съезде народных депутатов СССР он заявляет,

1916 г. Лаврентий Берия – студент Бакинского высшего технического училища

Лаврентий Берия (в центре) – выпускник Сухумского городского училища (1915 г.)

Лаврентий Берия в 1930 году

Тбилиси (1934 г.). Лаврентий Берия с матерью Мартой Ивановной и женой Ниной Теймуразовной

Нина Теймуразовна Берия (Гегечкори)

Л. П. Берия с сыном Серго (1936 г.)

Тбилиси.
Первый секретарь
ЦК КП Грузии
Л. П. Берия
на демонстрации

Л. П. Берия с женой на отдыхе

Отец и сын Берия (1937 г.)

Л. П. Берия с дочерью И. В. Сталина Светланой

Серго Берия с матерью Ниной Теймуразовной

Василий Сталин (1936 г.)

Светлана Сталина (1938 г.)

Тбилиси.
Л. П. Берия на похоронах матери И. В. Сталина

С. М. Киров и Г. К. Орджоникидзе в двадцатые годы

Серго Берия

Серго Берия с женой Марфой (Пешковой). 1948 г.

Л. П. Берия в кругу семьи

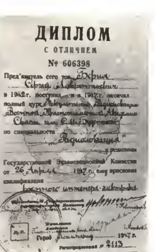
Серго и Марфа с Ниной Теймуразовной (1950 г.)

Марфа Пешкова с детьми — Ниной, Надей, Сергеем (1990 г.)

Л. М. Каганович, Г. Г. Ягода, В. М. Молотов, А. И. Микоян, И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов на похоронах В. Р. Менжинского (1934 г.)

Ворошилов, Молотов, Сталин и Ежов на канале Москва-Волга

ДИПЛОМ

С ОТЛИЧИЕМ

№ 606398

Пред'явитель сего тов. Берия Серго Лаврентьевич в 1942 г. поступил и в 1947 г. окончил полный курс ... по специальности „Радиолокация" и решением Государственной Экзаменационной Комиссии от 26 Апреля 1947 г. ему присвоена квалификация военного инженера-электрика.

Город Ленинград 1947 г.

Регистрационный № 2113

ДИПЛОМ

С ОТЛИЧИЕМ

У № 854401

Настоящий диплом выдан Гегечкори Сергею Алексеевичу в том, что он в 1942 году поступил в Военную Краснознаменную Академию связи имени С.М. Буденного и в 1947 году окончил полный курс названной Академии с Золотой медалью по специальности радиолокация.

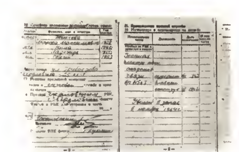
Решением Государственной экзаменационной комиссии от 26 апреля 1947 г. Гегечкори С.А. присвоена квалификация военного инженера-электрика.

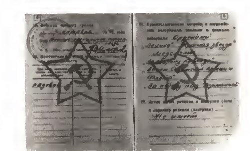
Город Ленинград 27 июня 1962 г.

Регистрационный № 3864

Московская типография Гознака.

Дипломы об окончании академии и военный билет Серго Берия, выданные ему в разные годы и на разные фамилии

И. В. Сталин, А. А. Жданов и дети Сталина – Яков, Светлана, Василий (1935 г.)

И. В. Сталин и В. П. Чкалов на летном поле испытательного аэродрома

Военнопленный Яков Джугашвили на сборном пункте у немцев (1941 г.)

Генерал Василий Сталин наблюдает за спортивными соревнованиями. Москва (1952 г.)

Москва. 22 июня 1941 года. С тревогой за судьбу Отечества слушают москвичи по радио заявление Советского правительства о нападении фашистской Германии

ПРАВДА

Все наши силы — на поддержку ... героической Красной Армии, нашего ... Красного Флота!

Все силы народа — на разгром врага!

Вперед, за нашу победу!

**Выступление по радио
Председателя Государственного Комитета Обороны
И. В. СТАЛИНА.**

3 июля 1941 года

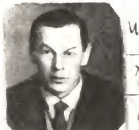

Из выступления по радио Председателя ГКО И. В. Сталина 3 июля 1941 года

Один из руководителей советской военной разведки Ян Карлович Берзин

Анкета советского разведчика Рихарда Зорге

ика Рихардович Зорге

Рамзай

Зорге, Рихард

Национальность: немец

Партийность (стаж): III 1925 В.К.П
1919 К.П. Герм.

Знание языков: немецк. английск, норвежски, итально по французк и норвежска.

Краткие биографические сведения: 4.10.1895. учился в Герм в гимназии, поступил в университет, работал: [illegible]

Ольга Константиновна
Чехова (Книппер)
с мужем Михаилом Чеховым

Легендарный разведчик
Николай Кузнецов —
лейтенант Пауль Вильгельм
Зиберт (1942 г.)

Москва (1941 г.). В. Сикорский — председатель Совета Министров Польской республики и генерал В. Андерс (оба на последнем плане) при подписании Декларации о дружбе и взаимопомощи

Иосип Броз Тито подписывает Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Югославией. Москва, 11 апреля 1945 год

Тегеран (1943 г.). И. В. Сталин, Ф. Д. Рузвельт, У. Черчилль.
«Большая тройка» — Сталин, Рузвельт и Черчилль
на Крымской конференции. Ялта, февраль 1945 год

Советская делегация на заседании Потсдамской конференции глав правительств союзных держав — СССР, США, Великобритании. Германия, июль 1945 год

И. В. Сталин, В. М. Молотов, Л. П. Берия, Г. М. Маленков на похоронах М. И. Калинина у Кремлевской стены

Нарком вооружения, генерал-полковник Б. Л. Ванников

Нарком черной металлургии И. Ф. Тевосян

Москва (1949 г.). В президиуме торжественного собрания, посвященного 70-летию И. В. Сталина, Г. М. Маленков, Л. П. Берия, К. Е. Ворошилов

«Три К» (Курчатов, Королев, Келдыш) – под таким неофициальным названием вошла эта фотография в историю создания ракетно-ядерного щита нашей страны

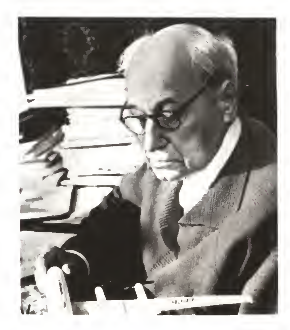
Авиаконструкторы С. А. Лавочкин, А. Н. Туполев, А. С. Яковлев, А. И. Микоян

Братья Микоян — Анастас Иванович и Артем Иванович (1941 г.)

Академик Андрей Николаевич Туполев
в последние годы жизни

Испытание атомной бомбы

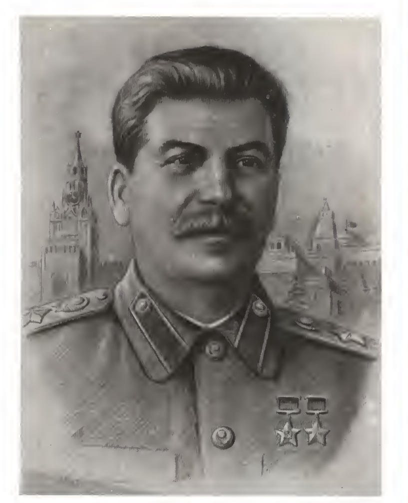

Академик Андрей Дмитриевич Сахаров в кругу семьи

Роберт Оппенгеймер, физик,
один из создателей американской
атомной бомбы

Руководитель советского
атомного проекта академик
Игорь Васильевич Курчатов

Генералиссимус И. В. Сталин (репродукция с картины)

Маршал Г. К. Жуков

Маршал А. М. Василевский

Адмирал флота Н. Г. Кузнецов

Маршал С. К. Тимошенко

Маршал К. Е. Ворошилов

Маршал К. К. Рокосовский

Генерал-армии С. М. Штеменко

Маршал А. А. Гречко

Н. М. Шверник

Москва, Красная площадь (1952 г.). И. В. Сталин, Г. М. Маленков, Л. П. Берия на Первомайской демонстрации

А. С. Щербаков

А. А. Жданов

Н. С. Хрущев во время официального визита в США

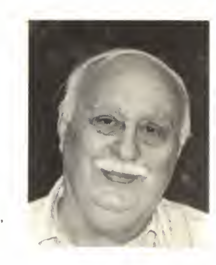
А. Я. Вышинский

Г. М. Маленков,
глава правительства,
на отдыхе (1954 г.)

Серго Лаврентьевич Берия
(С. А. Гегечкори) – директор
НИИ «Комета»,
Главный конструктор
ракетно-космических систем

Московский особняк,
где жил Л. П. Берия с семьей

Москва.
Фасад здания знаменитого КБ-1,
где до ареста работал
Серго Берия

что «все попытки найти этот подлинник секретного договора не увенчались успехом». Вскоре после этого он спросил как бы между прочим, уничтожил ли я эти документы. Я ответил, что на это нужно специальное решение. Он: «Ты понимаешь, что представляет сейчас этот документ?» То, что он большой мистификатор, секрета не представляет...»

По меньшей мере наивно было бы морализировать на сей счет: мол, низко и подло обманывать и собственный народ, и народ соседней державы, потерявшей по вине большевистской партии тысячи своих сыновей — цвет нации. Но все случившееся в Кремле, увы, вполне закономерно. И то, что вчерашний слуга охотно «сдает» сегодня обанкротившегося хозяина и что последний, такой же партийный аппаратчик, только более изощренный, поступил именно так, а не иначе.

Довольно примечательна записка, адресованная Горбачеву еще одним аппаратчиком — В. Фалиным:

«Наш аргумент – в госархивах СССР не обнаружено материалов, раскрывающих подоплеку Катынской трагедии, – стал бы недостоверным. Выявленные учеными материалы, а ими, несомненно, вскрыта лишь часть тайников, в сочетании с данными, на которые опирается в своих оценках польская сторона, вряд ли позволят нам дальше придерживаться прежних версий и уходить от подведения черты... Видимо, с наименьшими издержками сопряжен следующий вариант: сообщить В. Ярузельскому, что в результате тщательной проверки соответствующих архивохранилищ нами не найдено прямых свидетельств (приказов, распоряжений и т. д.), позволяющих назвать точное время и конкретных виновников Катынской трагедии. Вместе с тем в архивном наследии Главного управления НКВД по делам военнопленных и интернированных, а также Управления конвойных войск НКВД за 1940 год обнаружены индиции, которые подвергают сомнению достоверность «доклада Н. Бурденко». На основании означенных индиций можно сделать вывод о том, что гибель польских офицеров в районе Катыни – дело рук НКВД и персонально Берия и Меркулова.

Встает вопрос, в какой форме и когда довести до сведения польской и советской общественности этот вывод...»

Записка датирована февралем 1990 года. Примечателен и совет Фалина Горбачеву: «Можно сделать вывод...» Так и сделали, потому что «подставлять» правящую партию ни сам Горбачев, ни его окружение явно не собирались.

Впоследствии Михаил Сергеевич, нисколько не смущаясь, попробует переложить ответственность на Ельцина: мол, я Борису Николаевичу все материалы по Катыни передал, но почему он не проинформировал польскую сторону, я не знаю...

Последний Генеральный секретарь и после ухода в отставку остался верен себе — Горбачев, как всегда, «был не в курсе».

Президент России Борис Ельцин на вопросы журналистов ответил более откровенно:

— Горбачев и в Конституционный суд не пришел потому, что боялся этого вопроса...

Как ни парадоксально, но всей правды не решилось сказать и само руководство посткоммунистической России. Официально было заявлено, что к Катынской трагедии причастен тогдашний нарком внутренних дел Лаврентий Берия. Подхватившие старую версию средства массовой информации сделали, правда, одну оговорку: «Первоначально в документах фигурировала фамилия Берия, но потом чья-то рука его вычеркнула...» Это обстоятельство почему-то никого особенно не смутило. А зря. И в материалах заседания Политбюро, состоявшегося 5 марта 1940 года, и в других документах подписи моего отца нет. Лукавили устроители шумной пресс-конференции, что возражавших против зловещей акции не оказалось.

А правда такова. За расстрел польских офицеров, а их, кстати, было гораздо больше, чем признал Горбачев, — 20857 человек — единогласно проголосовали Сталин, Ворошилов, Молотов, Микоян, Каганович, Калинин, словом, вся партийная верхушка. Особенно настаивали на этом Ворошилов и Жданов. Единственным человеком из кремлевского руководства, выступившим совершенно открыто против этой подлости, стал отец. Свою позицию на заседании Политбюро он объяснил так:

— Война неизбежна. Польский офицерский корпус — потенциальный союзник в борьбе с Гитлером. Так или иначе мы войдем в Польшу, и конечно же польская армия должна оказаться в будущей войне на нашей стороне.

Реакцию партийной верхушки предположить нетрудно — отец за строптивость едва не лишился должности. Жданов прямо заявил: «Тогда я могу встать во главе органов!» Но и это не заставило отца подписать смертный приговор польским офицерам. Хотя, безусловно,

всем было понятно, что особое мнение одного человека уже ничего изменить не может — поляки были обречены.

Отцу приказали в недельный срок передать пленных польских офицеров Красной Армии, а саму экзекуцию было поручено провести руководству Наркомата обороны. Допускаю, что какие-то подразделения из состава конвойных частей все же привлекли, но расстреливала поляков, как это ни горько признать, Красная Армия. Это та правда, которую тщательно скрывают и по сей день...

Так случилось, что отец — случай беспрецедентный в сталинском окружении! — демонстративно отказался поддержать преступное решение большинства и Сталин ему это простил.

Сталин этого не забыл... Но факт остается фактом: отец отказался участвовать в преступлении, хотя и знал, что спасти эти 20857 жизней уже не в силах. Учтите еще вот что. Он далеко не всегда соглашался со Сталиным. Нравилось это Иосифу Виссарионовичу или нет — другой вопрос, но слушать он умел.

Я много лет ждал, когда кто-нибудь из Генеральных секретарей, хотя, если честно, понимал, что это невозможно, признается в существовании папки с материалами «Катынского дела». Я-то прекрасно знал, что это за документы и под каким грифом они хранятся еще с сорокового года. Знаю совершенно точно, что отец мотивировал свое принципиальное несогласие с расстрелом польских офицеров и в письменной форме. Где эти документы?

В 1993 году мне довелось побывать в Польше, и у меня сложилось твердое убеждение, что там все давно прекрасно поняли: вся правда о Катыни не сказана и сегодня...

В Польше у меня было немало интересных встреч и разговоров на самом разном уровне, и, думаю, мои собеседники, в том числе и польские журналисты, давно занимающиеся катынской проблемой, явно не удовлетворены и новой версией, выдвинутой уже российским руководством. В Польше прекрасно понимают, что и это — полуправда, не больше. Почему, например, не сказано до сих пор, что, когда отец отказался исполнить преступный приказ, Ворошилов тут же предложил поручить акцию армии, а Политбюро его поддержало? Потому что это нанесет ущерб престижу армии? Но почему армия, освободившая Польшу от фашизма, должна нести сегодня

ответственность за преступные решения политического руководства той поры? Есть, видимо, и другие причины: если сказать правду о «Деле Берия» здесь, неизбежно придется сказать и об остальном...

Несколько человек мой отец все же вытащил из лагеря. Удалось спасти и будущего командующего сформированной в сорок втором на территории СССР польской армии Владислава Андерса. Какое-то время он жил у нас в особняке на Малоникитской. Естественно, многие подробности, связанные с его пребыванием в нашем доме, помню и поныне.

Из воспоминаний адъютанта командующего польскими вооруженными силами в СССР Ежи Климковского, написанных в Иерусалиме и Риме в 1945—1947 годах:

«Андерс знал, что НКВД еще за несколько месяцев до заключения июльского договора предлагал Пшездецкому формирование в СССР польского легиона... 12 августа 1941 года по радио передали, что во исполнеиие Польско-советского договора Президиум Верховного Совета СССР объявил амнистию для всех польских граждан, находящихся на территории СССР. Таким образом, для многотысячных масс поляков, разбросаниых по бескрайним просторам советской земли, закончились дии неувереииости, дии без просвета, ночи без сна... Одни находились в концлагерях, другие работали в колхозах и на лесозаготовках или же на дорожных работах, пребывали в свободной ссылке, другие в так называемых стройбатальоиах, а часть находилась в рядах Красной Армии. Считалось, что в Советском Союзе находится около трехсот тысяч польских граждан, годных к военной службе, поэтому две дивизии совсем немного. Но передавалось шепотом, что это будут лишь первые части будущей армии...»

Конечно, это всего лишь мои предположения, но, думаю, Сталин знал, что генерал Андерс не расстрелян и находится в нашем доме. Если бы отец не имел в тот период хотя бы косвенной поддержки Сталина, наверняка все было бы совершенно иначе и свой замысел — создать союзную нам польскую армию на территории СССР — отцу вряд ли удалось бы реализовать.

Он предлагал начать формирование польских частей еще в тридцать девятом, но тогда его предложение отклонили. Когда к отцу попала Директива № 21, подписанная Гитлером — план «Барбаросса», — уже никто не мог отмахнуться от таких предложений, и в принципе вопрос был решен. Но тогда решили из соображений

секретности формирование польских частей не начинать — это сразу же насторожило бы немцев: Советский Союз знает о приготовлениях Германии к войне. Чтобы избежать этого, поляков оставили в лагерях, изменив режим их содержания, и на базе этих лагерей начали втайне создавать воинские формирования. Именно поэтому так быстро — уже официально! — была сформирована впоследствии польская армия. Первое соединение — опять же официально — было сформировано, кажется, за два-три месяца...

С Андерсом, к слову, отец поддерживал отношения и позднее, когда его армия была переброшена на Ближний Восток и находилась в подчинении британского командования.

Логика действий моего отца вполне понятна. Здесь речь даже не о каком-то исключительном гуманизме, а о целесообразности. Приближение войны сомнений не вызывало — отец ежедневно получал соответствующие подтверждения по каналам разведки, следовательно, считал он, все эти люди, оказавшиеся на территории СССР, могут стать костяком польской армии, которая вместе с нами войдет в Польшу. Другого пути в Германию просто не было...

Почему настаивали на расстреле Ворошилов, Жданов и остальные, тоже понятно: если бы им дали развернуться, расстреляли бы и загнали в лагеря еще полстраны... А почему категорически высказался за расстрел Сталин?.. Исходил он, как сейчас говорят, из имперских интересов. Объяснял, во всяком случае, свою позицию так: из этого офицерства и придут люди к власти, и это будет уже не та Польша, которая нам нужна. Уже тогда Сталин видел Польшу социалистической...

После решения Политбюро эшелонами этих людей отправили из лагерей в Смоленск, меняя по дороге охрану НКВД на армейскую. Подписи отца есть на справках, кто именно и куда отправлен, но ни на одном расстрельном документе. Впрочем, это не мешает и сегодня, когда многое известно, кое-кому продолжать заниматься фальсификацией.

Приведу такой пример. Теледокументалисты трех стран — Польши, Германии и России сняли неплохой фильм «Катынское дело». И вновь — ложь:

«Приказ расстреливать, означавший для 20 тысяч 857 невиновных смерть, был предложен Сталину Лаврентием Берия... НКВД считает

неизбежным применить к ним высшую меру наказания – расстрел. Народный комиссар Министерства внутренних дел Союза Советских Социалистических Республик Лаврентий Берия».

Наверняка кто-то из телезрителей воспринял эту ложь как цитируемый документ А на деле — фальсификация. Не было никогда такого чудовищного предложения моего отца. Кстати, ложь эта видна невооруженным глазом: министерств в СССР до 1946 года, как известно, не было вообще — были наркоматы, так что, как бы того ни хотелось фальсификаторам, подписываться так нарком внутренних дел не мог Подобных примеров явной подтасовки и фальсификации документов и фактов можно при желании привести много, но в данном случае речь даже не об этом. Тот же фильм, на первый взгляд, осуждающий Политбюро, повинное в преступлении, дезориентирует зрителя: «Это решение было принято в узком кругу первых лиц Политбюро: Сталин, Ворошилов, Молотов, Микоян подтвердили своей подписью смертельный приговор, вынесенный Берия».

Не убили этих людей, а всего лишь «подтвердили своей подписью смертельный приговор, вынесенный Берия». Порой мне кажется, что ЦК КПСС еще не распущен, а некогда правившая партия продолжает манипулировать общественным сознанием. А иначе чем объяснить, что средства массовой информации, как и прежде, без устали готовы тиражировать ложь, рожденную на Старой площади?

Собственно, вся многолетняя история, связанная с катынской драмой, — нагромождение лжи. Когда в апреле сорок третьего германское радио сообщило, что оккупационные власти обнаружили вблизи Катыни могилы нескольких тысяч польских офицеров, расстрелянных «еврейскими комиссарами» Советский Союз тут же от своего участия в этой акции отмежевался. Столь однозначно отреагировал СССР и на результаты международной комиссии, работавшей во время войны в Катыни. После освобождения Смоленска в Катынь была послана комиссия во главе с известным хирургом академиком Н. Бурденко. Вполне понятно, что ее выводы не разошлись с официальной версией: польские офицеры расстреляны не в 1940 году, а осенью сорок первого немцами. На Нюрнбергском процессе Руденко, обвинитель от СССР, заявил, что поляков расстреляли солдаты 537-го саперного

батальона немецкой армии. Международный трибунал эту версию не признал.

Теперь известно, что к сокрытию тайны Катыни причастны не только сталинское Политбюро, но и все Генеральные секретари ЦК КПСС, включая последнего.

Абсолютно достоверные польские источники утверждают, что во время войны Меркулов, когда речь зашла об исчезнувших польских офицерах, сказал их соотечественникам, что «их больше нет... Мы допустили большую ошибку...»

Вполне допускаю, что Меркулов мог в такой форме дать понять полякам, участвовавшим в формировании польской армии, что дальнейшие поиски этих людей бессмысленны. Поляки ведь и тогда настойчиво добивались правды. А Меркулов был одним из немногих людей, кто ее хорошо знал, так как был первым заместителем моего отца. Уж если мы дома все знали...

Такая деталь. Когда у нас в доме жил Андерс, за ним всегда приезжал Меркулов, что меня очень удивляло. О том, кем был наш гость, я узнал позднее, а тогда я все думал, что же это за персона, которую сопровождает первый заместитель наркома?..

Из официальных источников:

Владислав Андерс. Видный военный и государственный деятель Польши.

Родился близ Варшавы в семье земельного агента в 1892 году. Учился в Рижском политехническом институте, из которого в 1914 году призван на военную службу. Окончил Военную академию в Петербурге. Участвовал в боях в составе кавалерийского корпуса хана Нахичеванского. После февраля 1917-го – в 1-м полку креховецких уланов, с ноября – начальник штаба 7-й дивизии польских стрелков польского армейского корпуса, действовавшего в Белоруссии.

В 1920 году участвовал в боях с Красной Армией. Позднее учился в Школе Верховного командования в Париже, командовал кавалерийскими бригадами в Ровно, Кременце, Бродах, Барановичах. К началу второй мировой войны – командир кавалерийской бригады в Лидзбарке. Польские части генерала Андерса сыграли главную роль в освобождении адриатического побережья Италии.

С 1945 года – исполняющий обязанности верховного командующего польскими вооруженными силами.

В 1946 году лишен правительством ПНР польского гражданства. С 1954 года – фактический лидер польской эмиграции. Польское правительство не признал и на родину не возвратился.

Лишь недавно стало известно, что на совести советского руководства не только расстрел польских офицеров, но и военнослужащих Советской Армии, причем уже в 50-е годы. Опубликованные в ФРГ неизвестные ранее документы из секретных архивов Социалистической Единой Партии Германии свидетельствуют о том, что после подавления восстания 17 июня 1953 года в ГДР было расстреляно более сорока советских солдат, отказавшихся открыть огонь по восставшим. Наших соотечественников расстреливали в Берлине и Магдебурге свои же...

Все повторилось в пятьдесят шестом в Венгрии. Там ведь тех, кто отказывался стрелять, тоже убивали свои же. Но кто, кроме политического руководства, мог отдать такой приказ?..

Я хорошо помню ситуацию, сложившуюся накануне восстания в ГДР. Отец считал немецкий вопрос ключевым в Европе. Больше того, он говорил, что ключевым вопросом является и союз СССР с Германией.

Экономика Советского Союза настолько была ослаблена войной и уровень жизни в СССР был настолько низок, что весь экономический потенциал, считал отец, следует направить на поднятие уровня жизни людей. И сделать это, говорил отец, надо не только из гуманитарных соображений. Десятки миллионов советских людей увидели, как живет Европа, побежденная, заметим, Европа, и естественно, сравнили с тем, что имели дома. Победители возвращались в нищету из Германии, пусть разоренной войной, но в сравнении с СССР довольно благополучной.

Еще при жизни Сталина он отстаивал свою точку зрения: Германия должна быть объединенной. И не надо, говорил отец, навязывать немцам концепцию социализма. Для нас важно, чтобы Германия стала демократическим государством. Это позволит иметь нам в лице немецкого народа и этого мощного государства надежного союзника. Отец был убежден, что таким образом Советский Союз сможет опереться на экономический потенциал Германии и в течение 25, а может, и больше лет использовать этот козырь. Обратные же наши действия, направленные на раскол Германии и создание социалистического немецкого государства, неизбежно подтолкнут Западную Германию в лоно американцев и англичан. Отец же хотел видеть свободную Германию противовесом нашим союзникам по антигитлеровской коалиции.

Инициатива объединения нейтральной Германии дол-

жна исходить от нас, — убеждал отец членов кремлевского руководства. Германия это обязательно оценит, и пока Англия и Америка будут разбираться со своими послевоенными проблемами, колониями и т. д., весь их интерес будет сосредоточен на этих вещах. А мы, опираясь на потенциал Германии, получим солидный выигрыш во времени. Это позволит нам обновить экономику, поднять жизненный уровень в стране и, разумеется, решить оборонные задачи.

Помню, отец смеялся:

— Ну, что за глупость они предлагают?! Попробуй разделить Рязанскую и Смоленскую область и заставить этих людей воевать друг против друга. Противоестественно ведь! Два германских государства — такая же глупость.

Из стенограммы июльского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС:

«МОЛОТОВ. При обсуждении германского вопроса в Президиуме Совета Министров вскрылось, однако, что Берия стоит на совершенно чуждых нашей партии позициях. Он заговорил тогда о том, что нечего заниматься строительством социализма в Восточной Германии, что достаточно и того, что Западная и Восточная Германия объединились, как буржуазное миролюбивое государство. Эти речи Берия не могли пройти мимо нашего внимания... Для нас, как марксистов, было и остается ясным, что при существующем положении, то есть в условиях нынешней империалистической эпохи, исходить из перспективы, будто буржуазная Германия может стать миролюбивым или нейтральным в отношении СССР государством, — является не только иллюзией, но и означает фактический переход на позиции, чуждые коммунизму... Во внесенном Берия проекте постановления Президиума Совета Министров по этому вопросу было предложено — признать «ошибочным в нынешних условиях курс на строительство социализма, проводимый в Германской Демократической Республике». В связи с этим предлагалось «отказаться в настоящее время от курса на строительство социализма в ГДР». Этого мы, конечно, не могли принять... Стало ясно обнаруживаться, что Берия стоит не на коммунистических позициях. При таком положении мы почувствовали, что в лице Берия мы имеем человека, который не имеет ничего общего с нашей партией, что это человек буржуазного лагеря, что это — враг Советского Союза.

Капитулянтский смысл предложений Берия по германскому вопросу очевиден. Фактически он требовал капитуляции перед так называемыми «западными» буржуазными государствами... Нам стало ясно, что это — чужой человек, что это — человек антисоветского лагеря. (Голоса: правильно!..)

МАЛЕНКОВ. Надо сказать, что Берия при обсуждении германского вопроса предлагал не поправить курс на форсированное строительство социализма, а отказаться от всякого курса на социализм в ГДР и держать курс на буржуазную Германию. В свете всего, что узнали теперь о Берия, мы должны по-новому оценить эту его точку зрения. Ясно, что этот факт характеризует его как буржуазного перерожденца... Президиум решил снять Берия с занимаемых им постов и исключить из партии. Президиум пришел к выводу, что нельзя с таким авантюристом останавливаться на полпути, и решил арестовать Берия как врага партии и народа. (Голоса: правильно! Бурные аплодисменты.)

Разоблачив и изгнав такого перерожденца, каким оказался Берия, наш ЦК будет еще более сплоченным и монолитным.

Принимая эти крутые меры, Президиум ЦК руководствовался убеждением, что в данном случае единственно правильными являются именно эти меры. Президиум ЦК руководствовался убеждением, что так поступил бы Ленин, так поступил бы Сталин. (Бурные аплодисменты.) Мы уверены, что наши действия будут единодушно одобрены Пленумом ЦК. (Бурные аплодисменты.) Что же касается отдельных ошибок и неправильностей, допущенных нами в период, когда мы после смерти товарища Сталина на протяжении 3–4 месяцев разоблачали Берия, эти ошибки и неправильности мы дружно исправим. Я бы сказал – хорошо, что понадобилось только 3 месяца (возгласы: правильно!), чтобы разглядеть подлинное лицо авантюриста и, невзирая на его положение и значительные возможности, вполне единодушно осечь эту гадину, этот больной нарост на здоровом теле. (Аплодисменты.)»

Был период, когда Сталин соглашался с отцом, и официально предприняли рад шагов — документы сохранились — к объединению оккупационных зон. Советское правительство предлагало англо-франко-американскому командованию провести в Германии всеобщие свободные выборы. В тот период, должен сказать, отец был одним из инициаторов объединения Германии. Целесообразность этого видели и другие. Позднее, чувствуя колоссальное сопротивление партийной верхушки, сторонники единой демократической Германии старались ее больше не раздражать. А отец продолжал доказывать, что курс, взятый советским руководством, приведет к печальным последствиям. Известно ведь было, что сотни тысяч граждан ГДР уже перебежали в Западную Германию, а в ГДР с каждым днем растет недовольство населения. Это и привело к восстанию...

Любопытна позиция американцев. В то время их

аналитики просчитывали варианты дальнейшего развития событий и пришли к выводу — соответствующие документы были получены Советским Союзом по линии разведки, — что допустить объединения Германии по предложению СССР ни в коем случае нельзя, а для того, чтобы сделать свое заключение более удобоваримым для своих кругов, выдвинули лозунг: если в Германии пройдут всеобщие выборы на условиях, предлагаемых русскими, то мир получит социалистическую Германию. Даже если она будет несоциалистической по форме, то по существу станет союзником СССР. Этого американцы допустить не могли. Они отвергли всеобщие выборы, точно так же отреагировали на советское предложение англичане и французы. Фактически тогда Запад поддержал советскую правящую верхушку, которая выступала за расчленение Германии.

Все дальнейшие попытки добиться объединения немецкого государства наталкивались на сопротивление как внутри СССР и западных держав, так и в ГДР. Немецкая партийная верхушка, почувствовав сладость власти, уже не хотела ее отдавать...

Вильгельм Пик, первый президент ГДР, был уже пожилым человеком, но какую-то сдерживающую роль играл и согласен был на объединение Германии на любых началах. Остальные видели в объединении потерю личной власти. Особенно — Вальтер Ульбрихт, генеральный секретарь ЦК СЕПГ. После смерти Пика он стал и Председателем Госсовета ГДР.

Об интеллектуальном уровне Ульбрихта хорошо было известно и в самой ГДР, и в СССР, но, видимо, это не помешало оставаться этому человеку у власти несколько десятилетий. В 1963 году он даже стал Героем Советского Союза... Войну он благополучно пережил в СССР, но впоследствии был представлен немецкому народу как активный борец с фашизмом. В советском обозе его и привезли в Германию. А между тем не кто иной, как товарищ Ульбрихт, выступал в свое время против настоящего антифашиста Эрнста Тельмана, убитого в Бухенвальде. Но этот факт из биографии Ульбрихта, понятно, не афишировали ни у нас, ни в ГДР.

Когда начались волнения в Германии, восставшие потребовали отставки Ульбрихта и его правительства, проведения свободных выборов, вывода советских войск. Против восставших бросили танки. Сотни людей погибли, тысячи были арестованы.

На Пленуме ЦК тогдашние руководители партии и государства признали, что ситуация в ГДР их серьезно беспокоила, и было принято решение «осуществить меры по оздоровлению политической и экономической обстановки». Ульбрихту объяснили, что в таких условиях нельзя проводить курс на форсированное строительство социализма. Но от участников Пленума скрыли, что это были предложения Берия, с которыми само же партийное руководство СССР вынуждено было согласиться. Но время было упущено. По сути, ничего для предотвращения восстания политическими, а не силовыми методами предпринято не было. Партийная верхушка все прикидывала, будет единая Германия социалистическим государством или не будет.

— Что вы друг с другом в прятки играете, — возмущался отец. — Допустим, что все население ГДР проголосует за социалистический путь развития, что в принципе невозможно, но и тогда это будет лишь четверть всего населения объединенной Германии. В любом случае, даже при какой-то поддержке жителей Западной Германии, ваш вариант не пройдет. Но что здесь страшного? Наоборот, это может быть даже полезно, потому что не будет требовать нашего вмешательства, мы не будем тратить собственные ресурсы, как это сейчас происходит.

И все это было одобрено, но на Пленуме, как известно, предложения отца, его аргументы не прозвучали. Но самое страшное, что немецкий вопрос так и не был решен.

Отец очень хорошо знал Германию, ее историю, проблемы. Связано это с тем, что Германия интересовала его еще до войны. Мы имели там разветвленную разведсеть и позднее, уже в войну. Так что недостатка в достоверной информации у отца, как руководителя советской стратегической разведки, никогда не было.

Особый интерес вызывали у него разработки немецких конструкторов, достижения ученых Германии. После разгрома фашизма мы многое получили от немцев. Так, например, был заложен фундамент нашего ракетостроения, создания ядерных двигателей. Ознакомление с немецким научно-техническим потенциалом было чрезвычайно полезно и для наших конструкторов, и для ученых. В Советском Союзе работали десятки немецких специалистов, причем охотно, с большой отдачей. Остается только сожалеть, что мечта отца о демократической

объединенной Германии, тесно сотрудничающей с Советским Союзом во всех областях, была реализована почти через 40 лет после его смерти. Сложись обстоятельства иначе, не было бы ни многолетней конфронтации с ФРГ, ни пресловутой берлинской стены, ни человеческих жертв, ни колоссальных материальных потерь, вызванных многолетним пребыванием такого количества советских войск в ГДР. До сих пор ведь никто не подсчитал, в какую копеечку влетело стране за несколько десятилетий утопическое желание партийных бонз иметь «западный форпост социалистического лагеря»...

Из стенограммы июльского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС:

«МАЛЕНКОВ. На прошлой неделе, накануне того дня, как мы решили рассмотреть в Президиуме ЦК дело Берия (в докладе члена Президиума ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР Г. М. Маленкова, предложенного, кстати, на этот высокий пост после смерти Сталина Лаврентием Берия, шла речь о заседании Президиума ЦК 26 июня 1953 года, на котором якобы был арестован Л. П. Берия. Протокола заседания — случай беспрецедентный! — в архиве ЦК КПСС нет. Уже задним числом, на заседании Президиума ЦК 29 июня будет принято постановление «Об организации следствия по делу о преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия»), он пришел ко мне с предложением предпринять через МВД шаги к нормализации отношений с Югославией. Я заявил ему, что надо этот вопрос обсудить в ЦК. Какое же это было предложение? В изъятых теперь у Берия материалах есть следующий документ: «Пользуюсь случаем, чтобы передать Вам, товарищ Ранкович, большой привет от товарища Берия, который хорошо помнит Вас.

Товарищ Берия поручил мне сообщить лично Вам строго конфиденциально, что он и его друзья стоят за необходимость коренного пересмотра и улучшения взаимоотношений обеих стран.

В связи с этим товарищ Берия просил Вас лично информировать об этом товарища Тито, и если Вы и товарищ Тито разделяете эту точку зрения, то было бы целесообразно организовать конфиденциальную встречу особо на то уполномоченных лиц. Встречу можно было бы провести в Москве, но если вы считаете это почему-либо неприемлемым, то и в Белграде.

Товарищ Берия выразил уверенность в том, что об этом разговоре, кроме Вас и товарища Тито, никому не станет известно».

Осуществить эту меру Берия не успел ввиду того, что мы повернули события в отношении его лично в другом направлении...

МОЛОТОВ. Президиум ЦК пришел к выводу, что нельзя даль-

ше продолжать проводившуюся в последнее время линию в отношениях с Югославией. Стало ясно, что поскольку нам не удалось решить определенную задачу лобовым ударом, то следует перейти к другим методам. Было решено установить с Югославией такие же отношения, как и с другими буржуазными государствами, связанными с Северо-Атлантическим агрессивным блоком, — послы, официальные телеграммы, деловые встречи и пр.

Совсем по-другому захотел использовать этот момент Берия.

По разработанному им плану соответствующий представитель МВД в Югославии должен был передать в Белграде письмо Ранковичу, в котором от имени Берия излагались взгляды, чуждые нашей партии, чуждые Советской власти... По проекту Берия представитель МВД при встрече с Ранковичем должен был заявить: «Пользуюсь случаем, чтобы передать Вам, тов. Ранкович, большой привет от тов. Берия». ...Все это составленное Берия письмо рассчитано иа установление тесных отношений с «тов. Ранковичем» и с «тов. Тито». Берия не удалось послать это письмо в Югославию — с проектом этого письма в кармане ои был арестован как предатель.

Но разве не ясно, что означает эта попытка Берия сговориться с Ранковичем и Тито, которые ведут себя как враги Советского Союза? Разве не ясно, что это письмо, составленное Берия втайне от нашего Правительства, было еще одной наглой попыткой ударить в спину Советского государства и оказать прямую услугу империалистическому лагерю? Одного этого факта было бы достаточно, чтобы сделать вывод: Берия — агент чужого лагеря, агент классового врага. (Голоса: правильно!)»

Из постановления Пленума ЦК КПСС «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия» (Принято единогласно на заседании Пленума ЦК КПСС 7 июля 1953 года):

«В самые последние дни обнаружились преступные замыслы Берия установить через свою агентуру личную связь с Тито и Ранковичем в Югославии».

Отец и «югославский вопрос». Хрущев и его окружение утверждали, что если бы Берия и Абакумов «Сталина не подзуживали, верно информировали, он изучил бы положение дел более глубоко и, бесспорно, нашел бы пути для правильного решения этого вопроса, не допустив дела до разрыва с Югославией».

Когда говорят, что разрыв с Югославией произошел по вине Сталина, это не совсем так. Из МГБ, которым в тот период руководил Абакумов, на имя Сталина поступила информация, что югославы, грубо говоря, идут

не тем путем, отказываются от советского опыта партийной и хозяйственной деятельности в каких-то вещах. Словом, ищут свой, югославский, путь построения общества. Никакого секрета, собственно, в этом не было. Ни Тито, ни другие руководители Югославии ничего от нас не скрывали, но давали понять, что не хотят вмешательства в свои дела. Но при этом важно заметить, что о разрыве с СССР, КПСС они и не помышляли. В распоряжение Советского Союза были предоставлены военно-морские базы для наших кораблей и подводных лодок, аэродромы для нашей авиации.

Отец относился к этому совершенно спокойно и не разделял беспокойства партийного руководства страны: Югославия, мол, сворачивает с пути построения коммунизма. Он считал, что построение той или иной системы в каждой стране происходит исходя из местных условий и копировать бездумно чей-то опыт бессмысленно. Скажем, Югославия не могла принять колхозный строй, потому что имела массу мелких хозяйств, объединить которые было невозможно. В этом отношении Югославия очень напоминала Кавказ. В горной же местности создавать колхозы непросто, отец это хорошо знал.

— Не следует навязывать им наши взгляды, — говорил он. — Пусть строят то общество, какое считают нужным. Главное, что Югославия с нами в одной упряжке. Они ведь не возражают даже против размещения наших гарнизонов, если это будет необходимо. Так что не надо осложнять наши отношения, жесткая позиция с нашей стороны непременно вызовет у них раздражение.

Сталин в какой-то период соглашался с этой точкой зрения и даже шутя называл членов Политбюро, ратовавших за укрепление связей с Югославией, титоистами. К титоистам он, естественно, относил и моего отца. Как ни удивительно, но Вячеслав Михайлович Молотов, который клеймил отца на том Пленуме за связь с Ранковичем и Тито, при Сталине тоже был «титоистом».

— С точки зрения долговременных целей нашей политики выход к Средиземному морю чрезвычайно важен, — говорил он, поддерживая моего отца. — Настолько важно, что если бы даже в Югославии был не Тито, а король, это нас вполне устраивало бы.

Это, разумеется, была шутка, но Сталин эти слова запомнил и позднее уже всерьез рассматривал вопрос о возвращении короля в Югославию. В один из приездов Тито в Москву Сталин даже спросил у него:

— А как вы, товарищ Тито, смотрите на конституционную монархию в Югославии?.. Король в виде английской королевы, а товарищ Тито в виде несменяемого премьер-министра...

После этого разговора у Сталина они приехали к нам на дачу, и Тито с Маленковым и моим отцом обсуждали это предложение со смехом. Тито тогда сказал:

— Надо было столько лет бороться, чтобы теперь возвращать короля...

Позднее, знаю, советским руководством, точнее партийной верхушкой, с ведома Сталина предпринимались попытки заменить Тито, как человека, который не очень поддается воздействию с нашей стороны. Не знаю, почему не написал об этом в своих воспоминаниях Джилас. Насколько помню, и ему делались определенные предложения, когда пытались заменить Тито более удобным лидером... Ранковичу тоже предлагали подобное. Но еще тогда отец говорил Сталину, что из этой затеи ничего не выйдет. И Джилас, и Ранкович, и другие люди из окружения Тито настолько преданы ему, что на такое предложение не согласятся. Они ведь рядом с Тито прошли войну, а это людей очень сплачивает. Вообще, югославское руководство резко отличалось от советского. Это из числа нашего партийного руководства многие не знали, что такое война, а соратники Тито всю войну рисковали жизнью, как и он сам. Видимо, это тоже наложило определенный отпечаток на отношения в югославском руководстве. И отец все это хорошо понимал.

После разрыва с Югославией органам безопасности, знаю, было поручено убрать Тито. Дошло ли дело до покушения или нет, мне неизвестно, но реакцию отца на такое решение помню. Он говорил, что надо любой ценой помешать этому «Они хотят расправиться с ним таким же образом, как в свое время с Троцким. Тогда я ничего изменить не мог. Дело тянулось с двадцать девятого года и зашло слишком далеко. Сейчас ситуация иная и допустить убийства Тито ни в коем случае нельзя»,

Из официальных источников:

По версии Дмитрия Волкогонова, «где-то к поздней осени 1952 года родилось несколько вариантов ликвидации Иосифа Броз Тито, близкого союзника Сталина в годы войны и сразу после нее. Все эти варианты были прямо связаны с именем И. Р. Григулевича — «Макса». (Это имя уже знакомо читателю. Этот разведчик-не-

легал участвовал в покушении на Троцкого.) Вот документ, подготовленный тогда же в Министерстве государственной безопасности СССР и адресованный лично Сталину, — записка МГБ, в силу особой секретности написанная от руки одним из заместителей Игнатьева в единственном экземпляре:

«МГБ СССР просит разрешения на подготовку и организацию теракта против Тито, с использованием агента-нелегала «Макса» — тов. Григулевича И. Р., гражданина СССР, члена КПСС с 1950 года (справка прилагается)».

«Макс» был переброшен нами по костариканскому паспорту в Италию, где ему удалось завоевать доверие и войти в среду дипломатов южноамериканских стран и видных коста-риканских деятелей и коммерсантов, посещавших Италию.

Используя эти связи, «Макс» по нашему заданию добился назначения на пост Чрезвычайного и Полномочного посланника Коста-Рики в Италии и одновременно в Югославии. Выполняя свои дипломатические обязанности, он во второй половине 1952 года дважды посетил Югославию, где был хорошо принят, имел доступ в круги, близкие к клике Тито, получил обещание личной аудиенции у Тито. Занимаемое «Максом» в настоящее время положение позволяет использовать его возможности для проведения активных действий против Тито.

В начале февраля с. г. «Макс» был вызван нами в Вену, где с ним была организована встреча в конспиративных условиях. В ходе обсуждения возможностей «Макса» перед ним был поставлен вопрос, чем он мог бы быть наиболее полезен, учитывая его положение, «Макс» предложил предпринять какое-либо действенное мероприятие лично против Тито. В связи с этим предложением с ним была проведена беседа о том, как он себе это представляет, в результате чего выявились следующие возможные варианты осуществления теракта против Тито.

1. Поручить «Максу» добиться личной аудиенции у Тито, во время которой он должен будет из замаскированного в одежде бесшумно действующего механизма выпустить дозу бактерий легочной чумы, что гарантирует заражение и смерть Тито и присутствующих в помещении лиц. Сам «Макс» не будет знать о существе применяемого препарата. В целях сохранения жизни «Максу» ему будет предварительно привита противочумная сыворотка.

2. В связи с ожидаемой поездкой Тито в Лондон командировать туда «Макса» с задачей, используя свое официальное положение и хорошие личные отношения с югославским послом в Англии Велебитом, попасть на прием в югославском посольстве, который, как следует ожидать, Велебит даст в честь Тито. Теракт произвести путем бесшумного выстрела из замаскированного под предмет личного обихода механизма с одновременным выпуском слезоточивых газов

для создания паники среди присутствующих с тем, чтобы создать обстановку, благоприятную для отхода «Макса» и скрытия следов.

3. Воспользовавшись одним из официальных приемов в Белграде, на который приглашаются члены дипломатического корпуса, теракт произвести таким же путем, как и во втором варианте, поручив его самому «Максу», который как дипломат, аккредитованный при югославском правительстве, будет приглашен иа такой прием.

Кроме того, поручить «Максу» разработать вариант и подготовить условия вручения через одного из коста-риканских представителей подарка Тито в виде каких-либо драгоценностей в шкатулке, раскрытие которой приведет в действие механизм, выбрасывающий моментально действующее отравляющее вещество».

Цитируя этот документ из секретного архива, Волкогонов то и дело подчеркивает, что «чувствуя растущее недовольство и раздражение Сталина в связи с «заминкой» дела по ликвидации Тито, Берия и шеф МГБ Игнатьев лихорадочно искали пути решения указаний вождя». «Берия, на короткое время до своего ареста резко усиливший свое влияние, вызывает Григулевича в Москву. Берия явно боится провала: Сталина уже нет — всем будет особенно ясно, чья воля направляла руку убийцы». Очередная ложь. Мне хорошо известно другое: по линии стратегической разведки, по линии связи, которую мой отец имел с целым рядом государственных деятелей, контакты с Тито не прерывались даже после официального разрыва отношений между СССР и Югославией. Могу сказать больше, в интересах тех задач, которые были возложены на отца по линии стратегической разведки, они даже укреплялись в тот период. Наверное, уже не будет разглашением государственной тайны предание гласности такого факта: Иосип Броз Тито, А. Ранкович и еще целый ряд людей поддерживали с отцом связь по линии стратегической разведки еще до войны...

Знал ли об этом Сталин? Вполне допускаю, что мог и не знать. Как правило, его интересовала сама информация, поступающая от стратегической разведки, а не источники. Не раскрывал никогда отец фамилий людей, которые с ним были связаны, и перед членами Политбюро. Ни в одной разведслужбе мира подобное «засвечивание» не допускается. Надеюсь, эта информация заставит историков более объективно разобраться в истории отношений наших двух стран...

Когда после убийства отца Хрущев, пытаясь наладить отношения с югославским руководством, стал

убеждать Тито в том, что камнем преткновения в отношениях между нашими странами был Берия, Тито усмехнулся:

— Если вам удобно представить своей партии это дело таким образом, поступайте так, как считаете нужным. Это ваше дело. Но я хорошо знаю, что это не так...

Тито так и не сделал заявления, осуждающего моего отца. Кстати, сам Хрущев много лет спустя рассказал, как отец еще при Сталине ратовал за восстановление добрых отношений между нашими странами. А на Пленуме и он, и Маленков, и Молотов, и остальные откровенно лгали, когда утверждали, что обнаружили «конфиденциальное письмо Берия Ранковичу». О том, что такое обращение отец готовит по поручения советского руководства, все они прекрасно знали, потому что вопрос этот обсуждался открыто. Пленум просто и в этом случае ввели в заблуждение.

Инициатива отца заключалась в том, чтобы ему Политбюро поручило подготовку документов для налаживания отношений с Югославией. Все дружно согласились. Решено было действовать для начала неофициальным путем и подготовить почву для таких же неофициальных переговоров, объяснить ситуацию, сложившуюся в СССР после смерти Сталина, уточнить позицию югославского руководства.

Отец подготовил проекты писем и представил их на расширенном заседании Президиума ЦК. Среди прочих документов по Югославии они находились в папке, а как их использовали для его компрометации перед участниками Пленума ЦК, известно...

Позднее те же люди стали создавать образ идеального коммуниста Иосипа Броз Тито. Хрущев ездил в Югославию, Тито и Ранкович приезжали в СССР и даже, как писали центральные газеты в 1956 году, успешно охотились в лесных угодьях Крымских гор под Ялтой на оленей вместе со столь же удачливым стрелком Никитой Сергеевичем.

Но идеальным коммунистом Тито никогда не был. Он был строителем социалистического государства с определенными отклонениями от того, что делалось в Советском Союзе, но я бы сказал более приемлемого для народа. Но это, безусловно, была диктатура с жесткой властью руководителя государства и со столь же жесткими законами. Когда Тито говорил Хрущеву, что не бу-

дет участвовать в компрометации Берия, он сказал, что поступает так, как в свое время отказался «быть участником ваших событий 17-го года». А дело было так. Советское руководство попыталось «приукрасить» биографию Тито и сделало его чуть ли не одним из участников октябрьского переворота в Петрограде. Тито от такой чести отказался. По его словам, он тогда из плена возвращался на родину и случайно оказался в Петрограде. Как человека без документов, его посадили в Петропавловскую крепость. Впоследствии у нас стали писать, что вождь югославских коммунистов стоял у истоков Великой Октябрьской социалистической революции. Биографии вождей переписывать в СССР умели всегда...

Еще один малоизвестный факт. После войны Сталин упрекал отца:

— Зря мы его спасли, не надо было вам за ним самолет посылать. Уж лучше бы этого Тито вместе со всем его штабом немцы тогда перебили. Сегодня хлопот бы меньше было...

Этот разговор состоялся в моем присутствии. Отец тогда промолчал. За столом, помню, находились и другие люди. Возможно, по этой причине этот разговор продолжения не имел.

Во время войны отец получил через стратегическую разведку данные о готовящемся немецком десанте. Планировался захват маршала Тито со всем его штабом. Таким образом немцы надеялись изменить ход событий в оккупированной Югославии. При штабе Тито находился и сын Черчилля.

Тито и остальных спасли, операция удалась. Маршала и его окружение, включая прикомандированного к штабу югославской народной армии сына Черчилля, спас экипаж самолета, на котором летал мой отец. Командир экипажа и его ребята немцев опередили. Каким-то образом умудрились взлететь с крошечной площадки. Другими машинами вывезли остальных.

Борьба за влияние на Тито шла еще со второй мировой войны. Не случайно Черчилль прислал в воюющую Югославию своего сына. Но были и наши люди в окружении маршала. Скажем, Иованович. Впоследствии он стал начальником Генерального штаба югославской народной армии. Был убит якобы при попытке бегства в Советский Союз. Подробностей, к сожалению, не знаю.

Из воспоминаний бывшего помощника начальника советской военной миссии в Югославии П. Горошкина:

«Из личных встреч и бесед с югославскими партизанами я вынес впечатление, что Тито пользовался большим авторитетом и уважением, как руководитель всенародного движения Сопротивления фашистам и просто как человек. Он не отсиживался в штабе, а бывал на передовых позициях, был ранен в руку. За ним охотились гитлеровские спецслужбы, пытаясь обезглавить руководство югославского движения Сопротивления. Немцы не только обещали за голову Тито рейхсмарки, но и неоднократно предпринимали попытки захватить его и все руководство Народно-освободительной армии Югославии. Такая попытка была предпринята и во время нашего пребывания в Югославии в 1944 году. После войны мне с Тито встречаться не приходилось, но я знал, что из Советского Союза прибыл в Белград его сын, который потерял руку под Москвой в боях с гитлеровцами...»

Все обвинения в адрес Тито, прозвучавшие на том Пленуме ЦК, беспочвенны. Союзу с нашей страной его руководство не изменило. Военные базы разместить на своей территории они американцам не позволили, под чей-либо контроль не попали и начали играть роль третьей силы. Югославия имела хорошую армию, авиацию и флот, созданные при активной поддержке Советского Союза. Если не ошибаюсь, у них было до 45 хорошо оснащенных дивизий.

И при жизни Сталина, и позднее югославы предлагали СССР разместить на своей территории ракетные базы. Это был один из аргументов, которые выдвигали военные, в частности маршал Василевский при поддержке моего отца. Выдвигали в противовес партийной верхушке, сопротивлявшейся налаживанию нормальных отношений с Югославией. Зная, что дразнить партийное руководство бессмысленно, военные предлагали ограничиться хотя бы контактами на своем уровне. Знаю, что отец обосновывал эти соображения и у Сталина, и в Политбюро, мотивируя необходимость укрепления связей тем, что не надо толкать Югославию на союз с Америкой. Это будет очень серьезная сила в том регионе...

На том же Пленуме ЦК полностью исказили и подход отца к решению «венгерского вопроса». Отец резко осуждал вмешательство венгерской партии в хозяйственные дела. При этом партия, как и КПСС, ни за что не отвечала. Свою точку зрения отец отстаивал еще при Сталине.

Впрочем, этим грешили не только венгры, но и все

подобные режимы. У нас ведь тоже до недавнего времени партия принимала решения по уборке картофеля. Ну не глупость ли?

Отец предлагал в корне изменить внешнюю политику в отношении наших союзников. После войны авторитет Советского Союза, одержавшего такую победу, был высочайший. Не требовалось особых усилий для поднятия еще большего престижа страны. В Кремле, кажется, этого не понимали. Надо было добиться вывода всех оккупационных войск, включая наши и американские, из Германии и уж тем более не вводить их в другие страны, как это было сделано в ноябре пятьдесят шестого в Венгрии.

Из сообщения в ЦК КПСС из Будапешта членов Президиума ЦК КПСС Г Маленкова, М. Суслова, секретаря ЦК КПСС А. Аристова:

«На 20 ноября, по данным товарищей Конева н Серова, захвачено у мятежников, изъято у населения и брошено стрелкового оружия 181766 еднниц, пулеметов разных 3172, орудий и мнnометов 40, стволов и гранат 64 тыс. штук... Говорили с тов. Кадаром о необходимости теперь же отобрать нз арестованных по делу антигосударственного мятежа пять-семь человек, которых следует, в интересах устрашения контрреволюции и наведения быстрейшего порядка в стране, судить н расстрелять за активное участие в зверствах н терроре со стороны реакцнн в дни его господства в Венгрии. Тов. Кадар согласился с нашим предложением...»

Операция «Вихрь», начатая на рассвете 4 ноября пятьдесят шестого, по мнению советского руководства, была завершена успешно — вся территория взбунтовавшейся Венгрии была взята под контроль наших частей. И Чехословакия, и Афганистан, и все остальное вполне закономерно. А отец убеждал Хрущева, Маленкова, Молотова и остальных, что нельзя полагаться на танки. Но урок событий в ГДР так впрок правящей партийной верхушке и не пошел. Внешняя политика Кремля, к сожалению, ничем не отличалась от внутренней..

ГЛАВА 11

В ТИСКАХ СИСТЕМЫ

«10 июля пресса сообщила об аресте Берия, обвиненного в том, что он был английским шпионом и ярым врагом народа. По официальным сведениям, суд, вынесший смертный приговор, и казнь Берия состоялись в декабре 1953 года; по другим же сведениям, исходившим, в частности, от Хрущева, он был расстрелян сразу же после ареста. Общество имело все основания задуматься о смысле свержения Берия... Скрывая обстоятельства убийства Берия и прикрываясь мнимым соблюдением «законности», его противники заботились прежде всего о собственной безопасности и одновременно утверждали свою легитимность. Чтобы развенчать положительную репутацию, которая стала складываться у Берия, они прибегли к испытанному методу коллективных петиций и массовых митингов против «гнусного предателя».

К сожалению, автор этих строк, известный французский историк, как и его коллеги с Востока и Запада, тоже пошел по протоптанной дорожке. Чего стоили, ска жем, утверждения Николя Верта о том, что Л. П. Берия «распространил свое влияние и расставлял свои креатуры далеко за пределами политической полиции», «устранение Берия снова подняло роль армии и избавило ее от угнетающей слежки со стороны госбезопасности»...

И уж вовсе не выдерживает серьезной критики вывод, к которому пришел западный историк:

«Конечно, его предшественники Ягода и Ежов были так же внезапно арестованы и казнены по тем же обвинениям. Но 1953 год все же отличался от 1938-го. Не означало ли устранение Берия возврат к «незаконной практике»? Или же оно было, наоборот, еще одним шагом, сделанным по пути к законности и смягчению полицейского режима? Действительно, это событие казалось таким же двусмысленным, как и роль, сыгранная Берия после смерти Сталина, и в равной мере объяснялось как борьбой за власть, так и начинавшейся «оттепелью». Обстоятельства устранения Берия, последовавший за мнимым следствием расстрел без настоящего суда, фантастические обвинения в лучших сталинских традициях, выдвинутые против него,

свидетельствовали о сложности политической обстановки летом 1953 года и трудностях перехода к системе, где беззаконие уступило бы место законности. Могущество госбезопасности не оставляло противникам Берия иного выхода, кроме заговора и немедленной его казни, которая позволяла предотвратить возможную попытку его сторонников организовать контрзаговор. Но, учитывая расширение опоры власти Берия, его реальный авторитет и то, что Система подчеркивала отныне свою приверженность законности, противники Берия не могли признаться, что они просто ликвидировали грозного шефа политической полиции, к тому же надевшего личину респектабельного и «либерального» политика...»

Если следовать логике исследователя советской истории, у Хрущева, Маленкова, вообще у тогдашней партийной верхушки не было другого выхода, как расправиться с товарищем по Политбюро чисто уголовными (будем, наконец, называть вещи своими именами) методами. Но простим Николя Верту пока и это явно несуразное утверждение. В конце концов, в отличие от наших историков, он хотя бы пытается разобраться в случившемся, а не повторяет шитую белыми нитками версию хрущевского Политбюро. Кто до него вообще посмел сказать о том, что не было ни следствия, ни суда над одним из руководителей государства? Советские источники трактуют так называемое устранение моего отца, а точнее, заурядное политическое убийство, совершенно иначе.

Несколько лет назад в советской печати со ссылкой на Маршала Советского Союза Г. К. Жукова был опубликован материал об аресте Л. П. Берия. Его автор якобы рассказал лишь то, что услышал много лет назад от самого Георгия Константиновича. Наверное, вполне допустим вопрос: а почему же молчал этот человек столько лет и решил заговорить лишь «под занавес перестройки»? Никакая цензура препятствий таким (!) публикациям уже не чинила... Но не буду излишне придирчив и не стану с ходу отметать утверждения автора, почему-то в малейших деталях совпадающие с набившей оскомину официальной версией, изложенной еще на партийных активах лета—осени 1953 года.

Если вкратце, многократно пересказанная версия звучит так. Жукова вызвал Булганин, тогдашний министр обороны, и сказал маршалу, что надо ехать в Кремль, где в тот день должно было состояться заседание Совета Министров СССР. По словам автора воспоминаний, Геор-

гий Константинович утверждал, что Булганин был возбужден и даже не сразу поздоровался. Сказал лишь, что в Кремле их ждет срочное дело.

«Я оглянулся. В зале находились Маленков, Молотов, Микоян, другие члены Президиума. Берия не было. Первым заговорил Маленков — о том, что Берия хочет захватить власть, что мне поручается вместе со своими товарищами арестовать его. Потом стал говорить Хрущев. Микоян подавал лишь реплики. Говорили об угрозе, которую создает Берия, пытаясь захватить власть в свои руки.

— Сможешь выполнить эту рискованную операцию?

— Смогу, — отвечаю я.

Знали, что у меня к Берия давняя неприязнь, перешедшая во вражду. У нас еще при Сталине не раз были стычки. Достаточно сказать, что Абакумов и Берия хотели в свое время меня арестовать. Уже подбирали ключи... Кстати, мне Сталин прямо однажды сказал, что они хотели меня арестовать. Берия нашептывал Сталину, но последний ему ответил: «Не верю. Мужественный полководец, патриот — и предатель. Не верю. Кончайте с этой грязной затеей». Поймите после этого, что я охотно взялся его арестовать. За дело.

Решено было так. Лица из личной охраны членов Президиума находились в Кремле, недалеко от кабинета, где собрались члены Президиума. Арестовать личную охрану самого Берия поручили Серову. А мне нужно было арестовать Берия.

Маленков сказал, как это будет сделано. Заседание Совета Министров будет отменено, министры отпущены по домам. Вместо этого он откроет заседание Президиума.

Я вместе с Москаленко, Неделиным, Батицким и адъютантом Москаленко должен сидеть в отдельной комнате и ждать, пока раздадутся два звонка из зала заседания в эту комнату.

Меня предупредили, что Берия физически сильный, знает приемы «джиу-джитсу» (рукопашной схватки).

— Ничего, справлюсь, нам тоже силы не занимать...

...Идем в зал. Берия сидит за столом в центре. Мои генералы обходят стол, как бы намереваясь сесть у стены. Я подхожу к Берия сзади, командую:

— Встать! Вы арестованы.

Не успел Берия встать, как я заломил ему руки...»

Достаточно, наверно. Как же надо презирать свой народ, чтобы заставить его поверить в сказки о схватке прославленного полководца и одного из членов Политбюро... Кстати, сам Георгий Константинович на сей счет воспоминаний конечно же не оставил и публично свое участие в мифическом аресте не признал. Но для пар-

тийной верхушки это уже не имело особого значения: легенда пошла гулять по свету...

Но что-то же произошло в тот день в Москве? Официальная версия такова: после ареста первого заместителя Председателя Совета Министров СССР и члена Президиума ЦК КПСС Л. П. Берия несколько часов продержали в Кремле, а с наступлением темноты вывезли на гауптвахту Московского военного округа (ПВО). Якобы все месяцы, которые шло следствие, он и содержался там под арестом. Все по той же официальной версии на гауптвахте отец был расстрелян.

Напомним: его арест, как утверждают официальные источники, произошел 26 июня 1953 года. Следствие продолжалось почти полгода. 17 декабря в печати появилось сообщение «В Прокуратуре СССР», где сообщалось:

«Следствие по делу Берия и других заговорщиков закончено. Начавшийся на следующий же день суд завершился 23 декабря. В объявленном приговоре Л. П. Берия обвинялся в том, что он «сколотил враждебную Советскому государству изменническую группу заговорщиков, которые ставили своей целью использовать органы внутренних дел против Коммунистической партии и Советского правительства, поставить МВД над партией и правительством для захвата власти, ликвидации советского строя, реставрации капитализма и восстановления господства буржуазии». В обвинительном заключении прямо говорилось, что Л. П. Берия и его сообщники строили свои преступные расчеты на поддержку заговора реакционными силами из-за рубежа, установление связи с иностранными разведками».

Кто же оказались «сообщниками» моего отца? В. Н. Меркулов, бывший министр государственной безопасности, а в последнее время министр государственного контроля СССР, В. Г. Деканозов, министр внутренних дел Грузинской ССР, Б. З. Кобулов, заместитель министра внутренних дел СССР, П. Я. Мешик, министр внутренних дел Украинской ССР, С. А. Гоглидзе, начальник 3-го управления МВД СССР и Л. Е. Влодзимирский, начальник следственной части по особо важным делам МВД СССР. Все шестеро в последний день суда были расстреляны. Удивительная оперативность, не правда ли?

Есть еще одна немаловажная деталь: судебные заседания, проходившие в Москве 18—23 декабря 1953 года, были почему-то ЗАКРЫТЫМИ, что уже само по себе наводит на вполне определенные размышления.

Перейдем теперь к составу самого Специального Су-

дебного Присутствия. Председателем его являлся Маршал Советского Союза И. С. Конев. Членами Специального Судебного Присутствия были назначены Н. М. Шверник, председатель ВЦСПС, Е. Л. Зейдин, первый заместитель председателя Верховного суда СССР, Н. А. Михайлов секретарь Московского обкома КПСС, М. И. Кучава, председатель Совета профсоюзов Грузинской ССР, Л. А. Громов, председатель Московского городского суда, К. Ф. Лунев, первый заместитель министра внутренних дел СССР и генерал армии К. С. Москаленко.

По мнению некоторых историков, «это был самый крупный процесс над сотрудниками органов внутренних дел и государственной безопасности за всю историю их существования» Но почему «процесс века», каким хотели представить его с конца 1953 года, был закрытым? Этот отнюдь немаловажный вопрос, похоже, исследователей не занимает А жаль. Не здесь ли надо искать ответ на некоторые загадки советской послевоенной да и не только послевоенной истории?..

Допустим, что все происходило именно так, как принято считать, и процесс в Москве действительно состоялся. Но где же само нашумевшее «Дело Л. П. Берия»? Вот уже несколько лет на эти материалы то и дело ссылаются и публицисты, и историки. Сама же стенограмма закрытого заседания Специального Судебного Присутствия не опубликована и по сей день. Не преданы гласности и материалы следствия, которое, повторяем, почти полгода шло под непосредственным руководством Генерального прокурора СССР Романа Руденко. Почему? И вновь вопрос без ответа.

Конечно же в лучших традициях «перестроечной гласности» и здесь проще всего все свалить в очередной раз на «козни» КГБ. Но не получается. Еще осенью 1992 года начальник Центрального архива Министерства безопасности России полковник Александр Зюбченко признался:

— Очень хочу когда-нибудь почитать дело Лаврентия Берия. Проблема в том, что у нас этих томов и никогда не было. Я даже не знаю, сколько их вообще. Вся группа дел, связанных с Берия, хранится не у нас. Могу предположить, что их держат под сукном еще и потому, что не все там однозначно с точки зрения правовой оценки этих лиц.

И тем не менее приговор Специального Судебного Присутствия в исполнение был приведен. Во всяком случае, соответствующие акты опубликованы.

АКТ

1953 года декабря 23-го дня

Сего числа в 19 часов 50 минут на основании Предписания Председателя Специального Судебного Присутствия Верховного суда СССР от 23 декабря 1953 года за № 003 мною, комендантом Специального Судебного Присутствия генерал-полковником Батицким П. Ф., в присутствии Генерального прокурора СССР, действительного государственного советника юстиции Руденко Р. А. и генерала армии Москаленко К. С. приведен в исполнение приговор Специального Судебного Присутствия по отношению к осужденному к высшей мере наказания — расстрелу Берия Лаврентия Павловича.

Генерал-полковник Батицкий
Генеральный прокурор СССР Руденко
Генерал армии Москаленко

АКТ

23 декабря 1953 года зам. министра внутренних дел СССР тов. Луиев, зам. Главного военного прокурора т. Китаев в присутствии генерал-полковника тов. Гетмана, генерал-лейтенанта Бакеева и генерал-майора тов. Сопильника привели в исполнение приговор Специального Судебного Присутствия Верховного суда СССР от 23 декабря 1953 года над осужденными:

1) Кобуловым Богданом Захарьевичем, 1904 года рождения,
2) Меркуловым Всеволодом Николаевичем, 1895 года рождения,
3) Деканозовым Владимиром Георгиевичем, 1898 года рождения,
4) Мешиком Павлом Яковлевичем, 1910 года рождения,
5) Влодзимирским Львом Емельяновичем, 1902 года рождения,
6) Гоглидзе Сергеем Арсентьевичем, 1901 года рождения,

к высшей мере наказания — расстрелу.

23 декабря 1953 года в 21 час. 20 минут вышеуказанные осужденные расстреляны.

Смерть констатировал — врач (роспись).

Из воспоминаний Алексея Аджубея, зятя Н. С. Хрущева:

«Одержав верх над Берия, Хрущев сразу вырывался вперед, обеспечивал себе приоритетное положение в партийной иерархии. После расстрела Берия Хрущев даже внешне очень изменился. Стал более уверенным, динамичным. По множеству мелких деталей я замечал, как выглядит на практике эта «перемена мест». Иначе, более нагло стала вести себя даже охрана Хрущева. (По поведению обслуги всегда можно судить о роли и месте хозяина.) Автомобиль Хрущева подавался к подъезду первым, его выходили провожать другие члены Президиума ЦК и т. д.

Хрущев много раз вспоминал те рубежные для него дни. В его рассказах бывали несовпадения, какие-то штампы, наезженные обороты, противоречия, но ход событий передавался точно.

Все согласились на арест Берия... На одном из заседаний Президиума ЦК, после того как Берия было высказано все, что о нем думают, Маленков должен был нажать кнопку звонка. Хрущев рассказывал, что тут произошла заминка. Маленков от волнения никак не мог отыскать под столом коробочку со звонком, и Никита Сергеевич нажал свою, запасную кнопку. Вошла группа военных. Маршал Жуков и генерал Москаленко объявили Берия, что он арестован. Берия рванул руку к портфелю, лежавшему на подоконнике. Хрущев выбил портфель, думал, что там оружие. Портфель оказался пустым.

Состоявшийся Пленум ЦК вывел Берия из своего состава, исключил из партии. Его лишили наград и званий, он стал подследственным. Охрана Берия даже не увидела, как его увезли в штаб Московского военного округа, где он должен был дожидаться суда и приговора. Танки, стоявшие на московских улицах, вернулись в свои части.

Каких только небылиц не рассеяла по миру пресса! Утверждалось даже, что Берия убит без суда и следствия прямо в автомобиле. В те же дни наши газеты сообщили об образовании Специального Судебного Присутствия Верховного суда СССР, которое возглавил популярный в народе маршал И. С. Конев. Состав суда был весьма представительным. Следствие продолжалось несколько месяцев. Судебный процесс проходил при закрытых дверях.

...Специальное Судебное Присутствие Верховного суда СССР, изучив представленные Прокуратурой СССР материалы и заслушав обвиняемых, приговорило Берия как врага народа и партии и шесть его главных подручных к высшей мере наказания — расстрелу. 23 декабря 1953 года приговор был приведен в исполнение».

А вот как вспоминал о случившемся один из организаторов «рубежного события в нашей истории» и по словам самого же зятя бывшего Первого секретаря ЦК, главное действующее лицо «обезвреживания Берия».

Из воспоминаний Н. С. Хрущева:

«Как мы и условились, я предложил поставить на Пленуме вопрос об освобождении Берия (это делает Президиум ЦК) от всех постов, которые он занимал. Маленков все еще пребывал в растерянности и даже не поставил мое предложение на голосование, а нажал сразу секретную кнопку и вызвал таким способом военных. Первым вошел Жуков, за ним Москаленко и другие. Жуков был тогда заместителем министра обороны СССР. К Жукову у нас тогда

существовало хорошее отношение... Почему мы привлекли военных? Высказывались такие соображения, что если мы решили задержать Берия, то не вызовет ли он чекистов, охрану, которая была подчинена ему, и не прикажет ли нас самих изолировать? Мы оказались бы бессильны, потому что в Кремле находилось большое количество вооруженных и подготовленных людей Берия... Вначале мы поручили арест Берия Москаленко с пятью генералами. Он с товарищами должны были иметь оружие, а их с оружием должен был провезти в Кремль Булганин. В то время военные, приходя в Кремль, сдавали оружие в комендатуре. Накануне заседания к группе Москаленко присоединились маршал Жуков и еще несколько человек. И в кабинет вошло человек 10 или более того. Маленков мягко так говорит, обращаясь к Жукову: «Предлагаю вам как Председатель Совета Министров СССР задержать Берия». Жуков скомандовал Берия: «Руки вверх!» Москаленко и другие обнажили оружие, считая, что Берия может пойти на какую-то провокацию. Берия рванулся к своему портфелю, который лежал на подоконнике, у него за спиной. Я схватил Берия за руку, чтобы он не мог воспользоваться оружием, если оно лежало в портфеле. Потом проверили: никакого оружия там не было, ни в портфеле, ни в карманах. Он просто сделал какое-то рефлексивное движение.

Берия взяли под стражу и поместили в здании Совета Министров, рядом с кабинетом Маленкова. И тут же решили, завтра или послезавтра, так скоро, как это будет возможно, созвать Пленум ЦК партии, где поставить вопрос о Берия. Одновременно освободить от занимаемой должности Генерального прокурора СССР, потому что он не вызывал у нас доверия, и мы сомневались, сможет ли он объективно провести следствие. Новым Генеральным прокурором утвердили Руденко и поручили провести следствие по делу Берия. Итак, Берия мы арестовали. А куда его девать? Министерству внутренних дел мы не могли доверить его охрану, потому что это было его ведомство, с его людьми.

Тогда его заместителями были Круглов и, кажется, Серов. Я мало знал Круглова, а Серова знал лучше и доверял ему. Считал, да и сейчас считаю, что Серов – честный человек. Если что-либо за ним и имелось, как и за всеми чекистами, то он стал тут жертвой той общей политики, которую проводил Сталин. Поэтому я предложил поручить охрану Берия именно Серову. Но другие товарищи высказались в том смысле, что нужно быть все-таки поосторожнее. Круглову мы все же не доверяли. И договорились, что лучше всего поручить это дело командующему войсками Московского округа противовоздушной обороны Москаленко. Москаленко взял Берия, поставил вокруг своих людей и перевез его к себе на командный пункт, в бомбоубежище. Я видел, что он делает это, как нужно. На этом заседание закончилось... Потом нам дали список, в котором имелись

фамилии более чем 100 женщин. Их приводили к Берия его люди. А прием у него был для всех один: всех, кто попадал к нему в дом впервые, он угощал обедом и предлагал выпить за здоровье Сталина. В вино он подмешивал снотворное...»

К слову, «женскую» тему не обошел и Алексей Аджубей. Правда, в отличие от тестя, он называет иную цифру. По его словам, в списке, о котором так много говорили и который, как выяснилось, так никто никогда и не видел, фигурировали фамилии 200 женщин. Что ж, бывает. Другие источники и вовсе не размениваются на мелочи. Одни называют цифру 700, другие 800. И я бы никогда не обратил внимание на этот чистой воды вымысел в мемуарах хрущевского зятя, если бы он спустя десятилетия не раскрыл, наконец, общественности глаза на любовные похождения Булганина, Абакумова... Даже если таковые и существовали в действительности, вряд ли мог знать о них в то время сам Алексей Аджубей. Его стремительный взлет начался позднее... Скорей всего, перед нами очередной пересказ. И не больше.

К сожалению, грешит автор очередного бестселлера времен перестройки и другими фактологическими неточностями. Скажем, я никогда не щеголял ни на собственной свадьбе, ни позднее в генеральской форме, потому что никогда не был генералом. Явная ложь и то, что после расстрела отца мы с Марфой уехали в Свердловск.

«Когда Берия убили, Серго и Нина Теймуразовна послали письмо Хрущеву, тронувшее его, — пишет А. Аджубей. — Никита Сергеевич поверил Серго и Нине Теймуразовне. Они писали, что случившееся закономерно. Они не знали, конечно, многого, но видели, что этот человек катится в пропасть и что в ту же пропасть они вынуждены катиться вместе с ним».

Вспомни, читатель, и эту растиражированную в десятках тысяч экземпляров очередную легенду, когда будешь читать о трагической судьбе семьи «врага народа и партии»...

Кстати, если верить Аджубею, «перед казнью Берия отправил письмо в ЦК Хрущеву — просил о пощаде, просил дать возможность искупить вину в каких угодно, пусть даже каторжных условиях»... Здесь, как нам кажется, комментарии и вовсе излишни. Ни в декабре, ни в ноябре, ни в октябре, ни в сентябре, ни в июле мой отец Лаврентий Павлович Берия ни писать «покаянных» писем рвавшемуся к власти товарищу Хрущеву, ни соот-

ветствующих показаний давать не мог, потому что был убит 26 июня 1953 года в городе Москве без суда и следствия. А было это так.

Заседание в Кремле почему-то отложили, и отец уехал домой. Обычно он обедал дома. Примерно в полдень в кабинете Бориса Львовича Ванникова, генерал-полковника, впоследствии трижды Героя Социалистического Труда, а тогда ближайшего помощника моего отца по атомным делам, раздался звонок. Я находился в кабинете Бориса Львовича — мы готовили доклад правительству о готовности к испытаниям.

Звонил летчик-испытатель Амет-Хан Султан, дважды Герой Советского Союза. С ним и с Сергеем Анохиным, тоже Героем Советского Союза, замечательным летчиком-испытателем, мы в те годы вместе работали и сошлись близко.

— Серго, — кричит, — у вас дома была перестрелка. Ты все понял? Тебе надо бежать, Серго! Мы поможем...

У нас действительно была эскадрилья, и особого труда скрыться, скажем, в Финляндии или Швеции не составляло. И впоследствии я не раз убеждался, что эти летчики — настоящие друзья.

Что налицо — заговор против отца, я понял сразу: что еще могла означать перестрелка в нашем доме? Об остальном можно было только догадываться. Но что значит бежать в такой ситуации? Если отец арестован, побег — лишнее доказательство его вины. И почему и от кого я должен бежать, не зная ни за собой, ни за отцом какой-либо вины? Словом, я ответил отказом и тут же рассказал обо всем Ванникову.

Из Кремля вместе с ним поехали к нам домой, на Малоникитскую. Это неподалеку от площади Восстания. Жили мы в одноэтажном особняке еще дореволюционной постройки. Три комнаты занимал отец с матерью, две — я со своей семьей.

Когда мы подъехали, со стороны улицы ничего необычного не заметили, а вот во внутреннем дворе находились два бронетранспортера. Позднее мне приходилось слышать и о танках, стоявших якобы возле нашего дома, но сам я видел только два бронетранспортера и солдат. Сразу же бросились в глаза разбитые стекла в окнах отцовского кабинета. Значит, действительно стреляли... Охрана личная у отца была — по пальцам пересчитать. Не было, разумеется, и настоящего боя. Все произошло, насколько понимаю, неожиданно и мгновенно.

С отцом и я, и Ванников должны были встретиться в четыре часа. Не встретились...

Внутренняя охрана нас не пропустила. Ванников потребовал объяснений, пытался проверить документы у военных, но я уже понял все. Отца дома не было. Арестован? Убит? Когда возвращался к машине, услышал от одного из охранников: «Серго, я видел, как на носилках вынесли кого-то, накрытого брезентом...»

В Кремль возвращались молча. Я думал о том, что только что услышал. Кто лежал на носилках, накрытых брезентом? Спешили вынести рядового охранника? Сомнительно.

Со временем я разыскал и других свидетелей, подтвердивших, что видели те носилки...

В кабинете Ванникова нас ждал Курчатов. Оба начали звонить Хрущеву. Догадывались, видимо, кто за всем этим может стоять. При том разговоре присутствовало человек шесть.

Ванников сказал, что у него в кабинете находится сын Лаврентия Павловича и они с Курчатовым очень надеются, что ничего дурного с ним не случится. Хрущев тут же их успокоил. Пусть, мол, Серго едет к родным на дачу и не волнуется.

Прощался я с этими людьми в твердой уверенности, что мы больше никогда не встретимся. Мы обнялись с Ванниковым, и я ушел.

У выхода меня уже ждал вооруженный конвой. Несколько человек сели со мной в машину, другая, с вооруженными солдатами, пошла следом. Когда подъехали к даче, я увидел, что и она окружена военными. Во дворе стояли бронетранспортеры.

Не останавливаясь, прошел в дом. Все и мама, и Марфа, и дети, и воспитательница — собрались в одной комнате. Здесь же сидели какие-то вооруженные люди.

И мама, и жена вели себя очень сдержанно. Меня явно ждали.

— Ты видел отца? — это был первый вопрос мамы.

Я ответил, что, по всей вероятности, его нет в живых, и в присутствии охранников рассказал, что увидел недавно дома.

Мама не заплакала, только крепче обняла меня и тут же принялась успокаивать Марфу: моя жена ждала третьего ребенка.

Не прошло и получаса, как в комнату вошел человек, одетый в армейскую форму:

— Есть указание вас, вашу жену и детей перевезти на другую дачу.

Мама оставалась здесь.

— Ты только не бойся ничего, — сказала очень тихим и спокойным голосом. Впрочем, возможно, мне показалось, что она говорила очень тихо, потому что Марфа тоже услышала. — Человек умирает один раз, и, что бы ни случилось, надо встретить это достойно. Не будем гадать, что произошло. Ничего не поделаешь, если судьба так распорядилась. Но знай одно: ни твоих детей, ни твою жену никто не посмеет тронуть. Русская интеллигенция им этого не позволит...

Как и я, мама была уверена, что мы больше не увидимся. Вновь обнялись, расцеловались. Что будет с нами завтра — никто не знал.

Маме разрешили проводить нас к машине. Когда прощались, я и предположить не мог, что впереди меня ждет еще и разлука с детьми, женой.

Ехали мы в двух машинах. В одну почему-то посадили, несмотря на наши протесты, дочерей — старшая родилась в 1947, младшая в 1950 году, — в другую — нас с Марфой.

Куда нас везли, я мог только догадываться. В стороне осталась дача Сталина в Кунцево, так называемая «Ближняя», но мы ее проехали, не останавливаясь. Минут через двадцать свернули на какую-то проселочную дорогу и остановились у одной из государственных дач, на которой тоже иногда бывал Сталин. Мне же здесь раньше бывать не приходилось. Небольшой, как и все государственные дачи той поры, деревянный домик. Здесь нам предстояло провести в неизвестности почти полтора месяца.

Внешнюю охрану дачи, где я теперь находился с семьей, несло какое-то воинское подразделение, вооруженное автоматами и винтовками. Внутри дома тоже круглосуточно находились вооруженные люди, но в штатском. Во дворе, как и на нашей даче, стояли бронетранспортеры.

Лишь это да еще выведенные из строя телефоны напоминали нам, что мы лишены свободы.

Обычное питание, прогулки по территории, довольно корректное поведение охраны...

— Чего вам волноваться? — парировал мои вопросы начальник охраны, когда я поинтересовался своим нынешним статусом и нельзя ли разрешить жене с детьми

уехать. — Вы, Серго Лаврентьевич, официально задержаны. Если вашей жене потребуется медицинская помощь, мы врача доставим сюда. Других указаний у меня нет.

Что произошло с моим отцом? Что с моей мамой? Что, в конце концов, произошло в стране? Все мысли были заняты только этим.

Окружающие нас люди старались в контакт не вступать, а когда мы о чем-то пытались спросить, тут же вызывали старшего, у которого на все случаи жизни был стандартный ответ: «Других указаний у меня нет».

Несколько раз просил дать мне газеты. «Не положено». Стало ясно, что и впредь нас намерены держать здесь в неведении. Ни телефона, ни радио, ни газет. Полная изоляция от внешнего мира.

Однажды, гуляя с детьми по саду, увидел оставленную на скамейке газету. Умышленно это было сделано или нет, не знаю, но находка оказалась весьма кстати. В газете были опубликованы обвинения в адрес отца, и если я еще сомневался в чем-то до этого, то теперь окончательно понял, что в стране произошел государственный переворот, направленный против определенной группы людей. Честно говоря, я думал, что жертвой заговора стал не только мой отец, но и другие члены высшего руководства страны. Теперь все окончательно прояснилось.

Сообщению об аресте отца я, разумеется, не поверил, сопоставив прочитанное с тем, что увидел своими глазами на Малоникитской.

Месяца через полтора в три часа ночи к нам в комнату вошли вооруженные люди и объявили, что я арестован. Что ж, решил я, по крайней мере с неопределенностью наконец покончено.

Взглянул на часы и усмехнулся: надо было ждать глубокой ночи, чтобы объявить мне об аресте.

Как мог, успокоил плачущую жену: все, мол, будет хорошо. Хотя сам конечно же в это не верил.

Под конвоем меня доставили в какую-то тюрьму, я догадался по маршруту, что это Лефортово. Так впоследствии и оказалось.

Не успел я переступить порог тюрьмы, как меня попытались обыскать. Но тут я уже не выдержал и проявил свой характер в полной мере.

Связали, надели наручники. Попытались переодеть в тюремную одежду — не подошел размер. Таким было начало.

В свое время, слушая рассказы Ванникова, Минца, Туполева, других известных и малоизвестных людей, прошедших, как они говорили, «коммунистические университеты», я конечно же и подумать не мог, что окажусь в таком положении. Но все эти тюремные «фокусы» мне были уже знакомы. Обычные приемы тюремщиков — как можно сильнее унизить заключенного и тем самым сломить его волю к сопротивлению.

Тюрьма, в которую меня привезли, с точки зрения тюремной архитектуры — у меня хватило времени это оценить — явно была высшего класса... Построили ее еще при Ежове. Подобные частенько показывают в американских фильмах: шесть-семь этажей и общий коридор. Впечатляет...

Спустя много лет другой узник Лефортова, Александр Солженицын, напишет: «Знаменитый лефортовский корпус буквою «К» — пролет на все этажи, металлические галереи, регулировщик с флажками. Переход в следственный корпус. Допрашивают попеременно в разных кабинетах...»

Сколько же судеб изломано в твоих стенах, Лефортово?.. В первой моей тюремной камере ждала неожиданность: двое охранников. Это что-то новое, решил я. В рассказах друзей и знакомых такого не было. У двери тоже был выставлен пост. Камера представляла собой клетушку шесть шагов в длину и метра два в ширину Зарешеченное окно было довольно высоко, и увидеть, что происходит за ним — невозможно. Привинченная кровать, умывальник и, так сказать, санузел. Обычное «жилище» заключенного.

«Соседи» мои примостились на табуретках рядышком Оба были в штатском и менялись через каждые четыре часа. Мне до сих пор непонятно, зачем все это было нужно: двойной пост в камере, двойной — у двери...

Ордер на арест мне так и не предъявили. На допросы тоже не вызывали. Несколько раз пытался заговорить с охранниками. Безрезультатно. Лишь однажды один из них не выдержал:

— Ну, что ты к нам пристаешь? Мы — охрана. Сказали нам сидеть тут, мы и сидим. Мы же тебя не беспокоим?

Я понял, что говорить бесполезно. Скорей всего они действительно ничего не знали. Недели через две мне все это надоело и я поднял скандал: «Почему я здесь

нахожусь? Почему мне до сих пор не предъявлен ордер на арест?»

Спустя некоторое время дверь открылась, и в камеру вошел капитан:

— Чего вы добиваетесь?

— Если мне не будет предъявлен ордер на арест, я начну вести себя не так, как вел до сих пор, — отвечаю.

— Попробуйте... — прошипел он угрожающе.

И я не выдержал. Сказалось, наверное, нервное напряжение последних месяцев. Я ударил, а он не успел отшатнуться.

Меня тут же избили и связали. Через час пришли люди в белых халатах и развязали меня, предупредив, что посадят в карцер.

Я решил больше ни с кем не разговаривать и отвернулся к стене.

В это время в камеру вошли несколько человек в штатском и два полковника:

— Вот постановление о вашем аресте.

Я взял протянутую мне бумагу. «В связи с участием в антигосударственном заговоре...» Перечитал еще раз. Ни подписи, ни печати... По тем же многочисленным рассказам я знал, что в таких документах непременно должна быть подпись прокурора.

— Это филькина грамота, а не документ.

Полковник побагровел:

— Будете шуметь, придется повторить все сначала.

И я решил, что терять мне больше нечего:

— Хотите бить — бейте, а чтобы вам было легче, я начну первым.

Я действительно ударил первым, но ответа, как ни странно, не последовало.

Оба полковника вместе с сопровождающими ушли.

Часы у меня отобрали раньше, и я даже не знаю, когда меня повели на первый допрос. Четверо охранников шли рядом. Мы прошли какими-то коридорами, и я понял, что попали в другое здание. Впереди шел человек с флажками и периодически подавал какие-то сигналы, надо полагать, чтобы никто нам не встретился. Это тоже, я знал, обычная тюремная практика.

Пройдя мимо многих дверей, попали в большой кабинет. Письменный стол, кресло, рядом — маленький столик. В стороне сидели несколько человек — генералы и люди в штатском.

Предложили сесть. Я промолчал.

— Вы привлекаетесь по делу контрреволюционного заговора, направленного на свержение советского строя и восстановление капитализма..

Весь смысл случившегося лишь начинал в полной мере доходить до меня. «Террористическая организация», «шпионаж в пользу английской разведки», «аппаратура связи нами изъята», «нелегальные связи», «вы изобличены»...

Выходит, я заговорщик и английский шпион. Неуже ли они сами верят в то, что сейчас говорят? Тогда кому и зачем все это надо?

Позднее я узнал, что у меня дома был изъят тренажер — не передатчик! Радиолюбители знают, что когда долго не тренируешься — теряешь навыки, поэтому я всегда старался выкраивать время для тренировок. Когда-то этот тренажерный комплекс я сделал своими руками, не предполагая, что он станет «вещдоком» в моем же «деле».

Эксперты конечно же моих будущих следователей разочаровали: «Да какой это передатчик... Обычный тренажер». Но об этом я позднее узнал.

А тогда я выслушал до конца всю эту галиматью и сказал:

— Я все же хотел бы видеть документ...

Мои слова вызвали бурную реакцию:

— Мы не обязаны вам показывать никакие документы, — произнес с металлом в голосе один из присутствующих.

— В таком случае, — говорю, — я не обязан отве чать на ваши вопросы. Пока мне официально не предъ явят обвинение и я не узнаю наконец почему здесь нахожусь, никаких разговоров с вами вести не буду.

Тут же услышал:

— В камеру!

Я повернулся и вышел.

Как ни странно, в свою камеру я уже не попал. Ме ня почему-то привели в другую. Через два дня — в третью, затем в четвертую... Причем всегда меня перево дили в новую камеру после отбоя. Только ляжешь, поднимают. Так продолжалось довольно долго с интервалом в два-три дня.

Еще один тюремный трюк, решил я.

Прошло еще дней десять, и меня вызвали на допрос. Сразу же обратил внимание, что в кабинете людей поменьше. Кроме уже знакомых, вижу новые лица.

— Я — генерал-лейтенант Китаев, заместитель Генерального прокурора, — представился один из военных и тут же подал мне бумагу. Те же несусветные обвинения, но уже с подписью: генерал-лейтенант Китаев.

— Распишитесь!

Я отказался.

— Нет, вы все же распишитесь, что ознакомлены.

Я взял ручку и написал: «Ознакомлен со вздорным документом. Берия».

Китаев усмехнулся:

— Вы даже представить себе не можете, какими доказательствами располагает следствие... Если вы хотите сохранить свою жизнь, то должны сами рассказать о своей антигосударственной деятельности, и это убедит нас, что вы действительно раскаиваетесь...

Речь уже шла о жизни.

Мое молчание, видимо, расценили по-своему. Тут же подключились остальные:

— Вы так молоды... Мы настроены помочь вам, и ваша задача правильно это понять, Серго Лаврентьевич. Вы должны облегчить нам нашу задачу и помочь тем самым в первую очередь самому себе...

Я решил, что агрессивно вести себя больше не стоит — нельзя поддаваться ни на какие провокации. Конечно же по происшествии времени я понял, что в первые дни пребывания в тюрьме вел себя просто глупо. Не стоило ввязываться в драки. Возможно, от меня этого и ждали...

Выслушав их, я сказал:

— У меня к вам одна-единственная просьба — обоснуйте свои обвинения. То, что вы говорите, никакого отношения ко мне не имеет.

— К вам, возможно, и не имеет, — услышал в ответ. — Вы действительно не организатор заговора... Организатор — ваш отец. Кстати, он уже дал соответствующие показания. Ваша мать тоже созналась во всем. Так что дело теперь только за вами, Серго Лаврентьевич...

— Что ж, тогда я требую очной ставки. Кажется, в таких случаях это разрешено?

И начались ежедневные допросы. Рукоприкладства они не допускали, но когда поняли, что ни на какие другие темы, кроме своей работы, я говорить не намерен, начали давить морально.

Когда речь заходила о так называемой антигосударст-

венной деятельности моих родителей, я вновь и вновь требовал показать мне протоколы допросов с их признанием и провести очную ставку.

Следователи обрывали:

— Вы о себе позаботьтесь!

Все это продолжалось неделями.

Не хочу утомлять читателя деталями. Скажу лишь, что все обвинения, звучавшие на допросах, никаких фактов под собой не имели. Все сводилось к моему участию в мифическом заговоре.

— Мне очень трудно опровергать ваши обвинения, — говорил я. Давайте перейдем к конкретным фактам.

Все более наглел Китаев. Он то и дело оскорблял и меня, и моего отца. Однажды, когда он попытался сказать что-то нехорошее о моей матери, я прервал его:

— Учтите, я не прикован к стулу... Предупреждаю: еще одно слово в адрес матери — и я вас изуродую...

Он взорвался:

Я тебе, гаденыш, устрою здесь такую жизнь, что ты меня, пока жив, помнить будешь. Но это, поверь, будет недолго...

Запомнилось...

Мы помолчали, он успокоился и вновь начал меня убеждать, что некие очень высокопоставленные люди дали ему указание вытащить меня из тюрьмы, если я соглашусь сотрудничать со следствием.

Видя, что ничего не может добиться, стал «давить»:

— У тебя ведь ребенок скоро должен родиться... А вообще-то можно сделать, что он и не родится...

Почти месяц он бился со мной, пытаясь сломить. Обещал, что если я дам показания на отца, меня тут же отпустят к семье и восстановят на работе, что меня и мою семью никто не будет преследовать.

Тогда же мне начали не давать спать. Я убедился, какая это тяжелая пытка. Когда дней пять-шесть не спишь, это ужасно. Только начинаешь засыпать — будят. И при этом ничего не говорят.

Когда бьют, остаются, как правило, синяки. Здесь же никаких следов.

Физически я был очень сильным человеком, и этого, видимо, мои тюремщики не учли и перестарались. После первой недели пыток я находился в таком состоянии, что все равно засыпал, как бы меня ни трясли. Видя мое полуобморочное состояние, они, наверное, поняли, что я на пределе. Появились тюремные врачи...

Китаева я больше не видел — меня передали новому следователю. Им оказался заместитель Генерального прокурора Камачкин.

Этот на мою «антигосударственную деятельность» особенно не напирал:

— Потом вы сами об этом расскажете, а меня больше интересует, как вы стали ученым, доктором наук. Отец ваш — человек безграмотный, да и вы ведь такой же...

С месяц у нас такие разговоры шли. Впрочем, говорил в основном он. Но однажды я, видимо, его крепко обидел:

— Вы, разумеется, можете писать все, что вам вздумается. Подписывать я ничего не стану. У вас была возможность в этом убедиться. Но коль уж пишете, то старайтесь хотя бы без грамматических ошибок это делать, да и построение фраз у вас, мягко говоря, нелитературное.

От такой наглости Камачкин опешил. Пришлось показать его ошибки.

Видимо, он параллельно допрашивал и людей, которые со мной работали, — Микояна, Туполева, Лавочкина, Королева... Время от времени он провоцировал:

— Вы вот на все лады мне их расхваливаете, а они говорят о вас только плохое. К чему бы это, Серго Лаврентьевич?

Все это было ложью. Когда я уже работал на Урале, все эти люди под тем или иным предлогом побывали у меня и рассказали, как их заставляли давать показания на меня и моего отца. Ни один не сказал того, чего от них ждали.

Сначала их начали вызывать в ЦК, затем в прокуратуру. Но и это не помогло.

Уже после освобождения друзья рассказали мне, как в организации, где я был Главным конструктором, устроили партийное собрание. Как выяснилось, «высокий гость», заведующий Оборонным отделом ЦК, имея прямое поручение Хрущева и Маленкова, приехал специально по этому случаю. Моим товарищам предложили заклеймить меня позором и исключить из партии.

Собрание шло три дня. Как ни «давили» на моих товарищей и бывших подчиненных, никто не сказал, что я оказался на своей должности благодаря связям, а именно этого и добивался партийный аппарат.

Партийное собрание отказалось голосовать за мое ис-

ключение из партии. Это пришлось сделать самому ЦК. Случай беспрецедентный. Мало того, специальным решением Совета Министров СССР были проведены повторные испытания всех систем, где я являлся Главным конструктором. В них участвовали наряду с военными члены специальной комиссии, созданной ЦК КПСС. Так сказать, на предмет возможного вредительства. Найдись люди, которые захотели бы меня «подставить», сделать это было в той обстановке очень просто. Техника ведь такая вещь, что два-три пуска «завалить» нетрудно. Но и здесь ни одного подлеца не нашлось. Все испытания прошли успешно, подтвердив годность и необходимость созданного нами оружия.

Анатолий Иванович Савин, ныне Генеральный конструктор и академик, академик Расплетин, после меня он стал Главным конструктором в нашей организации, Бункин, ныне академик, член президиума Академии наук, Шабанов, мой заместитель, впоследствии — генерал армии, заместитель министра обороны СССР, другие товарищи... С большинством из них у меня до сих пор сохранились и личные, и деловые связи. Все они продолжают работать, занимая командные посты в военной технике. Я до сих пор благодарен им за все, что они для меня сделали. Своими действиями эти порядочные люди доказали, что, несмотря на все вздорные обвинения, я — честный человек, работавший на свою страну. Это они, не боясь за свою карьеру, в те трудные для меня дни открыто заявили: «Мы ему верим. Если он действительно в чем-то виноват, пусть скажет об этом сам. Пусть выступит на этом партийном собрании».

Ничего этого, разумеется, я тогда не знал. Ни газет, ни радио в камере не было. О том, что происходит за стенами тюрьмы, охранники тоже не говорили.

Что можно было еще устроить в моем положении? И я решил объявить голодовку. Видимо, с подобным в Лефортовской тюрьме сталкивались не раз. Ввалились несколько мужиков, связали, надели на ноги какие-то кандалы и стали вливать через кишку с воронкой бульон. Так повторялось несколько раз. Но я понял, что должен бороться.

Изо дня в день мне говорили одно и то же. Вспомнили как-то мой радиотренажер:

— Вы поддерживали связь с Лондоном...

Когда специалисты дали заключение, что в лучшем случае этот генератор сигналов можно использовать на расстоянии ста метров, переменили тему. Я понял: если

бы мои следователи действительно хотели что-то выяснить, вопросы их были бы совершенно иными.

В один из дней, когда меня повели на допрос, в кабинете следователя я увидел Георгия Максимилиановича Маленкова. Член Президиума ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР — в Лефортово... Зачем?

Говорили мы с ним с глазу на глаз. Хотя, уверен, запись велась — все кабинеты тюрьмы были оборудованы соответствующим образом.

Маленков сразу сказал, что приехал сюда только из-за меня.

Если коротко, разговор состоялся между нами такой. Маленков сказал, что он и его коллеги считают, что как член партии и полезный член общества я просто обязан дать те показания, которые от меня требуются. «Это нужно». Такие вещи, сказал, в истории нашего государства уже бывали. Это позволит сохранить мне жизнь и встретиться с моей семьей.

Я поблагодарил его за заботу, но сказал, что не могу выдумать то, чего не было. Вымаливать себе жизнь ценой предательства отца и матери я не могу. Думаю, сказал, вы, Георгий Максимилианович, должны понять, что это было бы подлостью.

Маленков не стал продолжать разговор:

— Ты подумай... Я недельки через две-три еще заеду к тебе, и мы поговорим.

«Соседей» из моей камеры уже убрали. Я лежал и думал, что за всем этим стоит. Зачем приезжал ко мне Маленков? Уговорить меня подписать эти дурацкие бумаги? Глава правительства нуждается в моем признании?

Я уже догадывался, что Маленков — друг дома! — давно предал моего отца.

Допросы, на которые меня вызывали ежедневно, стали носить несколько странный характер. Следователь спрашивает, слышал ли я такую-то фамилию. Слышали? А в связи с чем? Хорошо. А такую? Не слышали? Хорошо. Бывал ли у вас дома такой-то? Бывал... Никакой системы здесь явно не было.

Маленков действительно приехал еще раз.

— Ну, как?

Помолчал.

— Хорошо. Может, в другом ты сможешь помочь? — как-то очень по-человечески он это произнес. — Ты что-нибудь слышал о личных архивах Иосифа Виссарионовича?

— Понятия не имею, — отвечаю. — Никогда об этом дома не говорили.

— Ну, как же... У отца твоего тоже ведь архивы были, а?

Тоже не знаю, никогда не слышал.

— Как не слышал?! — тут Маленков уже не сдержался. — У него должны были быть архивы, должны!

Он явно очень расстроился.

Я действительно ничего не слышал о личных архивах отца, но, естественно, если бы и знал что-то, это ничего бы не изменило. Все стало предельно ясно: им нужны архивы, в которых могут быть какие-то компрометирующие их материалы.

Я знал от отца, что Сталин держит в сейфе какие-то бумаги. Но его уже нет в живых, и где его личный архив, мне неизвестно. Словом, я ждал, что Маленков скажет дальше.

Он поднялся.

— Ну, что ж, если ты сам себе помочь не хочешь...

Не договорив, повернулся и вышел.

Это была наша последняя встреча. Больше Маленкова я никогда не видел.

Поздней зимой, уже после так называемого суда над моим отцом (о том, что следствие закончено и группа сотрудников МВД расстреляна, я конечно же не знал, потому что не получал никакой информации извне), меня перевели из Лефортовской тюрьмы в Бутырку. Здесь камера была побольше. Три привинченных к полу кровати стояли с одной стороны, три — с другой. На ту, что ближе к двери, бросили какой-то тюфяк, усилили освещение. Я остался один.

В Лефортово меня на прогулку не выводили, только на допросы да в баню. Здесь получасовые прогулки в тюремном дворике были ежедневными.

Находился я в Бутырке под так называемым номером, так же, как до этого в Лефортово. Мне об этом не говорили, но я слышал, как охрана говорила обо мне: «Второй номер отказался выходить на прогулку». Почему именно второй, не знаю до сих пор.

Тогда я действительно отказался выходить на прогулку, так как чувствовал недомогание. Очевидно, тюремная администрация расценила это как своеобразный протест. Вскоре пришел какой-то большой тюремный начальник в форме полковника.

— Почему вы отказываетесь выйти на прогулку?

Больны? Поймите, для вас же хуже. Даже если вы себя плохо чувствуете, лучше побыть на воздухе.

Я объяснил им, что ни о каком протесте речь не идет и я действительно плохо себя чувствую.

— Тогда я вызову врача, — сказал, уходя, полковник

Вскоре пришел врач:

— У вас грипп. Мы переведем вас в госпиталь.

Я отказался.

Останусь здесь. Если можно, дайте лекарство.

Лекарство мне принесли.

В Лефортовской тюрьме охранники не знали моей фамилии. Здесь, видимо, все же узнали. Как-то один из надзирателей шепнул:

— Все нормально будет, жить будешь! С тебя номер сняли.

Со стороны этих людей отношение было вполне нормальным. У них глаз наметан, и они довольно быстро разбираются, кто перед ними.

Я не хамил, по крайней мере кому не надо... Вел себя с достоинством. Вставал, делал зарядку, обливался холодной водой. Это людей, наверное, тоже располагает. Надзиратели видели: нормальный человек. Так и относились.

Слухи, видимо, ходили, но одно дело сказки слушать, другое изо дня в день видеть своими глазами этого «врага народа».

Разрешили даже пользоваться библиотекой, чего раньше не было. К стыду своему, раньше я ни одной работы Ленина до конца дочитать не мог, а в тюрьме проштудировал полностью. Время было...

А главное, мне принесли массу технической литературы и даже логарифмическую линейку, необходимые для работы справочники.

До ареста я занимался разработкой системы для подводного старта баллистической ракеты. Военные моряки знают, что колебания волн не должны изменять параметров полета. Над этим я и работал. У меня сохранились до сих пор некоторые странички с расчетами, сделанными в Бутырке, — мне их вернули потом. Сами чертежи отправили в Свердловск, и они тут же пошли в работу, а некоторые наброски остались.

Но прежде чем мне разрешили заниматься любимым делом, прошло немало времени. Все те же монотонные допросы, конвой... А весной как-то выводят на расстрел. Шесть или семь автоматчиков, офицер. Поставили к стенке, прозвучала команда. Кроме злости, уже ничего

не осталось. Идиоты, говорю, вы — свидетели, вас точно так же уберут...

Лишь позднее узнал, что весь этот спектакль был разыгран для мамы. Она стояла у окна тюремного корпуса — ее все это время держали в Бутырке — и все сверху видела.

— Его судьба, — сказали ей, — в ваших руках. Подпишите показания, и он будет жить.

Мама была человеком умным и понимала, что может случиться после такого «признания».

Когда она оттолкнула протянутую бумагу, охрана оторопела.

Для мамы это зрелище окончилось обмороком, а я тогда поседел. Когда охрана увидела меня, я понял по их лицам, что выгляжу не так. Посмотрел в зеркало — седой... Такая история...

После того случая с мнимым расстрелом меня рассекретили и ослабили режим. Появилась какая-то надежда.

И хотя я находился, как и прежде, в одиночке и не имел никакой связи с внешним миром, чувствовал: что-то должно измениться.

Допросы приняли характер бесед. Заместитель Генерального прокурора Цареградский сказал мне, что ведет следствие по делу моей матери, а позднее признался, что оформлял протоколы допросов моего отца, которые якобы проводились.

В последнюю нашу встречу в тюрьме сказал:

— Сделайте что-нибудь хорошее, обязательно сделайте. Докажите, что все это...

Эти слова я запомнил.

Ну, что хорошего может видеть заключенный в прокуроре? А я его из-за одной этой фразы «Сделайте... Докажите...» запомнил как порядочного человека. Он очень напоминал русского прежнего судейского чиновника. Я чувствовал, что он понимает: все это чистой воды блеф. И конечно же зла не хотел. Из разговоров с мамой я знаю, что и с ней он вел себя на допросах очень корректно. Однажды сказал:

— Нина Теймуразовна, я вынужден задать вам вопрос о женщинах-любовницах вашего мужа.

Мама к подобным вопросам других следователей привыкла. Ее постоянно убеждали, что Берия — разложившийся человек, и требовали: не покрывайте его!

Мама ответила Цареградскому, как отвечала и остальным:

— Я прожила с ним всю жизнь и хорошо знаю его с этой стороны, а вы пытаетесь убедить меня в обратном. В то, что вы говорите, я не верю, как не верю и во все остальное.

Как и мне, ей не смогли предъявить за все полтора года нашего одиночного заключения ни одного документа, компрометирующего в чем-либо отца.

Последние месяцы в Бутырке я продолжал работать над своим проектом, и неожиданно для меня его проверила специальная комиссия, которая и вынесла решение: вещь интересная, надо реализовывать.

Позднее системой, созданной мною в московской тюрьме, будут оснащены все отечественные ракетно-ядерные подводные лодки.

Мое бессрочное заключение завершилось. Однажды — а прошло уже полтора года после ареста — меня привезли на Лубянку. Зачем — я не знал.

Пройдя коридорами высокого серого здания на площади Дзержинского, как она тогда называлась, я оказался в кабинете Председателя КГБ Серова. Кроме хозяина, там находился и Генеральный прокурор СССР Руденко. Я узнал его: он два или три раза присутствовал на моих допросах. Сам, правда, вопросов не задавал — сидел в сторонке.

Из официальных источников:

Роман Руденко. С 1953 года – Генеральный прокурор СССР, с 1956 – кандидат в члены ЦК КПСС. Герой Социалистического Труда.

Родился в 1907 году в Черниговской области. В органах прокуратуры с 1925 года. В 30 лет стал прокурором Донецкой области, после освобождения Украины – прокурор республики. Главный обвинитель от СССР на Нюрнбергском процессе.

В кабинете Серова Руденко объявил мне, что Советская власть меня помиловала.

— Извините, — говорю, — но я ведь и под судом не был, и оснований для суда не было. О каком же помиловании идет речь?

Руденко вскипел и начал говорить о заговоре. Но тут его перебил Серов:

— Какой там заговор! Не морочь ему голову! Хватит этого вранья. Давайте по существу говорить, что правительство решило.

И Серов зачитал мне решение Политбюро, на основе

которого Генеральная прокуратура и КГБ СССР вынесли свое решение. Я узнал, что отныне допущен, как и прежде, ко всем видам секретных работ и могу заниматься своим делом.

Еще мне сказали, что выбор места работы остается за мной. О Москве не говорили, предполагалось, что я ее не назову.

Я поинтересовался:

— Имеете в виду города, где моя техника делается?

— Да, — ответил Серов, — вот перечень институтов и заводов.

Москвы в списке не было, как я и предполагал, да и никакого желания оставаться здесь — тоже.

Я выбрал Свердловск. Мне уже не раз доводилось там бывать, и я хорошо знал инфраструктуру военных заводов. Еще до моего ареста мы начали там создавать филиал своей организации.

— Свердловск так Свердловск, — согласился Серов.

Само решение мне не дали, но, как я потом узнал, ознакомили с ним вызванного в Москву моего будущего директора. Им должны были руководствоваться в дальнейшем и местные власти. Кроме работы, я должен был по решению правительства получить в Свердловске квартиру.

Сюда же, в кабинет Серова, привезли и маму. Ее вызвали после меня и сказали, что она может остаться в Москве или уехать в Тбилиси. Мама ответила, что поедет туда, куда направят меня.

Мы еще неделю провели в Бутырке. За это время мне разрешили встретиться с женой — это было первое свидание, которое разрешили за полтора года. А примерно за месяц до этого мне впервые передали фотографию сына. Ему шел уже второй год... Так я узнал, что у меня родился сын.

Тогда же мне стало известно, что еще в декабре 1953 года газеты сообщили о расстреле моего отца.

В Свердловск мы ехали под охраной. Мне выписали паспорт на имя Сергея Алексеевича Гегечкори, а на все мои недоуменные вопросы я получил единственный ответ: «Другого у вас не будет...»

Я был лишен звания инженер-полковника, доктора технических наук, лауреата Государственной премии СССР. Не вернули орден Ленина — как и Государственную премию, я получил его в свое время за создание нового оружия.

В войну был награжден орденом Красной Звезды, медалью «За оборону Кавказа», другими медалями. Не возвратили и их.

В моем военном билете написано: звание — рядовой, военно-учетная специальность — стрелок. Образование — Военная академия. Но награды вписали...

Когда меня арестовали, мне было 28 лет. Теперь предстояло начинать все сначала. В Свердловске меня ждала должность рядового инженера, правда, с приставкой «старший».

ЗА ТРИ ГОДА ДО АРЕСТА.

Это случилось летом 1950 года, когда уже шла война на Корейском полуострове.

Из официальных источников:

Как и Великая Отечественная, эта необъявленная война началась в четыре часа утра в воскресенье. 25 июня 1950 года после двухчасовой артиллерийско-минометной подготовки при поддержке прославленных «34-к» части миллионной северокорейской армии двинулись на юг. Всего через три дня был взят Сеул. К середине сентября армия КНДР подошла к Тэгу и Пусану. Противник, казалось, вот-вот будет сброшен в море. Но за считанные дни американцы, заручившись поддержкой ООН – еще 7 июля была принята резолюция, осуждавшая агрессию и разрешавшая формировать международные силы для ее отражения, – успели перебросить на юг значительные силы из оккупационных войск, находившихся в Японии. 15 сентября генерал Макартур подготовил мощный морской десант в тылу северокорейских частей, в Инчоне, началось мощное контрнаступление с Пусанского плацдарма. К концу октября была оккупирована значительная часть КНДР. Тогда же, в октябре, корейскую границу перешел 800-тысячный корпус (более 30 дивизий) Китайской Народной Республики под командованием маршала Пын Дэхуая. Произошло прямое столкновение китайских и американских войск.

Многие годы и причины, и ход боевых действий, а точнее, агрессии, осужденной мировым сообществом, и КНДР, и КНР держали в секрете. Не афишировал свое активное участие в корейской войне и СССР. До последнего времени в печати не было ни малейшего упоминания о летчиках 64-го отдельного авиационного корпуса, который вел боевые действия с ноября 1950 года до окончания корейской войны. А между тем только дивизия трижды Героя Советского Союза Ивана Кожедуба, сражавшаяся в чужом небе, сбила тогда 258 самолетов противника. Всего же советские летчики уничтожили свыше 1300 самолетов, потеряв 345 своих боевых машин.

По некоторым данным, 22 советских летчика стали тогда Героя-

ми Советского Союза, многие авиаторы были награждены правительством КНР.

Из тех «учебных» полетов возвращались не все. В 1950–1953 годах в Корее погибли миллион китайцев, девять миллионов корейцев, 54 тысячи американцев. Число погибших советских воинов неизвестно и сегодня... Вообще многие страницы истории той тайной войны окутаны завесой секретности и по сей день.

Соглашение о перемирии было подписано в Пханмунджоме в июле 1953-го. Сталина к тому времени уже не было в живых, а китайский и северокорейский диктаторы убедились — американцы Юг не отдадут. Пошли на компромисс и Соединенные Штаты. Война окончилась там, где и начиналась три года назад — на демаркационной линии вдоль печально известной с тех пор 38 параллели.

Как ни странно, до сих пор многие источники утверждают, что жертвой агрессии стала Северная Корея. Это неправда, и весь мир давно об этом знает. Войну развязал Советский Союз. Это была инициатива Сталина. Хотя для военных особой тайны не было, конечно, — в небе Кореи воевали наши летчики.

Разговор в Кремле, о котором я хочу рассказать, состоялся накануне высадки американского десанта в Корее. К тому времени мы уже закончили работы по противокорабельным ракетам и успешно провели испытания. Сталин об этом, разумеется, знал — о результатах испытаний я докладывал Президиуму ЦК.

Изделие уже было запущено в серию, но пока мы имели всего 50 ракет.

О готовящейся высадке вблизи Сеула советская стратегическая разведка знала. Американцы уже сосредоточили большие морские силы — линкоры, десантные корабли, несколько авианосцев, вспомогательные суда...

С этого Сталин и начал разговор: разведка докладывает, что готовится очень крупный десант. Американцы хотят отбросить северокорейские войска — цель их нам понятна. Что скажут наши военные и конструкторы? Сможем мы помешать американцам, имея новое оружие?

Мы доложили, что можем поражать такие цели на расстоянии ста с лишним километров. Как показали испытания, чтобы вывести авианосец из строя, необходимо от четырех до шести ракет, для большого транспорта вполне достаточно одной ракеты.

О готовности авиационных полков, результатах учебных стрельб доложил Павел Федорович Жигарев, главком ВВС. Впоследствии он стал Главным маршалом

авиации, первым заместителем министра обороны. Затем стал докладывать Дмитрий Федорович Устинов, министр вооружения.

Я и мои товарищи чувствовали себя в те минуты именинниками. Шутка ли, наша «Комета» — под таким шифром шло это изделие — запущена в серию.

Холодным душем для собравшихся стало выступление моего отца.

— По тем же данным разведки, — сказал отец, — в случае если мы ввяжемся в большую войну, американцы планируют нанести ядерные удары по всем нашим основным промышленным центрам. Будут бомбить и Москву. Поэтому, полагаю, любые действия должны быть предприняты с учетом этого непреложного факта.

Возникла пауза. Хрущев, Маленков, Булганин, Василевский, другие военные молчали.

— А разве мы не имеем оружия для защиты с воздуха? — спросил Сталин. — У нас есть истребительная авиация, перехватчики...

— Давайте послушаем военных, — предложил мой отец. — Смогут ли они прикрыть Москву, Ленинград и остальные экономические и военные центры? По нашим данным, американцы планируют бомбардировку семи—десяти городов...

...Это совещание в Кремле мне особенно запомнилось, потому что нас Сталин оттуда... выставил. Когда зашла речь о применении противокорабельной ракеты, я по молодости, не дожидаясь, что скажут другие, встал да и сказал, что этого делать нельзя.

Сталин внимательно посмотрел на меня:

— А что, вы не готовы к этому?

— Да нет, — отвечаю, — готовы, испытания прошли, но...

— В таком случае, — перебил меня Сталин, — вас никто не спрашивает. Вы можете говорить о готовности, сможет ваша ракета поразить цель или не сможет, а применять ее или не применять, это не вашего уровня дело. И вообще не место вам здесь. Уходите...

Мы встали и ушли. Настроение, прямо скажу, было не лучшее...

Остальное знаю от Василевского и отца. Сталин предлагал перебросить два полка Ту-4. Каждый из этих самолетов нес на подвесках по два снаряда. В Китае уже были размещены несколько полков Ил-28, так что проблем здесь не было.

— Давайте принимать решение, — предложил Сталин.

Политбюро тут же согласилось. Больше всех, вспоминал отец, говорил Булганин: мол, решение это правильное, иначе высадку американцев нам не сорвать.

Все шло к тому, что локальная война могла перерасти в серьезный военный конфликт. Сталина это поначалу не пугало. Он так и сказал: «А что, пусть ударят, а мы ответим».

Отец предложил тогда:

— Давайте все же выслушаем начальника Генерального штаба, который с министром обороны не согласен.

Штеменко и Василевский однозначно заявили, что если мы ударим по американским кораблям, последствия предугадать нетрудно. Военных поддержал мой отец.

Сталину доложили, что средства, которыми располагает противовоздушная оборона, не позволяют с вероятностью даже 60 процентов утверждать, что американские самолеты будут сбиты. Наша истребительная авиация, объяснили Сталину, может перехватывать бомбардировщики на высоте до 12 километров, в то время как, по имеющимся данным, потолок американских машин достигает 18 километров. Не исключено, что на большой высоте пойдут одиночные машины, а массированного налета не будет.

Сталин внимательно выслушал доводы военных и отменил решение о переброске тех двух полков.

— Так дело не пойдет! — сказал. — Верните тех мальчиков, которых мы выставили...

Когда через час нас разыскали, мы поняли, что дело совсем плохо, коль к Сталину вызывают.

Первый вопрос Сталина был таким:

— Мне доложили, что вы работаете над ракетой для ПВО?

Я сказал, что работаем, и докладывали о своих разработках военным, но те не очень заинтересованы.

— У кого уже есть такие ракеты? — спросил Сталин.

— В Швейцарии, у фирмы «Эрликон», но на меньшее расстояние.

— У нас возник вопрос: если американцы проведут налет на Москву, ваши ракеты достанут цели на высоте двенадцать—шестнадцать, а может, восемнадцать километров?

— Потенциальная дальность до двадцати пяти километров, — докладываю.

— Хорошо. Товарищ Берия, — обратился Сталин к отцу. — Организуйте на базе уже имеющихся коллективов с привлечением министерства вооружения, любых других организаций, если это будет необходимо, эти работы. Мы должны получить ракету для ПВО в течение года.

И тут я допустил вторую ошибку, заметив, что сделать ракету за это время будет очень сложно. И это в присутствии членов Президиума ЦК, высших военных.

Сказал и тут же пожалел об этом. Сталин рассердился:

— Имейте в виду, простыми вещами мы в Политбюро не занимаемся. Любые вещи, которые мы тут обсуждаем, сложные вещи. Ваша задача не рассуждать, а выполнять! Так вот я вам приказываю, — но тут же поправился, — Политбюро постановляет в течение года сделать систему, которая прикрыла бы Москву.

Маленкову и моему отцу было поручено подготовить соответствующее решение правительства и ЦК о развертывании этих работ.

Высадка американцев, как и планировалось, состоялась, удара по их кораблям, как известно, никто не нанес. Война в Корее продолжалась, а мы занимались тем, что нам было поручено.

Эту задачу мы выполнили в течение года. Причем сделали не только образцы. Советское правительство пошло даже на такой риск и нас вынудило на него пойти: параллельно с разработкой (не имея результатов испытаний ракеты «земля-воздух») запустили в серию все предварительные агрегаты, которые с большей степенью вероятности останутся без изменений. И когда мы проводили первое испытание по поражению реальных объектов, почти 50 заводов уже полным ходом вели работы по созданию двигателей, каркасов ракет. С некоторым отставанием (так как испытывались в последнюю очередь) шли системы управления.

Параллельно с этим началось строительство кольца вокруг Москвы.

Испытания прошли очень удачно. Первой же ракетой на высоте 12—14 километров были уничтожены летящие на максимальной скорости МиГ-15. Реактивные бомбардировщики Ил-28 были менее скоростными машинами, и, вполне понятно, интереса для нас не представляли.

Но настояло командование ВВС, и пустили все же большие бомбардировщики конструкции Туполева, имев-

шие помеховые установки. Испытания проходили так. Экипажи поднимали самолеты в воздух, ставили на автопилот и выбрасывались с парашютами до входа объекта в зону.

Беспилотные мишени, заказанные КБ Лавочкина, к сроку сделать не успели. Позднее они появились, но сбивали их тоже первой ракетой.

Сталин остался доволен. Похвалил, пообещал всех наградить, но заметил тут же:

— Этого мало. Дайте кольцо вокруг Москвы.

Могу сказать без преувеличения: мир таких темпов не знал. Вся промышленность, по сути, была брошена на решение этой задачи. В строительстве кольца участвовали десятки тысяч людей. Мы, разработчики, а в основном это были люди до 30 лет, неделями пропадали на испытаниях, на позициях, на строительстве. Рабочий день, по сути, стал круглосуточным.

Когда военные доложили Сталину, что система готова, он уже знал о результатах испытаний на полигонах. Тем не менее этим не удовлетворился. Вызвал главкома ВВС и приказал подготовить к вылету с трех направлений минимум по пять самолетов. «Я вам потом скажу, с каких именно направлений пускать их на Москву. Вот и посмотрим, насколько наши молодые друзья справились с той задачей, которую мы перед ними поставили».

Мы возражать не могли, но военные, в отличие от нас, заявили, что не могут гарантировать удачного исхода, так как несбитые самолеты могут рухнуть на Москву.

Нас отпустили, и, как потом рассказывал отец, в Кремле развернулась настоящая дискуссия на эту тему. Сталину все же объяснили, что даже если будут поражены все цели, то падение обломков самолетов на пригороды Москвы может привести к человеческим жертвам. Он согласился с такими доводами, но приказал полностью смакетировать сектор обороны на полигоне и пустить с разных направлений и на разных высотах и скоростях самолеты различных типов. Испытания прошли удачно. Как Главный конструктор, по статусу я в числе других должен был получить звание Героя Социалистического Труда, но в списках не значился. Правда, орден Ленина и Сталинскую премию получил ранее за создание противокорабельной ракеты.

Вообще тогда существовала отработанная практика. Специалисты, участвовавшие в реализации поставленной

задачи, в выполнении того или иного проекта, представлялись к наградам. И ряд моих товарищей тогда действительно получили звания Героев.

Когда мы сделали противокорабельную ракету, мне удалось настоять, чтобы летчики Анохин и Павлов были удостоены звания Героя Советского Союза. Амет-Хан Султан, тоже замечательный летчик-испытатель, стал дважды Героем Советского Союза еще в войну. На его счету было полторы сотни воздушных боев и три десятка сбитых немецких самолетов. Сбитых лично. А еще два десятка — в составе группы. И как летчик-испытатель он оказался на высоте — участвовал в испытаниях свыше ста машин.

И я, и мои товарищи считали, что он должен стать трижды Героем. Он бесспорно этого заслуживал. К сожалению, на это не пошли. Амет-Хан Султан, по национальности крымский татарин, был вычеркнут из списков...

Когда говорят, летчик от Бога, это о таких, как Султан. Окончив до войны авиационную школу, он был летчиком-истребителем, командиром звена, эскадрильи, помощником командира полка. Очень симпатичный человек, если хотите, типичный летчик-истребитель тех лет. Коренастый, широкоплечий, невысокого роста, с железным здоровьем и с железными нервами. Думаю, только национальность помешала ему закончить войну трижды Героем. А после войны, несмотря на отношение к крымским татарам, его все же приняли в Военную академию как дважды Героя. В силу многих обстоятельств учиться он не стал. Возможно, внутренние обиды тому виной, возможно, другие причины помешали, но из академии Султан ушел. Тогда я его еще не знал. Познакомились мы позднее. Демобилизовавшись из армии, Султан пришел в Летно-испытательный институт Министерства авиационной промышленности. Там мы и встретились.

Нам нужно было отобрать несколько человек, которые согласились бы участвовать в испытаниях. Проект противокорабельной ракеты у нас уже был готов, необходим был аналог такого снаряда, управляемого человеком, т. е. вместо боевого заряда в ракете находился летчик-испытатель. Ракета подвешивалась к самолету Ту-4, и машина взлетала...

В Крыму находился аэродром с полигоном для атомной авиации. Мы решили его использовать, надо

было лишь увеличить до пяти километров взлетно-посадочную полосу.

Из нескольких десятков людей, рекомендованных нам, мы отобрали четверых. Кроме Султана, пригласили Сергея Анохина, много лет проработавшего в КБ авиаконструктора Александра Сергеевича Яковлева. Летное чутье имел необыкновенное. В одном из испытательных полетов он должен был разрушить в пике самолет и выброситься с парашютом. Тогда он потерял глаз, но летал потрясающе.

Султан, кстати, тоже не раз отличался на испытаниях. По инструкции — так неоднократно бывало — должен выбрасываться, а он несколько самолетов с риском для жизни сумел посадить — и лавочкинских, и микояновских.

Павлов и Бурцев тоже были отличными летчиками-испытателями. Каждый из них сделал на нашем снаряде по 30—35 вылетов. Риск был огромный. Посадочная скорость машины достигала 400 километров в час.

После взлета самолета наши снаряды отрывались от машины, испытатели наводили их на корабль, делали разворот и шли на посадку. Вероятность катастрофы была чрезвычайно высокой, но Амет-Хан, Анохин, Павлов и Бурцев шли на такой риск добровольно. Тогда они действительно здорово помогли нам, разработчикам. Мы сэкономили и время, и сотню ракет.

За испытание «Кометы» Амет-Хан получил орден Ленина и Государственную премию. Стали лауреатами Государственной премии и Героями и остальные летчики. Анохина и раньше к Герою представляли, но почему-то не присваивали. На этот раз получилось, чему я был очень рад: они все были достойны этих наград.

С теплотой вспоминаю также инженер-полковников Степанца, Трофимова. Все мы, и разработчики, и летчики, и руководители полетов, делили на испытаниях и удачи, и неприятности. Все бывало, что скрывать. Добавлю лишь, что все эти люди остались моими верными товарищами и впоследствии.

Участие в создании противокорабельной ракеты — первой моей большой работы — мне особенно памятно. Делал я ее с такими же, как и сам, молодыми одержимыми людьми, которые не боялись принимать смелые технические решения, уходить от готовых трафаретов. Сейчас уже можно сказать, что Вооруженные Силы получили тогда ракету, поражавшую на расстоянии ста и

более километров любые морские цели. Использовать при этом можно было как ядерный, так и обычный заряд. Именно тогда впервые в Советском Союзе не самолетчики, не ракетчики определяли облик оружия, а мы, радиоэлектронщики. Это была сложная система с головками самонаведения, автоматами стабилизации.

Позднее мы работали над созданием ракеты «воздух-воздух». Первые такие снаряды поражали цель на расстоянии до 15 километров, затем — до 30. Со временем они были усовершенствованы и выпускались серийно, но этим занимались уже другие люди.

Довольно интересной была работа, связанная с созданием автомата, необходимого как для противокорабельных ракет, так и для ракет класса «воздух-воздух», «земля-воздух». Несколько позже — участие в создании ракет дальностью до 30 километров, для высот от 5 до 25 километров, затем от пяти километров до километра. Тогда боевые машины ниже не опускались. Это нынешние автоматы и системы управления отслеживают рельеф местности от 25 до 15 метров.

Я был Главным конструктором всех этих систем, возглавлял их разработку, но хочу подчеркнуть: это труд коллективный. В современной военной технике ни одна система одним человеком не создается.

Хотя, работая в Свердловске после освобождения из тюрьмы, я числился рядовым инженером, работы вел как ведущий специалист... Мы тогда делали ракеты для надводного и подводного стартов, целый ряд их модификаций. Занимался и конкретным руководством — разработкой бортовых вычислительных систем.

1960 ГОД, 1 МАЯ.

Первое боевое «крещение» зенитных ракет, созданных в нашем КБ, произошло на иранской границе. Позднее — в Прибалтике. Война с американскими самолетами-разведчиками оказалась затяжной. 1 мая 1960 года в советское воздушное пространство вторгся неопознанный самолет, который, пройдя над секретными военными объектами СССР, взял курс на Урал.

Первым в дивизионе майора М. Воронова приступил к боевой работе расчет станции разведки и целеуказаний (сержант В. Якушкин, ефрейторы В. Некрасов и А. Хабаргин). При подлете самолета к Свердловску главком ПВО страны дал приказ на уничтожение. Так был сбит самолет У-2.

Из рапорта майора Воронова:

«Доношу, что ваш приказ об уничтожении самолета-нарушителя государственной границы Союза ССР, вторгшегося в пределы нашей Родины 1 мая 1960 года, выполнен в 8.53, время московское.

При входе самолета в зону огня на высоте свыше 20 тысяч метров был произведен пуск одной ракеты, разрывом которой цель была уничтожена. Поражение цели наблюдалось при помощи приборов, а через небольшой промежуток времени постами визуального наблюдения было зафиксировано падение обломков самолета и спуск на парашюте летчика, выбросившегося с разбитого самолета. О результатах боя мною было доложено по команде и приняты меры к задержанию летчика, спустившегося на парашюте».

10 февраля 1962 года на мосту Глинке американского летчика Фрэнсиса Гарри Пауэрса обменяют на советского разведчика Вильяма Генриховича Фишера, больше известного как Рудольф Иванович Абель. И мир постепенно начнет забывать и о неудачливом пилоте, и о том, что случилось в мае 1960-го в небе под Свердловском, так и не узнав о том, что же произошло в действительности.

Пауэрса сбили потом, а первая ракета уничтожила наш самолет. Замечательный летчик погиб...

Имя погибшего пилота — старший лейтенант С. Сафронов. Вполне понятно, что трагедия не была секретом для всей Уральской армии ПВО, в печати же до 90-х годов об этом не проскользнуло ни строчки. Виной случившегося — отсутствие широко известной ныне системы «свой-чужой».

В Указе Президиума Верховного Совета СССР о награждении отличившихся ракетчиков, опубликованном центральными газетами 7 мая 1960 года, первым в списке стоит имя старшего лейтенанта Сергея Ивановича Сафронова. Но тайна так и осталась надолго тайной.

Вспоминает полковник запаса Михаил Воронов:

«Новый зенитный ракетный комплекс наш дивизион получил осенью 1959 года. И вот цель в зоне дивизиона. Командую: «Пуск!» Офицер наведения старший лейтенант Эдуард Фельдблюм замешкался — видно, какой-то психологический барьер возник. Я ему еще раз: «Да пуск же!» — и крепким словечком. И ракета пошла к цели».

Трагический вылет Сергея Сафронова, по мнению специалистов, был ненужной подстраховкой. Так же, как и вылет еще одного МиГ-19, поднятого на перехват. Но

капитану Борису Айвазяну повезло больше — заметив странное облачко, он сумел резко спикировать.

У сбитого Пауэрса были предшественники и последователи. По некоторым данным, до 1 мая 1960 года государственную границу нарушали по меньшей мере 17 самолетов-разведчиков Соединенных Штатов. Предпринимались такие попытки и позднее. Достаточно вспомнить потери США над Балтикой, Баренцевым морем, на юге. А еще была Куба, был Ближний Восток... Да только ли они...

Совсем недавно — случай этот тщательно скрывался как в СССР, так и на Западе — стало известно, что от зенитных ракет, управляемых советскими военными, понес в свое время потери и 6-й американский флот, развернутый у берегов Ливана. Тогда было сбито восемь палубных истребителей и бомбардировщиков, один «Фантом-2», четыре израильских боевых самолета и два французских палубных штурмовика «Супер Этандар».

...История зенитно-ракетных войск ПВО еще ждет своих исследователей. Может, тогда узнаем мы правду о тех, чьими колоссальными усилиями, чьим трудом и талантом создавались первые зенитные комплексы, надежно защищавшие многие годы небо Родины. И хорошо бы назвать наконец в полный голос тех, кто стоял у истоков нового оружия. Вне всяких сомнений, окажется в этом списке и имя моего отца, прекрасного и умелого организатора оборонной промышленности.

А сколько «белых пятен» в истории создания первых баллистических ракет морского базирования! Что мы знаем о первом в мире пуске морских баллистических ракет с подводной лодки «Б-67» Северного флота, которой командовал капитан второго ранга Федор Козлов, об участии в испытаниях экипажа подлодки «Б-62» в Тихом океане? Даже в первых, явно скупых на факты публикациях, появившихся в последнее время, не обошлось без неточностей. Не пришло время назвать имена создателей морских баллистических? Звучит неубедительно, дело в другом — в стереотипе, довлеющем над историками.

Восполним и этот пробел. К первым подводным стартам самое непосредственное отношение имели академики Макеев, Семихатов, Исаев. В этих работах с самого начала принимали участие я и мои коллеги из Свердловска. Мы создали всю аппаратуру управления и запуска морской баллистической ракеты. Позднее флот получил ракеты уже не с жидкостными, а твердотельными двига-

телями, поражающие цели на расстоянии до десяти тысяч километров. Уже с середины 60-х годов советские моряки имели их на вооружении.

За четыре с половиной десятилетия научной деятельности я действительно успел немало. Даже сегодня мы не можем рассказать о целом ряде работ, выполненных коллективом института «Комета» в области космической разведки, связи, многих других специальных областях.

А ведь на Урале пришлось начинать с нуля. Не было серьезной базы — ее предстояло создавать. Но, главное, меня окружали люди, искренне желавшие работать. Как и в Москве, со мной трудилась в основном молодежь. Большинство приехало в Свердловск из Москвы по направлению. Впоследствии мне удалось подобрать в подразделение, которое я возглавлял, таких талантливых ребят из выпускников мех-математического и физического факультетов Уральского университета, радиофакультета и факультета автоматики Уральского политехнического института, других вузов.

С первых дней нашего пребывания в Свердловске и соседи, а жили мы в рабочем районе, и коллеги знали, кто я такой и что со мной произошло. С такой же доброжелательностью относились и к маме.

Мы прожили на Урале десять лет и ни разу не столкнулись с тем, чем нас пугали, отправляя под конвоем в Свердловск. Саму смену фамилии объяснили так: «К Берия у народа отношение сами знаете какое...»

Все это оказалось неправдой. А ведь в тех местах в то время оказалось немало людей, пострадавших от Советской власти. Догадывались и понимали, видимо, что не все так, как утверждала официальная пропаганда.

Иной раз возвращается мама со второй смены — она в заводской лаборатории работала — а тут, как это нередко случалось в рабочем районе, драка. Сразу же кто-то подходит.

— А мы вас знаем. Не волнуйтесь только... Мы вас проводим до самого дома. И провожали.

Забудешь такое?

Мы и уехали из Свердловска лишь потому, что врачи предупредили меня, что маме необходимо сменить климат.

Со временем забывается плохое и вспоминаешь все то хорошее, что когда-то оставил. Для меня таким городом стал Свердловск.

И техническое руководство института в лице Семиха-

това, и большинство товарищей по работе — Миронюк, Куприянов, Табачник, Назаров, Байков, Трифонов, Замятин и многие другие были моими товарищами не только по работе, но и в жизни, и помогали преодолевать все трудности...

Я постоянно ощущал давление СИСТЕМЫ. Это было. Но была и постоянная помощь со стороны самых разных людей. Не раз вспоминал я добрым словом советских ученых и конструкторов. Столь же существенной была для меня помощь Дмитрия Федоровича Устинова, министра радиопромышленности Калмыкова и других крупных организаторов промышленности. И что любопытно: порой мне было проще, чем при жизни отца. Не было необходимости стесняться быть настойчивым. Я мог уже требовать все необходимое довольно жестко. Раньше, при жизни отца, во многих вещах, касающихся работы, я был более щепетильным человеком...

Моя дружба с Устиновым началась еще в конце сороковых — Дмитрий Федорович крепко помог в создании нашей организации. Интереснейший был человек — и как инженер, и как организатор. Несмотря на разницу в возрасте и его высокое положение, нас многое связывало.

Молодежь к нему тянулась, и он помогал молодым, чем мог. С такими видными учеными, как Королев, Черток, «стычки» у него бывали, а с молодежью — никогда. Он видел в научной молодежи опору. Этим, видимо, все и объяснялось.

Мы не раз встречались с ним и тогда, когда он уже был членом Политбюро, министром обороны, еще раньше — секретарем ЦК. И на ракетных заводах вместе бывали, и к себе в Москву вызывал по целому ряду проектов. Когда наша разведка доложила, что американцы далеко продвинулись в создании лазерных антиракетных систем, меня и еще ряд ученых пригласили в Москву, и мне, например, пришлось там в течение двух месяцев заниматься этой проблемой. Мы много говорили тогда с Дмитрием Федоровичем о самых разных вещах, но никогда о том, что случилось с моим отцом. Порой мне казалось, что вопреки собственному желанию он сознательно не затрагивает эту тему.

В одну из последних встреч мы говорили о его сыне. Дмитрий Федорович сокрушался:

— Как его увлечь техникой? Придумал бы ты ему интересную работу.

Сын Устинова руководил одной из организаций, отпочковавшейся в свое время от нашего КБ. Дмитрий Федорович был крайне недоволен тем, что стиль работы последних десятилетий, утвердившийся в стране, затронул Устинова-младшего.

— Не дело это в Совмине и ЦК время убивать, — говорил Устинов. — Техникой его надо бы увлечь, делом!

— Есть работа для него, пусть подключается, — предложил я. — Лазерная пушка для танка.

К сожалению, опасения Дмитрия Федоровича оказались не напрасны. После смерти отца его сыну пришлось уйти из техники. Так тоже бывает нередко...

Артем Иванович Микоян сам со мной встречаться не мог из-за брата — Анастаса Микояна, но через других людей тоже стремился помочь.

Академик Александр Львович Минц, узнав, что я вынужден защищать кандидатскую диссертацию, не говоря мне ни слова, добился разрешения быть моим оппонентом. Потом настойчиво требовал, чтобы мне вновь присвоили ученую степень доктора наук. С удивлением узнал я и о том, что ряд видных ученых, включая Минца, Расплетина, Берга, обратились в Высшую аттестационную комиссию с просьбой вернуть мне ученую степень, так как лишен я ее был незаконно. Сами мне об этом ничего не сказали. Но, как и следовало ожидать, обращение осталось без ответа.

Когда в свое время в Свердловске я решил экстерном сдать экзамены и получить инженерный диплом — и его ведь после ареста не вернули, — это было воспринято как вызов, но копию диплома об окончании академии мне таки выдали.

Ванников, Махнев, Курчатов, Щелкин, Туполев, Королев, Макеев... Трижды и дважды Герои, академики, Генеральные конструкторы... Любому человеку, связанному с техникой, эти громкие имена говорят о многом. А у меня связаны с этими людьми воспоминания о встречах после Лефортово и Бутырки. И они, и другие ученые и конструкторы поддерживали меня как только могли.

Работая в Свердловске, я не раз замечал: многие люди раскрылись лишь тогда, когда мне было действительно трудно, а при жизни отца оставались в стороне, не желая выглядеть подхалимами.

А были и другие, конечно. Те, кто старался избегать

меня, хотя в свое время вели себя совершенно иначе. Да я и сам старался не ставить людей в неудобное положение. Даже работая на Украине, я замечал: давление на меня дистанцирует многих людей. Что поделаешь...

Если не ошибаюсь, лишь один из моих бывших товарищей, работавших со мной еще до ареста, опубликовал воспоминания, после которых я никогда не подам ему руки. В свое время я пригласил его на работу в наше КБ. Мы долго и плодотворно работали. Это был действительно очень талантливый, работоспособный человек. Но когда к власти пришел Хрущев и, по сути, разгромил нашу организацию, расчленив на пять частей, по чьей-то подсказке сверху наш товарищ, никогда не участвовавший до этого в интригах, противопоставил себя коллективу. Новое руководство осталось довольно, и этот конструктор оказался в фаворе. Увы, времена меняются. С приходом очередного руководителя страны высокую должность пришлось сменить.

Член-корреспондент, генерал, Герой Социалистического Труда, умудренный профессиональным и жизненным опытом человек... Я читал небылицы о себе и своих товарищах и думал: зачем?

Не выдержал, набрал номер междугородки:

— Ты ведь, когда писал о всех нас, против правды пошел. Объясни хотя бы, ради чего?

— Понимаешь, — ответил он, — я это раньше написал, меня заставили...

— Меня ведь, сам знаешь, тоже заставляли давать на вас показания, что вы вредители... Не дал ведь. Так что грех ты взял на душу, уж извини за прямоту.

За годы работы, а мне только на испытательных полигонах пришлось в общей сложности несколько лет провести, как правило, встречал замечательных людей. Вспоминаю, скажем, маршала артиллерии Павла Николаевича Кулешова. Из соображений секретности он одно время даже фамилию не свою носил — Сергеев.

Из официальных источников:

Павел Кулешов. Маршал артиллерии.

В годы войны – командир полка гвардейских минометов – знаменитых «катюш», начальник оперативной группы гвардейских минометных частей Северо-Западного, Волховского фронтов. С 1943 года командовал гвардейскими минометными частями Красной Армии.

После войны – начальник ракетного факультета Артиллерийской академии, начальник полигона ПВО, заместитель главкома ПВО по

вооружению, начальник Главного ракетно-артиллерийского управления Министерства обороны. Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии.

Познакомились мы на полигоне, когда испытывали зенитные и, совместно с сотрудниками КБ Королева, баллистические ракеты. Помню, Жуков, смеясь, рассказывал, как Никита Сергеевич хотел расформировать в войну гвардейские минометные части и писал об этом Сталину. От Кулешова узнал подробности. В сорок третьем Хрущев, тогда член Военного совета фронта, действительно отправил Сталину свои предложения. Мотивировал тем, что гвардейские минометы — неэффективное средство. Разумеется, пыл генерала Хрущева остудили. Когда стал Первым секретарем, остановить его было некому. Начал закрывать самолетные, артиллерийские КБ и все переводить на ракетное оружие. Воинствующий дилетант! Когда такие люди пытаются вмешиваться в военные дела, это вдвойне страшно.

Забегая вперед, скажу, что столь же недальновидно поступали впоследствии и другие руководители государства. Многие годы наш институт, к примеру, разрабатывал радиоэлектронные комплексы для ПВО, выполнял задачи, связанные с космосом, авиацией, Военно-Морским Флотом. И вот с высоких трибун прозвучало: конверсия. Но что же мы получили в итоге?

Вспомните, что произошло несколько лет назад. Заводы, десятилетиями выпускавшие ракеты, начали выпускать трактора, авиационные предприятия — кастрюли и так далее. Достижения, специализация предприятий в расчет не брались. Все вылилось в очередную кампанию.

Это все, не секрет, пошло от партийных структур, неспособных доводить начатое дело до конца. Вопросы, связанные с конверсией, как следует не продумали, отделались пустыми лозунгами да прожектами. Вот и пострадало дело.

Мы у себя в институте начали с тщательного анализа собственных возможностей, ознакомления с реальными проблемами, стоящими перед народным хозяйством. И точки приложения сил конечно же нашлись.

Сколько зерна собирает Украина? Десятки миллионов тонн. А потери при переработке, хранении? По официальным данным, процентов 30. Не дело. Почему же так происходит? Ведь теряем столько, сколько затем приходится закупать за валюту. Нужны специальные агрегаты

для обработки зерна. Вполне понятно, что дело для специалистов, всю жизнь занимавшихся, скажем, космическими системами, новое. Тем не менее с задачей справились. Велосипед изобретать нам здесь не пришлось — с подобной технологией хорошо знакомы и в Америке, и в Западной Европе, а наши разработки созданы на базе военных систем.

Если коротко, новые технологии в сравнении с традиционными предполагают применение энергосберегающих принципов, более высокий уровень автоматизации и производительности, экологическую безопасность, возможность сокращения производственных площадей, заметное повышение качества продукции при более низкой трудоемкости. Одним из перспективных направлений видится нам применение источников СВЧ-энергии в сельском хозяйстве и промышленности. Сверхвысокочастотное электромагнитное поле обладает высокой проникающей способностью, что и обеспечивает соответствующее тепловое воздействие.

Не буду утомлять читателя техническими деталями, но судить об этом методе, его эффективности можете сами — энергозатраты снижаются в полтора-два раза, производительность труда повышается в три раза и, как я уже говорил, появляется возможность обходиться меньшими производственными площадями.

Самое любопытное, что в народном хозяйстве, несмотря на все несомненные преимущества и возможности, источников СВЧ-энергии не используют. Коллектив Киевского НИИ «Комета» в кооперации с предприятиями электронной промышленности решил этот пробел восполнить — уже разработаны базовые модули источников СВЧ-энергии с уровнем мощности от десятков ватт до сотен киловатт. Мы можем создавать камеры объемом от единиц до сотен кубических метров. Уже прошли испытания макетные образцы установок для сушки зерна. Не имеет значения, что это — пшеница или рис, кукуруза или гречиха, но после обработки всхожесть повышается на 20—30 процентов. Таким же образом наши установки позволяют обрабатывать овощи, фрукты. Потери овощей при хранении обычно достигают 30 процентов, новая же технология позволяет добиться полной сохранности. Лук, скажем, может храниться после такой обработки до двух лет и при этом не теряет своих качеств. Замечу при этом, что речь идет о конкурентоспособной продукции. В США подобные установки стоят до 100 тысяч долларов, у нас раз в 15 дешевле.

Подобных примеров разумного делового подхода к делу можно привести немало. «Оборонка» действительно многое может и должна дать народному хозяйству. Я нисколько не преувеличиваю: в нашей стране такой потенциал, что нет задачи, которую бы наши специалисты — имею в виду, разумеется, не только свой институт — не решили бы в интересах народа. Мы, скажем, всерьез озабочены экологией. Известно ведь, какую нагрузку на экологию республики дают наши энергоемкие технологии и производство. Плюс Чернобыль. Наш институт разработал систему, позволяющую оперативно получать карту загрязненности — и химической, и радиационной.

Разрабатываем систему сельской связи. Цель такая — наладить соответствующую инфраструктуру без валютных затрат. У нас ведь, кажется, до 80 тысяч сельских точек вообще без связи.

Кабинет министров Украины, Министерство машиностроения, военно-промышленного комплекса и конверсии нас поддержали. Разработки включены в национальную программу конверсии, опытные заводы подключены для серийного производства предложенных нами агрегатов. И пусть не всегда и не везде программа конверсии четко выполняется, уже ясно, что при таком подходе применение своему колоссальному потенциалу «оборонщики» найдут.

Нынешняя моя должность — директор и Главный конструктор научно-исследовательского института «Комета» Министерства машиностроения, военно-промышленного комплекса и конверсии Украины. Название НИИ — оттуда, из начала пятидесятых, когда я вместе с такими же, как сам, молодыми одержимыми учеными создавал первые противокорабельные ракеты, засекреченные шифром «Комета».

Вот уже без малого тридцать лет связана моя жизнь с Киевом. Сюда я приехал после десятилетней ссылки в Свердловске.

Примечательная деталь. Власти так и не решились назвать уральский период моей жизни ссылкой официально. Но как иначе расценить пребывание мое в Свердловске? Везли под охраной, а постоянную слежку за бывшим узником Лефортово и Бутырки и скрывать не пытались. Как-то подошел к машине так называемой «наружки», сопровождавшей меня изо дня в день, и предложил, шутя:

— Послушайте, не проще ли мне с вами ездить? И на остановках мерзнуть не буду, и на билетах сэкономлю?

Ребята «оттуда» даже не смутились:

— Делай вид, что не замечаешь, и не лишай нас хорошей работы...

На том и расстались. До следующего утра.

С полным основанием можно говорить о провокациях против нас. Сужу хотя бы по тому, что к нам систематически подсылали разных людей. Десять лет тотальной слежки! Года через три-четыре после переезда на Урал получаем анонимное послание: приезжайте в Челябинск, вас будут ждать в такое-то время. Есть, мол, очень важный для вас разговор. Но ведь знали, что выезжать нам из Свердловска запрещено. Съездил-таки, но безрезультатно.

Дело в том, что тогда же нам подбросили в почтовый ящик снимок, на котором был запечатлен мой отец, прогуливающийся по... Буэнос-Айресу. В Аргентине он никогда не был. Естественно, мама была очень взволнована.

Вообще история, связанная с этой загадочной фотографией, похлеще иного детектива.

Через несколько месяцев в почтовом ящике оказался журнал «Вокруг света». Храню его, как видите, до сих пор...

Пусть читатель поверит мне на слово: на снимке был запечатлен растрелянный (?!) 23 декабря 1953 года Лаврентий Павлович Берия, прогуливающийся с дамой по площади Мая в... Буэнос-Айресе. На заднем плане красовался президентский дворец. Мало того, что первый заместитель Председателя Совета Министров СССР никогда не был в Латинской Америке, фотография действительно была датирована 1958 годом.

Со снимка смотрел Берия. Известный миллионам характерный поворот головы, надвинутая на глаза шляпа. В газетных подшивках 30—50-х годов подобных фотографий можно найти тысячи. Эта же потрясла другим: один из ближайших соратников Сталина был запечатлен на фоне того самого президентского дворца. Это был тот же снимок. Текстовка в журнале гласила: «В шумной неистовой столице Аргентины есть и сравнительно спокойные уголки. Один из них — площадь Мая, где расположен дворец президента».

Эта загадка продолжает мучить меня и спустя десятилетия. Обратите внимание на фамилию автора сним-

ка — И. Бессарабов. Самое удивительное, что даже в редакции никто не смог внятно объяснить, как это понимать. Когда мама впервые увидела эту фотографию, то была буквально потрясена: «Отец!» Мне трудно судить, кому и зачем понадобилось заниматься фальсификацией, у кого были возможности проиллюстрировать заметки аргентинского писателя Альфреда Варелы фальшивкой?

Возможно, таким образом нас хотели обвинить в подготовке перехода границы? Очередная анонимка с этим снимком сообщала, что в Анаклии, на берегу Черного моря, нас будет ждать человек с «очень важной информацией об отце». И хотя выезжать было запрещено, мама оформила больничный лист на заводе, а я организовал ее нелегальный перелет в Грузию. Несколько дней она появлялась в указанном месте, подолгу ждала, но никто так и не пришел.

Давление Системы мне в полной мере пришлось испытать на себе и после переезда в Киев. В первые годы работы на Украине слежка — я знал это совершенно точно — не прекращалась, как и в свое время в Свердловске, мне не давали быть научным руководителем. Хотя, признаюсь, помогали. Само дело требовало, чтобы я продолжал работать.

Со временем я начал вести себя несколько иначе и стал требовать формализованного права руководить поручаемыми мне работами. Должность Главного конструктора позволяла мне действовать не через доброжелателей, а вполне официально, через аппарат министерств и ведомств. Дело дошло даже до того, что меня стала привлекать к работе Академия наук и я получил должность заместителя директора по науке академического института, стал Главным конструктором очень большой работы, связанной, скажем так, с созданием нового типа оружия.

Когда работы, которые мы вели с коллегами из Москвы, приобрели большую значимость (могу сказать только, что это было связано с космическими системами), решено было организовать в Киеве филиал Московского института. Так несколько лет назад я стал директором этого Научно-исследовательского центра.

Скажу совершенно откровенно: административная работа не привлекала меня ни в молодости, ни позднее. Но вынужден был считаться с обстоятельствами — для того, чтобы проводить нужную техническую политику, необходимо единоначалие. Техника не решается голосованием. Многолетний опыт убедил меня в том, что долж-

ны быть хорошо проверенные гипотезы, предпосылки, а решение должны принимать люди, отвечающие за конечный результат этого дела. Только из этих соображений я исходил, решая для себя такой важный вопрос.

Вполне допускаю, что все могло сложиться иначе и тогда, в самом конце пятьдесят четвертого, решение властей могло быть совершенно иным. Оставив меня в живых, можно было лишить заодно и любимой работы. Тем, что этого не случилось, я обязан, как уже говорил, исключительно советским ученым, выступившим в мою защиту. Видимо, Политбюро вынуждено было согласиться с их доводами. Впрочем, допускаю, что люди, находившиеся тогда на олимпе власти, рассуждали так: а что, собственно, он собой представляет? Пусть попытается, лишенный всего, чего-то добиться в этой жизни...

Я же считал, что лишить человека званий, должности, это еще не все. Да, и здесь не хочу лукавить, в молодые годы меня задевало, когда людей, работавших вместе со мной, награждали, а от меня застенчиво отворачивались. Было такое, что скрывать.

Не скрою и того, что не раз была возможность у меня покинуть страну. И гораздо раньше, и в последние годы. Но поступи я так, предал бы память отца. Да и никогда не ставил я знака равенства между партийной верхушкой и страной, которой всю жизнь служил. Словом, и этот шаг, столь легко сделанный другими, оказался не для меня.

Из газеты «Нью-Йорк таймс»:

«Сергей Никитович Хрущев, сын советского руководителя, вошел в небольшое помещение иммиграционного бюро в городе Провиденс штата Род-Айленд и вышел оттуда с законными правами постоянного жителя Соединенных Штатов. Спустя 16 месяцев после падения Коммунистической партии Советского Союза 57-летний инженер, который стал политологом, и его жена Валентина ожидают выдаваемого иностранцам вида на жительство. В недавнем интервью, которое было взято у господина Хрущева, говорившего из своего дома в городе Кранстоне, штат Род-Айленд, он сказал, что решил добиваться права на постоянное жительство в Соединенных Штатах, «потому что в этой стране легче жить и работать. У меня все еще есть квартира в Москве. Там у меня есть и дача. У меня есть мои деревья и мой пруд, маленький пруд с рыбками».

В течение четверти века после смещения Никиты Хрущева с поста руководителя советские власти не давали его сыну разрешения на выезд за рубеж».

Этот шаг, столь легко сделанный другими, оказался не для меня. На все приглашения переехать в США, Англию, где были бы созданы все условия для работы, я ответил отказом.

В одну из встреч с тогдашним Председателем КГБ СССР Юрием Андроповым, не раз приглашавшим меня из Киева как эксперта для оценки материалов, связанных с американскими лазерными космическими системами, между главой советских спецслужб, будущим Генеральным секретарем ЦК КПСС и мной, сыном Лаврентия Берия, состоялся такой разговор.

Мы поговорили о деле, о материалах, которыми располагала советская разведка, и вдруг Юрий Владимирович заговорил о другом — он сказал, что считает мое поведение правильным.

— Вы заблуждаетесь, Юрий Владимирович, — ответил я. — Своих взглядов на то, что случилось, я никогда не скрывал ни в тюрьмах, когда шло следствие по моему делу, ни позднее. Я никогда не отказывался и никогда не откажусь от своего отца. Я считаю его абсолютно невиновным человеком, которого убила партийная номенклатура. И если я не кричу об этом, то это не значит, что я поверил в инсценировку, разыгранную его убийцами...

Юрий Владимирович очень внимательно меня выслушал и опустил глаза. Помолчал.

— И тем не менее такое поведение я одобряю...

Позднее мы еще несколько раз встречались. Я до сих пор считаю, что это был один из умнейших людей, которого Советская власть могла иметь во главе государства. Конечно, я не могу одобрить его поведение в Венгрии в 1956 году, его участие в борьбе с инакомыслием. Достаточно вспомнить, что творилось в посольстве в Будапеште, когда он был Чрезвычайным и Полномочным Послом Советского Союза. Там ведь расстреливали людей, несогласных с политикой Хрущева и партийной верхушки в отношении Венгрии. На ком эта кровь? Конечно, не Андропов отдавал команду, но он ее исполнял. Впоследствии, когда убрали Семичастного, его сделали Председателем КГБ. Значит, эта фигура вписывалась в Систему. И тем не менее в личностном плане это был аналитик, понимавший, что эту Систему надо подкрепить. Имея печальный опыт моего отца, он предпочел косметические меры, не затрагивая интересы партийной номенклатуры. И это тоже была ошибка. Изменить Систему, не меняя главного, было невозможно.

Она, эта Система, вторгалась и в личную жизнь.

Несколько лет после освобождения из тюрьмы мы с моей женой прожили вместе. К сожалению, травля не прекращалась. Я все надеялся, что как-то уляжется все со временем, но ничего не изменилось. Решили фиктивно развестись ради детей. Поставим, мол, их на ноги, а там и вместе будем жить. Не получилось...

Марфа Максимовна Пешкова — замечательная женщина, и мы остались с ней в самых добрых отношениях. Живет она в Москве, работает в Институте мировой литературы. Старший научный сотрудник. Часто приезжает к нам в Киев.

Сын Сергей живет со мной. Женат на украинке, замечательной девушке. В свое время чересчур бдительные люди очень не хотели видеть его студентом. Вмешался тогда Семичастный. После освобождения от должности Председателя КГБ СССР Владимир Ефимович работал первым заместителем Председателя Совета Министров Украины. Правда, и сын характер проявил — пошел в другой вуз. Сегодня он научный сотрудник, занимается радиоэлектроникой.

Старшая дочь, Нина, окончила Строгановское училище, Академию художеств в Финляндии. Ее будущий муж учился в аспирантуре МГУ. Я искренне верил, что он эстонец. Позднее признались, что он гражданин Финляндии. Мне не оставалось ничего другого, как рассмеяться: «Только этого нашей семье и недоставало!» Уехать ей разрешили.

Надя, младшая дочь, живет в Москве. Искусствовед. Растут внуки.

Из материалов по «Делу Л. П. Берия»:

«Суд установил, что начало преступной изменнической деятельности Берия Л. П. и установление им тайных связей с иностранными разведками относится еще ко времени гражданской войны... В последующие годы, вплоть до своего ареста, Берия Л. П. поддерживал и расширял тайные связи с иностранными разведками. На протяжении многих лет Берия Л. П. и его соучастники тщательно скрывали и маскировали свою вражескую деятельность... Виновность всех подсудимых полностью доказана... Признали себя виновными в совершении тягчайших государственных преступлений... Установлена виновность подсудимого Берия Л. П. в измене Родине, организации антисоветской заговорщицкой группы в целях захвата власти и восстановления господства буржуазии, совершении террористических актов против преданных Коммунистической партии и народам Совет-

ского Союза политических деятелей, в активной борьбе против революционного рабочего движения... Приговорить... к высшей мере уголовного наказания — расстрелу с конфискацией лично ему принадлежащего имущества, с лишением воинских званий и наград. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит».

История не знает сослагательного наклонения, и все же допустим, что Берия таки решил бы взять власть и что-то изменить в той несчастной стране. Кто оказался бы в оппозиции к новому главе государства? Кто пошел бы за ним?

Поддержка так называемого «империалистического лагеря», естественно, не в счет... Думаю, пошел бы Георгий Константинович Жуков, пошли бы генерал Штеменко, командующий Московским гарнизоном генерал Артемьев. За ними была серьезная сила — армия. Я не знаю, какую позицию заняли бы части МВД, но то, что к захвату власти отец не готовился, это однозначно. Претендентов на власть после смерти Сталина в Кремле было предостаточно. Дальнейший ход событий это показал...

В оппозиции к отцу стоял партийный аппарат. Както читал в еженедельнике «АиФ» откровения некоего аппаратчика, проработавшего в ЦК КПСС больше тридцати лет.

«Когда умер Сталин, мы все тряслись, — признается этот «солдат партии», — не пришел бы Берия. Если бы он пришел, то убрал бы прежде всего весь партийный аппарат...»

Повторяю: отец диктатором быть не собирался. Но у аппаратчиков всегда был чрезвычайно развит инстинкт самосохранения. Если бы его тогда поддержали члены кремлевского руководства, какие-то реформы безусловно начались бы. А их-то и боялись в основной своей массе партийные функционеры.

Первым лицом в государстве отец не мог стать хотя бы по одной причине: после стольких лет правления одного грузина приходит другой... Это в такой стране по меньшей мере несерьезно.

Я много думал, вполне понятно, обо всем этом, встречался с людьми, которые могли бы пролить свет на тайну гибели моего отца. И кое-что мне действительно удалось. Я уже говорил о встречах с Георгием Константиновичем Жуковым. Мог быть и еще один разговор. Маршал очень хотел меня видеть, возможно, что-то хо-

тел сказать еще, но встреча так и не состоялась... У меня нет никаких сомнений на этот счет: меня не пустили к Жукову вполне сознательно. Никогда не забуду его слова: «Если бы твой отец был жив, я был бы вместе с ним...»

В пятьдесят восьмом я встретился со Шверником, членом того самого суда: его дочь занималась радиотехникой, и мы были знакомы. Могу, говорит, одно тебе сказать: живым я твоего отца не видел. Понимай как знаешь, больше ничего не скажу.

Другой член суда, Михайлов, тоже дал мне понять при встрече на подмосковной даче, что в зале суда сидел совершенно другой человек, но говорить на эту тему он не может...

А зачем, спустя годы, посылал записки и искал встречи с моей матерью Хрущев? Затем дважды — Микоян? Почему никто и никогда не показал ни мне, ни маме хотя бы один лист допроса с подписью отца?

Нет для меня секрета и в том, почему был убит мой отец. Считая, что он имеет дело с политическими деятелями, отец предложил соратникам собрать съезд партии или хотя бы расширенный Пленум ЦК, где и поговорить о том, чего давно ждал народ. Отец считал, что все руководство страны должно рассказать — открыто и честно! — о том, что случилось в тридцатые, сороковые, начале пятидесятых годов, о своем поведении в период массовых репрессий. Когда, вспоминаю, он сказал об этом незадолго до смерти дома, мама предупредила:

— Считай, Лаврентий, что это твой конец. Этого они тебе никогда не простят...

Ни мама, ни все мы и думать тогда не могли, чем все это обернется для нашей семьи. Мама имела в виду конец политической карьеры отца, не больше. «Соратники» пошли дальше... И Хрущеву, и Маленкову, и остальным действительно было чего бояться в таком случае.

Убежден: была разыграна тогда и национальная карта. По этому признаку отца и «подставили», списав со временем на него репрессии против миллионов невинных жертв коммунистической Системы.

«Даже когда мы многое узнали после суда над Берия, мы дали партии и народу неправильные объяснения и все свернули на Берия. Он казался нам удобной фигурой, и мы сделали все, чтобы выгородить Сталина».

Здесь, как видите, Никита Сергеевич Хрущев более откровенен...

Вот уже многие годы я все жду, что наконец-то откроют архивы. Тогда и стало бы ясно, кто повинен в массовых репрессиях. Что-что, а архивное дело в СССР было неплохо всегда поставлено. При желании даже после хрущевских «чисток» что-то можно найти. Уже и Советского Союза давно нет, а секреты Кремля остались.

Из газеты «Комсомольская правда» (18 июня 1993 г.):

«...не все однозначно в нашем прошлом. Даже с таким, например, хрестоматийным злодеем, как Берия. Недавно главный архивариус России Рудольф Пихоя на основе прочитанных им документов заявил, что ключевой фигурой сталинских репрессий был не Берия, а Маленков».

И тем не менее вот уж четыре десятилетия в представлении миллионов людей Лаврентий Берия — скопище всех мыслимых и немыслимых пороков, тот самый «хрестоматийный злодей», которым пыталась представить его партийная пропаганда.

Кто-то из современных историков недавно заметил: о Берия написано и много и почти ничего. Трудно не согласиться. Домыслы и откровенные сплетни действительно не в счет. Неужели все мы столь наивны, что до сих пор боимся признать, что тогда, в пятьдесят третьем, партийная верхушка, действительно повинная в злодеяниях против собственного народа, просто-напросто расправилась с последовательным и взвешенным политиком, списав на убитого едва ли не все преступления тоталитарной Системы? Не был мой отец — Лаврентий Павлович Берия ни английским шпионом, ни организатором и вдохновителем массовых репрессий. Имена палачей, включая «великого реформатора» Хрущева, Маленкова, известны...

Есть все основания полагать, что сознательно лгали советскому народу не только все руководители партии и государства, включая «несгибаемого узника Фороса». В сокрытии государственной тайны бывшего СССР явно заинтересованы и сегодня определенные политические круги в России. Достаточно вспомнить, что так называемое «Дело Л. П. Берия» до сих пор засекречено. К чему бы это? Впрочем, вопрос риторический...

Не в угоду сегодняшней конъюнктуре — ради восстановления исторической правды взялся я за написание

этой книги. Право читателя соглашаться со мной или спорить. Я просто предлагаю задуматься над прочитанным.

Да, отец порой ошибался, но был искренен и верен стране, которой служил. Это он, Берия, единственный из членов тогдашнего советского руководства, последовательно и открыто выступал за освобождение и полную реабилитацию миллионов людей, брошенных в тюрьмы и концлагеря. Это он, опять же единственный из членов Президиума ЦК, потребовал созыва внеочередного партийного съезда и полного отчета всего кремлевского руководства за все, что случилось. Ответом партийной верхушки стало убийство и, что не менее страшно, потоки лжи, сопровождающие имя моего отца и спустя десятилетия после его трагической гибели.

Мудрый политический деятель, прекрасный аналитик и выдающийся организатор, просто умный и талантливый человек явно не вписывался в команду беспринципных кремлевских деятелей, переживших своего хозяина и дерущихся за оставленное наследство. Яркая личность и серость, рвущаяся к власти, несовместимы. Понимал ли тогда, в пятьдесят третьем, это мой отец? Неужели он искренне верил, что Хрущев, Маленков и другие признаются в своих преступлениях? Или сам собирался рассказать на съезде о злодеяниях большевистской партии? Не случайно, видимо, так беспокоили партийную верхушку личные архивы первого заместителя Председателя Совета Министров СССР...

Кто знает, как сложилась бы история Советского государства, не пойди Хрущев и его ближайшее окружение, столь же повинное в массовых репрессиях, как и новоявленный партийный лидер, на политическое убийство. Возможно, именно тогда был упущен исторический шанс, обернувшийся спустя много лет бездарно проваленной перестройкой? Жизнь ведь все равно доказала правоту моего отца, но уже были потрачены годы на многочисленные эксперименты, а затем и само когда-то сильное государство кануло в Лету...

Можно, конечно, с позиций сегодняшнего дня рассуждать и по-другому: Система, которую он стремился реформировать, была обречена изначально. Наверное, и в этом его ошибка. Пусть так. Но у каждого времени свои политики и свои герои. Наверное, тогда, весной пятьдесят третьего, отец и без того сделал больше, чем мог, — бросил вызов Системе, призвал большевистскую

партию к ответу перед народом. Ни до него, ни после в Кремле такого не было, а провозглашенная на весь мир перестройка оказалась всего лишь неудачной реализацией идей, выдвинутых им за три десятилетия до «исторического» Пленума 1985 года. Впрочем, партийная номенклатура никогда не забывала, что новое — это хорошо забытое старое...

Смею предположить: все, что писали вчера и пишут сегодня о моем отце — Лаврентии Берия, ровным счетом ничего не изменит — в Историю он так или иначе войдет как здравомыслящий политический деятель советской эпохи, работавший во благо своей страны и своего многонационального народа, до последних дней своей жизни боровшийся за то, чтобы его государство свернуло с рельсов тоталитаризма.

Мы верим, что так и будет. Историю можно переписать — так уже бывало не раз, и при Ленине, и при Сталине, и при Хрущеве, и при Брежневе, и при Горбачеве. Лишить народ исторической памяти раз и навсегда — невозможно. Мифы, даже возведенные в ранг государственной тайны, к счастью, не вечны...

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Серго Лаврентьевич Берия (С. А. Гегечкори) родился 24 ноября 1924 года в городе Тбилиси. В 1938 году, окончив семь классов немецкой и музыкальной школ, вместе с семьей переехал в Москву, где в 1941 году, после окончания средней школы № 172, был зачислен в Центральную радиотехническую лабораторию МВД СССР.

В первые дни войны добровольцем по рекомендации райкома комсомола направлен в разведшколу, в которой на ускоренных трехмесячных курсах получил радиотехническую специальность и в звании техника-лейтенанта начал службу в армии. По заданию Генерального штаба выполнял ряд ответственных заданий (в 1941 г. — Иран, Курдистан; в 1942 г. — Северо-Кавказская группа войск).

В октябре 1942 года приказом наркома обороны С. Берия направляется на учебу в Ленинградскую военную академию связи имени С. М. Буденного. За время учебы он неоднократно отзывался по личному указанию Верховного Главнокомандующего и Генерального штаба для выполнения специальных секретных заданий (в 1943—1945 гг. — Тегеранская и Ялтинская конференции глав государств антигитлеровской коалиции; 4-й и 1-й Украинские фронты). За образцовое выполнение заданий командования награжден медалью «За оборону Кавказа» и орденом Красной Звезды.

В 1947 году после окончания с отличием Военной академии С. Берия решением правительства направляется в проектно-конструкторскую организацию п/я 1323 (впоследствии знаменитый КБ-1), где по июль 1953 года работал в должностях главного инженера, Главного конструктора. За успешное выполнение правительственного задания по созданию новых образцов вооружения — ракетных систем — награжден орденом Ленина и удостоен Государственной премии СССР. Работая в КБ-1, С. Берия в 1948 году защитил кандидатскую, а в 1952-м — докторскую диссертации.

В связи с «Делом» отца — Л. П. Берия он в июле 1953 года был арестован и до конца 1954 года содержался в одиночном заключении сначала в Лефортовской, а затем в Бутырской тюрьмах.

После освобождения из заключения и вручения ему паспорта на имя Сергея Алексеевича Гегечкори С. Берия отправлен в ссылку на Урал. В городе Свердловске, находясь под постоянной «опекой», он почти десять лет проработал в должности старшего инженера в организации п/я 320. По ходатайству перед правительством группы видных ученых страны в связи с болезнью матери — Нины Теймуразовны ему был разрешен перевод в город Киев в организацию п/я 24, преобразованную впоследствии в НИИ «Квант». Здесь до сентября 1988 года он работал ведущим конструктором, начальником сектора, начальником отдела, а затем переведен на должность заведующего отделом системного проектирования, Главным конструктором комплекса Отделения новых физических проблем ИПМ Академии наук Украинской ССР С 1990 года С. Берия (С. А. Гегечкори) — научный руководитель, Главный конструктор Киевского филиала ЦНПО «Комета». В настоящее время он возглавляет НИИ «Комета» и является его Главным конструктором.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издателя 3
Глава 1 Начало пути *5*
Глава 2. Сталин и Берия 44
Глава 3. Лубянка: карающий меч партии? 74
Глава 4. В лабиринтах разведки 123
Глава 5. Война 164
Глава 6. Тегеран, 43. Трудные месяцы 231
Глава 7 Ялта, 45 245
Глава 8. Ядерный щит 257
Глава 9 Тайна Великой Княгини 307
Глава 10. У старых грехов длинные тени 325
Глава 11 В тисках Системы 375

Коротко об авторе 429

Серия «Осмысление века: дети об отцах»

Документально-художественное издание

БЕРИЯ СЕРГО

МОЙ ОТЕЦ – ЛАВРЕНТИЙ БЕРИЯ

Редакторы **А. В. Диенко, В. Я. Суглобов**
Художник **В. С. Комаров**
Художественный редактор **В. В. Покатов**
Технический редактор **В. И. Тушева**
Корректоры **Г. А. Голубкова, Т. Г. Люборец**

ЛР № 010006
03.10.1991 г.

ИБ № 6614
Подписано к печати 18.04.94. Формат 84x108/32. Гарнитура таймс. Печать высокая.
Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 22,68 + вкл. 1,68. Усл. кр.-от. 24,41. Уч.-изд. л. 27,78.
Тираж 125 000 экз. Заказ 5153 С 033

Издательство «Современник»
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62
Факс 941-35-44
Тел. 941-29-18 (приобретение тиража)

Отпечатано с готовых диапозитивов на Книжной фабрике № 1
Комитета РФ по печати.
144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25